

МОРСКОЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОРСКИМЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ.

Томъ XL.

№ 4.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

1859.

Печатать позволено. С. Петербургъ, 3 Апрѣля 1859 г.

Предсѣдательствующій въ М. Уч. Ком., Вице-Адмиралъ *Матюшкинъ*.

Цензоръ, *П. Новосильскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 4-го Морскаго Сборника.

I. ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

	<i>Стр.</i>
Высочайшіе приказы по Морскому ведомству	xxv
Высочайшія награды	xxxiii
Пожалованіе иностраннымъ орденомъ	xxxiii
Денежныя пособія изъ особаго капитала 67 т. р.	xxxiii
Денежное пособіе на воспитаніе дѣтей	xxxvi
Приказы Управляющаго Морскимъ Министерствомъ	lш
Циркуляры Инспекторскаго департамента	ьхп
Объявленія: отъ Инспекторскаго департамента	lxxxiv
» Морскаго Ученаго Комитета	lxxxiv

II. ОФИЦІАЛЬНЫЯ СТАТЫИ И ИЗВѢСТІЯ.

Отчетъ Управляющаго Гидрографическимъ департаментомъ Морскаго Министерства, Генералъ-Маіора Зеленаго, за 1858 годъ . .	111
Отчетъ Управляющаго Строительнымъ департаментомъ Морскаго Министерства, Генералъ-Маіора Роде, за 1858 годъ . . .	190
Извлеченіе изъ отчета Директора Артиллерійскаго департамента Морскаго Министерства, Генералъ-Маіора Терентьева, за 1858 годъ	255

Медицинскій отчетъ о кампаніи 46 пушечнаго винтоваго фрегата «Аскольдъ» въ 1857—1858 годахъ, представленный Старшимъ Медикомъ на фрегатѣ.	279
Извѣстія о плаваніи нашихъ судовъ за границей:	
Рапортъ Командира винтоваго клипера «Пластунъ», Капитанъ-Лейтенанта Мацкевича	298
Рапортъ Командира винтоваго клипера «Джигитъ», Капитанъ-Лейтенанта Майделя.	302
Корабль «Синопъ».	305
Фрегатъ «Громобой».	306
Корабль «Ретвизанъ».	307
Фрегатъ «Палканъ».	307
Пароходъ «Рюрикъ».	308
Корветъ «Медвѣдь».	309
Извѣстіе о плаваніи отряда судовъ, отправившагося къ берегамъ Амура, подъ начальствомъ Флигель-Адъютанта Попова. . .	309
Пожертвованія.	311
Приемъ пожертвованій на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ.	312

III. ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Поѣздка по Низовьямъ Днѣпра. <i>Аванасьева-Чужбинскаго</i>	257
Морская записка во Франціи. <i>Князя Львова</i>	287
Духовая сила, какъ движитель. <i>С. Барановскаго</i>	329
О лагахъ и лотахъ. <i>Н. Кортуева</i>	341
Литье орудій въ Американскихъ штатахъ (продолженіе). Лейт. <i>Можайскаго</i>	365
Преобразование въ англійскомъ флотѣ въ теченіе нынѣшняго столѣтія, въ отношеніи размѣреній, формъ и способовъ движенія судовъ и средствъ для нападенія и обороны. Съ англійскаго, <i>С. Елагина</i>	383
Очеркъ исторіи нѣкоторыхъ судовъ русскаго флота. Лейт. <i>Зейделя</i>	413
Замѣчанія при плаваніи отъ острововъ Теусима до Николаевска К.-А. <i>Кузнецова</i>	431

Участвіе пароваго флота въ континентальныхъ войнахъ. Съ франц.	
II. I' — на	443
Рускій коммерческій флотъ по 1-е Января 1858 года (продолженіе).	
В. Мельницкаго	487

IV. СМѢСЬ.

Объясненіе на статью: Нѣсколько словъ о Кронштадтскомъ Морскомъ госпиталѣ въ сравненіи съ Рошфорскимъ <i>Н. Р.</i> , и замѣтка на эту статью, Глави. Доктора <i>Ланга</i>	69
Повѣрка и проба двухъ орудій отлитыхъ для фрегата «Генераль-Адмиралъ». Лейтенанта <i>Н. Можайскаго</i>	79
Приспособленіе для перемѣны станковъ на судахъ американскаго флота. Лейтенанта <i>Можайскаго</i>	84
Пушка Армстронга. <i>А. Пещурова</i>	85
Машина для рѣзнія ремней. <i>Н. Можайскаго</i>	89
Дисковая паровая машина и дисковая помпа (disc engine). Съ англійскаго, Поручика <i>Чванова</i>	90
Сандвичевы острова въ 1858 году.	93
Расположеніе неаполитанскаго флота въ Январѣ 1859 года . . .	105
Британскій и французскій флоты	107
Перестройка флота	109
Морскія школы въ Англіи.	112
Малайскіе пираты	116
Экспедиція на Шпицбергенъ	121
Извѣстія изъ портовъ	123
Бѣдствія на морѣ.	141
Разныя извѣстія	152

V. БИБЛИОГРАФІЯ.

17. Первый шагъ на морѣ, соч. И. фонъ-Шандъ. <i>В. М.</i> . . .	25
18. Описаніе войны между Россією и Швецією, въ Финляндіи, въ 1741, 1742 и 1743 годахъ, соч. Шпилевской. Лейтенанта <i>Зейделя</i>	35

19. Учебныя руководства морскаго кадетскаго корпуса: Ариметика, соч. А. Зеленаго. А. Д.	39
20. Исторія рѣки Амура	50
21. Die Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk, von W. Heine.	52
22. Rang und Quartier-Liste der Koenigl. Preussischen Armee und Marine fuer das Jahr 1858.	54
Новыя книги.	55

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Лоцманскія замѣтки.	43
-----------------------------	----

Каталогъ атласамъ, картамъ и инструментамъ, продающимся отъ
Гидрографическаго департамента Морскаго Министерства.

Восемь листовъ чертежей къ статьѣ: Литье орудій въ Американскихъ Штатахъ.
Листъ чертежей къ статьѣ: Приспособленіе для перемѣны станковъ на судахъ
американскаго флота.

Листъ чертежей къ статьѣ: Машина для рѣзанія ремней.

Десять полнотипажныхъ рисунковъ къ статьѣ: О лагахъ и лотахъ.

Карточка къ статьѣ: Замѣчанія при плаваніи отъ острововъ Теусима до Нико-
лаевска.

Три полнотипажныхъ рисунка къ статьѣ: Пушка Армстронга.

Полнотипажный рисунокъ къ статьѣ: О дисковой машинѣ.

О П Е Ч А Т К И

№ 3-го 1859 года.

	Стри.	Строка.	Напеч.	Читай.
См.	20	16 снизу	Бордо,	Борда,
—	37	16 сверху	сгушѣваться.	смириться.
—	61	11 —	люковъ,	портовъ,

1.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

О ЧИНАХЪ ВОЕННЫХЪ.

№ 234. Въ С. Петербургѣ; 2-го Марта, 1859.

переводятся: Помощникъ Начальника Аральской флотилии, состоящій по флоту, Капитанъ-Лейтенантъ **Крыловъ**, въ 14-й Флотскій экипажъ, и 16-го Флотскаго экипажа, Лейтенантъ **Пазухинъ 2-й**, въ Морской Кадетскій Корпусъ.

отчисляется отъ должности, за штатомъ, Коммисіонеръ Морскаго Министерства въ Москвѣ, состоящій по Министерству, Полковникъ **Ивковъ 1-й**, съ оставленіемъ по Министерству.

продолжается срокъ отпуска, 11-го Флотскаго экипажа, Мичману **Суворову**, по домашнимъ обстоятельствамъ, внутри Имперіи, на четыре мѣсяца.

увольняется въ безсрочный отпускъ, Корпуса Морской Артиллеріи, Поручикъ **Подобѣдовъ**, съ зачисленіемъ по Корпусу.

увольняются отъ службы: состоящіе по Ластовымъ экипажамъ, Подполковники: **Гудимма**, Полковникомъ; **Васильевъ 1-й** и **Крузе**; Маіоры:

пр.

3

Илановъ 2-й, Чухинъ, Заиретскій, Луговскій и Родіоновъ, — Подполковниками; Капитаны: **Ромашкевичъ-Горбъ, Захаровъ 1-й, Кишневскій, Пучеческій, Краевскій, Козьминъ, Страусовъ, Чвановъ 4-й, Сивоконенко и Михайловъ 1-й** и бывшаго 12-го Рабочаго экипажа: **Константиновъ 1-й**, — Маіорами; бывшаго 13-го Рабочаго экипажа, Подпоручикъ **Бабковъ**, Поручикомъ, и состоящій по Арсенальнымъ ротамъ Корпуса Морской Артиллеріи, Прапорщикъ **Поляковъ**, Подпоручикомъ. *За ранки*, 43-го Флотскаго экипажа, Капитанъ 2-го ранга **Бахталовскій**, Капитаномъ 1-го ранга. *За болѣзню*: состоящіе по Ластовымъ экипажамъ: Подполковникъ **Поповъ 1-й**, Полковникомъ и Прапорщикъ **Петровъ**, Подпоручикомъ; — всѣ двадцать четыре съ мундирами и пенсіонами по положенію.

исключаются изъ списковъ, *умершіе*: Старшій Адыютантъ Штаба Каспійской Флотской бригады, состоявшій по флоту, Капитанъ-Лейтенантъ **Рогаль-Левицкій 1-й** и Астраханской Ластовой роты, Штабсъ-Капитанъ **Петровъ 1-й**.

№ 235. Въ С. Петербургѣ; 9-го Марта, 1859.

Государь Императоръ, при посѣщеніи 7-го числа сего мѣсяца города Кронштадта, осмотрѣвъ Штурманское Училище, Модель-Камеру, вновь строющійся фортъ «Константинъ», помѣщеніе Благороднаго собранія и Сфицерской библіотеки, Пароходный заводъ и гавань, изволилъ присутствовать при цѣльной стрѣльбѣ Офицеровъ въ стрѣльбищѣ и при пальбѣ изъ орудій за городомъ, съ Учебной батареи. Найдя помянутыя учрежденія, къ полному Своему удовольствію, въ порядкѣ и чистотѣ, а цѣльную стрѣльбу офицерскую и пальбу изъ орудій, части команды Учебнаго артиллерійскаго корабля «Прохоръ», весьма удовлетворительно, — объявляетъ Монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ поименованныхъ учрежденій; нижнимъ же чинамъ стрѣлявшимъ изъ орудій съ Учебной батареи, Его Величество Всемилостивѣйше жалуетъ по рублю серебромъ на челоѣка.

№ 236. Въ С. Петербургѣ; 16-го Марта, 1859.

произволятся, *за службу* *лѣтъ, и по экзамену*: Флотскихъ экипажей: 7-го, Юнкеръ Кодебу, въ Мичманы, со старшинствомъ съ 16 го Сентября 1858 года и съ оставленіемъ въ томъ же экипажѣ и 46-го, Боцманъ-Фельдфебель Ниниѳоровъ, въ подпоручики, съ назначеніемъ въ Астраханскую Ластовую роту.

назначаются: Флотскихъ экипажей: 24-го, Капитанъ 2-го ранга Назимовъ 1-й — Командиромъ строящагося фрегата «Осляба»; Капитанъ-Лейтенанты: 28-го, Командиръ корвета «Новикъ», Сталь 2-й — Командиромъ строящагося фрегата «Пересвѣтъ», съ переводомъ въ 15-й экипажъ и 35-го, Вутровъ 3-й — Командующимъ 37-мъ Флотскимъ экипажемъ, съ переводомъ въ сей экипажъ; 34-го, Лейтенантъ, Адъютантъ Начальника дивизіи Черноморскихъ Флотскихъ экипажей, Верховскій 2-й — Старшимъ Адъютантомъ Штаба той же дивизіи, съ отчисленіемъ по флоту.

переводятся: Лейтенанты, Флотскихъ экипажей: 18-го, Кудрявой, въ 4-й; 32-го, Давыдовъ 5-й, въ 27-й, и 26-го, Мичманъ Чистяковъ 2-й, въ 1-й Флотскій Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала экипажъ.

продолжается срокъ отпуска, 21-го Флотскаго экипажа, Мичману Бутримову, по домашнимъ обстоятельствамъ, внутри Имперіи, на десять мѣсяцевъ.

увольняется въ отпускъ, 26-го Флотскаго экипажа, Мичманъ Розенштейеръ 2-й, за границу, для излеченія болѣзни, на шесть мѣсяцевъ, съ перваго числа будущаго Мая мѣсяца.

увольняются отъ службы: Флотскихъ экипажей: 34-го, Лейтенантъ Михаловскій 2-й, Капитанъ-Лейтенантомъ; состоящіе по Ластовымъ экипажамъ: Маіоръ Померанцовъ; Капитаны: Митиновъ, Михайловъ 2-й, Алтуховъ, Васильевъ 2-й, Чернявскій 1-й, Оводъ, Алабьевъ 1-й, Пономаревъ и Поляковъ, — Маіорами; Штабъ-Капитаны: Кузьминъ 2-й, Некрасовъ и Авазынъ, — Капитанами; Поручики: Петровъ 2-й, Квасовъ 3-й, Гиринъ и Винниченко, — Штабъ-Капитанами; Подпоручики: Федоровъ 3-й, Семеновъ 3-й и Ефимовъ 2-й, — Поручиками; Прaporщики: Назаровъ, Федоровъ и Кузьминъ 4-й, — Подпоручиками; состоящій по

Адмиралтейству, Подпоручикъ **Алемовъ**, Поручикомъ. *За болѣзнію:* Командиръ 2-го Рабочаго экипажа, Полковникъ **Сарычевъ**—Генераль-Маіоромъ, Корпуса Корабельныхъ Инженеровъ, Поручикъ **Генбачевъ**—Поручикомъ; состоящіе по Ластовымъ экипажамъ, Капитаны: **Дункертъ** и **Невзоровъ**,—Маіорами;—всѣ двадцать девять съ мундирами и пенсіонами по положенію; Прапорщикъ **Петроковскій**, Подпоручикомъ и съ пенсіономъ по положенію. *По домашнимъ обстоятельствамъ:* уволенный для службы на коммерческихъ судахъ, числящійся по флоту, Лейтенантъ **Баронъ Энгельгардтъ**—Капитанъ-Лейтенантомъ и съ мундиромъ; 26-го Флотскаго экипажа, Мичманъ **Нихайловъ 6-й**—Лейтенантомъ, состоящій по Корпусу Инженеръ-Механиковъ, Штабъ-Капитанъ **Шаминъ**, съ мундиромъ; Корпуса Инженеровъ Морской Строительной части: Штабъ-Капитанъ **Розовъ**, Капитаномъ и Поручикъ **Поповъ 2-й**, Штабъ-Капитаномъ,—оба съ мундирами.

исключаются изъ списковъ, умершіе: состоявшіе по Морскому Министерству, Генераль-Лейтенантъ **Бурнашевъ** и при 2-й Флотской дивизіи, Контръ-Адмиралъ **Броунъ**; 2-го Рабочаго экипажа, Капитанъ **Максимовъ 1-й** и 2-го Ластоваго экипажа, Подпоручикъ **Ильинъ**.

О ЧИНАХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ.

№ 182. Въ С. Петербургѣ; 2-го Марта, 1859.

производится, *за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ:* изъ Коллежскихъ, въ Статскіе Совѣтники: Медицинскіе Инспекторы: Астраханскаго порта, **Панченко**, съ 29 го Декабря 1858 года, и Свеаборгскаго порта, **Рудзевскій**, съ 31-го Декабря 1858 года. Изъ Надворныхъ, въ Коллежскіе Совѣтники: Помощники Главныхъ Докторовъ Морскихъ госпиталей: Николаевского—**Гудимъ-Левковичъ**, съ 24-го Іюля 1858 года, Кронштадтскаго—**Груббе**, съ 27-го Декабря 1858 года; Старшій врачъ Инженернаго и Артиллерійскаго училища, **Камеенецкій**, съ 14-го Декабря 1858 года. Изъ Коллежскихъ Ассесоровъ, въ Надворные Совѣтники: Старшій врачъ 1-го Рабочаго экипажа, **Шредеръ**, съ 24 го Февраля 1858 года; Старшіе Ординаторы Кронштадтскаго Морскаго госпиталя: **Бетискій** съ 23-го

Сентября 1858 года и **Лемкуль**, съ 7-го Февраля сего года; Старшіе врачи, Флотскихъ экипажей: 30-го, **Лисаевичъ**, съ 23-го Августа 1858 года; 37-го, **Миштольдъ**, съ 1-го Ноября 1858 года и Учитель Морскаго Кадетскаго Корпуса, **Саксъ**, съ 21-го Октября 1858 года. Изъ Титулярныхъ Совѣтниковъ, въ Коллежскіе Ассесоры: Врачъ Артиллерійскаго департамента Морскаго Министерства, **Купинскій**, съ 6-го Іюня 1857 года; Младшіе врачи, Флотскихъ экипажей: 5-го: **Пановъ**, съ 7-го Іюля, и **Иванкевичъ**, съ 10-го Марта 1857 года; 6-го: **Жуковский** и **Смирновъ**,—оба съ 10-го Марта 1857 года; 7-го, **Ледерле** и 11-го, **Васильевъ**,—оба съ 7-го Іюля 1857 года; 13-го, **Сорокинъ**, съ 10-го Марта 1857 года; 14-го: **Колтоновскій**, съ 31-го Января, и **Казинъ**, съ 7-го Іюля 1857 года; 15-го, **Кудринъ**, съ 7-го Іюля 1857 года; 17-го, **Зибертъ**, съ 10-го Марта 1857 года; 18-го, **Лебедевъ**, съ 7-го Іюля 1857 года; 22-го, **Розовъ**, съ 10-го Марта 1857 года; 25-го: **Галузинскій**, съ 10-го Марта, и **Васотскій**, съ 7-го Іюля 1857 года; 26-го: **Виноградовъ**, **Соколовъ**, **Георгіевскій** и **Корнеевъ**,—всѣ четыре съ 10-го Марта 1857 года; 45-го: **Рапчинскій**, съ 7-го Іюля, **Муравскій** и **Незабитовскій**, съ 10-го Марта 1857 года; 4-й роты 3-го Ластоваго экипажа, **Сутоцкій**, Астраханской Ластовой роты, **Наливайко** и Морскаго Кадетскаго Корпуса, **Напелло**,—всѣ три съ 10-го Марта 1857 года; Морскаго Кадетскаго Корпуса, **Бенеде**, съ 21-го Іюля 1857 года; Младшіе Ординаторы Морскихъ госпиталей: Ижорскаго, **Александревъ**, съ 10-го Марта 1857 года; Калининскаго, **Масловъ**, съ 7-го Іюля 1857 года; Николаевскаго, **Кучевскій**, съ 10-го Марта 1857 года и бывшій Младшій врачъ 35-го Флотскаго экипажа, состояшій на службѣ на коммерческихъ судахъ, **Поливановъ**, съ 7-го Іюля 1857 года. Изъ Коллежскихъ Секретарей, въ Титулярные Совѣтники, Управляющій аптекою Николаевскаго Морскаго госпиталя, Провизоръ **Мазингъ**, съ 14-го Февраля 1857 года. Изъ Губернскихъ, въ Коллежскіе Секретари: Надзиратель за грузомъ на Каспійскихъ почтовыхъ пароходахъ, **Кудрявцевъ**, съ 16-го Мая 1857 года; Регистраторъ Конторы надъ Архангельскимъ портомъ, **Андреевъ**, съ 9-го Декабря 1856 года, и Учитель Морскаго Кадетскаго Корпуса, **Эбергардъ**, съ 7-го Ноября 1858 года. Изъ Коллежскихъ Регистраторовъ, въ Провинціальные Секретари: Коммисаръ 44-го Флотскаго экипажа, **Поликарповъ**, съ 1-го Января сего года; Унтеръ-Цейхвахтеры Корпуса Морской Артиллеріи: **Пархуновъ**, съ 21-го Декабря и **Ивановъ**,

съ 31-го Августа 1858 года, и Содержатель лѣсовъ при С. Петербургскомъ портѣ, Горковенко, съ 9-го Октября 1858 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинѣ титулярнаго совѣтника: Младшіе врачи, Флотскихъ экипажей: 19-го, **Сибиряковъ**, съ 10-го Марта 1854 года; 26-го, **Беатеръ**, съ 20-го Октября 1854 года; 29-го, **Карасевичъ**, съ 7-го Іюля 1854 года; 33-го, **Шеломовъ**; 38-го, **Рессоловскій** и 41-го, **Леберъ**,—все три съ 20-го Октября 1854 года; 43-го, **Лобановъ**, съ 7-го Іюля 1854 года; 44-го, **Зимодро**, съ 20-го Октября 1854 года; 46-го, **Савостьяновъ**, съ 18-го Августа 1854 года; Гвардейскаго экипажа: **Нерововъ** и **Ковалевъ-Рукскій**,—оба съ 6-го Октября 1854 года; Младшіе Ординаторы Николаевскаго Морскаго госпиталя: **Оленинскій**, съ 20-го Октября и **Черемшницъ**, съ 7-го Іюля 1854 года.

ОТДАЕТСЯ СТАРШИНСТВО въ настоящемъ чинѣ: Младшему Коллатору Строительнаго департамента, Коллежскому Секретарю **Мессу**, съ 9-го Февраля 1857 года.

ПЕРЕЧИСЛЯЕТСЯ, состоящій по Морскому Министерству, Коллежскій Секретарь **Козловъ**, изъ Морскаго Министерства на службу при Статсъ-Секретарѣ, Дѣйствиельномъ Тайномъ Совѣтникѣ, Баронѣ Корфѣ.

УВОЛЬНЯЕТСЯ въ отпускъ, Помощникъ Столоначальника Комисаріатскаго департамента, Титулярный Совѣтникъ **Дмитріевъ**, для излеченія болѣзни, за границу, на четыре мѣсяца.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ, *за штатомъ*: Московскаго Адмиралтействъ-Комисіонерства: Помощникъ Комисіонера, Титулярный Совѣтникъ **Хмыровъ** и Письмоводитель, Губернскій Секретарь **Далбининъ**, и Комисарь бывшаго 17-го Рабочаго экипажа, 13-го класса **Филатьевъ**.

№ 184. Въ С. Петербургѣ; 16-го Марта, 1859.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, *за отличіе по службѣ*: Кораблестроительнаго департамента, писарь **Никитинъ**, въ Коллежскіе Регистраторы, съ назначеніемъ Содержателемъ Канатнаго завода при Кронштадтскомъ портѣ. *За выслугу лѣтъ, со старшинствомъ*: изъ Коллежскихъ въ Статскіе Совѣтники, Начальникъ Отдѣленія Артиллерійскаго департамента, **Деръ**, съ 12 Февраля

сего года. Изъ Надворныхъ, въ Коллежскіе Совѣтники: Библіотекаръ Гидрографическаго департамента, **Кухтинскій**, съ 13 Февраля сего года, и Начальникъ Отдѣленія Кораблестроительной экспедиціи Черноморскаго Интендантства, **Андрущенко**, съ 23 Октября 1858 года. Изъ Коллежскихъ Ассесоровъ, въ Надворные Совѣтники: Исправляющій должность Правителя Канцеляріи Завѣдывающаго Морскою частію въ Николаевѣ, **Поповъ**, съ 13-го Декабря 1858 года; Строительнаго департамента: Исправляющій должность Столначальника, **Лобановъ**, съ 5-го Сентября 1858 года, и Чинovníкъ особыхъ порученій, **Кудинъ**, съ 3-го Октября 1858 года; Старшіе врачи, Флотскихъ экипажей: 1-го Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, **Кролевецкій**; 4-го, **Кризе**; 8-го, **Витковский** и 10-го, **Карповицъ**,—все четыре съ 16-го Февраля сего года. Изъ Титулярныхъ Совѣтниковъ, въ Коллежскіе Ассесоры: первой половины 3-го Ластоваго экипажа, **Блументаль**, съ 10-го Марта 1857 года. Изъ Коллежскихъ Секретарей, въ Титулярные Совѣтники: Корректоръ Морской Типографіи, **Ивановъ**, съ 21-го Августа 1858 года; Строительнаго департамента: Помощникъ Контролера **Плаховъ**, съ 29-го Сентября 1858 года; Помощникъ Старшаго Бухгалтера, **Кузьминъ**, съ 1-го Декабря 1858 года, и Помощникъ Младшаго Контролера Хозяйственнаго Комитета Южнаго округа Морской Строительной части, **Бейманъ**, съ 8-го Сентября 1858 года. Изъ Губернскихъ, въ Коллежскіе Секретари: художникъ Черноморскаго Гидрографическаго Депо, **Меликовъ**, съ 30-го Юля 1858 года, и Помощникъ Бухгалтера Казначейства Черноморскаго Интендантства, **Яковлевъ**, съ 1-го Января сего года; Помощники Столначальниковъ: Экспедицій Черноморскаго Интендантства: Кораблестроительной, **Емельяновъ**, съ 1-го Января и **Вальдъ**, съ 11-го Февраля сего года; Артиллерійской, **Чигаревъ**, съ 16-го Января сего года; Канцеляріи завѣдывающаго Морскою частію въ Николаевѣ, **Кумачи**, съ 25-го Октября 1858 года, и Архиваріусъ Штаба Главнаго Командира Кронштадтскаго порта, **Фоминскій**, съ 1-го Января сего года; Аудиторы, Военно-Судныхъ Коммисій въ портахъ: Астраханскомъ, **Бородинъ**, съ 1-го Января сего года; Свеаборгскомъ, **Кузьминъ**, съ 13-го Октября 1858 года, и Штаба Ластовой бригады Балтійскаго флота, **Петровъ**, съ 20-го Февраля сего года. Въ Губернскіе Секретари, изъ 13-го класса: Капельмейстеръ Гвардейскаго экипажа, **Ивановъ**, съ 7-го Января сего года; изъ Коллежскихъ Регистраторовъ: Помощникъ Бухгалтера

Гидрографическаго департамента, **Платоновъ**, съ 30-го Января сего года; Унтеръ-Цейхвахтеръ Корпуса Инженеровъ Морской Строительной части, **Петлишъ**, съ 6-го Февраля сего года; гравёръ Черноморскаго Гидрографическаго Депо, **Ивановъ**, съ 1-го Сентября 1856 года; Исправляющіе должности Столоначальниковъ Дежурства Штаба завѣдывающаго морскою частію въ Николаевѣ: **Петровъ**, съ 8-го Сентября 1858 и **Мажитовъ**, съ 1-го Января сего года; Помощникъ Столоначальника Кораблестроительной экспедиціи Черноморскаго Интендантства, **Ивановъ**, съ 8-го Ноября 1858 года; Помощникъ Журналиста Канцеляріи Черноморскаго Интендантства, **Константиновъ**, съ 1-го Января сего года; Помощникъ Столоначальника Канцеляріи завѣдывающаго морскою частію въ Николаевѣ, **Курдюмовъ**, съ 1-го Марта сего года, и Помощникъ Письмоводителя Хозяйственнаго Комитета Южнаго округа Морской Строительной части, **Губановъ**, съ 1-го Января сего года. Изъ Коллежскихъ Регистраторовъ, въ Провинціальныя Секретари: мастера Севастопольской Инженерной команды Морской Строительной части: кузнечнаго дѣла—**Мазаревъ**, съ 15-го Іюня 1858 и печнаго дѣла—**Бочарниковъ**, съ 1-го Января сего года.

утверждается въ чинѣ титулярнаго совѣтника, Врачъ Арсенальной № 5-го роты, **Райковъ**, съ 6-го Октября 1854 года.

опредѣляется въ службу, уволенный отъ службы за штатомъ, Титулярный Совѣтникъ **Хишировъ**, Помощникомъ Кингс-Комписажа С. Петербургскаго порта.

увольняются отъ службы: учитель Морскаго Кадетскаго Корпуса, Коллежскій Секретарь **Ивановъ**. За болѣзнію: бывший Коммисаръ Свеаборгскаго Морскаго госпиталя, а нынѣ состоящій за штатомъ, Титулярный Совѣтникъ **Бездежский**, съ мундиромъ; Унтеръ-Цейхвахтеръ Корпуса Морской Артиллеріи, Губернскій Секретарь **Родионовъ**, Коллежскимъ Секретаремъ, съ мундиромъ и пенсіономъ по положенію, и Помощникъ Старшаго Смотрителя дѣловъ и угля при Кронштадтскомъ портѣ, Коллежскій Регистраторъ **Муракинъ**. По домашнимъ обстоятельствамъ. Начальникъ Отдѣленія Строительнаго департамента, Статскій Совѣтникъ **Николаевъ**.

исключаются изъ списковъ, умершій, физическій и математическій мастеръ Адмиралтейскихъ Изюжскихъ заводовъ, Коллежскій Секретарь **Григорьевъ**.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

ПОЖАЛОВАНИЕ МЕДАЛЮ.

Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше изволилъ наградить служащаго при Николаевскомъ Адмиралтействѣ, въ званіи конопатнаго мастера, **Ивана Давна**, за *отличную службу*, золотую медалью съ надписью: «за усердіе», для ношенія на шеѣ, на Владимирской лентѣ.

ПОЖАЛОВАНИЕ ИНОСТРАННЫМЪ ОРДЕНОМЪ.

Его Величество Король Пруссій, по случаю пребыванія Его Королевскаго Высочества Принца Альберта Прусскаго въ Новороссійскомъ краѣ, изволилъ пожаловать Исправляющему должность Севастопольскаго Полицеймейстера Капитанъ-Лейтенанту **Еертье-Делагарду**, орденъ *Краснаго орла 4 степени*.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу о семъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе и ношеніе означеннаго ордена.

ДЕНЕЖНЫЯ ПОСОБІЯ ИЗЪ ОСОБАГО КАПИТАЛА

67 000 РУБЛЕЙ.

Списокъ лицамъ, коимъ по журналу Адмиралтействъ-Совѣта (ст. 21 023), Высочайше утвержденному въ 16 день Февраля 1859 года, назначены единовременныя денежныя выдачи изъ суммы 67 т. руб., Всемилостивѣйше пожалованной на пособія въ разныхъ случаяхъ чинамъ Морскаго вѣдомства, на основаніи Высочайше утверждённаго, въ 10 день Ноября 1854 года, доклада Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала.

I. Для лицъ, коимъ предоставлено право на ежегодныя пособія.

	Руб.
Дочерямъ состоящаго по Ластовымъ экипажамъ Маіора, дѣвкамъ: Аграфскѣ, Ульянѣ, Елисаветѣ, Софіи и Евгеніи Езиковымъ	400
Вдовѣ Капитана 2 ранга, Стройникова на Январскую сего года третью	100

II. Для нуждающихся по разным случаямъ.

	Руб.
Семейству умершаго чиновника 6 класса, Кисляковскаго	100
Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, Подпоручику Харитонову	80
Компасному мастеру Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ, Губернскому Секретарю Тилеву	50
Состоящему содержателемъ при судостроеніи на Галерномъ островѣ чиновнику 13 класса, Петрову	30
Столоначальнику С. Петербургской конторы надъ портомъ, Коллежскому Ассесору Фалѣву	50
Помощнику Столоначальника С. Петербургской Конторы надъ портомъ, Коллежскому Регистратору Андрусову	30
Вдовѣ Поручика Корпуса Морской Артиллеріи, Незагѣй Маниной . . .	50
Находящемуся при Архангельскомъ портѣ, состоящему по Адмиралтейству, Подполковнику Жевахову	100
Морскаго Кадетскаго Корпуса, Лейтенанту Сарычеву	100
Корпуса Морской Артиллеріи, Прапорщику Харитонову	40
Дочери умершаго Подполковника, дѣвицѣ Екатеринѣ Секоловой . . .	40
Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, Прапорщику Недомогину	50
Вдовѣ Коллежскаго Ассесора, Врамадеа	40
Корпуса Флотскихъ Штурмановъ: Штабсъ-Капитану Шпартенкову . .	80
Тогоже Корпуса, Прапорщику Маріонову 2-му	50
Вдовѣ Майора, Аграфенѣ Ершевой	40
Вдовѣ Капитана 2 ранга, Елисаветѣ Зелениной	80
Старшему Контролеру Черноморской Ревизіонной Коммисіи Коллежскому Ассесору Лобанову	60
Вдовѣ Генераль-Майора, Попандопуло	100
15 Флотскаго экипажа, Лейтенанту Зеленину	315
Уволенному отъ службы, Коллежскому Регистратору Можарову . . .	30
Вдовѣ Майора, Аннѣ Ангазиной	40
Вдовѣ Губернскаго Секретаря, Ольгѣ Ведерниковой	30
Вдовѣ Капитана, Марѣ Краевой	40
Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, Подпоручику Безаду	60
Командиру Военно-рабочей № 3 роты Морской Строительной части, Капитану Попову	80
Вдовѣ Подпоручицъ, Незагѣй Изановой	40

	Руб.
Вдовѣ Капитана, Евросиньи Сергѣевой	40
На отправленіе изъ Николаева въ больницу всѣхъ Скорбящихъ, Подпоручика Рѣбинскаго	101р.81 ¹ / ₄ к.
Помощнику Столоначальника Конторы С. Петербургскаго порта, Коллежскому Ассесору Шевякову	30
Помощнику Библиотекера Гидрографическаго департамента, 8 класса Ушинскому	50
17 Флотскаго экипажа, Лейтенанту Шипунову	100
10 Флотскаго экипажа, Лейтенанту Болсунову	100
Вдовѣ Коммисара 14 класса, Устинѣ Максимовой	25
Вдовѣ Губернскаго Секретаря, Педагогъ Лапиной	25
25 Флотскаго экипажа, Лейтенанту Барташевичу	100
Корпуса Инженеръ-Механиковъ, Прапорщику Каменскому	60
Состоящему по Адмиралтейству, Капитану Пуляеву	70
Коммисару 9 Рабочаго экипажа, 10 класса Султанову	30
Вдовѣ чиновника 13 класса, Марѣ Ягуловой	30
Вдовѣ Коллежскаго Секретаря, Елисаветѣ Шубиной	30
Корпуса Морской Артиллеріи, Подпоручику Скверчинскому	60
Командиру Военно-Рабочей № 4 роты Морской Строительной части, Поручику Зарудяеву	80
Физическому мастеру Адмиралтейскаго Ижорскаго завода, Коллеж- скому Секретарю Григорьеву	50
Помощнику младшаго Контролера Коммисаріатскаго департамента, Коллежскому Ассесору Кирilloву	60
Состоящему при Коммисаріатскомъ департаментѣ для порученій, Поручику Тыртову	50
Дочерямъ умершаго Контръ-Адмирала, дѣвцамъ: Надеждѣ и На- таліи Селивановымъ	100
Уволенному отъ службы, Губернскому Секретарю Матвѣеву	50
Модельному мастеру, состоящему по Адмиралтейству, Подпоручику Второву	50
Находящемуся при Инженерномъ и Артиллерійскомъ Училищѣ Мор- скаго вѣдомства, Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, Подпоручику Таранцову 2-му	60

	Руб.
Морскаго Кадетскаго Корпуса, Капитанъ-Лейтенанту Герингу 1-му, на возмѣщеніе убытковъ отъ пожара	150
26 Флотскаго экипажа, Мичману Федотову 3-му	80
9 Флотскаго экипажа, Капитанъ-Лейтенанту Комаровскому, на воз- мѣщеніе убытковъ отъ пожара	100
Вдовѣ Подпоручика, Федосьѣ Ивановой, на погребеніе тѣла ея мужа.	40
Вдовѣ чиновника 9 класса, Александрѣ Нѣмчиновой, на возмѣще- ніе убытковъ отъ пожара	30
Состоящему при Гидрографическомъ департаментѣ, Корпуса Флот- скихъ Штурмановъ, Прапорщику Карандашеву 2-му	50
Всего опредѣлено въ выдачу <i>три тысячи восемь сотъ шесть руб. восемьдесятъ одна съ четвертью коп.</i>	

ДЕНЕЖНОЕ ПОСОБІЕ НА ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

По Высочайше утвержденному въ 24-й день Ноября 1855 года, всеподданнѣйшему докладу Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, назначена Морскому Министерству ежегодно сумма на воспитаніе дѣтей офицеровъ Морскаго вѣдомства и гражданскихъ чиновковъ въ составѣ экипажей и командъ находящихся, и предоставлено Адмиралтействъ-Совѣту распределять таковыя пособія.

Для сей цѣли утверждены Адмиралтействъ-Совѣтомъ правила, распубликованныя при циркулярѣ Инспекторскаго департамента Морскаго Министерства отъ 3-го Марта 1856 года № 61, на основаніи коихъ внесено было въ Совѣтъ представленіе, о назначеніи нѣкоторымъ лицамъ Морскаго вѣдомства пособія, и Совѣтъ, по разсмотрѣніи сего представленія, журналомъ 4-го Февраля сего года, ст. 21024 опредѣлилъ выдавать поименованнымъ въ вѣдомствѣхъ лицамъ на воспитаніе ихъ дѣтей 59 240 р. въ годъ, начиная съ перваго числа Января сего 1859 года.

Деньги эти, по сдѣланному уже распоряженію, будутъ отпускаться отъ Комиссарскаго департамента Морскаго Министерства, по третямъ года впередъ, но съ тѣмъ, чтобы родители или опекуны, подъ росписку которыхъ должны быть выдаваемы деньги, при полученіи оныхъ, каждый

газъ представляли удостовѣренія мѣстнаго начальства, что дѣти, на которыхъ деньги назначены, живы и не воспитываются на казенный счетъ въ учебномъ заведеніи.

Списокъ лицамъ Морскаго вѣдомства, получившимъ пособіе на воспитаніе дѣтей, съ 1 Января 1859 г.

Состоящимъ на службѣ лицамъ:

Руб.

Состоящему по флоту, Контръ-Адмиралу **Степану Воеводскому 1-му**,
на дочь Анну 7 лѣтъ 200

Капитанамъ 1-го ранга:

Члену Морскаго Ученаго Комитета, **Николаю Соколову**,
на сына Алексѣя 7 лѣтъ 200

Флотскихъ экипажей:

5-го, **Седору Керпу**, на сыновей: Сергѣя 5 лѣтъ }
Георгія 2 » } 100
34-го, **Александрѣ Данилевскому**, на сына Михаила 7 лѣтъ . . . 200

Капитанамъ 2-го ранга:

Смотрителю Астраханскихъ Экипажескихъ магазиновъ, состоящему
по флоту, **Александрѣ Софіанѣ**, на сына Николая 7 лѣтъ . 200
6-го Флотскаго экипажа, **Павлу Шевандину**,
на дочь Софію 2 лѣтъ }
сына Ростислава 8 мѣсяцевъ . . . } 100

Лейтенантамъ:

Гвардейскаго экипажа, **Константину Небольсину**,
на сына Ипполита 7 лѣтъ 200

Флотскихъ экипажей:

34-го, **Афонасію Гермузи**, на сына Константина 7 лѣтъ 200
43-го, **Барону Александрѣ Клебену**, на сына Леопида 7 лѣтъ . . 200

43-го, Ивану Гавришеву, на сына Владимира 2 лѣтъ	Руб. 100
36-го, Петру Азыкову 2-му, на дочь Надежду 6 лѣтъ	} 200
сына Николая 5 »	
дочь Аделаиду 3 »	

КОРПУСА МОРСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ:

Капитану, Василію Антипенко 2-му , на сына Михаила 7 лѣтъ	200
Арсенальной № 1-го роты, Штабсъ-Капитану Флору Максимову (личн. двор), на сына Петра 7 лѣтъ	120
Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, Штабсъ-Капитану Ивану Коше- леву (личн. двор.), на сына Петра 7 лѣтъ	120
Корпуса Инженеръ-Механиковъ, Подпоручику Николаю Рѣшетни- кову , на дочь Александру 7 лѣтъ	200
4-го Ластоваго экипажа, Подпоручику Ивану Пирогову , на сына Николая 7 лѣтъ	200
Состоявшему по Ластовымъ экипажамъ, Грапорщнику Александру Сырову (личн. двор.), на дочь Елену 7 лѣтъ	120
Ластовой полуроты Гвардейскаго экипажа, Подпоручику Карцу Гренбергу (личн. двор.), на дочь Анну 7 лѣтъ	120

РАБОЧИХЪ ЭКИПАЖЕЙ:

3-го, Капитану Андрею Попову , на сына Михаила 7 лѣтъ	200
Старшему врачу, Лекарю Надворному Совѣтнику Николаю Славни- скому , на сыновей: Петра } 120	} 180
7 лѣтъ близнецы	
Павла } 60	
Старшему ординатору Кронштадтскаго Морскаго госпиталя, Лекарю, Коллежскому Ассесору Вильгельму Карповицу (личн. двор.), на дочь Надежду 10 лѣтъ	120
Портовой № 7 роты, Штабсъ-Капитану Александру Никитину , на сына Евгенія 12 лѣтъ	250

ВДОВАМЪ УМЕРШИХЪ НА СЛУЖБѢ ЛИЦЪ:

Контръ-Адмирала, Александрѣ Вульѣ , на дочь Марію 4 лѣтъ	100
---	-----

КОРПУСА ФЛОТСКИХЪ ШТУРМАНОВЪ:

Поручика, Аннѣ Степановой , на дочь Марію 2 лѣтъ	Руб. } 100
сына Никодая 8 мѣсяц.	
Прапорщика Албрехта (во второмъ бракѣ женѣ Штабсъ-Капитана Екатерины Готовой), на сына Александра 7 лѣтъ	200
Бывшаго 11-го Ластоваго экипажа Поручика, Маріи Табуновой , на сыновей: Михаила 12 лѣтъ . 250	} 450
Петра 9 » . 200	
Бывшаго 9 Ласт. экип., Прапорщика Федора Востраго (во второмъ бракѣ женѣ служителя Московской Коммисаріатской Коммисіи Александрѣ Дробешинной), на дочь Ираиду 11 лѣтъ. . 200	
Бывшихъ Севастопольскихъ морскихъ Арестантскихъ ротъ, Прапорщика, Софіи Машинной (личн. двор), на сына Петра 1 г. 100	

Для вышедшихъ въ отставку лицъ, прослужившихъ по Морскому вѣдомству офицерами 20 лѣтъ.

Генераль-Маіору Леонтію Маньку , на дочь Ольгу 7 лѣтъ.	200
Вдовѣ Генераль-Маіора Маріи Туркулъ , на дочь Елисавету 13 лѣтъ . 250	
Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Аркадію Мѣскову , на дочь Анну 15 лѣтъ . . 250	} 450
сына Нестора 9 » . . 200	
Капитану 1 ранга Николаю Скалозскому , на дочерей: Марію 12 лѣтъ . 250	} 450
Клару 8 » . 200	
Капитану 2 ранга Василію Быкову , на сыновей: Петра 14 лѣтъ . 250	} 350
Николая 2 » . 100	
Маіору, Павлу Арнаутову , на дочь Варвару 7 лѣтъ.	200

Для лицъ, коимъ назначается дополнительное пособіе и для тѣхъ, коимъ за измѣненіемъ состава ихъ семействъ мѣра пособія уменьшется.

I. Для круглыхъ сиротъ.

Корпуса Морской Артиллеріи, Генераль-Маіора Ивана Иселева , къ производящимся на воспитаніе круглой сироты Иселева , дѣвицъ Елисаветѣ 12 лѣтъ.	200
дополнительныхъ	50
	} 250

Руб.

Морскихъ Арестантскихъ ротъ, Штабсъ-Капитана Антонъ Филиппова ,		
къ производящимся на воспитаніе круглой сироты Филиппова ,		
дѣвицѣ Ееодосіи 12 лѣтъ	200	} 250
дополнительныхъ	50	
Служившаго въ Портовыхъ ротахъ, Поручика Петра Прокосьева ,		
вмѣсто производившихся на воспитаніе сиротъ 300 р. назна- чается, на сына Іосифа 9 лѣтъ	200	

II. *Состоящимъ на службѣ лицамъ:*

Состоящему по Министерству, Генераль-Лейтенанту Николаю Ку- шани , къ производящимся ему	800	} 950
дополнительныхъ, на дочерей: Марію 12 лѣтъ	50	
Вѣру 10 »	100	

Контръ-Адмираламъ:

Члену Морского Генераль-Аудиториата, Василію Завойко ,		
къ производящимся ему	850	} 1000
дополнительныхъ, на дочерей: Прасковію 12 лѣтъ	50	
Марію 11 »	100	

Состоящему по флоту, Михаилу Тебенькову ,		
къ производящимся ему	400	} 550
дополнительныхъ, на дочь Марію 12 лѣтъ	50	
сына Николая 11 »	100	

Главному Командиру Астраханскаго порта, Ростиславу Машину ,		
къ производящимся ему	300	} 450
дополнительныхъ, на дочь Зинаиду 12 лѣтъ	50	
сына Александра 11 »	100	

Начальнику Штаба Кронштадтскаго порта, Константину Истошину ,		
къ производящимся ему	650	} 750
дополнительныхъ, на сына Николая 7 лѣтъ	100	

Состоящему по флоту, Таганрогскому Грѣдначальнику Михаилу Лаврову , къ производящимся ему	550	} 800
дополнительныхъ, на дочерей: Софію 12 лѣтъ	50	
Аграфену 9 »	100	
Ольгу 8 »	100	

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ОБЪ АРМЕЙСКИХЪ ПѢХОТНЫХЪ ОФИЦЕРАХЪ (*).

Въ послѣднее время, въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, появилось много статей: о воспитаніи, объ образованіи, о грамотности. Вопросы объ этихъ и другихъ жизненныхъ интересахъ, вызванные присущими нашему времени требованіями, нашли для своей разработки многихъ дѣятелей и обогатили нашу литературу живою рѣчью, касающеюся такихъ предметовъ въ нашей обыденной жизни, мимо которыхъ мы проходили въ былое время, какъ бы не замѣчая ихъ. «Военный Сборникъ», какъ органъ арміи, не отсталъ, въ этомъ случаѣ, отъ своихъ литературныхъ собратьевъ и на своихъ страницахъ не разъ давалъ мѣсто выраженію настоящихъ, и нравственныхъ, и матеріальныхъ потребностей нашего военного сословія. Къ числу

(*) По поводу статьи: «Объ армейскихъ пѣхотныхъ офицерахъ», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1859 годъ.

статей, касающихся нашего армейскаго быта, принадлежать статьи: г. Л. К. «Степень образованія офицеровъ въ арміи» и г. С. В—скаго «Объ офицерахъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ». Последняя написана по поводу первой и,нося на себѣ отпечатокъ истины и вѣрнаго знанія быта и степени образованности армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, заслуживаетъ признательности.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, скажемъ мы, перефразировать слова г. С. В—скаго, что въ его статьѣ, какъ и въ большей части прекрасныхъ и безспорно полезныхъ статей, есть много мыслей, съ которыми нельзя вполне согласиться.

Такъ, выведя вѣрное и удачное, по нашему мнѣнію, заключеніе о томъ, что трудно вообще основывать оцѣнку познаній отдѣльныхъ личностей на такихъ данныхъ, какъ мѣсто воспитанія, что не слѣдуетъ относить недостаточности образованія массы армейскихъ офицеровъ къ преобладанію юнкерскаго элемента въ арміи, потому что не въ первоначальномъ воспитаніи офицеровъ, а въ обстановкѣ ихъ послѣдующей служебной жизни, часто лишенной общества, кроются причины этого недостаточнаго образованія. Авторъ удивляется тому, что вліяніе «Военнаго Сборника» такъ мало подѣйствовало на офицерское общество, что печатное слово, быть можетъ, заронило сѣмена, но сѣмена эти еще не пустили отростковъ, что во всей массѣ офицеровъ замѣтна значительная доля равнодушія къ чтенію и прогрессу, — иначе: мало сочувствія къ настоящимъ относительно ихъ видамъ правительства. Затѣмъ г. В—скій ставитъ, въ своей статьѣ, вопросъ о томъ, почему въ двухъ рядомъ идущихъ начинаніяхъ правительства — въ образованіи офицеровъ и въ грамотности нижнихъ чиновъ, получились два такихъ разныхъ результата, и разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: грамотность солдатъ потому быстро и успѣшно подвигается, что для нихъ существуетъ пружина, двигающая ихъ впередъ: это — тѣ служебныя преимущества, которыя приобрѣтаются ими вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ познаній; офицеры же, съ своей стороны, не видятъ никакой матеріальной, существенной выгоды, соединенной для нихъ съ образованіемъ.

Не вполне соглашаясь съ замѣчаніями г. С. В—скаго, мы рѣшаемся высказать наши убѣжденія.

Въ дѣлѣ усвоенія грамотности, если служебныя преимущества подвигаютъ впередъ солдата, то подвигаютъ мало: преимущества эти очень незначительны числомъ; солдатъ же нашъ, къ тому же, весьма далекъ отъ всякихъ видовъ честолюбія, что имѣетъ, безспорно, свою хорошую и свою дурную сторону. Не пускаясь въ отвѣщенные разглагольствованія, мы скажемъ, что, по нашему убѣжденію, солдата къ изученію грамоты движетъ сперва наружное побужденіе, выражающееся для него не въ служебныхъ преимуществахъ, а въ волѣ начальства; потомъ уже, когда онъ вкуситъ плода своего ученія, въ немъ развивается внутреннее желаніе продолжать начатое. Это обусловливается самымъ бытомъ нашего солдата и его взглядомъ на служебныя обязанности. Извѣстно, что солдатъ, съ поступленіемъ на службу, какъ бы отрывается отъ общества, отъ той сферы, среди которой онъ до того вращался, и почти всегда посвящаетъ все свое существованіе исключительно одной только службѣ и всѣмъ ея требованіямъ. Для него все равно, чѣмъ бы ни занимали его время на службѣ. Прежде онъ трудился надъ выдѣлываніемъ множества ружейныхъ приемовъ, надъ изученіемъ тонкостей учебнаго шага, надъ чисткою оружія въ ущербъ его прочности. Теперь же, освобожденный отъ излишнихъ затѣй по части поименованныхъ занятій, онъ учится грамотѣ, которую прежде считалъ для себя недоступною, и, дѣлая замѣтные успѣхи, начинаетъ убѣждаться, что это ученіе пріятно, что отъ него надо ожидать существеннѣйшаго примѣненія и на службѣ, и въ частной жизни, въ особенности по отставкѣ, когда пріобрѣтенная на службѣ грамота пригодится на всякомъ шагѣ. Такимъ образомъ, введеніе въ кругъ служебныхъ занятій обученіе грамотѣ не тяготило солдата, покуда онъ на это занятіе смотрѣлъ, какъ на всякое другое служебное занятіе, необходимость котораго обусловливается волею начальства; тѣмъ менѣе тяготитъ оно его теперь, когда онъ созналъ его пользу.

Вотъ настоящія причины успѣшнаго изученія солдатами грамоты. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы думаемъ. О пріобрѣтеніи же служебныхъ степеней унтеръ-офицера, фельдфебеля, а тѣмъ болѣе офицера, солдатъ рѣдко заботится. Въ подтвержденіе мы можемъ привести тотъ, извѣстный всѣмъ служащимъ и служившимъ въ арміи, фактъ, что хорошій и исправный солдатъ зачастую отпрашивается отъ производства въ унтеръ-офицеры, на-

ходя, что гораздо покойнѣе и лучше быть исправнымъ рядовымъ и отвѣчать за одного себя, нежели, нося унтеръ-офицерское званіе, подвергаться отвѣтственности за неисправность другихъ. Суворовская пословица: «тотъ не солдатъ, кто не надѣется быть генераломъ», уже устарѣла и не находитъ примѣненія при теперешнемъ положеніи вещей, не только въ отношеніи къ солдатамъ, но даже къ большинству офицеровъ (*).

Какъ мы сказали выше, обученіе грамотѣ нижнихъ чиновъ входитъ въ число ихъ служебныхъ обязанностей. Если бы подъ это условіе служебныхъ требованій подвести офицеровъ и, собирая ихъ при полку, читать имъ лекціи, то успѣхи большинства, безъ сомнѣнія, сдѣлались бы тогда извѣстными и породили похвалы, въ родѣ тѣхъ, какія теперь выпадали въ удѣлъ грамотности между нижними чинами. Но какъ подобныя собранія офицеровъ, по многимъ причинамъ, не возможны (**), то научныя познанія, какъ и успѣхи въ дѣлѣ образованія, дѣлаемые офицерами въ тиши, натурально не могутъ обращать на себя вниманія. Кажется, это обстоятельство порождаетъ заключенія, подобныя тѣмъ, что офицеры потому равнодушны къ своему образованію, что не видятъ въ немъ никакой матеріальной, существенной для ихъ службы пользы.

Въ этомъ обстоятельствѣ, изъ котораго дѣлаются подобныя заключенія, мы находимъ другую, лучшую сторону нравственного и умственного направленія офицеровъ: внѣ всякихъ често-

(*) Мы позволимъ себѣ усомниться въ томъ, что авторъ, говоря это, правъ. Здѣсь не мѣсто и не время излагать по этому поводу наши собственные мысли, которыя леко могли бы принять размѣры цѣлой статьи, но мы считаемъ необходимымъ высказать передъ читателями, что ни въ какомъ случаѣ не раздѣляемъ убѣжденія г. М. Аполева, которое, если бы было справедливо, служило бы грустнымъ доказательствомъ служебной апатіи нашего военного сословія. Ред.

(**) Исчислять эти причины считаемъ излишнимъ; укажемъ только на главнѣйшую. При разбросанномъ расположеніи нашихъ полковъ, на кантониръ-квартирахъ, части ротъ занимаютъ по большей части отдѣльныя деревни, а иногда двѣ и болѣе; при каждомъ отдѣленіи состоитъ офицеръ. Если офицеровъ собрать при полку, то нижніе чины останутся безъ офицерскаго присмотра, чего уже ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать. Во время лагерныхъ сборовъ, представляется еще возможность собирать офицеровъ для слушанія лекцій; но и здѣсь есть свои неудобства: офицеры въ лагерѣ имѣютъ для этого очень мало времени и бываютъ заняты другими служебными обязанностями. А. и.

любивыхъ побужденій, безъ жажды къ повышеніямъ, которыя могло бы имъ предоставить образованіе, они, однакожь, сознають необходимость образованія собственно для себя; *большинство* находитъ, сверхъ того, въ немъ пищу для умственной дѣятельности, средство для улучшенія общественнаго своего положенія.

Это большинство, образованное, конечно, въ различной степени, составляетъ болѣе половины всей массы офицеровъ, и къ нему принадлежать по преимуществу лица, воспитывавшіяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, кадетскихъ корпусахъ и гимназіяхъ (*). Въ этихъ офицерахъ, болѣею частію молодаго поколѣнія, сѣмена печатнаго слова, безспорно, пустили отростки, что доказывается тѣмъ, что на страницахъ «Военнаго Сборника» появились статьи, принадлежащія перу армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, которые до того никогда не помышляли печатно высказывать своихъ мыслей. Если бы переходное состояніе, въ которомъ находятся наше общество и литература, а также сопряженные съ этимъ состояніемъ неувѣренность въ собственныхъ силахъ и недоувѣріе къ своимъ познаніямъ, не удерживали бы многихъ способныхъ и даровитыхъ офицеровъ отъ сотрудничества въ журналахъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, число литературныхъ статей несравненно увеличилось бы. Станемъ пока довольствоваться тѣмъ, что есть, тѣмъ, что нѣсколько офицеровъ уже отозвались на приглашеніе «Военнаго Сборника»; станемъ надѣяться, что число ихъ въ будущемъ увеличится, а затѣмъ предоставимъ лучше совершить свое дѣло времени. Столь короткій періодъ его не могъ доселѣ показать ничего особеннаго; да и требовать болѣе было бы еще рано.

(*) Въ числѣ офицеровъ, произведенныхъ изъ юнкеровъ, значительная часть училась въ гимназіяхъ: нѣкоторые окончили курсъ, другіе, не окончивъ его, вышли изъ высшихъ классовъ: 5, 6 и даже 7. Между тѣмъ, мѣсто воспитанія юнкера и степень пріобрѣтенныхъ познаній остаются неизвѣстными для военной статистики, ибо, по заведенному порядку, вписываются въ формулярные списки тѣ науки и языки, которые входятъ въ Высочайше утвержденную юнкерскую программу. Впослѣдствіи, когда избавлены были отъ держанія экзамена окончившіе гимназическій курсъ, начали прописывать въ формуларахъ этихъ лицъ: окончили курсъ въ такой-то гимназій и прочее. Г. Л. К., при составленіи своихъ свѣдѣній объ офицерахъ, упустилъ эти обстоятельства изъ вида; впрочемъ, при всемъ желаніи, онъ не могъ узнать изъ формуляровъ о томъ, гдѣ кто воспитывался.

Если же, въ общей массѣ армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, теперь замѣчается значительная доля равнодушія къ чтенію и прогрессу, то это понятно: стоитъ отдѣлнить изъ этой массы то *большинство*, о которомъ мы говорили, и въ составѣ остальнаго офицерскаго общества являются представители другихъ идей, другого порядка. Изъ нихъ небольшую часть составляютъ выслужившіеся изъ нижняго званія лица, принадлежавшія по своему происхожденію къ податнымъ сословіямъ; за ними слѣдуютъ нѣкоторые изъ тѣхъ молодыхъ людей, обязанныхъ послѣдней войнѣ своимъ поступленіемъ въ службу и производствомъ въ офицеры, которые мало чему учились или не учились вовсе; затѣмъ значительнѣйшая часть офицеровъ, довольно равнодушно смотрящихъ на дѣло образованія и нравственнаго развитія офицерскаго сословія, принадлежитъ къ разряду людей *старога закала*, которые, поступивъ на службу въ самой ранней юности, смотрятъ на нее своимъ особымъ, для большинства уже отжившимъ воззрѣніемъ, и не только не видятъ пользы отъ образованія, но считаютъ бесполезнымъ всякое чтеніе, кромѣ устава о военной службѣ.

Обратимся теперь къ другому вопросу, поднятому г. С. В—скимъ: «Что можетъ быть наружнымъ побужденіемъ въ дѣлѣ образованія?» Экзамены на всякій чинъ, по мнѣнію г. С. В—скаго, во многихъ отношеніяхъ, затруднительны, и едва ли ими вполне достигнется предположенная цѣль.

Что касается до наружнаго побужденія, то мы полагаемъ, что оно отчасти излишне. Въ настоящее время, какъ мы выше сказали, уже почти всѣ понимаютъ и чувствуютъ необходимость образованія, и собственно не для одной службы, а вообще для себя, для всѣхъ случаевъ частной и общественной жизни. Это сознаніе, въ своихъ проявленіяхъ, сильное и теперь, въ будущемъ, конечно, приметъ еще большее развитіе. Безъ сомнѣнія, нѣсколько увеличенная современемъ программа юнкерскаго экзамена, университетскіе дипломы и аттестаты гимназій будутъ служить гарантіей къ тому, что поступающіе въ военную службу молодые люди достаточно подготовлены для того званія, въ которое вступаютъ; юнкерскій бытъ присоединить къ этимъ теоретическимъ познаніямъ нѣкотораго рода опытность и знакомство съ практической стороной жизни. Все это вмѣстѣ рушается за то, что производимые изъ юнкеровъ въ офицеры мо-

лодые люди будутъ вполне соответствовать своему назначенію. Кадетскіе корпуса на столько помогутъ этому дѣлу, на сколько могутъ въ немъ имѣть вліяніе при сильномъ числовомъ перевѣсѣ юнкеровъ надъ кадетами въ полкахъ армій. При этомъ, вѣроятно, не будетъ настоять надобности въ особыхъ побудительныхъ мѣрахъ къ образованію офицеровъ. Они сами не оставятъ начатаго дѣла, и служба ихъ пойдетъ рука объ руку съ наукой. За руководителями дѣло не станетъ: молодые офицеры найдутъ ихъ въ просвѣщенныхъ, опытныхъ старшихъ товарищахъ.

Но для того, чтобы людямъ даровитымъ и полезнымъ открыть дорогу къ занятію высшихъ должностей въ армій, по нашему мнѣнію, не лишнее было бы установить экзамены предъ производствомъ въ чины штабсъ-капитана и маіора, т. е. въ тѣ чины, когда для офицера начинается новая, болѣе обширная служебная дѣятельность. Это, отчасти наружное побужденіе, но побужденіе въ весьма сжатомъ смыслѣ слова, слабый оттѣнокъ понудительной мѣры для людей, сознающихъ нераздѣльность образованія съ жизненными и служебными потребностями.

По нашему мнѣнію, первый изъ этихъ экзаменовъ долженъ имѣть характеръ не чисто научнаго, а болѣе практическаго испытанія, заранее опредѣляющаго способность или неспособность офицера къ занятію въ будущемъ должностей баталіоннаго и полковаго командировъ. Это, такъ сказать, предварительная оцѣнка, которая, при маіорскомъ экзаменѣ, хотя и можетъ измѣниться, но, во всякомъ случаѣ, до нѣкоторой степени будетъ руководить этимъ вторичнымъ, окончательнымъ испытаніемъ офицера. Экзаменъ подобнаго рода представляетъ двоякую выгоду: съ одной стороны, опредѣляя за нѣсколько лѣтъ до производства въ штабсъ-офицеры степень способности офицера къ занятію должностей баталіоннаго и полковаго командировъ, рѣшаетъ заблаговременно: можетъ ли офицеръ надѣяться перейти за черту оберъ-офицерской линіи, или же, ограничивъ свое честолюбіе званіемъ ротнаго командира, долженъ въ немъ оставаться, не помышляя о повышеніи. Граница оберъ-офицерской линіи весьма естественна, и надо ли приводить сплошь да рядомъ встрѣчающіеся примѣры, что иной, отличный, вполне полезный ротный командиръ, по производствѣ въ маіоры, какъ-то чувствуетъ себя неловко въ новомъ своемъ чинѣ, и когда поручать ему баталіонъ, то дѣлается начальникомъ неспособнымъ,

а слѣдовательно и вреднымъ отчасти для службы. Это обстоятельство, мы полагаемъ, служить доказательствомъ, что тому офицеру слѣдовало бы оставаться ротнымъ командиромъ, на посту котораго онъ приносилъ пользу, а не переходить *завѣтной* черты. Съ другой стороны, выгода штабъ-капитанскаго, предварительнаго экзамена заключается въ томъ, что молодой еще офицеръ, зная, что ему мало надежды идти далѣе званія ротнаго командира, находится въ благопріятной жизненной порѣ для того, чтобы выбирать одно изъ двухъ: продолжать ли военную службу, или оставить ее, избравъ для себя иную, новую дѣятельность. Если, увѣренный въ возможности своего специально-военнаго развитія, офицеръ станетъ продолжать службу, въ надеждѣ доказать свои способности при маіорскомъ экзаменѣ, то, въ случаѣ неудачи, онъ долженъ роптать уже на одного себя, а не на службу, ибо во-время былъ предупрежденъ и могъ тогда же, оставивъ военное поприще, употребить свои силы и способности на другое.

Нельзя сравнивать положенія офицера, покидающаго военную службу въ молодыхъ лѣтахъ и обращающагося къ инымъ занятіямъ, съ положеніемъ того штабъ-офицера, который, питаясь надеждами занять мѣсто полковаго командира, дожилъ до почтенныхъ лѣтъ, и котораго, наградивъ слѣдующимъ чиномъ, уволили въ отставку, правда, съ пенсіономъ, но пенсіономъ, далеко недостаточнымъ для содержанія его, а еще болѣе семейства, если уволенный былъ женатъ. Требования перваго и послѣдняго не одни и тѣ же: первый, будучи молодъ, можетъ довольствоваться невидною должностію и небольшимъ, сравнительно, содержаніемъ на службѣ гражданской; въ случаѣ неудачи, ему открываетъ поле для дѣятельности частная служба. Онъ довольно молодъ и свѣжъ, не утратилъ энергіи и силъ, не притупилъ природныхъ способностей. Иной видъ представляетъ положеніе другаго, человѣка пожилаго и съ значительнымъ чиномъ. Должности, соотвѣтственной чину, въ гражданской службѣ онъ не найдетъ, занять низшую онъ считаетъ какъ бы неловкимъ дѣломъ, да и не всегда можетъ по своему званію. Въ частной службѣ ему еще труднѣе прискать мѣсто, и здѣсь преемущества опять на сторонѣ молодаго человѣка.

Выгода штабъ-капитанскаго экзамена очевидно полезна, какъ для офицера, такъ и для службы, ибо, предупреждая во-

время перваго, освобождаетъ вторую отъ нареканія недовольныхъ, которыхъ всегда и вездѣ такъ много и отъ которыхъ постоянно слышны сѣтованія на то, что служба не осуществила ихъ надеждъ на повышенія, что они жалѣютъ объ убитомъ на службѣ времени и здоровьѣ безъ особой для нея и ровно безъ всякой для себя пользы.

Характеръ экзамена предъ производствомъ въ маіоры, — экзамена, имѣющаго прямое вліяніе на самое производство въ штабъ-офицерскій чинъ, долженъ быть уже болѣе научнымъ и направленнымъ преимущественно къ тому, чтобы окончательно оцѣнить какъ степень способности офицера къ занятію штабъ-офицерскихъ должностей, такъ и степень его научныхъ познаній, необходимыхъ ему на томъ мѣстѣ, для котораго онъ предназначенъ. Удовлетворившій требованіямъ этого экзамена капитанъ производится въ маіоры, и ему открывается дорога къ полученію высшихъ степеней: подполковника и полковника.

Если экзаменуемый, доказавъ свою способность быть штабъ-офицеромъ, не вполне удовлетворитъ научной сторонѣ программы, то его не должно лишать права впоследствии держать еще экзаменъ, но не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ предшествовавшего, и не повторять его болѣе двухъ разъ.

Капитаны, не удовлетворившіе маіорскому экзамену, должны уже оставаться въ своемъ настоящемъ чинѣ. Правительство могло бы обезпечить ихъ на службѣ прибавочнымъ жалованьемъ, по примѣру инженерныхъ офицеровъ и медицинскихъ чиновниковъ, и увеличеннымъ пенсіономъ по отставкѣ. Подъ эту категорию могли бы быть подведены и тѣ офицеры, которые, не удовлетворивъ еще штабъ-капитанскому экзамену, продолжали бы службу, даже въ томъ случаѣ, если отказались держать экзаменъ на маіорскій чинъ.

Всякое начало трудно: но если необходимо приступить къ офицерскимъ экзаменамъ, если современныя требованія дѣлаютъ это неизбѣжнымъ, то чѣмъ скорѣе будетъ къ тому приступлено, тѣмъ лучше. Пусть на первое время научная программа экзаменовъ не будетъ обширна; потомъ, отъ времени до времени, она будетъ увеличиваться въ своемъ объемѣ, сообразно надобности и требованіямъ.

Но что еще болѣе затруднительно, чѣмъ введеніе экзаменовъ, это — устройство средствъ для научнаго образованія офи-

перовъ. Но и здѣсь стоитъ положить начало, и средства найдутся; стоитъ только офицерамъ увѣриться, что такъ должно быть, а не иначе, они изыщутъ возможность пріобрѣтать познанія путемъ, хотя труднымъ, но не представляющимъ препятствій непреодолимыхъ. Правительство, со своей стороны, вѣроятно, поможетъ всѣми зависящими отъ него средствами такому благому начинанію офицерскихъ обществъ и распорядится учредить въ полкахъ, хотя въ теченіе одного мѣсяца въ году, чтеніе офицерскихъ лекцій, по установленной программѣ. Для чтенія такихъ лекцій всего удобнѣе было бы, по нашему мнѣнію, выбрать время лагерныхъ сборовъ. Профессорами могутъ быть дивизіонные оберъ-квартирмейстеры и младшіе офицеры Генеральнаго Штаба, а также артиллерійскіе и инженерные офицеры.

Выразивъ наше мнѣніе относительно пользы экзаменовъ и правильного, обязательнаго устройства научнаго образованія офицеровъ на началахъ, доступныхъ небольшимъ средствамъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ того обстоятельства, что система экзаменовъ, по нашему мнѣнію, въ нашихъ войскахъ болѣе примѣнима, чѣмъ система французскаго производства въ чины по выбору и удостоенію начальства, при чемъ принимается во вниманіе и мнѣніе товарищей-офицеровъ. Гдѣ люди, тамъ страсти; гдѣ оцѣнка отдѣльныхъ лицъ лежитъ на одной только совѣсти, на одномъ только убѣжденіи другихъ отдѣльныхъ лицъ, тамъ, при полнѣйшей даже добросовѣстности, легко можетъ закрасться ошибка, которую потомъ вернуть будетъ невозможно, а исправить весьма трудно.

Говоря это, мы, впрочемъ, нисколько не помышляли охуждать французской системы производства. Не естественно было бы порицать то, что признано удобнымъ и получило развитіе въ такомъ образованномъ государствѣ, какъ Франція. Сравнивая обѣ системы производства, мы только желали доказать превосходство системы экзаменовъ, и высказали это какъ могли и умѣли, но, по крайней мѣрѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, совершенно искренно. Можетъ быть, мы и неправильно смотримъ на дѣло; мнѣнія своего мы, конечно, отстаивать не будемъ, если люди болѣе насъ опытные докажутъ намъ неправильность нашихъ воззрѣній.

Сознавая, что въ успѣхахъ образованія «Военный Сборникъ», этотъ органъ военнаго сословія, вспомогательное и це-

буждающее орудіе къ дѣятельности, долженъ играть важную и трудную роль, мы, въ заключеніе, снова обратимся къ статьѣ г. С. В—скаго, въ которой сказано:

«Органъ гласности въ военномъ быту, онъ («Военный Сборникъ») не долженъ останавливаться предъ рѣзкостью выраженія или факта; пусть будетъ рѣзко то, что справедливо, но справедливое всегда должно найти въ немъ мѣсто. Роль «Военного Сборника» трудна, обширна. Требования отъ него различны и совершенно зависятъ отъ вкуса и воззрѣній разныхъ лицъ. Конечно, онъ стремится и научить насъ, и провести въ военномъ сословіи благотворныя и здоровыя нравственныя убѣжденія, и наполнить его единымъ духомъ совершенствованія, единымъ духомъ стремленія къ тому, чтобы идти впередъ и пріобрѣтать познанія. Но мы еще недостаточно подготовлены для тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремится. Редакціи слѣдовало бы принять въ соображеніе, что въ статьяхъ журнала еще многое иногда для насъ непонятно, а слѣдовательно и не интересно. Къ наукѣ слѣдуетъ пріохотить насъ мало по малу чтеніемъ такимъ, которое было бы занимательно и близко къ сердцу большинства.»

Что роль «Военного Сборника» трудна, то это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и сама редакція, въ своемъ объявленіи, объясняя свои намѣренія по изданію, сознаетъ важность своей обязанности и трудность ея исполненія. «Военный Сборникъ» идетъ своимъ избраннымъ путемъ, заботясь объ общедоступномъ изложеніи статей и о соединеніи ученыхъ достоинствъ ихъ съ популярностію. Желаніе, чтобы помѣщаемыя въ журналѣ статьи были и занимательны и близки къ сердцу большинства, понятно. Но что же непонятнаго, темнаго въ изданныхъ доселѣ «Военнымъ Сборникомъ» статьяхъ для *большинства* военныхъ читателей?

Мы съ намѣреніемъ употребили слово «большинство», ибо, вопреки мнѣнія г. С. В—скаго, увѣрены, что для *большинства* понятны какъ содержаніе статей, такъ и цѣли, къ которымъ стремится «Военный Сборникъ.» Коль скоро журналъ понятенъ большинству, то не къ чему ему измѣнять своего характера: онъ достигаетъ или, по крайности, близко къ достиженію цѣли; а этого уже достаточно. Если же, примѣняясь ко вкусу остальныхъ читателей, не вполне подготовленныхъ для пониманія тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится «Военный Сборникъ», на-

полнять его статьями инаго содержанія, доступнаго этому меньшинству, то потеря будетъ на сторонѣ большинства читателей, а важнѣе всего то, что журналъ сдѣлается слабѣе и, слѣдовательно, тоже проиграетъ.

Что до насъ, то мы отъ души желаемъ «Военному Сборнику» полного успѣха.

М. АПОЛЕВЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КАВАЛЕРІИ.

При уменьшеніи въ Россіи конскихъ заводовъ, покупка лошадей для кавалеріи дѣлается болѣе и болѣе затруднительною. Ремонтеръ, получивъ инструкцію, предлагающую покупать непремѣнно заводскихъ лошадей, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ исполнить возложеннаго на него порученія съ тою точностію, какая представлялась ему въ прежнее время. Постоянная браковка при приѣмѣ, происходящія отъ этого недоводы, жалобы ремонтеровъ о невозможности исполнить условій, требуемыхъ приѣмами, обратили вниманіе кавалеристовъ и сдѣлались причиною почти общаго убѣжденія, что у насъ, въ Россіи, или мало лошадей, способныхъ къ кавалерійской службѣ, или годныя для ремонта лошади такъ возвысились въ цѣнѣ, что ремонтная сумма 80 руб. серебромъ сдѣлалась недостаточною для приобрѣтенія годныхъ или способныхъ къ фронтовой службѣ лошадей. При этомъ случаѣ невольно рождаются вопросы: — Есть ли хоть одна страна въ Европѣ, которая могла бы состязаться количествомъ лошадей съ Россіею? — Отчего мы встрѣчаемъ затрудненія въ ремонтированіи кавалеріи, когда Австрія и Пруссія находятъ средство снабжать свою кавалерію лошадьми, приобрѣтая таковыхъ, въ большомъ количествѣ, въ нашемъ отечествѣ?

Видимое уменьшеніе коннозаводства въ Россіи подало мысль испытать всѣ сорта существующихъ у насъ степныхъ породъ, чтобы опредѣлить, какую изъ нихъ возможно допустить въ нашъ кавалерійскій строй. Съ этою цѣлью, подъ наблюдениемъ командира резервнаго кавалерійскаго корпуса въ Елисаветградѣ, былъ сформированъ пробный эскадронъ. Слѣдствіемъ испытанія оказалось, что всѣ породы хороши, за исключеніемъ черноморскихъ и киргизскихъ: эти послѣднія, по малому росту и дурному сложенію головы и шеи, не способны для выѣздки подъ верхъ.

Допустивъ возможность комплектованія кавалеріи различными породами лошадей, каждый опытный кавалеристъ придетъ къ тому заключенію, что лошади разныхъ породъ, поступающія во фронтъ кавалеріи, не должны подвергаться тѣмъ условіямъ и требованіямъ, которыя были усвоены при выѣздкѣ заводскихъ лошадей. Посредство барышниковъ, весьма часто, продававшихъ степныхъ лошадей за заводскихъ, дѣлается бесполезнымъ.

Ярмарки: бахмутская, павлоградская, новомосковская, лубенская, роменская, бердичевская, и даже сельскіе базары, куда проникалъ Татаринъ или Калмыкъ, давно снабжаютъ своими лошадьми нашу кавалерію. Эскадроннымъ командирамъ также давно знакомы породы этихъ лошадей, подъ названіемъ заводскихъ *Новороссійскаго края*, по таврамъ, заклеяннымъ барышниками, заводовъ: Добровольскаго, Дякова, Бутовскаго, Лутковскаго, Исаева, Чирикова, Кирьякова, Миклашевскаго, Бажанова, Шляхтина, Лихачева, Иваненко, Новицкаго, Циглера, Манька, Сошальскаго, Мартынова и прочихъ.

Убѣжденіе въ точномъ исполненіи инструкцій, какъ ремонтерами, такъ и пріемщиками, до того было сильно, что до настоящаго времени никому изъ инспекторовъ кавалеріи не приходило на мысль сортировать по породамъ лошадей какогонибудь легко-кавалерійскаго полка и удостовѣриться въ томъ, что, съ развитіемъ овцеводства и уменьшеніемъ коннозаводства, собственно заводскихъ лошадей въ армейскіе полки поступало немного, ибо, съ уменьшеніемъ массы заводскихъ лошадей, не было возможности пріобрѣтать таковыхъ за 80 руб. сер., считая въ этомъ числѣ неминуемую убыль отъ болѣзней и поврежденій до сдачи въ полки.

Способности табунныхъ лошадей къ фронту опредѣлены давно, слѣдующими убѣжденіями: ѣзда безъ насильственна-

го сбора, безъ постановки шей и головъ и одержки на крупъ весьма доступна этимъ лошадямъ. Онѣ ходятъ рысью и скачутъ въ карьеръ, не хуже заводскихъ; но галопъ и вообще предметы фронтоваго щегольства встрѣчали всегда затрудненіе, какъ для обучающихъ, такъ равно и для обучаемыхъ солдатъ, во вредъ прочности ногъ и зрѣнія лошадей. Темная вода въ глазахъ, отъ которой много выбывало лошадей до прослуженія срока, была слѣдствіемъ подъема шей, постановки головы и одержки на задъ. Несмотря на усиленную выѣзду, эти лошади не щеголяли красотою передовъ, одержкою въ равновѣсіи на задъ. Шей у нихъ, отъ природы не выходящія изъ холки вверхъ, а болѣе впередъ, не пріобрѣтаютъ должной постановки; ганаши узкіе, упирающіеся въ горло, отчего носъ держатъ высоко. Для уничтоженія этого нагляднаго недостатка, вырабатываютъ ихъ лбомъ внизъ и этимъ задерживаютъ свободное движеніе ногъ.

Лошади, при пріемѣ ихъ отъ ремонтера, опредѣляются годными по наружному виду, а потомъ уже разсматриваются отдѣльно по статьямъ, не имѣютъ ли какой порчи или недостатка, не допускающихъ къ пріему по инструкціи. Лошадь, оказавшуюся соотвѣтствующею къ строевому назначенію, принимаютъ; при видимомъ же безобразіи, не подходящую къ формѣ строевыхъ лошадей, опредѣляютъ негодною, по статьямъ, къ пріему лошадей. Лошадей, не имѣющихъ пороковъ, но бракованныхъ по несоотвѣтственности статей, ремонтеръ ставитъ на усиленный кормъ и содержитъ въ холѣ, щегольски, потомъ пріучаетъ къ выводкѣ на длинномъ поводѣ, къ постановкѣ въ позитуру. Лошадь, приготовленная такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ совершенно другой видъ и, приведенная въ числѣ недовода, принимается въ ремонтъ, потому что въ этомъ видѣ ея никто не узнаетъ. Встрѣчается также, что нѣкоторые изъ лошадей, поступающихъ во фронтъ, оказываются совершенно неспособными для требуемой выѣздки, по общей неспособности, проявляющейся во всѣхъ породахъ, не исключая и лучшихъ породъ заводскихъ лошадей.

Разбирая дорогихъ лошадей по статьямъ, понимающій требованія верховой ѣзды легко можетъ опредѣлить, какая годна подъ верхъ и какая только хороша упряжная. Такъ точно, разсматривая безобразную лошадь, простой табунной породы, безошибочно опредѣляется совершенно годная для верховой ѣзды. Если взять въ сравненіе съ послѣдней заводскую красивую, но

годную только въ упряжку и утверждать, что безобразная калмыцкая или татарская способнѣе первой для фронта, то цѣнители заводскихъ лошадей сдѣлаютъ весьма невыгодное заключеніе о вкусѣ и знаніи о лошадяхъ предложившаго это мнѣніе; между тѣмъ, по справедливости, слѣдуетъ отдать преимущество калмыцкой или другой какой породѣ, вполне способной для верховой кавалерійской ѣзды, передъ красивою заводскою лошадыю. Въ этомъ взглядѣ на лошадь нельзя не обвинить насъ, кавалеристовъ, въ пристрастіи къ заводскимъ лошадямъ, по наружнымъ ихъ формамъ, въ общемъ ихъ составѣ, не примѣняя раздѣльных частей ихъ склада къ потребностямъ, необходимымъ для выѣздки. Если бы для выбора лошадей въ кавалерію главнымъ условіемъ считались сила, крѣпость и быстрый бѣгъ, то многія лошади, полагаемыя теперь негодными, могли бы поступить во фронтъ съ большею пользою. Татарскія и калмыцкія лошади имѣютъ шеи длинныя, сухія, вытянутыя впередъ, холку высокую, острую; спину сгорбленную; грудь узкую; брюхо подогнутое; складъ тѣла худощавый; крупъ съ торчащими клубами; рѣпицу низкую, висающую между ногъ. Но, при этомъ отсутствіи красоты, лошади эти обладаютъ способностію скакать въ продолженіе трехъ дней съ самыми малыми остановками, чтобы перевести духъ и пожевать травы. Заботливый наѣздникъ, во время своего пути, чтобы не запалить лошади, не даетъ ей ни капли воды, и она отъ этого не обезсиливается. Какую бы кавалерію можно было составить для военнаго времени на этихъ лошадяхъ, при требованіяхъ ѣзды, доступной ихъ натурѣ! Пользу, какую могли бы принести эти лошади, мы можемъ только предполагать, потому что, въ регулярной кавалеріи, требуются лошади съ высокими шеями, малыми и сухими головами, высокопередыя, съ прямой спиной, съ отвислымъ задомъ, но съ высокой рѣпицей, отдѣляющейся, при первомъ движеніи съ мѣста. При такихъ условіяхъ, однѣ только заводскія лошади или табунныя, близко подходящія статьями своими къ заводскимъ, могли имѣть мѣсто въ кавалеріи. Тщательный выборъ лошадей изъ табуновъ барышниками, съ условіемъ не таврить ихъ до покупки, чтобы продать впоследствии, какъ заводскихъ, былъ причиною ихъ сортировки, быть можетъ, во вредъ натуральнымъ ихъ достоинствамъ, отъ введенія новыхъ кровей. Табунная лошадь, получивъ тавро, по волѣ барышника, поступаетъ во фронтъ,

какъ заводская, но уже не по настоящей своей цѣнѣ за 45 руб., какъ заплатилъ барышникъ, а не менѣе 70 р., какъ заплатилъ ремонтеръ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ купилъ лошадь заводскую. Если же и зналъ онъ, что покупаетъ, то основывался на тавръ, въ томъ убѣжденіи, что если лошадь и хороша, но не заводская, принята не будетъ, какъ не допускаемая въ ремонтъ по инструкціи.

Какой именно породы лошадь лучше для фронта, отстраняя наружный видъ, положительно опредѣлить невозможно. Породы животныхъ не выливается по одной формѣ. Всѣ животныя, имѣющія короткія переднія ноги и длинныя заднія, сотворены для шабкого и неутомимаго бѣга. Въ примѣръ можно привести: серпу, зайца, борзую собаку и проч. Этому свойству подчинены и лошади. Если требовать продолжительной и быстрой скачки отъ кавалеріи, то необходимо измѣнить господствующій взглядъ на кавалериста, въ томъ видѣ, въ какомъ рисуется позитурѣ сѣдока съ лошадью въ манежныхъ учебникахъ, по преданіямъ рыцарства. Измѣнивъ этотъ взглядъ, будутъ доступны всѣ породы нашихъ лошадей въ кавалерію, и тогда мы не будемъ находиться въ постоянномъ опасеніи, что, въ послѣдствіи времени, не найдемъ въ Россіи лошадей, годныхъ для фронта. Для этого необходимы еще и слѣдующія условія:

1) При пріемѣ лошадей отъ ремонтеровъ, не увлекаться наружнымъ видомъ и не требовать особаго показнаго щегольства, при представленіи ремонта. Ремонтеры, зная, что мы, кавалеристы, не всегда умѣемъ опредѣлить достоинство нераскормленной лошади, по необходимости, должны покупать съ расчетомъ, чтобы имѣть достаточныя средства для щегольского содержанія раскормкой, и заботятся о томъ, чтобы у лошадей были небольшія красивыя головы, высокія и длинныя шеи. Такихъ лошадей, раскормивъ насильственно, давая сѣна вдоволь и овса по шести гарнцевъ въ сутки, весьма удачно представляютъ ремонтъ къ сдачѣ, потому что всякая изъ лошадей форситъ, выбрасываетъ ногами, шею ставитъ высоко и во всю длину, отдѣляетъ рѣзкую, показывая какъ будто натуральный, ей свойственный, огонь. Но тѣ же самыя лошади, поступивъ въ ѣзду и получая въ полку продовольствія по 10 фунтовъ сѣна и по 3 гарнца овса въ сутки, въ самое непродолжительное время, представляются въ томъ видѣ, въ какомъ произвела ихъ натура. Раскормленная такимъ

образомъ ремонтная лошадь, покуда привыкнетъ къ регулярному продовольствію и втянется въ труды, по нѣскольку разъ подвергается болѣзнямъ, начало которыхъ должно искать въ усиленной раскормкѣ. Главнѣйшія болѣзни, проявляющіяся у молодыхъ лошадей, принятыхъ раскормленными, суть: неагураальный мытъ, воспаленіе кишекъ, чесотка и оглушъ.

2) Необходимо кавалеристамъ изучать скелетъ лошади и по немъ дѣлать заключеніе о годности или негодности оной къ службѣ. Чѣмъ хуже содержится лошадь въ тѣлѣ и болѣе обозначенъ скелетъ, тѣмъ удобнѣе, по костямъ, опредѣлить ея достоинство. Для этого слѣдуетъ: поставить ремонтерамъ въ обязанность не раскармливать насильственно лошадей, а приводить ихъ въ полки только не изнуренными, отпуская въ ежедневную дачу не болѣе 10 фунтовъ сѣна, 5 фунтовъ соломы и по 2 гарца овса. На сухой кормъ ставить лошадей при усиленіи жаровъ, а не передъ выступленіемъ изъ квартиръ для отправки въ полки. Избѣгать покупокъ жирныхъ лошадей у барышниковъ, раскормленныхъ искусственнымъ кормомъ, составленнымъ изъ различныхъ примѣсей, въ пойлахъ, раздувающихъ лошадей во вредъ ихъ здоровью и прочности. Впрочемъ, если не будутъ требовать, чтобы лошади представлялись для сдачи въ полномъ тѣлѣ и щегольскомъ содержаніи, то сама собой прекратится барышническая раскормка, уничтожающая, въ послѣдствіи, многихъ лошадей, поступающихъ въ кавалерію. Въ каждомъ эскадронѣ можно найти нѣсколько лошадей, прослужившихъ не болѣе полусрока, называемыхъ худоконными. Эти лошади были приняты въ полки въ хорошемъ содержаніи, но, разъ потерявъ тѣло, скоро уже наждаются и имѣютъ брюхо втянутое. Въ давно-прошедшее время, лошади не приводились въ полки привязанными къ поводкамъ, но пригонялись табунами и разлаживались тогда, уже, когда были приняты. Никто изъ старослуживыхъ, въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, не признавалъ нашихъ лошадей пригодными къ кавалерійской службѣ. Въ послѣдствіи, когда начали улучшаться породы лошадей, фронтъ приобрѣлъ шаполюской и оружейный видъ; но оказались значительныя убыли лошадей въ полкахъ. Эта убыль, въ послѣднія войны, до того была велика, что превышала даже половинный комплектъ полка. Результатъ этого не доказываетъ превосходства кавалеріи имѣннаго времени, въ сравненіи съ легкоконными и первыми вѣкомъ сформированными гусарскими полками.

3) Лошади не всѣхъ породъ въ одно время складываются. Хотя по зубамъ и опредѣляются лѣта молодыхъ лошадей; но часто случается, что не выростившая послѣднихъ молочныхъ крайковъ имѣетъ клы совершенно образовавшимися. Подобную лошадь можно опредѣлить по зубамъ четырехъ и пяти лѣтъ. У другихъ послѣдніе молочные крайки замѣнились постоянными зубами, а клы только что начинаютъ прорѣзываться. Лошади, содержащіяся въ табунахъ постоянно на свободѣ, въ четыре года имѣютъ весь свой костяной составъ совершенно разившимся; тѣ же, которые содержатся въ денникахъ или конюшняхъ, складываются не ранѣе шести лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по приводѣ ремонта въ полкъ, не должно торопиться выѣзкою для полного числа рядовъ: эта поспѣшность можетъ быть неизбежною только въ военное время. Слѣдствіемъ поспѣшной выѣздки — неминуемая порча ногъ, расслабленіе спинъ и потеря зрѣнія. Можно бы было допустить поспѣшную выѣздку, если бы представлялась возможность покупать и приводить въ полки ремонтныхъ лошадей со всѣми постоянными зубами; но въ заводахъ приготавливаются лошади для продажи, по большей части, по третьему году, а измѣнить этого совершенно невозможно. Заводчики расчитываютъ издержки на содержаніе лишнихъ двухъ лѣтъ, и лошадь въ пять лѣтъ не считается у нихъ ремонтною и имѣетъ совершенно другую цѣну въ сравненіи съ трехлѣтками. По приѣмъ ремонтныхъ лошадей въ полки, выѣзка ихъ начинается въ то время, когда нѣкоторыя болѣютъ отъ сбрасыванія крайковъ; когда же поступаютъ во фронтъ, то болѣютъ вторично отъ прорѣза кловъ. Лошади въ этомъ возрастѣ, употребляемыя въ ѣзду, не разрастаются въ костяхъ, и многія изъ нихъ до семилѣтняго возраста остаются въ лошащемъ складѣ; между тѣмъ, онѣ успѣли уже угнуть спины, ослабнуть на ноги и получить въ глазахъ темную воду. Эта болѣзнь никогда не переводится въ полкахъ. Поступаютъ въ бракъ только слѣпые на оба глаза, а кривые, т. е. съ однимъ вытекшимъ глазомъ, продолжаютъ служить, потому что замѣнить ихъ невозможно. Годовой ремонтъ, пополняя палыхъ и совершенно негодныхъ къ употребленію, не въ состояніи переѣмлять всѣхъ прослужившихъ сроки; слѣдовательно, полкъ, въ продолженіе девяти лѣтъ, не переѣмляетъ всѣхъ лошадей девятилѣтними ремонтами: порча и убыль палыми составляютъ значительное на опленіе лошадей,

прослужившихъ сроки, изъ которыхъ многія, по силѣ и крѣпости, служатъ въ уровень съ лошадьми среднихъ лѣтъ.

4) Разсматривая лошадей по костяному ихъ составу, не должно допускать ручной выводки, весьма выгодной для сдатчика, «чтобы показать товаръ лицомъ», какъ выражаются барышники; но осматривать на свободномъ поводѣ, позволивъ лошади стать въ натуральномъ положеніи. Лошадь, поставленная въ позитуру, прямо на переднія ноги, съ вытянутой шеей, головой и задними ногами, по волѣ выводчика, скрываетъ свои недостатки. Въ этомъ положеніи, пріемщики, оцѣняя достоинство лошади, разсматриваютъ отдѣльно части ея склада, но не обращаютъ вниманія на главный предметъ, который остается имъ неизвѣстнымъ: это есть отвѣсная линія натуральной постановки переднихъ и заднихъ ногъ молодой лошади.

До сихъ поръ, въ описаніяхъ статей, опредѣляющихъ отдѣльно каждую часть лошади, никто не опредѣлилъ съ точностію: что такое отвѣсная линія переднихъ и заднихъ ногъ. Между прочимъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ важный предметъ, составляющій главнѣйшее условіе къ опредѣленію способности лошади для верховой ѣзды.

Исключивъ опредѣленіе различныхъ сортовъ ногъ и видимые ихъ недостатки, такъ подробно описанные во всѣхъ наставленіяхъ о выборѣ лошадей для верховой ѣзды, разсмотримъ наглядно общій складъ лошади по скелету.

Пятый хребетный позвонокъ составляетъ самую важную часть холки, 4-й и 3-й позвонки ниспадають внизъ, впередъ къ шеѣ.

Дурно содержанная лошадь имѣетъ въ этомъ мѣстѣ впадину, которая уподобляетъ шею верблюжьей; но лошадь раскормленная пріобрѣтаетъ наѣды шейныхъ связокъ, и отъ хорошаго содержанія составляется гребешокъ, дѣлающій шею красивою, но похожую на прежнее ея положеніе, когда лошадь продовольствовалась подножнымъ кормомъ. Эта самая лошадь, еслибъ постоянно содержалась въ конюшнѣ, не имѣла бы впадины надъ 4 и 3 позвонками. Лошадь, содержанная на конюшнѣ, при высокихъ ясляхъ, теряетъ это углубленіе; но, бывъ выпущена на подножный кормъ, оказывается, что шейныя связки такъ сжаты, что она съ трудомъ достаетъ до земли мордой и должна разставить переднія ноги и даже подогнуть колѣни, чтобы до-

стать корма. Это происходитъ отъ отвычки вытягивать шею внизъ. Въ непродолжительное время, послѣ постоянного продолговатія подножнымъ кормомъ, шея опускается, вытягивается, попрежнему, и углубленіе или впадина надъ 4 и 3 позвонками вновь появляется. Послѣ подножнаго корма, лошадь, взятая на мундштукъ, теряетъ красивую постановку шеи. Изъ этого слѣдуетъ, что не одному искусству манежной выѣздки кавалерійскія лошади обязаны дугообразнымъ положеніемъ шей, но и конюшенному содержанію при ясляхъ. Въ военное время, лошади, постоянно привязанныя къ коновязному аркану и получая кормъ изъ-подъ ногъ, не имѣютъ уже тѣхъ дугообразныхъ возвышенныхъ шей, какія имѣли въ мирное время, при конюшенномъ содержаніи, и вмѣстѣ теряютъ легкое чувство опоры на мундштучныя удила или тянуть руку, или остаются за поводомъ, какъ бы прежде ни были хорошо выѣзжены. Этотъ недостатокъ исправляется временемъ и не можетъ считаться порокомъ, при приѣмѣ лошадей во фронтъ.

Отвѣсная линія, или правильная постановка ногъ, опредѣляется слѣдующимъ наблюденіемъ: если отъ возвышенности холки, т. е. отъ 5 позвонка, опустить отвѣсную линію внизъ до земли, то она должна касаться задней линіи передней ноги до щетки. Если эта линія, отъ 5 позвонка ниспадая по отвѣсу внизъ, касается копыта при пяткѣ, въ половину копыта, и даже до цѣпа, или отойдетъ отъ линіи переднихъ ногъ, не прикасаясь къ оной, то, при самомъ правильномъ устройствѣ переднихъ ногъ, лошадь оказывается неспособною къ верховой ѣздѣ, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Если отвѣсная линія пройдетъ по копыту, а тѣмъ болѣе коснется къ зацѣлу, то такая лошадь годна только къ упряжи, потому что собственная тяжесть корпуса не раздѣлена поровну на переднія и заднія ноги. Такая лошадь ходитъ на передѣ, и, чтобы одержать ее на крупѣ, потребуются большихъ усилій искусства, не всегда успѣшныхъ безъ расслабленія заднихъ ногъ.

2) Правильная постановка переднихъ ногъ проходитъ по отвѣсной линіи, отъ 5 позвонка холки, чрезъ оконечность локтевой кости до щетки и потомъ опускается къ землѣ, не далѣе отъ пятки, какъ на вершокъ. Многія лошади имѣютъ природный козинецъ, который нѣсколько не препятствуетъ годности къ

службѣ, если колѣни плоски и не имѣютъ бугровъ, которые означаютъ уже не природный недостатокъ, а болѣзненное ослабленіе.

3) Если отвѣсная линія не касается ни локтевой кости, ни щетки и ноги идутъ впередъ подъ угломъ или почти параллельно съ отвѣсною линіею, то такая лошадь имѣетъ холку удаленную назадъ, плечи выдавшіяся впередъ. Шея поставлена слишкомъ высоко и голова поднята вверхъ. Лошадь, имѣющая такое устройство череда, скачетъ или галопируетъ, подымая передъ высоко, что очень красиво на видъ, но для скачки продолжительной неспособна потому, что съ высоты опускаетъ ноги, почти по отвѣсу внизъ. Постоянно обремененная тяжестью корпуса, ноги не въ состояніи легко передавать общую тяжесть впередъ, и лошадь скачетъ съ напряженіемъ, не растягивается на скаку и, отъ усиленнаго разбиванія скаковыхъ суставовъ, скоро утомляется и разбивается на заднія ноги.

4) Правильно устроенныя заднія ноги должны имѣть отвѣсную линію, отъ точки соединенія 6 пояскаго позвонка крестцовой кости до зацѣпа задняго копыта. Этого устройства заднія ноги удерживаютъ тягость корпуса въ натуральномъ равновѣсіи, способны къ одержкѣ и къ быстрымъ поворотамъ на скаку; поддерживаютъ крупъ безъ принужденія и всегда остаются неповрежденными отъ усиленной ѣзды или утомительныхъ походовъ.

5) Если отвѣсная линія пересѣкаетъ копыта, выходящая впередъ за линію, то такая лошадь, имѣя заднія колѣни слишкомъ согнутыми, выѣзжается только при умѣренной ѣздѣ; но какъ разгибаніе ногъ, при движеніи впередъ, усиленно, то они скоро утомляются и, при самомъ внимательномъ сбереженіи, подвержены порчѣ, потому что задняя часть корпуса натуральною своею тяжестью обременяетъ скаковые суставы.

6) Лошади, у которыхъ копыта заднихъ ногъ остаются сзади отвѣсной линіи, менѣе другихъ способны къ верховой ѣздѣ. Эти лошади могутъ быть выѣзжены только съ порчею ногъ. На всѣхъ аллюрахъ, заднія ноги, какъ жодули, передвигаются вслѣдъ за передними и отстаютъ отъ череда. Если взять въ соображеніе, что всѣ четвероногія животныя, у которыхъ заднія ноги сгибаются впередъ, начинаютъ движеніе съ мускульной опоры, одной изъ заднихъ ногъ, то ясно видимо,

что лошадь, которая не имѣетъ въ заднихъ колѣнахъ достаточнаго сгиба для соответственнаго равновѣсія тягости, а ноги служатъ только подпорками крупу, не можетъ употреблять своей скаковой суетаги для свободнаго сгибанія и разгибанія, не можетъ надавать тяжесть на переднія ноги и принимать обратно на заднія. При усиленномъ напряженіи заднихъ ногъ, почти безъ сгиба колѣнъ, крупъ не удерживается въ равновѣсіи съ передомъ, потому что не имѣетъ подъ собой сгибающейся пружины, надбрасываетъ задъ вверхъ и выбиваетъ ѣздока изъ сѣдла. Положимъ, что это обстоятельство не составляетъ важности; но важно то, что лошади съ подобными задними ногами не имѣютъ свободнаго движенія впередъ, скоро разбиваются и поспеваютъ въ бракъ. При неправильномъ устройствѣ заднихъ ногъ лошади, можно допустить, чтобы заднія копыта отходили назадъ отъ отвѣсной линіи не далѣе, какъ на вершокъ, и то при такомъ только устройствѣ зада, когда отвѣсная линія, опущенная отъ оконечности сѣдалищной кости, не коснется пяточной кости и колѣни будутъ отъ линіи нѣсколько впереди. Лошади съ такими ногами, если хорошо содержаны и приучены къ искусственной выводкѣ, поставленные въ позитуру, прямо на переднія ноги, съ вытянутыми задними ногами, имѣютъ весьма красивый видъ. Спина ихъ вмѣстѣ съ рѣшней составляютъ почти прямую линію и подходятъ къ тѣмъ красивымъ задомъ, съ правильными задними ногами, которые рѣдко встрѣчаются, даже между лучшими породами заводскихъ лошадей.

Принять въ соображеніе отношеніе ногъ къ отвѣсной линіи, что и должно составлять самое главное условіе при покупкѣ ремонтныхъ лошадей, всѣ породы, плодящіяся въ Россіи, будутъ способны для кавалерійской службы. Выборъ лошадей на этомъ основаніи не встрѣтитъ затрудненій для покупателя, потому что въ большемъ количествѣ табуновъ удобнѣе будетъ выбрать и купить, нежели теперь — изъ сортовъ однихъ только заводскихъ улучшенныхъ породъ. Конечно, для церемональной ѣзды не всякая табунная лошадь способна, сообразно съ существующими требованіями выѣздки. Большая часть изъ нихъ не могутъ носить голову въ подборѣ, т. е. подать съ поднятой шеей изъ холки вверхъ, опустивъ носъ внизъ. Этому препятствуетъ устройство втораго шейнаго позвонка, по слѣдующимъ натуральнымъ причинамъ:

Лошади заводскія, по большей части, на второмъ году поступаютъ, въ зимнее время, подъ крышу, въ нарочно устроенныя строенія, и кормъ получаютъ не изъ-подъ ногъ, а изъ яслей, поставленныхъ довольно высоко. По необходимости, онѣ поднимаютъ шею высоко и, подбирая кормъ на днѣ яслей, опускаютъ головы внизъ, прижимая шею къ брусамъ яслей. Шейные позвонки постепенно принимаютъ дугообразное положеніе, какое въ послѣдствіи, почти, натурально имѣютъ на мушкетерахъ. Второю шейный позвонокъ, разъединяясь съ третьимъ, раскрывается наподобіе складнаго ножа, и чрезъ это образуется длинный затылокъ, доставляющій просторное помѣщеніе для нижне-челюстной кости. Лошадь табунная или варковая, постоянно подбирающая кормъ подъ ногами, даже и тогда, когда бываетъ испугана, мало подымаетъ шею и голову вверхъ, а болѣе вытягиваетъ впередъ. Понятно, что такую шею трудно поднять вверхъ, придвинуть ближе къ холку и опустить по отвѣсу линіи морды. Приѣмщики ремонтвъ, заботясь только о наружномъ видѣ лошадей, обязываютъ ремонтеровъ обращать вниманіе: на длинныя высокія шеи, пропорціональныя и сухія головы; но этихъ-то принадлежностей, по большей части, и не имѣютъ табунныя лошади.

При покупкѣ нашихъ лошадей иностранцами, заключается важное условіе—требовать отъ нихъ такую ѣзду, какая возможна по ихъ способности въ удовлетвореніе только одной фронтальной службы, общепринятые аллюры которой суть: шагъ, рысь—малая и прибавленная, и карьеръ. На этихъ аллюрахъ дѣлаютъ заѣзды, повороты, остановки, отступаютъ назадъ и принимаютъ двумя слѣдами. Болѣе этого и нашъ фронтъ не требуетъ для исполненія условій регулярнаго строя. Галопъ они не требуютъ отъ фронтальныхъ лошадей, въ томъ положеніи красиваго сбора, высокаго подъема переднихъ и сгиба заднихъ ногъ, какъ у насъ. Какая же лошадь, купленная съ правильными и крѣпкими ногами, не можетъ исполнить этихъ требованій? Всякая лошадь и у насъ можетъ быть приготовлена для фронта, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, безъ малѣйшихъ поврежденій, если поступить для выѣздки со всѣми постоянными зубами, что легче отыскать въ табунахъ, нежели въ улучшенныхъ заводахъ.

Галопъ есть аллюръ искусственный, а не натуральный. На галопѣ лошадь должна держаться, постоянно, на одной изъ

задникъ несетъ всю тяжесть своего корпуса и съ одной ноги передавать тяжесть на передъ, потому что если лошадь галопируетъ изъ упора лѣвой задней, то почти въ одно и то же время выбрасываетъ впередъ обѣ правыя ноги, а лѣвою переднею только подпирается. Это движеніе есть насильственное съ поднятымъ передомъ для каданса, въ размѣръ положеннаго числа прыжковъ, чтобы въ минуту пройти 133 сажени и 1 аршинъ. Чувствуя утопленіе задней ноги, лошадь опускаетъ передъ ниже и прибавляетъ расширение прыжковъ; но поводья поднимаютъ передъ и удерживаютъ въ одномъ кадансѣ, для равенія: явное насиліе животнаго.

Кавалеристы убѣждаютъ, что насиліе лошади ничего не значить, что она для этого крѣпка отъ натуры. Но, убѣждая въ этомъ, никто не задаетъ себѣ вопроса: для какихъ именно служебныхъ причинъ, въ мирное время, необходимо обезсилить, изнурять и портить ноги лошадей?

Значительная порча лошадей, въ полкахъ, доказывается ображками молодыхъ, на седьмомъ году ихъ жизни, по прослуженіи не болѣе трехъ лѣтъ. Но въ каждомъ ремонтѣ оказывается по нѣскольку лошадей-выродковъ, которымъ не должно полагать, на службу, никакихъ опредѣленныхъ сроковъ. Эти выродки, поступивъ во фронтъ на четвертомъ году и прослуживъ десять лѣтъ, должны выраниживаться, несмотря на то, что находятся въ такомъ состояніи силъ и крѣпости, что могли бы прослужить нѣсколько лѣтъ. Въ тринадцать лѣтъ не должно считать лошадь старою: жизнь ея въ общемъ счетѣ до двадцати лѣтъ. Хорошихъ свойствъ лошадь можетъ служить до шестнадцатилѣтняго возврата.

При нынѣшнемъ приведеніи кавалерійскихъ полковъ по штату мирнаго времени, уничтожены, продажею съ аукціоннаго торга, лошади по записи въ полковой описи старѣе привода 1850 г. Всѣ полки съ сожалѣніемъ исполнили выранижировку лошадей, между которыми было по нѣскольку унтеръ-офицерскихъ, фланговыхъ и пѣздническихъ, тогда какъ во фронтѣ остались худшіе изъ слѣдующихъ ремонтовъ. Полезно бы было предостановить право полковымъ командирамъ выранижировать однихъ только негодныхъ къ службѣ лошадей: тогда бы полки освѣжались не поименно такъ по описи, а на самомъ дѣлѣ, и въ полкахъ оставались бы только годныя къ службѣ. Немалое число, изъ

оставшихся въ строю, поступило бы въ бракъ, и не годности ихъ, и потому, что нѣкоторые изъ нихъ даже старѣе годами тѣхъ, которые проданы съ аукціона. Лошади хорошаго сорта и свойства, составляющія исключенія изъ общей массы лошадей, вполне соответствующія назначенію для верховой ѣзды, прослужа срокъ, не теряютъ ни силы, ни бодрости, ни крѣпости ногъ. По инструкціи, для приѣма ремонтовъ, всѣ лошади поступаютъ въ полки не моложе четвертаго года и, въ то же время, принимаются пяти и шести лѣтъ; слѣдовательно, поступившія на службу въ 1850 году шестилѣтними, соответствуютъ записаннымъ по описи въ 1848, купленнымъ на четвертомъ году. Эти лошади не были выранжированы въ свой срокъ, по причинѣ весьма основательной: онѣ замѣнили собою молодыхъ худосочныхъ, слабыхъ, порочныхъ, равно и палыхъ, что и доказываетъ послѣднюю выранжировку привода даже 1845 и 1846 годовъ, по прослуженіи четырнадцати лѣтъ. Въ полкахъ остались лошади хуже нѣкоторыхъ проданныхъ. Эскадронные командиры представляли, на переѣзду, нѣкоторыхъ изъ оставшихся во фронтѣ; но полковой командиръ не могъ замѣнить лучшихъ худшими, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ злоупотребленіи. Распоряженіе о выранжировкѣ однихъ негодныхъ къ службѣ лошадей принесло бы существенную пользу, — и въ такомъ только случаѣ, когда не оказывается негодныхъ, слѣдовало бы выранжировывать изъ старослуживыхъ. Для службы болѣе принесетъ пользы лошадь старая, но здоровая, въ сравненіи съ молодой, ожидающей въ лазаретѣ выранжировки и не употребляемой въ ѣзду. Необходимо выранжировывать за старостію лѣтъ не изъ высшаго срока записанныхъ по описи, а изъ трехъ старшихъ сроковъ, чтобы не вынустить изъ полка лучшихъ и не оставить худшихъ и старѣе, потому что принимаются въ нарядъ ремонтъ четырехъ, пяти и шести лѣтъ въ одно время. Записка лошадей по порядку, въ книгу, не должна заключать въ себѣ преимуществъ одной передъ другою.

Полезно бы было совершенно уничтожить опись: лошадей, поступившихъ въ ремонтъ, тащить на шѣхъ подъ гривой, и поставить первую литеру полка. Въ военное время, лошадь, вырванная изъ рукъ и прикинутая къ другому полку, терится безвозвратно для полка, которому она принадлежала. Примеры атому случались нерѣдко и еще чаще будутъ повторяться.

при разныхъ шерстахъ. Годъ привода въ полкъ долженъ означать двумя цифрами, а лошадямъ, назначаемымъ въ бракъ, на другой сторонѣ шеи или на лопаткѣ, въ присутствіи инспектирующаго, ставить знакъ буквою Б. Наличнымъ лошадямъ въ полку и въ эскадронахъ вести акуратный счетъ по номерамъ и названіямъ, обѣ убыли дѣлать разслѣдованіе и составлять акты освидѣтельствванія, подтверждающій дѣйствительность убыли, и представлять его на инспекторскихъ смотрахъ. Съ этими условіями останутся на службѣ только годныя лошади. Число негодныхъ опредѣлить число, слѣдующее для перемены на слѣдующій годъ, помѣщая въ этомъ числѣ и палыхъ отъ болѣзней и изломанныхъ на скачкахъ и ученьяхъ. Никто изъ полковыхъ командировъ не выранижуеъ хорошей и не оставитъ въ полку худшей лошади. Въ отстраненіе злоупотребленій, для означенія годовъ: ремонта, завести клейма или цифры одного размѣра и хранить ихъ въ дивизионныхъ штабахъ. При инспекторскихъ смотрахъ, подновлять клейма заросшія, а при выранижированіи ставить литеру, означающую бракъ. Лошадей, назначаемыхъ къ выранижированію, повѣрять подъ сѣдоками, всѣ эскадроны вѣстѣ, за исключеніемъ выранижировываемыхъ по болѣзнямъ и поврежденіямъ. Послѣ смотра, немедленно продавать бракованныхъ лошадей, какъ не приносящихъ пользы и чтобы не расходовать напрасно суммъ, отпускаемыхъ для содержанія, до полученія новыхъ ремонтовъ. Число рядовъ въ дѣйствующихъ эскадронахъ будетъ всегда въ комплектѣ, пополняя убыль изъ резервныхъ эскадроновъ. Для учей изъ двухъ резервныхъ эскадроновъ составлять одинъ только эскадронъ, чтобы сберечь молодыхъ лошадей, не пришедшихъ въ настоящія силы. Въ мирное время не составляетъ важности недостатокъ десятой части лошадей въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, особенно въ полкахъ, не ожидающихъ осеннихъ сборовъ, но много выигрываетъ казенный интересъ.

Записывая лошадей въ книгу съ названіемъ ихъ, номерами, приѣздами, дѣтами и ростомъ, невольно выражаются слѣдующія недоумѣнія. Въ началѣ Венгерской войны, сформированнымъ кавалерійскимъ резервамъ, и поступавшимъ въ оныя полки, покупавшимъ полками на 1849 годъ, и, въ одно же время, произошла экстренная покупка лошадей въ большихъ размѣрахъ. Покупка въ резервахъ производилась въ продолженіе 1848, 1849 и 1850 го-

довъ. Первые приемы лошадей въ дѣйствующіе полки начались съ 849 на 850 годъ. Нѣкоторые приемщики выдали квитанціи о приемѣ лошадей въ послѣднихъ числахъ 849, а другіе—въ первыхъ числахъ 850 года. Лошади, полученныя изъ резервовъ, были причислены по годамъ ихъ поступления въ полки, безъ раздѣленія по ремонтамъ. Въ числѣ лошадей, записанныхъ въ книгѣ описей въ 1850 годъ, состояли разнѣй покупкѣ трехъ годовъ, и если еще допустить, что въ покупкѣ 1849 года, поступившихъ въ срокъ на 1850 годъ, состояли пяти и шестилѣтнія лошади, то нынѣ состоятъ во фронтѣ по запискѣ въ 1850 году, старѣе нѣкоторыхъ лошадей, проданныхъ до 850 года.

При переводѣ полковъ изъ одной дивизіи въ другую, оказывается, что въ полкахъ, состоявшихъ въ 3 дивизіи, много накопилось лошадей 1849 года, тогда какъ ихъ совершенно нѣтъ въ полкахъ 2 дивизіи.

Въ Венгерскую войну, дивизіи, въ одно время, потерпѣли значительную убыль и въ одно время пополнялись изъ резервовъ лошадьми разныхъ сроковъ привода; то обстоятельство, почему въ однихъ полкахъ не состоятъ ремонтовъ 1849 года, а въ другихъ оныя находятся въ двойномъ числѣ, невозможно отнести къ чему либо другому, какъ къ недоумѣнію, происшедшему отъ записки лошадей одного и того же неполненія изъ резерва, въ разные годы ремонтовъ. Въ томъ, что между лошадьми 1850 года состоятъ очень старыя, весьма легко удостовѣриться: по зубамъ, по наружнымъ примѣтамъ, означающимъ хилость отъ старости лѣтъ, и по клеймамъ, поставленнымъ въ резервахъ 1849 года, которые въ полкахъ замѣнены вновь поставленными 1850 года. Смотря по книгѣ описи, казалось, что эти полки свѣжѣе другихъ, имѣющихъ большое число лошадей 1849 года.

Предоставивъ право полковымъ командирамъ сортировать лошадей по ихъ свойствамъ и достоинству, полки были бы освѣжены не по книгѣ описи, а лошадьми. Одно только злоупотребленіе можетъ допустить себѣ полковой командиръ, назначивъ видную и хорошую, не ѣздѣ, лошадь подъ офицера за ремонтную цѣну; но, въ этомъ случаѣ, фронтъ нисколько не терять, а, напротивъ, въ замѣнъ этой лошади, получая молодую, освѣжается. Если бы случилось, что полковой командиръ взялъ съ офицера выше ремонтной цѣны или продалъ лошадь въ частныя руки, то это злоупотребленіе не осталось бы безъ гласности

и не скрылось отъ вниманія высшаго начальства. Гг. офицерамъ, приобрѣтшимъ лошадь изъ фронта, должно воспретить продажу таковой на сторону. Съ согласія командира полка, онъ можетъ вымѣнять купленную имъ изъ фронта лошадь на другую въ такомъ только случаѣ, когда вновь приобрѣтаемая оказывается въ высшемъ достоинствѣ сбываемой.

Ограничивъ излишнія требованія утонченной выѣздки и приготавливая кавалерію только для фронта и разсыпныхъ дѣйствій, лошади нашихъ породъ, при хорошемъ выборѣ, могутъ служить болѣе десяти лѣтъ. Но для этого галопъ не долженъ быть отдѣльнымъ аллюромъ, а введеніемъ или приготовленіемъ къ карьеру, безъ наблюденій, съ какой ноги скачетъ лошадь, лишь бы этотъ скакъ не былъ въ перекрестъ ногъ и составлялъ приравненный аллюръ — для рыси, а вытянутый, во всю прыть — для атаки. Приучая лошадей скакать въ натуральномъ равновѣсіи ихъ корпуса, приобрѣтаемомъ не подъемомъ передъ съ одержкой на крупъ, а частыми насккиваниями, увеличивая и уменьшая стремленіе, лошади будутъ повиноваться побужденіямъ, въ мѣрѣ, потребной для службы, и произойдетъ скаковой аллюръ, быстрый, ровный и незасученный. Этимъ аллюромъ, въ случаѣ надобности, кавалерія наша проскачетъ десять и болѣе верстъ, безъ вреда для лошадей. Нынѣ вниманіе кавалеристовъ обращено на то, чтобы лошади могли, при атакѣ, проскакать 1,800 аршинъ; но и при этой непродолжительной скачкѣ наши лошади утомляются, что происходитъ собственно отъ насильственнаго употребленія заднихъ ногъ, освобождаясь вдругъ отъ привычной имъ одержки въ сборѣ, съ поднятымъ передомъ, приобрѣтенной отъ выѣздки мѣрнаго галопа въ тактъ. Лошади, выѣзжаемые безъ сбора и одержекъ, галопируютъ или скачутъ, раотягивая корпусъ, вытягивая переднія ноги впередъ, а заднія отбрасывая назадъ, и копытами едва отдѣляются отъ земли вверхъ, но во всю длину ногъ подаются впередъ. Постоянно приучая строевыхъ лошадей къ опорѣ на мундштукъ, мы довели ихъ до того совершенства, что безъ чувствъ повода онѣ спотыкаются на переднія ноги, не идутъ впередъ по прямой линіи, а на карьерѣ торопятся задними ногами и горбятъ спины.

Въ нашей ѣздѣ, требуемые на галопѣ переходы съ одной руки на другую, безъ перемѣны и съ перемѣною ногъ, чѣмъ покрѣпляется успѣшная выѣзка, породили мнѣніе, что въ Россіи

мало лошадей, способныхъ для кавалерійской службы, въ сор-
татъ, доступныхъ въ ремонтъ, по ихъ стоимости, сообразной съ
отпускомъ на покупку 80 руб.

Такъ бываетъ и въ дѣйствительности. Съ уменьшеніемъ кон-
нозаводства, съ возвышеніемъ цѣнности на ремонтныхъ лоша-
дей, трудность пріобрѣтенія таковыхъ увеличивается годъ отъ
году; условія, требуемыя отъ лошади выѣзкою, сдача и пріемъ
ремонта, пополненіе ремонтныхъ недоводовъ, дорогое содержа-
ніе лошадей въ депо ставятъ ремонтеровъ въ крайне затруд-
нительное положеніе.

Чтобы на будущее время не лишиться возможности снабжать
кавалерію лошадьми, представляется одна возможная мѣра, со-
стоящая въ томъ, чтобы посадить кавалерію на тѣхъ лошадей,
которыми мы такъ богаты, допустя въ покупку всѣ существую-
щія у насъ породы, и преимущественно изъ степныхъ табуновъ,
не исключая и киргизскихъ; но, при этомъ условіи, необходимо
измѣнить взглядъ на складъ лошадей и имѣть въ виду одну слу-
жебную ихъ прочность. Въ массѣ значительнаго числа степныхъ
табуновъ, не предвидится затрудненія въ выборѣ лошадей. Не
щегольство наружнаго вида фронта, а боевое направленіе долж-
но господствовать при образованіи кавалеріи; занятія мирнаго
времени должны готовить ее къ дѣйствіямъ на войнѣ. При
этомъ измѣненіи взгляда, отстранится затрудненіе для ремонте-
ровъ, равно и для пріемщиковъ ремонтовъ.

Въ инструкціи о покупкѣ лошадей, 3 и 4 параграфами допу-
скается только 2 резервному корпусу покупать донскихъ, третью
часть ремонта. По нашему мнѣнію, въ этомъ отношеніи, слѣдо-
вало бы придерживаться инструкціи коннаго полка полковнику,
главы XII, страница 75 — «О добротѣ, ростѣ и о лѣтахъ строе-
выхъ лошадей въ конномъ полку», гдѣ сказано: «Лошад и должны
быть статныя, плотныя, не пашистыя, въ крестцахъ широкія, не
косопяпыя, не низкопередыя, не острокостыя, а лѣтами поку-
паться отъ четырехъ до шести лѣтъ, мѣрою не менѣе двухъ
аршинъ одного вершка, а въ гусарскихъ полкахъ не менѣе
двухъ аршинъ». Если прибавить еще къ руководству: въ легкую
кавалерію покупать не выше двухъ аршинъ двухъ вершковъ,
то этого сорта лошади весьма удобно найдутся во всѣхъ табу-
нахъ, безъ всякихъ предварительныхъ свидѣній и аттестатовъ
по инструкціи 1852 года, §§ 40 и 41.

Ремонтёры, покупая лошадей на коммерческомъ правѣ, должны быть освобождены отъ осмотра лошадей въ дено, потому что иногда случается сдѣлать покупки на условіи содержанія въ заводѣ: впродѣ до востребованія; слѣдовательно, многія лошади могутъ не находиться на лицѣ. Осмотры дѣлаютъ ремонтёрамъ большое расстройство: отвлекаютъ ихъ отъ разъѣздовъ для приисканія лошадей и ставятъ въ необходимость содержать налицо всѣхъ купленныхъ, теряя въ случаѣ ихъ убыли, тогда какъ, по условію съ заводчикомъ, выдавъ послѣднему задатки, ремонтёр беретъ съ завода лошадей передъ самымъ отправленіемъ ремонта въ полки, не принимая на себя никакихъ потерь. При этой сдѣлкѣ, ремонтёр, не содержа искомленныхъ имъ лошадей на собственномъ продовольствіи, можетъ платить за нихъ дорожку, приобретаая лучшихъ сортовъ.

Принимая лошадей въ поведѣ на выводкѣ, невозможно опредѣлить съ вѣрностію, что изъ какой лошади можетъ выйти впоследствии. Нельзя требовать, чтобы всѣ лошади ремонта соединили въ себѣ свойства унтеръ-офицерскихъ и фланговыхъ, лишь бы онѣ были способны для службы, и достаточно, если лошади будутъ доставляемы въ полки нѣсколько усмирёнными и обласканными, безъ всякой выводки, при которой употребляютъ хлысты и бичи, запугивающіе лошадей, собственно для ерса при выводкѣ, прибавляя въ полкахъ лишнія затрудненія при усмирёніи. Всякая лошадь неусмирённая показывается злоп нравною; но случаются злобныя, не исправимыя въ прослуженіи всего срока службы. Эти лошади бывають причиною ушиба и смерти людей: слѣдовало бы допустить ихъ къ выбраковкѣ, по истеченіи одного года службы.

Формируя кавалерію на лошадяхъ степныхъ, табунныхъ породы, база должна измѣниться въ коренныхъ правилахъ по маневренному управленію и согласоваться болѣе съ инстинктомъ животнаго. Калмыки и Татары представляютъ собою лучший образецъ для кавалеріи, и если къ одиночной ихъ наѣздѣ лошадей присоединить требованія регулярнаго строя, то мы будемъ имѣть кавалерію, не уступающую кавалеріи французскихъ африканскихъ егерей, о которыхъ такъ много было толковъ, по окончаніи войны.

Что такое маневръ? Назалось бы, что самый простой отвѣтъ долженъ опредѣлить его значеніе, въ кавалеріи, слѣдующими

словами: Манежъ есть просторное строеніе, состоящее изъ четырехъ высокихъ стѣнъ, для защиты людей отъ холода во время зимы, и вліянія непогоды во все время года. Въ смыслъ учебномъ, подъ словомъ манежъ принято разумѣть: обученіе кавалериста — рекрутскую школу; напримѣръ:

§ 40. «Когда кавалеристъ имѣетъ барьеръ манежа по лѣвой рукѣ, то такое направленіе называется фодою на правую руку, а когда барьеръ на правой рукѣ, то называется фодою на лѣвую руку или сторону.»

Это опредѣленіе весьма справедливо; но чтобы кавалеристъ, приготовляемый къ полю, не соображался въ движеніяхъ со стѣнами манежа, ближе бы было къ солдатскому понятію слѣдующее опредѣленіе: какъ идешь пѣшкомъ прямо, то такъ же, и сидя на конѣ, ѣдешь прямо; а когда заворачиваешь своимъ лѣвымъ плечомъ, то дѣлаешь поворотъ или заѣзды направо, и потомъ опять ѣдешь прямо, по измѣненному направленію направо. Это объясненіе знакомо бы солдатъ съ перемѣною направленія отдѣленія, взвода, эскадрона, полковаго фронта и густой колонны, повернутой въ какую нибудь сторону и дѣлающей заходженіе по отдѣленіямъ, такъ же, какъ и одинъ человекъ: правымъ или лѣвымъ плечомъ для перемѣны направленія налево или направо.

§ 30. «Поводья раздѣляются на внутренній и наружный. Внутреннимъ поводомъ называется тотъ, который на разныхъ поворотахъ на траверсъ и на всѣхъ аллюрахъ, по прямой линіи, находится съ той стороны, на которую предполагаютъ дѣлать всѣ повороты. Наружный тотъ, который противостоитъ внутреннему. Подобнымъ же образомъ и шенкеля называются внутреннимъ и наружнымъ.»

Это раздѣленіе поводьевъ, при управленіи лошадью, дѣлаетъ затрудненіе, и покуда солдатъ не привыкнетъ владѣть поводьями, всегда какимъ нибудь затягиваетъ болѣе, нежели другимъ, и лошадь склоняетъ шею на сторону и кривитъ ротъ. Было бы удобопонятнѣе слѣдующее толкованіе:

Кавалеристъ долженъ сидѣть прямо по отвѣсу и держать лошадь ровно въ обоихъ поводьяхъ и въ обоихъ шенкахъ, и когда нужно поворотить направо, то придерживаетъ лѣвый бокъ лошади вкрѣпѣ, чтобы задъ не отошелъ налево, и всею своею лѣвою стороною поворачивается къ правой сторонѣ, дѣлая плавный

оборотъ лѣвыми плечомъ впередъ. При этомъ оборотъ корпуса направо, оба повода въ мѣру поворота будутъ также уклоняться къ правой сторонѣ, и если, придерживая лѣвою икрою бока, для сказанной причины, дать чувствовать слегка шевеленіемъ правую икру, то лошадь отойдетъ передомъ направо столько, сколько нужно, даже и нѣсколько разъ обойдетъ передомъ вокругъ своего зада, покуда ѣздець не поставитъ корпуса своего въ прежнее положеніе, т. е. въ равновѣсіе на обѣ стороны.

Для боковыхъ ходовъ двумя слѣдами, отводи плечо впередъ къ сторонѣ приниманія, поводья склоняются въ сторону и отведи передъ лошади, а икра должна нажимать бока съ противоположной стороны, и если нужно увеличить движеніе, то употребляется нажиманіемъ и другая икра, плавающими или короткими пожиманіями, смотря по надобности или по чувствительности лошади, не ожидая для этого отъ лошади какъ одну, такъ и другую икру.

Поворотъ на холу дѣлается также оборотомъ плеча къ сторонѣ направленія, но нѣсколько медленнѣе. Этому же правилу управленія подлежатъ и кругъ, или вольтъ, или заѣздъ охлѣпленіемъ, вьездомъ и выездомъ, на всѣхъ аллюрахъ. Лошадь, чувствуя перетѣвъ на какую либо сторону тяжести сѣдла, инстинктивно поворачивается передомъ, вмѣстѣ съ поворотомъ корпуса всадника въ сторону. Деводья, въ двухъ ли рукахъ, или оба въ одной лѣвой рукѣ, одинаково передаютъ чувство вѣсугу, на уздецѣхъ на лошади, или на мушкетерѣхъ.

При поворотахъ всадника на спинѣ лошади, если ему нужно поворотиться самому безъ лошади, для дѣйствія оружіемъ, не поворачивая лошади, происходитъ слѣдующая разница. Для поворота вмѣстѣ съ лошадью, всадникъ, сидя плотно на сѣдлѣ, отъ лѣвой икры поворачивается всюю лѣвою стороною корпуса, вмѣстѣ съ руками или съ одной рукой на мушкетерѣхъ, а для поворота безъ лошади припадаетъ нѣсколько на сременахъ, поворачивается корпусомъ въ какую нужно сторону и опускается въ равновѣсіе своей тяжести на разное на обѣ стороны, на спину или на шею сѣдла.

Во время поворота корпусомъ для дѣйствія оружіемъ, лѣвая рука должна оставаться на мѣстѣ, на томъ самомъ мѣстѣ надъ лукою, какъ была до поворота. Для поворота же вмѣстѣ съ ло-

шадью, рука вмѣстѣ съ корпусомъ склоняется къ той сторонѣ, куда нужно поворотить лошадь. Для заѣзда на твердой и неподвижной оси (взводное ученье, § 68), слѣдуетъ учить поворотамъ на мѣстѣ и на ходу, на сторону шенкеля. При сборѣ лошади къ правой сторонѣ, дѣлать поворотъ налево, а при сборѣ налево дѣлать поворотъ направо на противоположную икру отъ сбора, чтобы лошадь могла дѣлать заѣзды, какъ предписано въ § 68. Для этого необходимо, чтобы, на мѣстѣ, лошадь ходила задомъ и передомъ вокругъ шенкеля и поворачивалась на половину своей длины. Если поворотъ дѣлается къ сторонѣ лѣваго шенкеля при сборѣ направо, то чтобы лошадь уносила передъ налево, а задъ направо. Для этого задъ не должно отталкивать икрой, а только слегка придерживать бокомъ лошади, и поворотомъ корпуса къ лѣвой сторонѣ правымъ плечомъ впередъ, а лѣвымъ нѣсколько назадъ, лошадь отходить передомъ налево и задомъ направо, въ одно время. Это необходимо для заѣздовъ, какъ сказано о заѣздахъ на подвижной или неподвижной оси, взводнаго ученья, глава VII, § 68: «Людемъ передней шеренги въ продолженіе заѣзда поворачивать слегка передъ лошади къ оси и откидывать отъ оной крутъ, прикладывая икру со стороны оси. Это движеніе есть контръ-вольтъ, которому, въ одиночныхъ занятіяхъ, въ манежахъ, не обучаютъ. Но если обучать на шагу и на рыси, то и на скику лошадь не будетъ засѣкать конами въ перекрестъ, а одѣлаетъ заѣздъ, удаляя задъ отъ центра, такъ, какъ требуетъ означенный параграфъ взводнаго ученья.»

По натуральному правилу ѣзды, приобретенной опытомъ, у всѣхъ наѣздническихъ народовъ, которые ѣздили хорошо, не имѣя никакого понятія о поводѣ внутреннемъ или наружномъ, равно и о раздѣленіи шенкелей на внутренній и наружный, управление лошадью исполняется на слѣдующемъ основаніи: чтобы тронуть съ мѣста, наѣзники сдавливаютъ лошадь обѣими икрами и ослабляютъ поводья. Чтобы войти рысью, сдавливаютъ обѣими икрами; заводятъ въ поводъ и потомъ пошевеливаютъ то правой, то лѣвой икрой, для учащенія хода. Чтобы поскакать въ карцерь, сначала нажимаютъ лошадь икрами, чтобы пошла шагомъ, и, вводя въ поводъ, пошевеливаютъ икрами, а когда лошадь подбодрится входить въ трѣть, даютъ отрывистые толчки обѣими икрами, въ одно время. Лошадь, привыкая къ этому

побужденію, растягивается во всю свою длину и скачетъ быстро, безъ всякой суеты. Поводья во все время скачки имѣютъ опору, но не сокращаютъ натурального положенія шеи, и если на скаку лошадь просить води, то облегчаютъ опору, не забывая о томъ, красиво ли, или некрасиво лошадь держитъ голову и шею. Для большаго стремленія впередъ, облегчаютъ заднія ноги, подавая корпусомъ впередъ, для уменьшенія скачки садятся прямо, въ отвѣсъ, а для остановки уклоняются корпусомъ назадъ. Лошадь всѣ движенія впередъ дѣлаетъ изъ заднихъ ногъ, и какъ только почувствуетъ лишнюю тяжесть въ скаковыхъ суставахъ, то и сокращаетъ длину скачковъ задними ногами и входитъ въ плавный скакъ, или нашъ прибавленный галопъ. Эта простая ѣзда не разбиваетъ ногъ лошадей, не ослѣпляетъ и не запаливаетъ. Можно надѣяться, что лошади, прослужившія во фронтѣ десять и болѣе лѣтъ, не будутъ выранжировываемы такими калѣками, какъ строевыя лошади нынѣшняго времени, и, по прослуженіи срока, многія изъ нихъ будутъ возить казенный обозъ, для котораго подъемныя лошади, собственно для обозовъ покупаемыя, окажутся совершенно лишними. Въ военное время, по уничтоженіи подъемныхъ лошадей, запрягаютъ строевыхъ, менѣе годныхъ къ фронту, на которыхъ и слѣдуетъ за полками десятидневный запасъ продовольствія людей.

Эта ѣзда, по натуральности своей, такъ немногосложна, что, въ военное время, резервы, формируя эскадроны, съ большимъ успѣхомъ могли бы приготовить и людей и лошадей для боевой службы. Но если требовать галопа съ перемѣною ногъ, то эта простая и удобно понимаемая ѣзда не можетъ служить условіемъ выѣздки строевыхъ лошадей.

Какая могла бы составиться кавалерія на этихъ условіяхъ ѣзды, слѣдовало бы сдѣлать испытаніе на одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ.

Всѣмъ служившимъ въ походахъ извѣстно, что лошади, выѣзженные натуральными побужденіями, безъ форсировки и сбора, служатъ покойно и выказываютъ огонь только при понужденіяхъ, когда случится надобность, и служатъ неутомимо, безъ изнуренія. Лошади же манежной выѣздки, покуда имѣютъ силы, горячатся и тротируютъ; изнуряясь и обезсиливаясь сами очень скоро, онѣ своимъ безпокойнымъ ходомъ утомляютъ ѣздока. Кто служилъ въ Турецкую войну 1828 г., тотъ

вспомнить, какихъ прекрасныхъ лошадей роздали намъ изъ рукъ берейторовъ (казенныхъ офицерскихъ № 1); но долго ли онѣ служили подлѣ нами? Какъ только кавалерія сошлась съ непріятелемъ, то всѣ лошади поступили въ шеренги, а мы ѣздили на строевыхъ и выбирали преимущественно съ донскими и татарскими таурами. Этихъ лошадей всегда было достаточно во фронтѣ, несмотря на общее убѣжденіе въ томъ, что наша кавалерія посажена на заводскихъ лошадей.

П. С.

16 января 1860 года.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О КОННОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

Въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ военныхъ журналахъ, появлялись статьи, въ которыхъ проявлялись разсужденія о безполезности конной артиллеріи, на томъ лишь основаніи, что, съ усовершенствованіемъ, въ новѣйшее время, ручнаго огнестрѣльнаго оружія, полевая артиллерія вообще принуждена измѣнить калибры своихъ орудій и употребляетъ преимущественно орудія далеко-берущія, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, по тяжести своей, будутъ неудобны для быстрыхъ и продолжительныхъ движеній конной артиллеріи. Сверхъ того, нѣкоторые находили: что офицеры конной артиллеріи, по спеціальному артиллерійскому образованію, отстали отъ своихъ товарищей-офицеровъ пѣшей артиллеріи, что содержаніе конной артиллеріи, потерявшей свое прежнее значеніе съ усовершенствованіемъ ружей и штуцеровъ, обходится правительству слишкомъ дорого; наконецъ, что замѣнить ее можно, такъ называемою, вѣдящею артиллеріею, то есть такою, въ которой прислуга одѣдуетъ за орудіями на повозкахъ. Словомъ, предлагалось много способовъ къ коренному преобразованію оружія, которое, по всѣмъ войскамъ, употребляется согласно цѣли своего назначенія, дѣйствовало успешно и доблестно.

Всѣ эти предположенія порождены были послѣднею войною, въ которой, какъ извѣстно, конной артиллеріи, за исключеніемъ немногихъ и неговорящихъ въ ея пользу случаевъ, не пришлось принимать участія, потому что для успѣшнаго дѣйствія этого оружія нуженъ просторъ и открытое поле сраженія.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Медемъ, въ одной изъ книжекъ «Военнаго Сборника» за 1859 годъ, помѣстилъ статью въ защиту конной артиллеріи, въ которой открыто возстаетъ противъ нынѣшнихъ ея порицателей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что офицеры конной артиллеріи прочли съ удовольствіемъ статью барона Медема, который обширными своими познаніями въ исторіи войнъ и сраженій имѣетъ громкій авторитетъ.

Въ іюньской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1859 годъ помѣщена другая статья о конной артиллеріи. Заключая въ себѣ особый, своеобразный взглядъ на тактику всѣхъ войскъ вообще, она интересна; но, къ сожалѣнію, та часть статьи, гдѣ говорится собственно о конной артиллеріи, весьма слаба, и въ ней проявляется отсутствіе практическаго знанія конно-артиллерійскаго дѣла. Между прочимъ, въ статьѣ сказано: что конная артиллерія—это не кавалерія, что конныхъ артиллеристовъ можно посадить на двухъ и четырехколесныхъ повозкахъ, что драгуны тоже замѣнимы: вмѣсто нихъ, по мнѣнію автора, можно бы, въ случаѣ нужды, употребить цѣлый стрѣлковый баталіонъ, временно посаженный на гусарскихъ лошадей, и проч.

Рождается вопросъ: къ чему можетъ повести подобная полемика о конной артиллеріи? Неужели споръ этотъ можетъ имѣть послѣдствіемъ замѣну конной артиллеріи ѣздящею пѣшею артиллеріею?

Слѣдовало ожидать, что офицеры конной артиллеріи вооружатся перомъ и примутся защищать, каждый по мѣрѣ силъ, свое оружіе. Кому же болѣе, какъ не имъ, специалистамъ въ этомъ дѣлѣ, доказать пользу конной артиллеріи? Но до сихъ поръ весьма немногіе выступили на эту почетную арену.

Рѣшившись сказать нѣсколько словъ о конной артиллеріи, я поставилъ себѣ цѣлью содѣйствовать къ опроверженію мысли о бесполезности ея. Надѣюсь достигнуть этого простымъ изложеніемъ организаціи, свойствъ и характера ея въ бояхъ.

Нѣкоторые военные писатели, имѣя въ виду различіе, существующее между пѣшею и конною артиллеріею, принимаютъ для состава арміи—не три, а четыре главныхъ оружія: пѣхота и пѣшая артиллерія, кавалерія и конная артиллерія. Если же артиллерію вообще не признавать оружіемъ самостоятельнымъ; то все же для состава арміи остается два главныхъ и два при нихъ вспомогательныхъ оружія: пѣхота съ пѣшею артиллеріею и кавалерія съ конною артиллеріею.

Для успѣха въ совокупномъ бою, оба рода артиллеріи, какъ пѣшая, такъ и конная, должны согласоваться съ характеромъ того оружія, съ которымъ дѣйствуютъ нераздѣльно.

Пѣхота ничего не потеряетъ, если въ бою, вмѣсто пѣшей артиллеріи, при ней будетъ находиться конная, на томъ основаніи, что послѣдняя, находясь при пѣхотѣ, будетъ дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ, какъ бы дѣйствовала при кавалеріи. Слѣдовательно, если, по обстоятельствамъ, конная артиллерія должна участвовать въ бою при пѣхотѣ, то, по составу своему, она остается конною, но по дѣйствию есть временно пѣшая артиллерія. Нельзя того же сказать о пѣшей артиллеріи; она неспособна дѣйствовать съ кавалеріею, потому что, какъ говорится, «конный пѣшему не товарищъ».

Если отличительный характеръ пѣхоты составляютъ: хладнокровное мужество безъ пылкаго увлеченія, стойкость и выдержка подъ непріятельскимъ огнемъ, неотразимый натискъ впередъ и отпоръ атакующаго, то и нѣшая артиллерія, дѣйствуя нераздѣльно съ пѣхотою, усвоила себѣ этотъ характеръ.

Характеръ же всякой кавалеріи составляютъ: быстрота и продолжительность движеній, предприимчивость и смѣлая атака; то и дѣйствующая при ней конная артиллерія должна имѣть тѣ же отличительныя свойства.

Слѣдовательно, пѣшая и конная артиллерія расходятся между собою въ образѣ и характерѣ дѣйствій, и различіе ихъ не заключается въ томъ, что въ одной прислуга идетъ пѣшкомъ, а въ другой слѣдуетъ верхомъ за орудіями.

Пѣшая и конная артиллеріи, хотя дѣти и одной матери, но различныхъ характеровъ. Первая, слѣдуя постоянно шагомъ вмѣстѣ съ пѣхотою, только небольшія разстоянія, и то при вѣздахъ на позицію, идетъ рысью, оставляя половину своей прислуги назади.

Занявъ позицію и оставаясь на ней нѣкоторое время, она имѣетъ возможность производить мѣткую стрѣльбу—устойчиво, покойно и хладнокровно.

Напротивъ того, конная артиллерія, по кавалерійскому составу своему, сильна въ бою не столько мѣткостію выстрѣловъ, сколько быстротою своихъ движеній. Позицію, для занятія которой пѣшая артиллерія должна употребить полчаса, конная батарея занимаетъ и обстрѣливаетъ въ десять минутъ. Притомъ же, движенія конной артиллеріи не только быстры, но и продолжительны, и эта-то продолжительность быстрыхъ движеній со-

ставляетъ одно изъ главнѣйшихъ ея преимуществъ передъ пѣшею артиллеріею.

Одинъ только случай, гдѣ пѣшая артиллерія въ состояніи дѣйствовать при кавалеріи, это тотъ, когда сія послѣдняя, для какой нибудь демонстративной цѣли, должна стоять въ виду непріятеля, не трогаясь съ мѣста. Огнемъ своимъ пѣшая артиллерія можетъ прикрывать кавалерію отъ непріятеля; но слѣдовать за нею она не въ силахъ. Удовлетворять этой послѣдней цѣли можетъ одна лишь конная артиллерія, и, притомъ, съ тою организаціею, какую она, съ небольшими измѣненіями, сохранила у насъ въ продолженіе 65 лѣтъ.

Но конная артиллерія, какъ бы ни была она проникнута убѣжденіемъ, что, для достиженія успѣха въ бою, ей слѣдуетъ образоваться въ духъ кавалеріи, должна прежде всего помнить, что она артиллерія.

Если въ пѣшей артиллеріи одинъ преобладающій элементъ артиллерійскій, то въ конной ихъ два: артиллерійскій и кавалерійскій.

Конная артиллерія, по назначенію своему, близко подходитъ къ кавалеріи, хотя, сражаясь вмѣстѣ съ нею, она не дѣйствуетъ ударомъ и холоднымъ оружіемъ.

Стремительно и смѣло идетъ кавалерія въ атаку, съ твердымъ намѣреніемъ опрокинуть непріятеля ударомъ сомкнутого или палетомъ разсыпаннаго строя, и, опрокинувъ его, довершить пораженіе въ рукопашной схваткѣ. Не отставая отъ своей кавалеріи, конная артиллерія подбѣзжаетъ къ непріятелю на самое близкое разстояніе и поражаетъ его артиллерійскимъ огнемъ. Дѣйствуя съ позицій, она есть артиллерія, но въ движеніяхъ съ кавалеріею, вѣдаясь въ кавалерійскую схватку, гдѣ проявленія боя, безпрестанно измѣняясь, слѣдуютъ быстро одинъ за другимъ, конная артиллерія, живо перемѣняя позиціи, часто даетъ выгодный оборотъ дѣлу.

Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ въ конной артиллеріи кавалерійскій элементъ. Согласившись со сказаннымъ нами, нельзя упрекать ее въ томъ, что будто бы, для достиженія кавалерійскаго элемента, она пожертвовала частію своихъ артиллерійскихъ обязанностей. Офицеры конной артиллеріи хорошо понимаютъ, что нарушеніе равновѣсія между этими двумя элементами имѣетъ прямое слѣдствіе уменьшеніе боевой силы ихъ оружія, и потому неудивительно, что они, оставаясь артиллеристами, въ то

же время, причисляютъ себя къ кавалеріи и этимъ самымъ болѣе или менѣе въ понятіяхъ о значеніи своего оружія и въ служебныхъ занятіяхъ расходятся съ офицерами пѣшей артиллеріи.

Причина появившихся недоразумѣній заключается въ маломъ знаніи конно-артиллерійской службы, которая не изучается посредствомъ одной только теоріи, а приобрѣтается долгою, боевою службою въ конныхъ батареяхъ. И потому можно ли было читать равнодушно въ одномъ военномъ журналѣ слѣдующую фразу: «какъ офицерамъ пѣшей артиллеріи даны теперь также верховыя лошади; то нѣтъ никакой причины не очередоваться имъ въ фронтовой службѣ съ офицерами конной артиллеріи...» Другими словами: офицеры пѣшей артиллеріи всегда могутъ замѣнить офицеровъ конной артиллеріи.

Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ. Офицеры пѣшей артиллеріи, служа съ отличіемъ и пользою въ своихъ батареяхъ, едва ли будутъ на своемъ мѣстѣ во фронтѣ конной артиллеріи, хотя мы безусловно не отрицаемъ, что и въ этомъ случаѣ могутъ быть исключенія. Не въ искусствѣ верховой ѣзды, какъ утверждаютъ нѣкоторые, состоитъ конно-артиллерійская служба, а кое въ чемъ другомъ, неувидимомъ для офицеровъ, не служившихъ и не служащихъ въ ней.

Хорошія, выѣзженныя лошади составляютъ для конныхъ батарей предметъ чрезвычайной важности, и потому неудивительно, если выѣзка лошадей и самая верховая ѣзда обращаетъ на себя особенное вниманіе офицеровъ конной артиллеріи. Занятія эти, въ извѣстное время года, идутъ своимъ порядкомъ и отнюдь не могутъ быть причиною упадка какъ артиллерійской части, такъ и занятій учено-артиллерійскихъ, и нельзя утверждать, чтобы офицеры пѣшей артиллеріи опередили, въ специальныхъ познаніяхъ, своихъ товарищей, служащихъ въ конныхъ батареяхъ: не видимъ ли мы, что, наравнѣ съ офицерами всей артиллеріи, офицеры конной артиллеріи съ отличіемъ и пользою служатъ: въ арсеналахъ, заводахъ, техническихъ заведеніяхъ и комитетахъ, гдѣ нельзя же служить съ пользою, не обладая специальными артиллерійскими познаніями... Но довольно объ этомъ — возвратимся къ конной артиллеріи.

Продолжая развивать причины кавалерійскаго построенія конной артиллеріи, мы смотримъ на нее, какъ на необходимую принадлежность кавалеріи, съ которою только и должна она дѣйствовать. Гдѣ бы ее ни употребили, оторвавъ отъ кавалеріи,

она почувствуетъ себя неловкою, хотя и можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ. Что драгуны въ кавалеріи, то конная артиллерія въ артиллеріи вообще. Въ конной артиллеріи оба элемента: артиллерійскій и кавалерійскій, такъ тѣсно соединены между собою, что если лишить ее одного, то она перестанетъ быть конной артиллеріей, не обратившись въ пѣшую.

Повторяемъ, что не выѣздки лошадей и верховую ѣзду мы разумѣемъ подъ кавалерійскимъ элементомъ, хотя и это чисто матеріальное занятіе, какъ мы уже сказали, составляетъ одну изъ главныхъ и необходимыхъ частей фронтовой службы конной артиллеріи.

Кавалерійскій элементъ конной артиллеріи заключается въ умѣнн и способности ея слиться въ бою въ одно единое оружіе съ кавалерією, для чего, какъ сказано уже, она должна усвоить себѣ всѣ свойства кавалеріи: ея быстроту, легкость движенія, стремительность и смѣлость въ атакахъ и налетахъ, не выходя, однакожъ, изъ сферы артиллерійской, то есть дѣйствуя орудіями.

Только служа во фронтѣ, офицеры конной артиллеріи усваиваютъ себѣ этотъ духъ удалства, эту легкость соображеній въ бою и мгновенное исполненіе ихъ на дѣлѣ, эту смѣлую скачку съ орудіями и зарядными ящиками, въ облакахъ пыли, въ хаосѣ кавалерійской схватки, гдѣ за мыслью слѣдуетъ исполненіе, гдѣ нѣтъ времени исчислять траекторію выстрѣловъ и наблюдать съ педантическою напряженностію за полетомъ снарядовъ, что, впрочемъ, отнюдь не значить, чтобы офицеры конной артиллеріи, при другихъ обстоятельствахъ, не въ состояніи были бы сдѣлать эти исчисления. Успѣхъ кавалерійскаго дѣла весьма часто зависитъ оттого, если офицеры конной артиллеріи ловко и искусно дѣйствуютъ своими батареями. Дѣйствовать такъ они могутъ только тогда, когда будутъ вполне свѣдуши въ тактикѣ кавалеріи и будутъ знакомы съ слабыми и сильными сторонами дѣла этого оружія. Офицеру конной артиллеріи необходимо знать въ подробности не только сущность кавалерійскаго строя и боя, но умѣть угадывать, во время самаго сраженія, ошибки своей конницы: безъ этихъ условій, и самая артиллерія на каждомъ шагѣ будетъ впадать въ ошибки.

Опасенія, что артиллерія, съ усовершенствованіемъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, потеряетъ часть своей боевой силы, намъ кажутся преувеличенными. Когда нынѣ существующія у насъ орудія замѣнятся нарѣзными, то между ружьемъ и пушкою

опять вполне возстанутъ тѣ отношенія, которыя существовали до изобрѣтеній Туvene и Минье.

Нѣтъ сомнѣній, что велики и вѣроятны могли быть надежды на губительное дѣйствіе штуцеровъ. Не безъ причины ожидали: измѣненія образа веденія войны, преобразованія тактики, а относительно артиллеріи полагали, что она, находясь подъ штуцернымъ огнемъ, должна неминуемо погибнуть или оставлять занятые ею позиціи; наконецъ, если пѣшая артиллерія съ орудіями большихъ калибровъ парализируется огнемъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, то конная артиллерія вмѣстѣ съ легкими батареями пѣшей артиллеріи и подавно должны отказаться навсегда отъ близкаго дѣйствія по непріятелю, слѣдовательно дѣлались бесполезными для арміи.

Но всѣ эти смѣлыя предположенія и умозрѣнія о дѣйствіи наръзныхъ ружей и штуцеровъ, не будучи еще достаточно подтверждены боевыми опытами, лишились части своего вѣса въ послѣднюю войну Французо-Сардинцевъ и Австрійцевъ въ Сѣверной Италіи. Слѣдившіе за ходомъ этой кампаніи могли замѣтить, что битвы рѣшались, по прежнему, колоннымъ натискомъ и рукопашнымъ боемъ пѣхоты, смѣлыми атаками кавалеріи, при ловкомъ содѣйствіи артиллеріи. Воюющія арміи довѣряли болѣе штыку и удару прикладомъ, нежели выстрѣлу, и тактика неизмѣнно удержала прежнее свое мѣсто, чѣмъ самымъ оправдалось на дѣлѣ мнѣніе генерала Жомини о степени вліянія наръзнаго ручнаго оружія на тактическія движенія и столкновенія войскъ въ большой войнѣ.

Нечего и говорить о томъ, что, для легкаго, продолжительно-быстраго движенія и достаточно сильнаго дѣйствія, конная артиллерія должна быть вооружена такими орудіями, которыя съ дальностію полета своихъ снарядовъ соединяли бы легкость, то есть наръзными. Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что наръзная артиллерія большихъ калибровъ будетъ преимущественно полезна для крѣпостной и осадной артиллерій, въ которыхъ дальность и сила выстрѣла составляютъ первое достоинство.

Въ полевой же артиллеріи, дѣйствующей обыкновенно противъ людей и лошадей, лучшіе снаряды—нынѣшнія гранаты и картечи. Сохранить ли наръзная артиллерія это условіе, безъ ущерба подвижности, мы не беремся рѣшить, потому что не вполне знакомы съ результатами опытовъ, производившихся надъ наръзными орудіями.

Во всякомъ случаѣ, полагать должно, что, послѣ опытовъ нѣсколькихъ войнъ, вся артиллерія будетъ нарѣзная, хотя замѣна нынѣшнихъ орудій съ гладкими каналами нарѣзными, потребуетъ нѣсколькихъ милліоновъ и много времени.

Мы живемъ въ вѣкъ преобразованій, слѣдующихъ быстро одно за другимъ. Благоразуміе требуетъ слѣдить за всѣми изобрѣтеніями и стараться все полезное и примѣнимое къ дѣлу усвоивать себѣ. Нарѣзная пушка, безъ всякаго сомнѣнія, подвергнется еще многимъ измѣненіямъ. Едва Французы ввели у себя нарѣзную артиллерію, хотя и въ небольшомъ количествѣ батарей, какъ по ту сторону канала, въ Англіи, Армстронгъ изобрѣлъ новую пушку, съ нарѣзами, которая, по достоинству своему, какъ говорятъ, далеко превзошла французскую.

Въ ожиданіи осуществленія этихъ важныхъ преобразованій по части артиллерійскихъ орудій, намъ остается, не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ, заботиться объ усовершенствованіи настоящей системы нашихъ орудій.

Намъ кажется, что уменьшеніе числа легкихъ батарей и замѣна ихъ батарейными батареями (къ которымъ довольно вѣрно можно причислить также и облегченныя батареи съ 12-фунтовыми, облегченными пушками), до времени общаго введенія нарѣзной артиллеріи, могло бы принести существенную пользу. Но, увеличивая число батарейныхъ батарей, какъ въ пѣшей, такъ и въ конной артиллеріи, съ цѣлью пересилить губительное дѣйствіе усовершенствованнаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія, нельзя, однакожъ, безусловно отвергать пользу теперешнихъ легкихъ батарей, имѣющихъ, какъ извѣстно, четверть-пудовые единороги и 6-фунтовые пушки. Много бываетъ случаевъ, въ которыхъ легкія батареи необходимы и не всегда могутъ быть замѣняемы облегченными батареями.

Въ легкихъ отрядахъ, форсированно и далеко движущихся, легкія батареи принесутъ несомнѣнную пользу. Если первые моменты разстройства отступающаго непріятеля совершатся батарейными и легкими батареями, то дальнѣйшее, часто продолжительное и утомительное преслѣдованіе должно быть дѣломъ кавалеріи съ легкими батареями. Имѣя это въ виду, намъ кажется, что $\frac{1}{4}$ -пудовые единороги и 6-фунтовые пушки могли бы быть упразднены въ одной лишь пѣшей артиллеріи, но въ конной часть ихъ необходимо должна оставаться.

Чтобы быть въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ,

полагаемъ полезнымъ для конной артиллеріи имѣть въ каждой бригадѣ: по 1 конно-батареѣ, 1 облегченной и 1 конно-легкой батарее, а въ дивизіи отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса—6 конно-батареѣныхъ батарей. При такомъ боевомъ составѣ, штуцерный огонь не будетъ для нея страшенъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы ей, въ видѣ исключенія, пришлось дѣйствовать противъ пѣхоты, ибо стрѣльбу непріятельскихъ наѣздниковъ изъ наѣзнаго оружія мы не считаемъ опасною.

Надобно здѣсь замѣтить, что артиллеристы до сихъ поръ еще не могутъ согласиться въ качествахъ 12-фунтовой облегченной пушки, хотя орудіе это имѣетъ и дальность и дѣйствительность выстрѣла и стрѣляетъ ядромъ, гранатою и картечью.

12-фунтовая облегченная пушка составляетъ середину между батареѣными и легкими орудіями, уступая первому и превосходя послѣднее. За неимѣніемъ $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ единороговъ и 12-фунтовыхъ пушекъ, орудіе это съ успѣхомъ можетъ замѣнять ихъ и, будучи значительно легче, вездѣ можетъ двигаться наравнѣ съ легкими орудіями.

Возстаютъ противъ пары лошадей, уравнивающей движеніе этой пушки наравнѣ съ легкими орудіями. Конечно, расходъ на нихъ великъ; но онъ совершенно вознаграждается дальностію и дѣйствительностію выстрѣла этого орудія.

Существующее въ конной артиллеріи мнѣніе, будто бы на быстромъ заѣздѣ 12-фунтовое облегченное орудіе подвержено перевертыванію, намъ кажется ошибочнымъ, на томъ основаніи, что чѣмъ большая тяжесть лежитъ на лафетѣ, тѣмъ менѣе этотъ послѣдній подверженъ опасности перевернуться. Притомъ же, на основаніи устава о строевой службѣ въ конной артиллеріи, заѣзды орудія производятся при постепенномъ переходѣ изъ карьера въ рысь и шагъ.

Мы уже сказали, что вопросъ о наѣзныхъ орудіяхъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно; но, тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что, съ постепеннымъ повсемѣстнымъ введеніемъ этой системы орудій въ нашей артиллеріи, для конной артиллеріи лучшимъ калибромъ была бы 8-фунтовая наѣзная пушка, въ замѣнъ орудій въ конно-батареѣныхъ и облегченныхъ батареяхъ, а 4-фунтовая—въ легкихъ батареяхъ; но, полагая, что наѣзные орудія не могутъ такъ успѣшно дѣйствовать картечью, какъ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ -пудовые единороги, мы думаемъ, что весьма полезно было бы въ полевой артиллеріи имѣть смѣшанную систему орудій,

то есть изъ нарѣзныхъ пушекъ и $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ единороговъ съ гладкими каналами. Тогда нарѣзные батареи, поражая непріятеля на самыхъ дальнихъ дистанціяхъ, при сближеніи съ нимъ, могутъ быть усилены $\frac{1}{2}$ -пудовыми единорожными батареями, съ ихъ многопульными гранатами и обыкновенными картечами.

Изложивъ нѣкоторыя мысли наши касательно системы орудій въ конной артиллеріи, бросимъ взглядъ на сущность строевого ея устава.

Нельзя не сознаться, что орудійные приемы и отѣзды съ поворотами такъ усовершенствованы и упрощены въ нашей полевой артиллеріи, что по этимъ частямъ устава нечего болѣе желать. Что же касается собственно боевыхъ движеній батарей — фронтомъ и колонною, то, въ этомъ отношеніи, мы полагали бы уменьшить и упростить нѣкоторыя построенія для того, чтобы дать возможность батареямъ дѣйствовать проворнѣе и развязнѣе; въ особенности эти преобразованія въ уставѣ были бы полезны для конной артиллеріи, движенія которой въ бою должны быть исполняемы рысью и карьеромъ и гдѣ нѣтъ возможности управлять голосомъ, а необходимо употреблять сигналъ трубою.

Въ совмѣстномъ бою съ кавалеріею, для конной артиллеріи необходимы: быстрое наступленіе изъ резерва колонною изъ середины въ два или четыре орудія, развертываніе колоннъ, притомъ въ виду непріятеля и подъ выстрѣлами, всегда въ карьеръ; смѣлое движеніе фронтомъ впередъ самую размашистою рысью, при неразрывныхъ интервалахъ, умѣнье съ быстротою перемѣнить направленіе въ требуемую сторону, плечомъ или по дирекціональному орудію, вѣздъ на позицію въ карьеръ и мгновенное открытіе самага живаго огня, наступленіе впередъ въ карьеръ (чтобы выиграть время для стрѣльбы), отступленіе тѣмъ же аллюромъ, если обстоятельства того потребуютъ, для чего предварительно должно двинуть назадъ на позицію зарядные ящики, построеніе колоннъ впередъ и назадъ — вотъ всѣ необходимыя построенія конной артиллеріи въ бою. Всѣ же остальные построенія, не употребляемыя въ бою, должны бы быть упразднены.

Энергическое и быстрое движеніе конной батареи, во время ученія, должно быть картиною ея настоящаго боеваго дѣйствія въ жаркомъ кавалерійскомъ дѣлѣ. Нигдѣ характеръ и темпераментъ командира не имѣютъ такого сильнаго вліянія на командуемую имъ часть, какъ въ конной артиллеріи.

По нашему мнѣнію, командиръ конной батареи, преимуще-

ственно передъ другими командирами частей, долженъ избѣгать педантизма и мелочей, заботясь довести своихъ подчиненныхъ до сознательнаго исполненія своего долга и поселить въ нихъ духъ энергіи, который составляетъ первое условіе всѣхъ служащихъ во фронтѣ конной артиллеріи. Если изъ 8 несущихся на позицію орудій нѣкоторыя опоздають пристроиться къ прочимъ орудіямъ, будучи задержаны какимъ либо непредвидимымъ случаемъ, то отъ этого успѣхъ дѣла ничего не потеряетъ, ибо огонь 6 или 7 орудій въ началѣ открытія огня равносильнъ огню 8 орудій, и жертвовать быстротою движенія для одновременнаго прибытія всѣхъ орудій на мѣсто значить лишить конную артиллерію возможности открыть своевременно огонь. Чѣмъ чаще учится батарея настоящимъ аллюромъ, тѣмъ рѣже подвергается она тѣмъ случайностямъ, которыя могутъ имѣть вредное вліяніе на успѣхъ ея дѣйствія, ибо фронтовая служба пріобрѣтается навыкомъ; а потому намъ кажется несправедливымъ мнѣніе, что будто бы частыя ученья съ запряженными орудіями на быстрыхъ аллюрахъ портятъ преждевременно лошадей и дѣлають ихъ негодными для службы. Чѣмъ чаще лошадь употребляется въ довольно продолжительныхъ и ускоренныхъ движеніяхъ, тѣмъ болѣе привыкаетъ она къ нимъ и тѣмъ легче ихъ переносить.

Но, какъ бы ни были проворны и ловки движенія конной артиллеріи, она, безъ мѣткой стрѣльбы, теряетъ свое значеніе. Имѣя это въ виду, батарейные командиры должны неусыпно наблюдать, чтобы всѣ ихъ фронтовые распоряженія направлены были къ этой главной цѣли всякой артиллеріи.

Извѣстно, что конная артиллерія, въ кавалерійскихъ дѣлахъ, продолжающихся, обыкновенно, недолго, для достиженія рѣшительныхъ результатовъ, должна сдѣлать, въ непродолжительное время, какъ можно болѣе выстрѣловъ: поэтому намъ кажется, что полезно было бы обучать конныя батареи прицѣльной стрѣльбѣ съ дистанціи 300—200 сажень безъ діоптра, черезъ торель и мушку, а картечью — постоянно безъ прицѣла. А какъ для прицѣльной стрѣльбы безъ діоптра необходима большая снаровка и вѣрность глаза, то, по мнѣнію нашему, полезно было бы нынѣшніе привѣсныя прицѣлы въ конныхъ батареяхъ замѣнить постоянными откладными прицѣлами, по образцу штуцерныхъ, приспособивъ ихъ по дистанціямъ отъ 200—350 сажень, сохраняя, вмѣстѣ съ симъ, для дальнѣйшихъ дистанцій и привѣсный прицѣлъ. Лучшій выстрѣлъ ядромъ, въ кавалерійскомъ

дѣлѣ, гдѣ непріятельская конница, обыкновенно, расположена въ нѣсколько линій и глубоко, есть настѣльный поперхъ торели и мушки; но для картечной и обыкновенной гранаты необходимъ небольшой уголъ возвышенія съ прирѣзанными трубками для дистанцій 300, 250 и 200 сажень, при чемъ трубки должны быть совершенно приготовлены, потому что, въ кавалерійскомъ дѣлѣ, нѣтъ времени и удобства для прирѣзки ихъ. Для дистанцій же болѣе 300 сажень небольшая часть гранатъ остается безъ трубокъ, съ однѣми втулками. Какъ самое рѣшительное дѣйствіе конной артиллеріи, въ кавалерійскихъ дѣлахъ, начинается съ картечныхъ дистанцій, то на болѣе близкомъ разстояніи мы полагали бы полезнымъ не терять времени на выбаниваніе орудій всѣми темпами, а находимъ достаточнымъ, послѣ каждого выстрѣла, одной сильной досылки банника до дна каморы; сверхъ того, нѣтъ нужды, послѣ каждого выстрѣла, накатывать орудія.

Принято за правило, чтобы взводные командиры въ артиллеріи, когда части ихъ, во время дѣла, дѣйствуютъ, слѣзали съ лошадей, для наблюденія за правильнымъ наведеніемъ орудій и приготовленіемъ зарядовъ. Противъ этого можно сказать: какъ, въ кавалерійскихъ дѣлахъ, обстоятельства боя непрерывно измѣняются и конная артиллерія должна во-время согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями своей и непріятельской конницы, то слѣзаніе офицеровъ съ лошади, въ конной артиллеріи, на боевыхъ позиціяхъ (особенно близкихъ къ непріятелю), болѣе вредно, нежели полезно, потому что лишаетъ ихъ возможности наблюдать за ходомъ дѣла и своевременно принимать надлежащія мѣры, какъ-то: смотря по обстоятельствамъ, оставаться ли на позиціи съ перемѣною только направленія выстрѣловъ, или раздѣлывать батарею, или замѣнить одинъ снарядъ другимъ, и т. п. Наблюдать же за безостановочнымъ дѣйствіемъ орудійной прислуги могутъ уносные фейерверкеры, оставаясь на своихъ мѣстахъ.

Для лучшаго уразумѣнія назначенія конной артиллеріи, необходимо также сказать нѣсколько словъ о тѣхъ тактическихъ дѣйствіяхъ, гдѣ именно одна только конная артиллерія можетъ сражаться, удерживая за собою ту главную выгоду, что вездѣ, гдѣ обстоятельства того потребуютъ, она можетъ дѣйствовать вмѣсто пѣшей артиллеріи.

Въ отдѣльныхъ или партизанскихъ отрядахъ, высылаемыхъ часто отъ арміи на большое разстояніе, для достиженія различ-

ныхъ военныхъ цѣлей, конная артиллерія, находясь въ ихъ составѣ, придаетъ имъ значительную силу и самостоятельность.

А какъ такіе отряды часто принуждены бываютъ совершать рядъ форсированныхъ маршей по глухимъ дорогамъ и пересѣченной мѣстности, то какъ бы ни была легка и подвижна пѣшая артиллерія, но, состоя при подобныхъ легко-конныхъ отрядахъ, она съ перваго же дня сдѣлается бременемъ для нихъ и, рано или поздно, будетъ брошена. Между тѣмъ, конная артиллерія, соединяя въ себѣ качества кавалеріи, всегда безпрепятственно можетъ слѣдовать съ нею форсированнымъ маршемъ, ибо заранѣе приучена къ быстрымъ и продолжительнымъ движеніямъ и всегда имѣетъ чѣмъ замѣнить своихъ изнуренныхъ лошадей, потому что, кромѣ шести упряжныхъ въ орудіи лошадей, въ горахъ и на топкой мѣстности, можетъ воспользоваться также верховыми лошадьми. И потому, въ партизанскихъ отрядахъ, съ ихъ открытыми и быстрыми движеніями, можетъ участвовать одна только конная артиллерія.

Когда передовые посты авангардовъ и арріергардовъ, по обстоятельству, выдвинуты на значительное разстояніе, то, въ случаѣ внезапнаго нападенія на эти посты, находящаяся при главныхъ караулахъ конная артиллерія оказываетъ кавалеріи своей самую надежную помощь. Послѣ встрѣчи непріятеля картечью, она сосредоточивается, въ общемъ отступленіи постовъ, на одномъ центральномъ пунктѣ и огнемъ своимъ прикрываетъ сборъ отступающей кавалеріи, до прибытія подкрѣпленій. Въ случаѣ же быстрого, слѣдовательно ошибочнаго, отступленія кавалеріи, она переносится назадъ на позицію въ карьеръ и снова открываетъ огонь. Очевидно, что пѣшая артиллерія, находясь въ подобномъ положеніи и мгновенно окруженная наскочащими на нее непріятельскими эскадронами, сдѣлалась бы добычею врага. Здѣсь содѣйствіе конной артиллеріи своей кавалеріи такъ многозначительно, что она, по всей справедливости, должна усвоить названіе: артиллеріи авангардовъ и передовыхъ постовъ.

Быстрое занятіе пункта переправы, дефиле или какого либо важнаго узла дорогъ, въ значительномъ отъ арміи или поля сраженія разстояніи, при чемъ часть кавалеріи должна пройти, въ два или три часа, 25 и болѣе верстъ, прибывъ же на мѣсто, тотчасъ вступить въ дѣло, — почти неисполнимо безъ конной артиллеріи. Слѣдуя, болѣею частію, въ головѣ колоннъ, она, въ случаѣ небольшихъ боевыхъ стычекъ на пути, смѣлымъ налѣ-

томъ опрокидываетъ непріятеля картечью и очищаетъ дорогу для своей кавалеріи; прибывъ на мѣсто и находя позицію занятою непріятелемъ, тотчасъ завязываетъ съ нимъ дѣло, давая возможность своимъ колоннамъ вступить въ боевыя линіи. Соединяя печальность появленія со смѣлостію и быстротою атаки, конная артиллерія, въ такихъ случаяхъ, становится навремя первенствующимъ оружіемъ.

Большія, открытыя рекогносцировки, предпринимаемыя съ цѣлью осмотрѣть непріятельскую позицію, расположеніе его войскъ, или выбора пункта для атаки, удаются тѣмъ легче, чѣмъ сильнѣе и быстрѣе самое ихъ исполненіе, слѣдовательно могутъ быть исполняемы только кавалеріею и конною артиллеріею.

Въ фланговомъ движеніи значительной массы кавалеріи въ виду непріятеля, для обхода одного изъ фланговъ его, конная артиллерія прикрываетъ это опасное движеніе живымъ огнемъ своихъ батарей и, непрерывною мѣною позицій, маневрируетъ такъ, чтобы, въ одно и то же время, дѣйствовать и не отставать отъ движеній кавалеріи.

При защитѣ переправъ чрезъ рѣку (когда избранный непріятелемъ пунктъ переправы еще неизвѣстенъ), кавалерія и конная артиллерія приносятъ несомнѣнную пользу. По первому извѣстію о наведеніи непріятелемъ моста, онѣ переносятся быстро на этотъ пунктъ и удерживаютъ непріятеля до прибытія пѣхоты и пѣшей артиллеріи. Ясно, что, въ этой трудной операціи, пѣхота съ ея артиллеріею не могутъ замѣнить кавалеріи съ конною артиллеріею, которыя, въ нѣсколько часовъ, проскачутъ 30 верстъ и придутъ еще во-время, чтобы воспрепятствовать переправѣ непріятеля или даже опрокинуть часть переправившихся войскъ.

Для подобныхъ операцій, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы содержать въ арміи, кромѣ конно-легкихъ батарей, еще достаточное число конно-батарейныхъ батарей.

Намъ могутъ замѣтить: что можетъ сдѣлать даже и значительная масса кавалеріи съ конно-артиллеріею противъ тѣхъ грозныхъ батарей, которыми непріятель покроетъ свой берегъ? Такое возраженіе будетъ справедливо; но, чтобы затруднить непріятеля въ исполненіи такой важной операціи, какъ переправа черезъ рѣку, чтобы разстроить или, по крайней мѣрѣ, замедлить исполненіе его стратегическихъ и тактическихъ намѣреній, можно пожертвовать разстройствомъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ и конныхъ батарей.

Появленіе кавалеріи и конной артиллеріи на мѣстѣ переправы не разстроитъ матеріально непріятеля, но подѣйствуетъ на него нравственно, приводя къ заключенію, что, вслѣдъ за кавалеріею, идутъ и главные силы арміи.

Мы не будемъ распространяться здѣсь о пользѣ конной артиллеріи въ авангардныхъ и арріергардныхъ дѣлахъ и вообще о совокупномъ дѣйствіи ея съ кавалеріею въ большихъ и малыхъ операціяхъ, потому что польза эта сама по себѣ очевидна.

Преслѣдованіе непріятеля, послѣ проиграннаго сраженія или въ силу другихъ обстоятельствъ, лежитъ на обязанности кавалеріи и конной артиллеріи. Быстрое преслѣдованіе причиняетъ иногда непріятелю болѣе матеріальнаго и нравственнаго вреда, чѣмъ проигранное сраженіе. Непріятель, рѣшившійся во-время отступить, почти незамѣтно исполняетъ это движеніе, прикрываясь кавалеріею и конною артиллеріею. Въ этомъ случаѣ, пѣшая артиллерія можетъ только усилить свою канонаду по непріятельской кавалеріи; напротивъ того, кавалерія, съ конною артиллеріею, опрокинетъ непріятельскую конницу безъ большихъ усилій, потому что эта послѣдняя и безъ того уже нравственно разстроена отступленіемъ своей арміи. Затѣмъ съ нашей стороны должно начаться самое стремительное преслѣдованіе, во время котораго кавалерія непрерывно бросается въ атаку, а конная артиллерія, подсакивая на самую близкую дистанцію, поражаетъ непріятеля картечью.

Но, какъ бы ни было удачно преслѣдованіе, конная артиллерія должна всегда оstarлять на главномъ пути, ведущемъ къ арміи, двѣ или три конно-батарейныя батареи или, за неимѣніемъ ихъ, конко-легкія: дѣйствуя вмѣстѣ съ кавалеріею, онѣ составятъ опору, на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Въ этой, почти постоянной, рукопашной схваткѣ, при близкомъ убійственномъ артиллерійскомъ огнѣ, смѣлость, отвага преслѣдующихъ войскъ должны быть управляемы хладнокровнымъ мужествомъ, для того, чтобы собственною неудачею не поднять упавшаго духа непріятеля, черезъ что могутъ быть потеряны плоды не только преслѣдованія, но и выиграннаго передъ тѣмъ сраженія.

Самое блистательное поприще для конной артиллеріи представляетъ тотъ критическій моментъ, когда наша армія, сбита съ своей позиціи, должна свернуться въ колонны и оставить поле сраженія противнику. Въ эту трудную и опасную минуту, армія прикрываетъ свое движеніе кавалеріею и конною артиллеріею.

Выдвигаясь изъ-за боевыхъ линій пѣхоты и слѣдуя впереди кавалерійскихъ колоннъ, конная артиллерія, возможно быстрымъ движеніемъ, смѣняетъ батареи пѣшей артиллеріи на нѣхъ позиціяхъ. Въ то время, когда кавалерія развертывается въ линіи, группируясь болѣе около главнаго пути отступленія, большая часть конно-батарейныхъ батарей располагается сплошного батарею на томъ же пути. Какъ цѣль этого кавалерійскаго маневра состоитъ въ томъ, чтобы самимъ держаться на мѣстѣ и удерживать напоръ непріятеля, слѣдовательно выиграть время, то, съ открытіемъ конною артиллеріею самаго частаго и сильнаго огня, кавалерія бросается въ атаку, опрощиваетъ непріятеля и, не преслѣдуя его, отходитъ назадъ въ линію. Само собою разумѣется, что конныя батареи наши (кромя тѣхъ, которыя расположены на главномъ пунктѣ отступленія) внимательно слѣдятъ за движеніями своей и непріятельской кавалеріи, поддерживаютъ переменную позицій наступательныя дѣйствія кавалеріи, ловко пользуются мѣстностію, никогда не омереживаютъ кавалеріи, хотя бы атаки ея и были усилены, а располагаются на такихъ позиціяхъ, съ которыхъ могли бы прикрыть отступленіе, послѣ неудачной атаки своей кавалеріи, потому что ничто такъ не останавливаетъ опрощиваго преслѣдованія, какъ бѣглый картечный огонь. Въ этомъ случаѣ, задача нашей кавалеріи состоитъ въ томъ, чтобы, удерживая натискъ непріятеля, не допустить его броситься на отступающую пѣхоту, — слѣдовательно, оборонительно-наступательнымъ боемъ выиграть столько времени, чтобы армія могла достаточно отступить и во-время занять позицію. Для достиженія этой важной цѣли, отъ которой зависятъ иногда спасеніе арміи и ручательство за будущіе успѣхи ея, кавалерія и конная артиллерія вступаютъ въ дѣло съ твердою рѣшимостію исполнить долгъ свой, хотя бы нѣкою собственныя большія потери. Боязнь быть взятою съ боя не должна парализовать смѣлости конной артиллеріи, которая менѣе, чѣмъ кто либо, можетъ ручаться за цѣлость своей батареи, когда она увлечена хаосомъ кавалерійскаго дѣла.

Образованіе большихъ, сплошныхъ батарей въ началѣ, срединѣ или исходѣ сраженія есть тактическое средство, наиболѣе способствующее къ рѣшенію судьбы большихъ битвъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда небѣда какъ бы колеблется между обѣими сражающимися сторонами.

Такія сплошныя батареи бывають, по роду построенія ихъ,

двухъ родовъ: случайныя и внезапныя. Первые образуются отъ постепеннаго, не имѣя подобности, усиленія артиллеріи на одномъ изъ пунктовъ нашей боевой линіи. Подобныя батареи, безъ которыхъ не обойдется почти ни одно значительное сраженіе, составляются, обыкновенно, пѣшею артиллерією. Сильныя матеріальныя дѣйствія, онѣ лишены возможности нечаяннаго появленія, и непріятель всегда имѣетъ время сформировать противъ нихъ такія же сильныя батареи. Для оставленія же внезапныхъ болящихъ батарей противъ указанныхъ пунктовъ непріятельской позиціи, безспорно, болѣе другой артиллеріи способна конная, потому что, для исполненія подобнаго маневра, необходима быстрота движеній, — для того, чтобы застать противника врасплохъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ онъ этого вовсе не ожидаетъ. Въ этомъ тактическомъ дѣйствіи, конная артиллерія является самостоятельнымъ, рѣшающимъ дѣло оружіемъ, необходимость котораго здѣсь очевидна.

Для нравственнаго разстройства сражающейся массы необходимо нѣчто болѣе обыкновеннаго фронтальнаго боя: для этого нужны внезапныя, нечаянныя тактическія дѣйствія, въ исполненіи которыхъ можетъ успѣть только кавалерія съ конною артиллерією.

Теперь, когда ручное огнестрѣльное оружіе, въ рукахъ стрѣлка, сдѣлалось оружіемъ мѣткимъ и убійственнымъ, когда столкновенія враждебныхъ армій съ открытыхъ полей переносятся на мѣста закрытыя и пересѣченныя, усиливаемыя способами полевой фортификаціи, то, конечно, въ избѣжаніе напрасной потери людей въ безплодной перестрѣлкѣ, каждую рошу, фериу, деревню приходится брать штурмомъ. Вслѣдствіе этого, и тактика артиллеріи должна измѣниться. Если до сихъ поръ она считалась принадлежностію пѣхоты и кавалеріи, для поддержанія и усиленія ихъ боя, то теперь, какъ оружіе рѣшающее, она вступаетъ въ сферу своего самостоятельнаго дѣйствія.

Что значитъ огонь одной батареи, даже съ орудіями, далеко берущими, противъ убійственнаго огня нѣсколькихъ тысячъ стрѣлковъ, закрытыхъ мѣстностію? Естественно, что противъ такого преніяствія, занятаго стрѣлками, должно поставить не одну батарею, а большію, сложенную массу изъ 30 и болѣе орудій, рассчитывая вѣрно, что, подъ градомъ ядеръ и гранатныхъ обсколковъ, которыми непрерывно будутъ осыпaeмы стрѣлки, они, исключая матеріальной потери, лишатся нравственнаго

спокойствія, столь необходимаго для успѣха застрѣльничьяго огня. Противъ силы должно употребить силу, и всегда большую, если только возможно. Прѣжняя рутинна, послѣдствіе которой каждая батарея, состоящая при дивизіи, имѣла свое опредѣленное мѣсто въ бою, замѣняется большими сплосными батареями, которыя, до востребованія, останутся въ главныхъ и частныхъ резервахъ. Въ началѣ дѣла, для дивизіи достаточно одной батареи; вся же остальная артиллерія должна находиться въ резервѣ и вступать въ дѣло не побатарейно вдоль боевой линіи, а всею массою батарей.

Разсчитывая всю артиллерію арміи по два или по три орудія на тысячу человекъ, намъ кажется, что ни нарезная, ни гладкая артиллерія не въ состояніи устоять противъ арміи, въ которой каждый солдатъ вооруженъ винтовкою или штуцеромъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы не уменьшать, а увеличивать артиллерію, чтобы быть въ состояніи, не ослабляя огня ея вдоль всей позиціи войскъ, употреблять въ массѣ большими сплосными батареями. Намъ кажется также, что, на основаніи именно этой мысли, чтобы парализовать дѣйствіе ручнаго огнестрѣльнаго оружія массою артиллеріи, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ арміяхъ, увеличено число батарей противъ принятой нормы, въ особенности въ прусской арміи, гдѣ полевая артиллерія увеличена на одну третью часть всего своего состава. Безъ сомнѣнія, мѣра эта вызвана желаніемъ возратить артиллеріи прежнюю силу, а можетъ быть и въ томъ убѣжденіи, что для армій Германскаго Союза (исключая Австріи), состоящихъ изъ молодыхъ солдатъ, еще не закаленныхъ битвами и нуждами войны, лучшая подпора есть многочисленная и стойкая артиллерія, что доказалъ совершенно, въ 1813 году, императоръ Наполеонъ I. Но, какъ бы то ни было, увеличеніе артиллеріи составляетъ совершившійся фактъ, и обстоятельство это заслуживаетъ полнаго вниманія.

Засимъ остается еще сказать нѣсколько словъ о способѣ движенія и построенія большихъ батарей боеваго резерва конной артиллеріи.

Изъ числа батарей, слѣдующихъ изъ резерва для составленія большой батареи, одна изъ среднихъ назначается дирекціоною; прочія же, придерживаясь къ ней, побатарейно уступами справа и слѣва, исполняютъ все то, что дѣлаетъ дирекціонная батарея. Образованіе по частямъ большой батареи, при-

томъ ускореннымъ залпомъ, есть лучшее средство къ уменьшенію дѣйствія сосредоточеннаго огня непріятельской артиллеріи. Такъ какъ успѣхъ большой батареи обусловливается быстротой, начинаящимъ появленіемъ, то, для исполненія этого маневра, очевидно, болѣе всего способна конная артиллерія.

Когда дирекціональная батарея минуетъ всѣ препятствія и выдвинется изъ-за боевыхъ линій, то она развертываетъ фронтъ и продвигается идя впередъ по направленію, гдѣ назначено устроить большую батарею. Ближайшія къ дирекціональной, батареи справа и слева, какъ равно и всѣ остальные батареи, пополняютъ то же самое, послѣдовательно, придерживаясь дирекціональной батареи и соображаясь съ соѣдственными уступами. Съ открытіемъ пальбы дирекціональною батареею, прочія батареи ускоряютъ движеніе и постепенно на карьерѣ въѣзжаютъ въ линию огня.

Безошибочно можно сказать, что, послѣ перваго выстрѣла на дирекціональной батарее, черезъ нѣсколько минутъ, всѣ батареи будутъ въ полномъ дѣйствіи на позиціи, при чемъ каждая изъ нихъ строго должна сообразоваться съ предъидущимъ ей уступомъ. Это въ особенности необходимо для дальнихъ фланговыхъ батарей, которымъ иногда пыль и самая мѣстность мѣшаютъ видѣть дирекціональную батарею. Главное условіе для скорѣйшей деппонды большой батареи составляетъ сильное и свободное движеніе дирекціональной батареи на позицію и то обстоятельство, чтобы командиры батарей, слѣдующихъ уступами, давали имъ надлежащее направленіе изъ полныхъ интерваловъ и шли бы не останавливаясь, хотя бы одно и даже нѣсколько орудій были задержаны въ движеніи.

Для того, чтобы нравственно и матеріально подѣйствовать на непріятеля, внезапно большія батареи, не гонясь исключительно за мѣстностію выстрѣловъ, должны вести самую учащенную пальбу, не жалѣя зарядовъ, и, при малѣйшей возможности, съ лучшей дистанціи тотчасъ перейти на картечную. Передвиженіе это исполняется, какъ и прежде, т. е. дирекціональная батарея начинаетъ, и какъ скоро она откроетъ пальбу на новой позиціи, то пристраиваются къ ней ближайшія батареи, а потомъ, послѣдовательно, остальные, — словомъ, огонь не умолкаетъ, и наступающія части прикрываются выстрѣлами на мѣстѣ стоящихъ батарей.

Между тѣмъ, какъ конная артиллерія непрерывнымъ огнемъ

разстраиваетъ непріятеля, кавалеріи, выдвинувшись и находясь въ совершенной готовности на одномъ или обоихъ флангахъ большой батареи, должна атаковать непріятеля, чтобы окончательно сломать его. Однакожь, атакуя, она отнюдь не должна закрывать собою батарею, а еще менѣе проходить чрезъ нее. Сдѣлавъ эту ошибку, она лишила бы себя самой надежной поддержки, если бы атака ея была неудачна.

Изложеніемъ порядка построенія большихъ, врезанныхъ батарей конной артиллеріи мы заключаемъ обзоръ нашихъ тактическаго дѣйствія этого оружія, когда оно, согласно назначенія своего, дѣйствуетъ соединенно со всею кавалеріею. Здѣсь представлены только главныя дѣйствія конной артиллеріи; если же описать всѣ случаи, въ которыхъ она, какъ артиллерія, можетъ замѣнить пѣшую, и подтвердить это исторіею войнъ настоящаго столѣтія, то вышла бы не журнальная статья, а многосложное сочиненіе. Краткимъ и сжатымъ обзоромъ состава, дѣйствія и значенія конной артиллеріи мы хотѣли только выразить наши мысли объ этомъ оружіи, въ которомъ мы долго служили и взгляды свой вывели изъ долголѣтняго опыта.

Едва умолкъ громъ послѣдней Крымской войны, какъ изустно и печатно стали утверждать: что кавалерія и конная артиллерія потеряли свое тактическое значеніе, что отнынѣ война начинается и оканчивается стрѣльбою штуцерныхъ цѣпей, что сила не въ массѣ, а въ одиночномъ образованіи, что даже артиллеріи не предстоить возможности пересилить стрѣлковую стрѣльбу, что артиллерію и кавалерію должно преобразовать, а конную артиллерію и совсѣмъ упразднить, замѣнивъ ее бѣдшею артиллеріею. Война, конечно, есть лучшая школа для преобразованій и введенія новыхъ учрежденій. Однакоже должно пользоваться опытомъ успѣховъ и неудачъ; но какими опытами дошли до заключеній, поколебавшихъ полу-вѣковое убѣжденіе въ пользѣ нашей славной конной артиллеріи и кавалеріи? Мы, съ своей стороны, убѣждены, что артиллерія вообще, а кавалерія и конная артиллерія въ особенности, надолго останутся грозными противниками какихъ бы то ни было стрѣлковыхъ цѣпей.

Генералъ-Майоръ РЕЙСНХЪ.

С. Хлызовка.

• 17 февраля 1860 г.

ОБЪ ОФИЦЕРСКИХЪ ПОХОДНЫХЪ ВЬЮКАХЪ (*).

Недавно мнѣ попалась небольшая брошюра, подъ заглавіемъ, «Описаніе офицерскаго походнаго вьюка». Если я не ошибаюсь, то это единственное сочиненіе, написанное на русскомъ языкѣ объ этомъ предметѣ и изданное еще въ 1821 году.

Много съ тѣхъ поръ сдѣлано усовершенствованій во всѣхъ отрасляхъ военнаго быта, много пережъилась военная жизнь. Въ то время, авторъ имѣлъ право сказать, не вдаваясь въ разсужденія о дѣйствительной необходимости офицеру имѣть походомъ вьюки, что: «общее и строго наблюдаемое во всѣхъ арміяхъ правило воспрещаетъ субалтернъ-офицерамъ имѣть въ походахъ повозки, въ замѣнъ коихъ положены вьючныя лошади». Но теперь, когда промышленность значительно развилась, когда вся Европа и даже самыя гористыя и трудно проходимыя мѣстности ея покрылись удобными дорогами, теперь невольно представляется вопросъ: неужели и въ наше время еще необходимо офицеру,

(*) Въ «Военномъ Сборникѣ», № 3, въ статьѣ: Военное Обзорѣніе, читатели наши ознакомлены съ новымъ постановленіемъ во французской арміи «объ офицерскихъ обозахъ».

Ред.

на войнѣ, стѣснять себя возкою своихъ вещей на вьюкахъ, вмѣсто повозки или другаго какого нибудь экипажа?

Дѣло другое на войнѣ на востокѣ или съ кавказскими горными племенами: тамъ всѣ обыкновенныя сообщенія и самая торговля производятся этимъ способомъ и вьюки, дѣйствительно, необходимы; но полагаю, что еслибъ разрѣшили замѣнить ихъ, въ войнѣ внутри государства или съ европейскою державою, легкою двуколенною (*), то достигли бы этимъ слѣдующихъ выгодъ, хорошо извѣстныхъ бывавшимъ въ походахъ:

1) Субалтернъ-офицеру представилась бы возможность имѣть для перевозки своихъ вещей только одну лошадь, что, въ странахъ, не изобилующихъ фуражемъ и при движеніи значительной арміи, можетъ составить немаловажную разницу въ потребляемомъ ею количествѣ. Правительство могло бы ограничиться выдачею фуражныхъ денегъ на одну только лошадь, хотя выдача фуража на вьючныхъ лошадей, по положенію, при ограниченномъ нашемъ содержаніи, есть значительное вспомошествованіе: извѣстно, что часть этихъ денегъ, обыкновенно, можетъ быть сбережена для другихъ надобностей и есть какъ бы вознагражденіе за лишенія и труды, переносимые офицерами, въ военное время.

2) Лошади были бы защищены отъ набоевъ, которые имъ причиняются тяжелыми и неуклюжими вьюками. Сотни лошадей, быть можетъ, тысячи, бросаются на войнѣ своими хозяевами на произволъ судьбы не отъ изнуренія или болѣзней, а единственно потому, что отъ ранъ на спинѣ не въ состояніи нести вьюка, падаютъ подъ нимъ или же несутъ его на спинѣ, покрытой ужасающими язвами, — на спинѣ, съ которой часть кожи, сгнивши, сошла, и имѣющей отталкивающій видъ и запахъ. Подобныхъ набоевъ часто невозможно предупредить, и, во время

(*) Для того, чтобъ быть дѣйствительно легкою и удобною, она должна быть на желѣзной оси, а лошадь впрягаться въ нее безъ дуги, помощію однихъ пегель, прикрѣпленныхъ къ хомуту и набрасываемыхъ на отлобли, подобно тому, какъ въ денежныхъ и аптечныхъ казенныхъ ящикахъ. Такую двуколку, съ 7 пудами клажи и съ человѣкомъ, помѣщающимся въ ней же, свободно подвигаетъ одна лошадь, и она можетъ пройти вездѣ, гдѣ только двигается армія: по грязи, по песку, черезъ воду, наконецъ можетъ быть подвигана быстро и въ этомъ отношеніи далеко превосходить вьючную лошадь, которой съ вьюками бѣжать рѣшительно невозможно, несмотря на утѣреніе автора брошюры, заглавіе которой я привелъ въ началѣ.

лѣтнихъ кампаній, трудно встрѣтить не набитую вьючную лошаадь, тѣмъ болѣе, что наши денщики, въ началѣ кампаніи, вовсе не умѣютъ вьючить и перѣдко на первомъ же передвиженіи портятъ коня. О леченіи же этихъ ранъ и думать нечего, когда лошадь ежедневно сѣдлается.

3) Двуколеска доставила бы офицеру нѣкоторыя удобства, давая возможность возить съ собою вещи, которыхъ онъ, при вьюкахъ, обыкновенно употребляемыхъ въ нашихъ войскахъ, квартирующихъ въ Россіи, былъ бы совершенно лишенъ, въ случаѣ войны. Къ вещамъ этимъ принадлежатъ и предметы первѣйшей необходимости, какъ, напримѣръ: кровать и, въ случаѣ нужды, запасъ фуража, сѣстнаго и дровъ на нѣсколько дней.

4) Можно было бы несравненно скорѣе укладывать и выкладывать вещи, такъ какъ, въ случаѣ крайности, онѣ могутъ быть какъ нибудь брошены въ двуколеску. Кромѣ того, запряганье и выпряганье занимаетъ втрое меньше времени, чѣмъ сѣдланіе и вьюченіе.

5) Величина обоза арміи, для уменьшенія котораго преимущественно и существуютъ вьюки, не только не увеличилась бы, а скорѣе уменьшилась, такъ какъ теперь офицеръ, имѣющій какія нибудь средства, и желая доставить себѣ нѣкоторыя удобства, держитъ не двухъ, а трехъ, четырехъ и даже болѣе вьючныхъ лошадей (*). Кромѣ того, вьюки никогда не идутъ по три въ рядъ, какъ это предписывается закономъ, но очень часто растягиваются до того, что идутъ почти гуськомъ. Если же было бы позволено имѣть двуколески, то богатому офицеру стоило бы только имѣть большую и сильную лошадь, которая совершенно свободно везла бы въ ней до 12 пудовъ, кромѣ человека; а если могутъ идти три вьюка въ рядъ, то пойдутъ и три двуколески. Наконецъ,

6) Двуколеска чрезвычайно облегчила бы фуражированіе, особенно, если приспособить ее для этой надобности, посредствомъ деревянныхъ рамъ (разумѣется, только меньшихъ размѣровъ), обыкновенно употребляемыхъ при возкѣ сѣна.

Я, впрочемъ, не думаю, чтобы доводы эти были довольно убѣдительны и повели къ намѣненію существующихъ постановленій,

(*) Хотя число лошадей, которое каждый офицеръ имѣетъ право держать и ограничено, но за исполненіемъ этого правила весьма трудно наблюдать.

а потому, не вдаваясь болѣе въ разсужденія о неудобствѣ ихъ и удобствѣ описанной мною вкратцѣ двуколки, обращаюсь къ быглому разбору употребляемыхъ у насъ вьюковъ и затѣмъ къ описанію вьюка, дѣйствительно удобнѣйшаго изъ всѣхъ, какіе мнѣ удалось видѣть. Устройство его весьма мало извѣстно въ нашихъ войскахъ, несмотря на то, что онъ есть наше русское изобрѣтеніе.

Ферменнаго вьюка у насъ не существуетъ (по крайней мѣрѣ, его не требуютъ), и офицеры могутъ себѣ дѣлать какіе кто благоразсудитъ. Желая доказать удобство и превосходство предлагаемаго имъ вьюка, авторъ названной выше брошюры, г. В. Ч....ъ, распространяется объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Множество вещей, принадлежащихъ къ формѣ, и другихъ необходимыхъ для каждаго офицера, отягощая лошадь, тѣмъ самымъ не могли быть хорошо сбережены. Сіе заставляло офицера противъ воли имѣть вьючныхъ лошадей болѣе, нежели сколько положено. Отъ сего офицеры подвергались новымъ значительнымъ издержкамъ, а отъ излишняго въ арміи количества лошадей часто затруднялось фуражное продовольствіе и даже самое движеніе арміи. Притомъ, набой и обтѣръ вьючныхъ лошадей отъ дурныхъ вьюковъ были всегда почти избѣжены.

«Долговременная и столь трудная война 1812 года доказала важность хорошихъ вьюковъ, заставивъ обратить каждаго вниманіе, дабы приспособить оныя къ предмету ихъ употребленія. Имѣвъ счастье самъ служить во всю сію кампанію въ тѣхъ чинахъ, въ которыхъ не дозволено имѣть повозки, и узнавъ на опытѣ неудобство дурныхъ вьюковъ и величайшую пользу хорошихъ, передѣлывалъ я нѣсколько разъ свои вьюки, отмѣнялъ неудобное, придумывалъ другое, лучшее, и наконецъ достигъ до того счастливаго усовершенствованія, на которое, обративъ вниманіе моихъ сослуживцевъ, видѣлъ я множество благодарныхъ послѣдователей моему изобрѣтенію.»

И нѣсколько далѣе:

«Вьюкъ сей, слѣдующій за *рейткнехтеромъ*, вмѣщаетъ въ себя: полный офицерскій гардеробъ въ двойномъ всего количествѣ, столовую и чайную посуду на три прибора, погребецъ для воды и вина и двѣ костюлы поваренныя и, притомъ, столь удобенъ и легокъ, что не обтирая лошади, никогда не можетъ и не долженъ отстать при самомъ быстромъ движеніи кавалеріи.»

Внимательно разсматривая приложенные къ брошюрѣ чертежи, я убѣдился, что «изобрѣтенный» г. В. Ч.... вьюкъ далеко не такъ удобенъ, и всякій, кто употреблялъ въ военное время вьюки для возки своихъ вещей, кто знакомъ съ походною жизнью, вѣроятно, со мною согласится. Сомнѣваюсь также, чтобы онъ, «бывъ наложенъ полонъ платья и бѣлья съ двумя сапожными колодками и запасною саблею, вмѣстѣ съ чмодавами, вѣсилъ 3 пуда 14 фунтовъ».

Всѣ вещи, какъ обыкновенно, разложены и у г. В. Ч....а на двухъ лошадей. Собственно вьюкъ состоитъ изъ трехъ чмодавовъ, изъ которыхъ одинъ помѣщается на сѣдлѣ, а два по бокамъ лошади, и надѣпляются на прикрепленные къ арчагу крючки. Деньщицье же сѣдло, называемое авторомъ *рейткнехтерскимъ*, имѣетъ сзади круглый чмодавъ, въ родѣ солдатскаго кавалерійскаго, для вещей деньщика, на коныцы котораго надѣваются двѣ костюлы; а спереди твердые перекидные сумы, которыя, судя по чертежу, должны лежать на самой шеѣ лошади. На обоихъ сѣдлахъ всѣ чмодаваны держатся помощію множества пряжекъ и ремешковъ, и хотя я его не испытывалъ на опытѣ, но полагаю, что онъ слишкомъ сложенъ и неудобенъ для походовъ, вмѣщая нѣсколько совершенно лишннихъ вещей, какъ, напримѣръ, колодки для сапоговъ, три столовыхъ и три чайныхъ прибора (когда довольно и одного), и имѣя много мелкихъ подраздѣлений и помѣщеній для каждой вещи, которыя, занимая мѣсто, только затрудняютъ укладку. Для маневровъ этотъ вьюкъ еще можетъ быть сносенъ, когда деньщикъ не торопясь уложить всѣ вещи и не торопясь навьючать ими лошадь. Онъ можетъ быть употребляемъ и на войнѣ богатымъ офицеромъ, имѣющимъ нѣсколько челоувѣкъ прислуги; но для армейца, обыкновенно странствующаго съ однимъ деньщикомъ, въ которомъ сѣдиняется и поваръ, и лакей, и конюхъ, онъ рѣшительно не годится. Между тѣмъ, армейскому-то офицеру походный вьюкъ болѣе всего и нуженъ.

Другой родъ вьюка, весьма сходный съ этимъ, мнѣ удалось видѣть у одного гвардейскаго офицера въ Петербургѣ; но онъ имѣлъ передъ первымъ то преимущество, что три чемодана, положенные одинъ около другаго въ известномъ порядкѣ, составляли, въ известномъ случаѣ, довольно удобную постель, то есть въ комнатѣ или на сухой землѣ, ибо на сыромъ мѣстѣ всѣ вещи въ чемоданѣ мокли.

Видѣлъ я еще вьюкъ, болѣе приспособленный къ средствамъ и военной жизни армейскаго офицера, но съ другими, важными недостатками. Подъ него нужно было имѣть только одну, но весьма сильную лошадь, такъ какъ вьючное и деньщицье сѣдла были въ немъ соединены. Но тутъ, разумѣется, нельзя было и думать о возкѣ въ походѣ сапожныхъ колодокъ, различныхъ столовыхъ и чайныхъ приборовъ и проч.; но вещи, дѣйствительно необходимыя, въ немъ умѣщались, и я самъ пользовался имъ нѣкоторое время. Вьюкъ этотъ, помѣщающійся, повторяю, вмѣстѣ съ деньщикомъ на одной лошади, состоитъ: а) изъ двухъ довольно большихъ кобуръ, нацѣпляемыхъ на переднюю луку, для разныхъ мелочей, какъ-то: сапоговъ, щетокъ, чайника или самовара (въ средину котораго вкладываются стаканы), небольшого запаса съѣстнаго и проч., и б) изъ двухъ мягкихъ чемодановъ, для платья и бѣлья, нацѣпляемыхъ на заднюю луку, въ которыхъ, должно сказать правду, и то и другое постоянно мялось. Какъ кобуры, такъ и чемоданы лежатъ не прямо на потникѣ, а на желѣзныхъ прутьяхъ, прикрѣпленныхъ къ ленчику, что защищаетъ лошадь отъ набоевъ. Наконецъ, на самомъ сѣдлѣ лежитъ небольшая казацкая подушка, для вещей деньщика, на которой онъ и самъ помѣщается, хотя и не совсѣмъ удобно. Но за то уже рѣшительно не остается мѣста ни для ковра и подушки, которые обыкновенно составляютъ постель офицера, ни для нѣсколькихъ гарнцевъ овса, ни для пучка сѣна; а такъ какъ часто встрѣчается необходимость имѣть ихъ съ собою, то деньщику, которому безъ того тѣсно на сѣдлѣ, не остается вовсе мѣста, и онъ, по большей части, принужденъ идти пѣшкомъ. Слѣзаніе и влѣзаніе на него также довольно затруднительно и безъ посторонней помощи почти невозможно.

Теперь дѣлаю выписку изъ статьи, которая говоритъ еще объ одномъ родѣ вьюковъ (*):

(*) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 25 сентября 1859 г., № 207, ст. г. С. Н. К.: «Нѣкоторыя черты изъ жизни въ Дагестанѣ».

«.....нервою потребностію затѣшъ является приобрѣтеніе вьюковъ, этого величайшаго изобрѣтенія Дагестана, необходимаго для здоровья. Я бы непремѣнно поставилъobeliskъ, статую, пирамиду, колонну, не менѣе извѣстныхъ пирамидъ на берегахъ Нила, у себя здѣсь, на высотахъ Турчи-Дага или Кутинскихъ, тому, кто первый такъ счастливо приѣхалъ въ здѣшней мѣстности (*). Не шутя, при вьюкахъ нашихъ, гдѣ хотите—въ грязи, болотѣ на камняхъ, при суточныхъ дождяхъ, при горныхъ туманахъ или облакахъ, стоящихъ надъ лагеремъ непроницаемого и всепроницающаго сплошною массою — у васъ есть сухая, покойная постель, — конечно, подъ палаткой. Ваше бѣлье сбережено, всегда сухо и цѣло; платье ваше не измято; вы готовы, гдѣ хотите, на смотрѣ. При всемъ этомъ, въ нихъ еще помѣщается все нужное для походной жизни. Даже тарелки и каменные супники возятъ въ нихъ тѣ изъ нашихъ гастрономовъ, которые не могутъ или не хотятъ кушать на жести — такое удобство!

«Лошадь спокойно несетъ вьюки на спинѣ по самымъ узкимъ и кривымъ горнымъ тропинкамъ. Бывали нерѣдко приѣзды, что вьючная лошадь обрывалась въ пропасть, и, мало того, что, при такой бѣдѣ, все уложенное во вьюкахъ оставалось цѣло, не перебито, не испорчено, но и самая лошадь, вытщенная какими-нибудь хитрымъ манеромъ, оказывалась нисколько неискалѣченной и, попрежнему, продолжала свою тяжелую службу. Конечно, паденье ея тяжестію внизъ спасало и ее отъ увѣчья. Вьюки висятъ по обѣ стороны сѣдла, и только исправный деньщикъ справляется съ навьючиваньемъ одной лошади.»

Не знаю, спасаютъ ли вьюки, о которыхъ говорить авторъ, лошадь при паденіи ея въ пропасть и остаются ли сами вьюки цѣлы при этомъ, но скажу, что вышеприведенная длинная и патетическая тирада, описывая достоинства вьюковъ, вовсе не объясняетъ ихъ устройства; по ней даже рѣшительно невозможно составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ описываемыхъ вьюкахъ и заключить, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ.

Это тотъ вьюкъ, о которомъ я уже упомянулъ въ началѣ,

(*) Вьюкъ этотъ весьма удобенъ для походной жизни на всѣхъ возможныхъ мѣстностяхъ, а не одной гористой, какъ видно изъ описанія его устройства.

который, дѣйствительно, прекрасно приспособленъ къ нашей походной жизни и долгимъ опытомъ доказалъ свою практичность. Я уже сказалъ, что онъ есть наше русское изобрѣтеніе и извѣстенъ подъ названіемъ «кавказскаго»; но, къ сожалѣнію, употребленіе его почти (*) не прививается, не вводится въ нашей арміи, и офицеры остальныхъ нашихъ, кромѣ кавказскихъ, войскъ, нуждавшіеся во व्यюкахъ во время минувшей войны, все-таки дѣлали себѣ или подобные описаннымъ мною, или же сами изобрѣтали ихъ, и, по большей части, весьма неудачно. Полагая причину этого въ томъ, что подробности его устройства мало извѣстны у насъ, я прилагаю здѣсь чертежъ и увѣренъ, что не только всякій имѣющій надобность во व्यюкахъ собственно для походовъ, но и въ мирное время, при расположеніи на постоянныхъ квартирахъ, офицеръ, сдѣлавши व्यюки этого образца, оцѣнитъ всѣ ихъ достоинства на опытѣ, такъ какъ они, состоя изъ двухъ обыкновенныхъ сундуковъ-чемодановъ, которые необходимо имѣть каждому и въ которыхъ вещи отлично берегаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляютъ покойную кровать. Имѣя ихъ, офицеру уже не нужно таскать съ собой желѣзную складную кровать, которая и тяжела и дорога, или не придется спать на хозяйскихъ кроватяхъ, обыкновенно изобилующихъ населеніемъ непріятныхъ насѣкомыхъ.

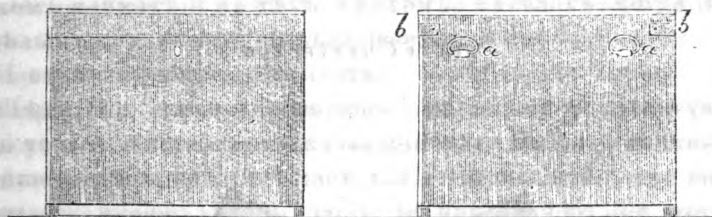
Сундуки деревянные, обтянутые кожей. Для легкости можно не дѣлать сплошныхъ деревянныхъ стѣнъ, а одну только раму, и, скрѣпивъ ее желѣзомъ, обтянуть кожей; но за то она будетъ уступать первымъ въ прочности.

Фиг. 1 представляетъ видъ сундука спереди. Фиг. 2 представляетъ заднюю стѣнку сундука, съ прикрепленными къ ней кольцами *a*, для навѣшиванія на крючки у сѣдла. Когда же хотятъ составить кровать, то, поставивши сундуки другъ къ другу тыломъ, вставляютъ въ клепки *b* двѣ перекладныя, концы которыхъ окованы желѣзомъ и имѣютъ крючекъ.

(*) Впрочемъ, еще въ Венгерскую кампанію существовало нѣсколько व्यюковъ этого устройства у офицеровъ бывшаго драгунскаго корпуса. Несмотря, однако, на очевидное ихъ превосходство надъ всѣми остальными, они не вошли въ большое употребленіе, вѣроятно, вслѣдствіе скорого окончанія войны.

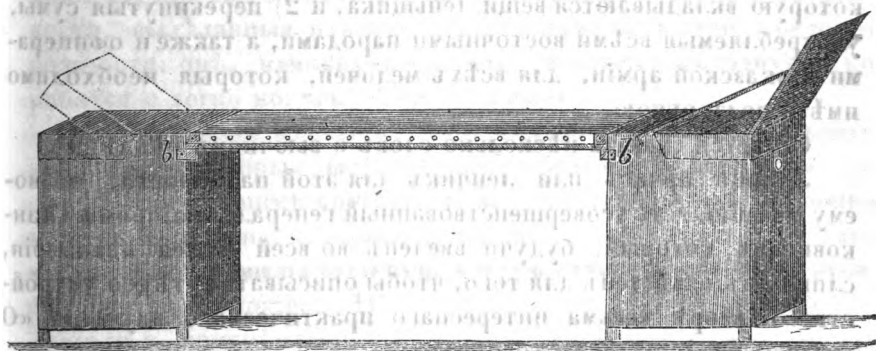
ФИГУРА ПЕРВАЯ.

ФИГУРА ВТОРАЯ.

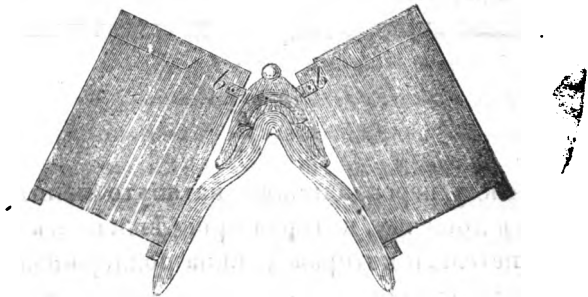
Фиг. 3. Между перекладинами натянуто полотно, а задній сундукъ имѣетъ дощечку, которая прикрѣплена къ его крышкѣ, посреде твоемъ петель, и которая должна поддерживать подушку. Устройство этихъ вьюковъ, какъ видно, весьма несложно и обходится отъ 16 до 25 рублей (разумѣется, кромѣ сѣдла), смотря по качеству употребленныхъ матеріаловъ и чистотѣ работы.

ФИГУРА ТРЕТЬЯ.

Фиг. 4 представляет вьюки, навѣшенные на сѣдло; а въ пространство, которое остается на немъ между сундуками, кладутъ перекладины, коверъ и подушку.

ФИГУРА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ походахъ, на деньщичьемъ сѣдлѣ лучше не имѣть никакихъ чемодановъ, а только: 1) подушку, въ родѣ казачьей, въ которую вкладываются вещи деньщика, и 2) перекинутыя сумы, употребляемыя всѣми восточными народами, а также и офицерами кавказской арміи, для всѣхъ мелочей, которыя необходимо имѣть подъ рукою.

Остается сказать нѣсколько словъ о вьючномъ сѣдлѣ.

Лучшій арчагъ или ленчикъ для этой надобности, по моему мнѣнію, есть усовершенствованный генераль-маіоромъ Станковичемъ, который, будучи введенъ во всей нашей кавалеріи, слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы описывать тутъ его устройство. Авторъ весьма интереснаго практическаго изученія «О крымскихъ лошадяхъ» говоритъ:

«Въ томъ-то и дѣлю, что ежели наше европейское сѣдло основано прежде всего на удобствѣ для сѣдока, то въ азіатскомъ, наоборотъ: первымъ началомъ расположенія служило сбереже-

ніе лошади. И, дѣйствительно, образуемый полицами съ ихъ надставками высокій сводъ подъ живцомъ не только обезпечиваетъ спинной хребетъ отъ всякаго къ нему прикосновенія, но, кромѣ того, даетъ довольно простора для выщенія потника подъ самый верхъ, такъ что надъ спиной хорошо осѣдланной лошади всегда остается протокъ воздуха для освѣженія, что особенно важно въ жаркомъ климатѣ и въ тѣхъ, притомъ, случаяхъ, когда лошадь по цѣлымъ суткамъ не разсѣдывается.»

И въ примѣчаніи добавляетъ:

«Тѣми же самыми основными началами руководствовался нашъ усовершенствователь кавалерійскаго (новаго) ленчика, Высочайше утвержденнаго у насъ для всей кавалеріи, три года тому назадъ, именно въ 1854 году; но какъ начертаніе этого ленчика основано на точно изученныхъ анатомическихъ обмѣрахъ конскаго скелета и составлено совершенно раціонально», и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ ленчикъ, въ приспособленіи своемъ для вьючнаго сѣдла, нѣсколько скрѣпленный желѣзною оковкою, оказывается чрезвычайно прочнымъ и, соединяя въ себѣ, слѣдовательно, всѣ необходимыя качества, будучи, наконецъ, почти у каждаго подъ рукою, кажется мнѣ наиболѣе примѣнимымъ и для вьючнаго сѣдла.

Потникъ для кавказскаго вьючнаго сѣдла необходимо имѣть довольно длинный, при толщинѣ отъ 6 до 8 войлочныхъ листовъ, смотря по качеству войлока, и для сбереженія его долженъ имѣть кожаную покрывку.

Подпругъ должно быть двѣ, каждая вершковъ до двухъ шириною. Лучше всего имѣть хорошо, то есть до совершенной мягкости, выдѣланныя изъ кожи, такъ какъ, безъ этой предосторожности, онѣ, намокнувъ отъ пота и потомъ засохнувъ, коробятся и легко могутъ обтереть лошадь.

Вмѣсто *пахвеи* и *наперсыя*, употребляемыхъ у насъ для верховой ѣзды и которыя часто цѣликомъ берутся и для вьюка, полагаю удобнѣйшимъ круговой поясъ, употребляемый восточными Чарводарами, которые, постоянно странствуя съ товарами, перевозимыми на вьюкахъ, могутъ служить намъ, въ этомъ отношеніи, за образецъ. Поясъ этотъ обхватываетъ грудь и задъ лошади и, прикрѣпленный къ сѣдлу, не позволяетъ ему двигаться ни впередъ, ни назадъ. Онъ также изъ кожи, подшитой сукномъ или, что еще лучше, войлокомъ.

Въ заключеніе, не могу не выразить надежды, что, на будущее время, намъ, быть можетъ, и не прійдется употреблять выюковъ. Кавказскіе же выюки, повторяю, прекрасная вещь и для мирнаго времени, на которую можно смотрѣть не какъ на выюкъ, а какъ на чемоданы и кровать.

Н. Д — ВЪ.

ЗАМѢТКА

ОТЪ КОМАНДОВАВШАГО ВСЕЮ АРТИЛЛЕРІЕЮ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Различныя сужденія о севастопольской оборонѣ, напечатанныя въ «Военномъ Сборникѣ», заставляютъ меня, какъ ближайшаго свидѣтеля дѣйствія артиллеріи при этой оборонѣ, сказать слѣдующее:

1) Въ статьѣ «Замѣтки инженера о причинахъ взятія Малахова кургана», помѣщенной въ № 4 «Военнаго Сборника» за 1858 годъ, г. Орда, говоря о слабомъ дѣйствіи артиллеріи Малахова кургана, на 393 страницѣ, замѣчаетъ, что это число 5 выстрѣловъ, кажется, было опредѣлено начальникомъ артиллеріи севастопольскаго гарнизона, генераломъ Шейдеманномъ. Между тѣмъ, г. Орда, имѣвшій (какъ самъ говоритъ, въ № 11 «Военнаго Сборника» за 1859 годъ) подъ рукою матеріалы для описанія обороны Севастополя, могъ бы сказать, что это распоряженіе сдѣлано именно мною на основаніи данныхъ, не допускавшихъ возможности назначить болѣе пяти выстрѣловъ на орудіе.

Распоряженіе мое было объявлено въ приказѣ по гарнизону въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а причины, по которымъ оно сдѣлано, изложены въ докладной запискѣ князю Горчакову и заключались въ слѣдующемъ:

Въ концѣ марта 1855 года, при осмотрѣ батарей въ Севастополѣ, я нашелъ, что, при орудіяхъ оборонительной линіи Сѣверной стороны и приморскихъ, пороха имѣлось, приблизительно, на 180,000 и въ запасѣ на 20,000 зарядовъ. Были еще заряды при орудіяхъ на корабляхъ, и, кромѣ того, къ 16 апрѣля ожидалось прибытіе пороховыхъ транспортовъ изъ имперіи (сколько зарядовъ было на корабляхъ и сколько и когда именно ожидалось пороха, не упомяну). На ожидаемый порохъ разсчитывать было нельзя, ибо, въ апрѣлѣ, сообщенія внутри Россіи весьма затруднительны, и потому я долженъ былъ поддержать оборону состоявшимъ на лицо порохомъ, по крайней мѣрѣ, до мая мѣсяца.

На 5 отдѣленіяхъ оборонительной линіи, внутреннихъ батарей и литерныхъ Сѣверной стороны, къ 1 апрѣля 1855 года, состояло 1,004 орудія. Положивъ на каждое изъ нихъ по 5 зарядовъ въ день, въ 30 дней требовалось 150,600; на случай штурма, нужно было назначить не менѣе 40 на орудіе, что составляло 40,000 зарядовъ, и, наконецъ, на 493 орудія приморскихъ батарей, примѣрно, по 20 на каждое, всего 9,860. Слѣдовательно, для поддержанія обороны Севастополя до мая мѣсяца, необходимо было около 200,000 зарядовъ, и, на основаніи этого, представленъ былъ мною главнокомандующему докладъ, который, касательно расходованія пороха, заключался въ слѣдующемъ:

а) Составить, изъ находящихся на батареяхъ зарядовъ, особый запасъ; для батарей оборонительной линіи, приморскихъ №№ 8, 10, 12, 13, Александровской и Константиновской по 100 на орудіе (*), для Михайловской, Павловской, Николаевской и № 4 по 30 и для батарей Сѣверной стороны по 70 на орудіе, — всего въ запасъ назначалось 174,884 заряда.

б) Для ежедневнаго расхода батарей оборонительной линіи, внутреннихъ и литерныхъ отпускать въ день по 5 зарядовъ на ору-

(*) Для батарей оборонительной линіи этотъ запасъ впоследствии былъ увеличенъ до 140.

діе (всего ежедневно 5,000), и разрѣшить начальникамъ отдѣлений, въ случаѣ особенной надобности, брать заряды изъ особаго запаса. Принявъ въ соображеніе, что дѣйствующихъ орудій было 450 и мортиръ 117, выходитъ, что начальникамъ отдѣлений представлялась возможность, не трогая даже запаса, выпускать въ день около десяти выстрѣловъ изъ каждаго дѣйствующаго орудія.

в) По израсходованіи запаса 20,000, дозволить отобрать заряды отъ орудій на корабляхъ, оставивъ по 30 только тѣмъ изъ нихъ, кои могли дѣйствовать по наступающему непріятелю. По израсходованіи же и сего пороха, взять заряды съ батарей Сѣверной стороны и уменьшить число ихъ на приморскихъ, оставивъ тамъ тоже только по 30 на орудіе.

Исполненіемъ этого, утвержденнаго главнокомандующимъ, распоряженія и доставлявшимся изъ Россіи порохомъ оборона держалась по 28 августа 1855 года.

Итакъ, ежедневный расходъ зарядовъ опредѣлеть по 5 въ день необходимою; но при этомъ начальники отдѣлений имѣли полное право расходовать, по своему усмотрѣнію, особый запасъ, и, наконецъ, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, мною давались еще разныя предписанія о расходованіи зарядовъ въ увеличенномъ числѣ, какъ это видно изъ приказа, найденнаго непріятелемъ по взятіи Камчатскаго люнета и объявленнаго въ сочиненіи «*Guerre d'Orient Siege de Sebastopol publié par ordre de son Excellence le Ministre de la Guerre en France*».

2) Помѣщенная въ № 7 «Военнаго Сборника» за 1859 годъ статья Артиллериста (котораго, я къ сожалѣнію, не имѣю чести знать) вызвала инженеровъ на объясненіе, и, въ 11 книжкѣ того же «Военнаго Сборника», изложены опроверженія фактовъ, представленныхъ г. Артиллеристомъ, съ ссылкой на мои донесенія; но при этомъ причина бездѣйствія артиллеріи Малахова кургана все-таки осталась необъясненною.

Въ № 4 «Военнаго Сборника» за 1858 годъ, на страницѣ 393, артиллеристовъ обвиняютъ такимъ образомъ: «Наша артиллерія, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать такъ же энергически, какъ въ прежнія бомбардировки, дала не болѣе, какъ по 5 выстрѣловъ изъ каждаго орудія, потомъ замолчала. То же самое повторилось и на другой день, съ тою только разницею, что каждое орудіе выстрѣлило по 4 раза. Такъ продолжалось до 9 августа и

далѣе. Наша артиллерія не только не усиливала своего огня, а, напротивъ, постоянно ослабляла его и дошла до совершеннаго бездѣйствія.» Потомъ, на 55 страницѣ 11 книжки «Военнаго Сборника» за 1859 годъ, тотъ же обвинитель артиллеристовъ приводитъ изъ приказа, отданнаго графомъ Остенъ-Сакеномъ по севастопольскому гарнизону, отъ 6 августа, за № 279, слѣдующія слова: «Не могу не замѣтить, что, при началѣ канонады, правый фасъ Малахова кургана упустилъ немедленное открытіе огня для содѣйствія батареямъ 3 отдѣленія», и даже продолжаетъ отъ себя: «согласитесь, что если дѣло дошло до приказа, то, ужъ вѣрно, Малаховъ курганъ не безупреченъ».

На основаніи перваго обвиненія, нужно допустить, что артиллерія Малахова кургана съ 5 по 9 августа выпускала менѣе опредѣленнаго мною числа зарядовъ, а съ 9 по 27 почти не дѣйствовала; между тѣмъ, тотъ же обвинитель артиллеріи, въ 11 книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1859 годъ, напечаталъ свѣдѣніе о числѣ ежедневно выпускавшихся зарядовъ съ батарей 4 отдѣленія, къ которымъ принадлежалъ Малаховъ курганъ, и изъ этого свѣдѣнія видно, что выпускалось ежедневно болѣе опредѣленнаго мною, т. е. болѣе 5 выстрѣловъ на орудіе, и, слѣдовательно, времени бездѣйствія Малахова кургана по цифрамъ опредѣлить нельзя. Самое же неопровержимое доказательство, что бездѣйствія на Малаховомъ курганѣ не было, находимъ мы въ сочиненіи генерала Ніэля: «Siege de Sebastopol, journal des operations du Genie». Описывая работы свои въ августѣ (отъ страницы 390 до 415), генералъ Ніэль вездѣ отдастъ справедливость дѣйствию нашей артиллеріи съ батарей 4 отдѣленія, т. е. Малахова кургана и 2 бастіона. Въ подтвержденіе словъ моихъ, приведу нѣсколько отрывковъ изъ вышеозначеннаго журнала французскихъ инженерныхъ работъ противъ Малахова кургана въ августѣ:

«8 (20) августа, около 8 часовъ утра, на батарей № 34 взорванъ навѣсъ для дѣланія зарядовъ, при чемъ убито нѣсколько человекъ; но батарея ничего не потеряла. Артиллерійскій огонь былъ очень силенъ съ обѣихъ сторонъ. Русскіе особенно сильно дѣйствовали картечью по нашимъ подступамъ, съ правой стороны, съ цѣлью помѣшать ихъ работѣ,

«Ночь съ 8 (20) на 9 (21) августа. Артиллерійскій огонь былъ очень силенъ съ обѣихъ сторонъ. Русскіе много стрѣляли по нашей правой сторонѣ.

«12 (24) августа. Русскіе бросили огромное количество бомбъ изъ-за второй ограды (вѣроятно, съ батарей кургана, ибо во второй линіи мортирь и орудій въ это время еще не было).

«Ночь съ 12 (24) на 13 (25) августа. Сдѣлано сообщеніе съ русскимъ ложементомъ, изъ котораго пошли новою траншеею; но траншею эту принуждены были оставить, такъ какъ она анфилировалась нѣсколькими орудіями съ Малахова кургана.

«13 (25) августа. Такъ какъ артиллерія наша, занимаясь исправленіемъ своихъ батарей, не могла стрѣлять, то Русскіе воспользовались этимъ обстоятельствомъ и разрушили огнемъ своимъ всѣ наши послѣднія работы, которыя, по качеству почвы, не могли быть сдѣланы достаточно прочными.

«Почти всѣ работы предъ Малаховымъ курганомъ уничтожены: туры или опрокинуты, или зажжены, такъ что траншейный караулъ долженъ былъ оставить свой постъ. Цѣлый день занимаются задѣлываніемъ самыхъ большихъ брешей и возстановленіемъ сообщеній.

«Ночь съ 14 (26) на 15 (27) августа. Въ продолженіе ночи огонь былъ очень силенъ съ обѣихъ сторонъ; непріятельская бомба совершенно уничтожила фугасъ, который закладывался передъ правой стороною Малахова кургана.

«Ночь съ 15 (27) на 16 (28) августа. Огонь нашъ, довольно сильный до 11¹/₂ часовъ, къ утру утихъ, что дало непріятелю поводъ усилить свой. Оконченная уже часть большого плацдарма, назначеннаго для образованія выхода 7 параллели, много потерпѣла отъ непріятельскихъ выстрѣловъ: опрокинуто 18 туровъ; ихъ ставятъ на мѣсто и прибавляютъ еще 15, но энергическій огонь изъ города около полуночи заставляетъ оставить это дѣло, послѣ чувствительной потери въ рабочихъ.

«Ночь съ 16 (28) на 17 (29) августа. Важное происшествіе произвело тревогу у осаждающихъ: около 1 часа утра, непріятельская бомба, упавъ у входа въ блиндажъ, служившій главнымъ магазиномъ при атакѣ фронта Малахова кургана и заключавшій въ себѣ до 7,000 килограммовъ пороха, произвела взрывъ. Сейчасъ послѣ этого непріятельскій огонь сдѣлался очень сильнымъ.

«Ночь съ 18 (30) на 19 (31) августа. Огонь въ продолженіе ночи и предъидущаго дня былъ очень силенъ съ обѣихъ сторонъ, и наши рабочіе много потерпѣли.

«Ночь съ 19 (31 августа) на 20 августа (1 сентября). Артиллерійскій и ружейный огонь изъ города, по головамъ нашихъ подступовъ, былъ очень силенъ: почти всѣ рабочіе убиты или ранены.»

Всѣ эти выписки ясно доказываютъ, что курганъ, въ августѣ, не только не бездѣйствовалъ, но дѣйствовалъ даже весьма энергически. Что же касается до приказа за № 279, о которомъ упоминаетъ обвинитель артиллеріи, то онъ былъ отданъ графомъ Сакеномъ потому, что замедленіе въ открытіи огня съ Малахова кургана было слѣдствіемъ лишь упущенія и недосмотра, о которыхъ его сіятельство счелъ нужнымъ объявить по гарнизону, съ тѣмъ, чтобы, при исполнѣ отличномъ дѣйствіи всей артиллеріи Севастополя, подобныя упущенія не повторялись.

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго, видно: а) что на всѣ батареи отпускалось одинаковое количество зарядовъ, б) что всѣ онѣ имѣли одинаковое право расходовать, въ случаѣ надобности, особый запасъ, что и исполнялось Малаховымъ курганомъ наравнѣ съ прочими батареями, и, главное, в) что Малаховъ курганъ дѣйствовалъ ежедневно, по возможности, энергически, и бездѣйствія на немъ никогда не было, палъ же онъ, полагать должно, по естественному ходу дѣлъ—необходимому паденію всякой крѣпости передъ усиліями осады, тѣмъ болѣе, что Севастополь не былъ крѣпостью и 11 мѣсяцевъ держался не прочностью своихъ укрѣпленій, а единственно энергическимъ дѣйствіемъ артиллеріи, искусствомъ инженеровъ и мужествомъ знаменитой пѣхоты.

3) На 68 страницѣ «Военнаго Сборника» за 1859 годъ, № 11, есть разсужденіе касательно дѣйствія гранатной картечью. Мы дѣйствовали изъ пяти-пудовой мортиры гранатною картечью, составляя таковую и по правиламъ и безъ правилъ; въ экстренныхъ случаяхъ, по неимѣнію трехъ и шести-фунтовыхъ гранатъ, гранатная картечь составлялась изъ полу или четверти-пудовыхъ гранатъ. Впрочемъ, подобное разрѣшеніе я дѣлалъ рѣдко, ибо дѣйствіе вышеозначенными снарядами изъ полу-пудовыхъ

мортиръ и четверти-пудовыхъ единороговъ предпочиталъ дѣйствію гранатной картечи изъ пяти-пудовыхъ Mortierъ.

Гранаты укладывали, обыкновенно, въ желѣзные короба съ полушарнымъ поддономъ; но часто случалось, что въ Mortierу, поверхъ заряда, клали только одинъ полушарный поддонъ, а на него гранаты, укладывая послѣднія очками къ стѣнамъ Mortierъ. Дѣйствіе при этомъ оказывалось лучше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, ибо при этомъ всѣ гранаты воспламенялись, тогда какъ, при употребленіи коробовъ, большая часть ихъ оставались не воспламененными. Способъ этотъ испытывался два года, при варшавскомъ учебномъ полигонѣ, и оказался лучше всѣхъ до сего употреблявшихся. Что же касается до укладки гранатъ въ боченки, то этого въ Севастополѣ не было, и я полагаю, что г. Артиллеристъ ошибся въ выраженіи, назвавъ боченками желѣзные корпуса.

4) Въ 4 книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1859 годъ, г. полковникъ Цимерманъ, въ статьѣ «Замѣтки о Крымской войнѣ», приводитъ слова Французскаго генерала де-Салля, что противъ 4 бастіона нельзя было вести тихую сапу, тогда какъ противъ Малахова кургана тихая сапа подвигалась успѣшно; говоря такимъ образомъ, г. де-Салль не объяснилъ причинъ, дѣлавшихъ невозможнымъ веденіе сапы передъ 4 бастіономъ, почему я позволяю себѣ сказать слѣдующее:

Въ началѣ апрѣля 1855 года, Французы повели тихую сапу на 4 бастіонъ. На другой день, утромъ, огнемъ нашей артиллеріи монтелетъ былъ сбитъ, сапа уничтожена, и непріятель послѣ этого уже не пытался приближаться къ веркамъ этимъ способомъ, а пошелъ для коронованія гласиса минами. Передъ Малаховымъ курганомъ и 2 бастіономъ, монтелетъ показался въ половинѣ августа—на другой день его сбили; съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня онъ опять показался—и опять былъ сбитъ. Такимъ образомъ продолжалось до послѣдняго дня, при чемъ непріятель, дѣлая постоянныя усилія, безъ сомнѣнія, долженъ былъ имѣть нѣкоторый успѣхъ.

Изъ вышеозначеннаго видно, что и передъ 2 и передъ 4 бастіонами было одинаково трудно вести тихую сапу; но передъ 4 бастіономъ непріятель, вѣроятно, нашелъ для себя болѣе выгоднымъ идти минами и потому оставилъ попытки вести сапу, а передъ 2 бастіономъ и передъ Малаховымъ курганомъ веденіе

минъ, вѣроятно, было не такъ выгодно, какъ въ первомъ случаѣ, ибо непріятель, невзирая на постоянныя неудачи, ежедневно возобновлялъ попытки вести тихую сапу. Истина моего предположенія подтверждается описаніемъ осады Севастополя въ сочиненіи Ніэля, дѣйствія въ апрѣлѣ и августѣ.

КАРЛЪ ШЕЙДЕМАННЪ.

Варшава.

19 марта 1860 года.

ПОХОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ.

(Продолженіе.)

IV.

Лагерь при Курюкъ-Дара, 1 августа 1854.

Послѣ пораженія при Курюкъ-Дара, Турки бѣжали прямо къ Карсу, бросивши на мѣстѣ, у Хадживали, большую часть своего лагеря. Его расхитили окрестные жители. Наши казаки и милиціонеры захватили только остатки, потому что понавѣдались туда уже на другой день. Жители Огузловъ исполнѣ вознаградили себя за безпокойство, которое такъ долго испытывали они, находясь между двумя враждебными лагерями. Они сочли себя въ правѣ погрѣть руки на счетъ обѣихъ сторонѣ. Пока мы хлопотали съ новой разбивкой лагеря, съ ранеными и убитыми, они успѣли похозяйничать на полѣ сраженія и прибрали все, что имъ нравилось побольше. Въ складѣ трофеевъ не оказывается ни одного турецкаго штуцера, между тѣмъ, какъ въ дѣлѣ было восемь непріятельскихъ баталіоновъ, вооруженныхъ штуцерами, и они наибольше пострадали. Наши лучшія ударныя ружья и многія аммуничныя вещи не отысканы. По военнымъ постановленіямъ, утрата оружія и аммуниціи не принимается на счетъ казны, если поле сраженія осталось за нами. Это совершенно справедливо. Но можно ли было, въ остатокъ дня и въ ночь послѣ боя, уберегъ отъ этой хищной птицы, падающей на

боевое поле, когда еще не остыла на немъ кровь? Кромѣ окрестныхъ жителей, сколько у насъ въ духанахъ и обозахъ армянскаго и татарскаго народа, алчнаго поживы на счетъ побѣжденныхъ и побѣдителей! Неудивительно послѣ этого рассказы, что въ Александрополѣ завелись уже арсеналы и цейхгаузы въ погребахъ промышленныхъ людей. Иншаллахъ — дастъ Богъ, что турецкіе штупера, съ луной и звѣздочкой на прикладѣ, опять очутятся въ рукахъ Турокъ, потому что плата за представленіе ихъ назначена у Османловъ больше, чѣмъ у насъ. Они могутъ возвратиться въ Карсъ подземными ходами, прорытыми контрабандой. Наконецъ, въ самыхъ нашихъ рядахъ были рыцари, въ остроконечныхъ шапкахъ, которые, особеннымъ образомъ, подавали руку помощи нашимъ убитымъ и раненымъ, еще прежде окончанія боя. Одинъ драгунъ, отвозившій на перевязочный пунктъ раненаго товарища, наѣхалъ на мусульманина, который заботливо обиралъ убитаго драгунскаго офицера. Драгунъ выдернулъ плеть изъ-за пояса Татарина и сталъ его гнать въ боевую линію. «Явашъ, явашъ (перестань, стой)!» кричитъ Татаринъ, влѣзая на коня. — «Знаю я, бисовъ сынъ — возражаетъ драгунъ, работая плетью — знаю, что ты нашъ: такъ не обдирай же нашихъ, а ступай-ка лучше дерись съ нашими....»

По мнѣнію Скалозуба, пожаръ способствовалъ къ украшенію Москвы; мы можемъ сказать, что пороховой пожаръ 24 іюля способствовалъ къ украшенію нашего лагеря. Сколько возникло у насъ новыхъ зданій въ мавританскомъ вкусѣ! Намѣсто шалашиковъ и какихъ-то мѣшковъ изъ «американа» (*), напаленныхъ на колъ, у казаковъ явились турецкія палатки. Въ мусульманскихъ подкахъ, въ грузинскихъ дружинахъ, въ ставѣ чапархановъ, въ духанахъ, въ черводарскомъ обозѣ, — вездѣ турецкія палатки. Русскій лагерь можно принять теперь издали за турецкій. Многіе даже офицеры предпочли турецкія палатки своимъ. Этотъ басурманскій шатеръ удобнѣе возить и разбивать, чѣмъ нашъ. При нуждѣ, его можно даже увязать въ торокъ. Что важнѣе этого въ кочевомъ быту? Одна маіорша спросила у денщика своего мужа: какой мундиръ самый лучшій? «Тотъ, суда-

(*) Бумажный холстъ англійскихъ фабрикъ, очень дешевый и очень употребительный въ Анатолиі. Ливейцы строили изъ него крошечныя палатки, куда человекъ съ трудомъ могъ влѣзть на четверенькахъ. Впрочемъ, и назначеніе этихъ палаточекъ было не столько для личнаго комфорта казаковъ, сколько для сбереженія ихъ сѣделъ и оружія.

рыня, ваше высокоблагородіе — отвѣчалъ старый кочевикъ — который лучшимъ манеромъ укладывается въ чемоданъ.» Кто рѣшится сказать, что онъ не правъ?... Притомъ же, турецкая палатка лучше защищаетъ отъ дождя и тверже стоитъ противъ бури. Она имѣетъ видъ сахарной головы. Это обыкновенный видъ высочайшихъ выпуклостей земной поверхности, противостоящихъ сильнѣйшимъ непогодамъ; это же и самый древній видъ кочевыхъ шатровъ. Войлочные кибитки Калмыковъ имѣютъ такую же форму, но только цоколь ихъ гораздо выше, затѣмъ, что въ нихъ дерева много. Но что особенно выгодно въ турецкой палаткѣ, такъ это ничтожное количество дерева. Въ ней всего одинъ колъ, и тотъ разнимается пополамъ. Сложивши этотъ колъ, посредствомъ мѣдной втулки, надѣваютъ на него палатку и все вмѣстѣ поднимаютъ вверхъ; одинъ человѣкъ влезаетъ въ середину и удерживаетъ колъ по отвѣсу, а другой снаружи натягиваетъ палатку и вбиваетъ послѣдовательно маленькіе колышки, привязанные на короткихъ веревочкахъ ко всей окружности цоколя. Этотъ цоколь имѣетъ вышины отъ земли не больше полу-аршина; все остальное — конусъ. Стѣны, значить, нѣтъ. Вотъ тутъ-то и начинаются нѣкоторыя неудобства для людей съ европейскими привычками. Въ этой опрокинутой лейкѣ можно сидѣть на стулѣ только посрединѣ, около столба; остальное пространство для этого будетъ неудобно. Но затѣмъ непремѣнно торчать неправовѣрнымъ образомъ на стулѣ? Почему не сидѣть, какъ сидятъ весь востокъ, на коврѣ, «а-ла-турка», сложивши ноги накрестъ? — Воллага, стремянка не позволяютъ. — Ахъ, да, стремянка.... Ну, подкопайте въ палаткѣ землю на аршинъ глубины, и тогда уже; по всему ея пространству, будете сидѣть безпрепятственно «а-ла-франка» (*). Кругомъ ямы вы пустите нѣсколько свободнаго мѣста, въ родѣ прилавка, на которомъ тоже можно сидѣть по западному; или, еще лучше, это будетъ у васъ полка, на которой можно поставить чемоданъ, сѣдло, погребецъ, мѣшокъ съ ячменемъ, книги, кожаные сапоги, бурдючекъ, или, по казанки, козичка съ кахетинскимъ.... Нѣтъ, козичку лучше помѣстить подъ кровать, устроенную на вычухныхъ сундучкахъ, а если есть мѣсто въ сундучкѣ,

(*) «А-ла-франка» и «а-ла-турка» — собственные выраженія Турокъ, для обозначенія различныхъ способовъ сидѣнья — по европейски и по турецки.

то еще лучше запрягать ее туда, за тѣмъ, что — плохо лежить, брюхо болить.

Была у меня недавно козичка съ драгоценнымъ чавчавадзевскимъ виномъ, размягчающимъ кожу въ простудѣ и останавливающимъ ознобъ въ лихорадкѣ. Лежала она, по неосторожности, на виду. Каждый изъ гостей на нее, бывало,

....умильно такъ глядитъ

Когда же къ ней подсядетъ,

То вѣрно ужъ ее потреплетъ иль погладитъ.

Сглазили бѣдную козичку. Начала она худѣть; а, между тѣмъ, хорошее кахетинское у нашихъ лагерныхъ виночерпиевъ становилось все рѣже и дороже. Побереги свое чавчавадзевское про черный день, сказалъ я самому себѣ — если только можно говорить самому себѣ — и постановилъ правило, что лапка козички будетъ развязываться только для одержимыхъ простудой и лихорадкою; для всѣхъ же здоровыхъ она останется завязанною — неразрѣшимымъ гордіевымъ узломъ. Правило это было написано на ярлыкѣ и прилѣплено къ козичкѣ. Оно оманчивалось угрозою: «буде же кто, паче чаянія, развяжетъ сію лапку въ здравыхъ силахъ, хотя бы то былъ самъ хозяинъ, и кольми паче хозяинъ, таковой да сочтется: человѣкомъ, не знающимъ различія между чужою и своею собственностію — башибузукомъ». Козичка перестала худѣть; но нѣкоторые изъ друзей находили прилѣпленное къ ней правило незаконнымъ и вреднымъ.

Въ одно жаркое послѣ-обѣда, другъ Заалъ приходитъ въ буркѣ и охаетъ.

— Что съ тобою, князь?

— Должно быть, лихорадка, чувствую ознобъ: нельзя ли развязать козичку?

— Какъ нельзя! Она же только и существуетъ для страждущаго человечества.

Послѣ перваго хорошаго пріема, больной почувствовалъ себя совсѣмъ почти здоровымъ, а послѣ втораго сбросилъ бурку, началъ пѣть по персидски и хохотать. Не было еще въ Грузіи человѣка, который бы, за нѣсколькими каплями кахетинскаго, не пѣлъ и не хохоталъ. Но смѣхъ моего гостя отзывался на этотъ разъ чѣмъ-то особеннымъ. Разсказанный имъ анекдотъ объ Армянинѣ, угощающемъ своего пріятеля изъ наперстка,

еще не стоилъ такого чистосердечнаго хохота. При первомъ допросѣ, выздоровѣвшій больной учинилъ сознаніе, что онъ уже десять лѣтъ не испытывалъ лихорадки, что для порядочнаго человѣка, пьющаго кахетинское, онъ считаетъ эту болѣзнь невозможною, что возможность ея онъ допускаетъ только для Армянина и что, наконецъ, если онъ теперь, при сорока градусахъ тепла, озябъ и надѣлъ бурку, то это единственно въ угоду правилу, начертанному на хребтѣ козички. Послѣ такого вопіющаго злоупотребленія, предположено было усилить правило тяжкимъ условіемъ, чтобы заболѣвающіе являлись не иначе, какъ съ медицинскимъ свидѣтельствомъ. Но непредвидѣнное обстоятельство предупредило осуществленіе этого условія. Въ тотъ же вечеръ, другъ Эстати позвалъ меня на кебабъ, форельки и ново-прибывшее къ нему изъ Тифлиса кахетинское — шатъ-лава — очень хорошее. Кебабъ былъ превосходный, мягче и нѣжнѣе пампушекъ; вино было удивительное. Послѣ второй азарпеши, когда человѣкъ обыкновенно входитъ въ полный вкусъ, меня что-то какъ будто дернуло сзади: вкусъ ново-прибывшаго вина былъ рѣшительно тождественный съ моимъ.

— Шенчирими, мое вино! воскликнулъ я, въ порывѣ сильнаго подозрѣнія.

— Чтѣ за мелочное самолюбіе, возразилъ равнодушно князь Эстати: — имѣть какой нибудь жалкій бурдючекъ и думать, что ужъ такого вина ни у кого нѣтъ, какъ у насъ, фи! на чтѣ это похоже!

Подозрѣніе притихло, но не надолго: скоро опять начало оно бить тревогу. Наливалъ Заалъ. Бурдючекъ лежалъ у него на колѣняхъ, закутанный въ скатерть.

— Раскройте бурдюкъ.

— Зачѣмъ?

— Дайте посмотрѣть, какой онъ масти.

— Это невозможно.

— Отчего невозможно?

— Это противно грузинскому этикету.

— Подите вы! такого этикета нѣтъ въ Грузіи. Никто не видалъ, чтобъ честные люди закрывали бурдюкъ. Долой же эти пеленки!

Послѣ нѣкоторыхъ, попрежнему, неосновательныхъ возраженій, было рѣшено открыть таинственный бурдюкъ, по окончаніи третьей азарпеши, когда уже всѣ люди бываютъ добры.

Онъ открытъ. Вѣрить ли глазамъ? это была моя сѣренькая козичка.

— Князь Эстати, что ты сдѣлалъ? Слова, которые написаны на запрещеніи, теперь ужь перенесли на тебя.

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Да такъ, что запрещеніе вовсе сюда не входило и его здѣсь нѣтъ.

— Гдѣ же оно?

— Оно оторвано и осталось на мѣстѣ, въ твоей палаткѣ. Семиглазову приказано беречь его, какъ зѣницу ока. А когда его нѣтъ при козичкѣ, значитъ она свободна отъ всякаго обязательства.

При этихъ словахъ, Заалъ, съ самымъ безсовѣстнымъ спокойствіемъ, поднялъ козичку вверхъ, и запретительнаго ярлыка, дѣйствительно, при ней уже не было. Эстати, какъ хорошо приготовленный адвокатъ, продолжалъ:

— Если замѣкъ виситъ при марани (*), значитъ она замкнута; а если замка нѣтъ, значитъ она не замкнута.

Общій сумасшедшій хохотъ былъ отвѣтомъ на эту непобѣдимую логику. Совѣсть была успокоена, и козичка, въ тотъ же вечеръ, испустила послѣдній вздохъ. Это былъ лучший изъ вечеровъ, какіе когда нибудь доставалось провести въ добромъ грустинномъ кружку. Изъ всѣхъ національностей, вошедшихъ въ кругъ русскаго отечества, не найти нигдѣ русскому человѣку столь искренней и братской дружбы, какъ въ молодецкомъ сердцѣ Грузина. Русь и Грузія подружили еще въ дни общей скорби, когда, съ поникшимъ теломъ, носили ясакъ въ Золотую Орду и тамъ встрѣчались. А дружба, завязанная въ общемъ несчастіи, глубока и несокрушима, какъ братство.

Однако, не все еще сказано о турецкой палаткѣ. Чадырь — такъ Османлы называютъ палатку (**) — построенъ изъ бумажнаго холста, въ шестнадцать полотнищъ, каждое вдвое. Швы прикрыты тесьмой, чтобъ въ нихъ не заходилъ дождь, а также чтобы холстъ не тянулся и не рвался, при разбивкѣ. Тесьма идетъ во весь конусъ, отъ верха до покоя; а здѣсь уже начинается веревочка, къ которой привязанъ колышекъ. Этхъ ко-

(*) Винный погребъ.

(**) Отъ чадыра происходитъ, конечно, и нашъ шатеръ.

лышковъ, какъ и полотнищъ, шестнадцать. Столько же полагается и людей на одну палатку. Они спятъ головами къ столбу, а ногами къ окружности, въ видѣ спицъ въ колесѣ. Чтобъ предохранить бумажный холстъ отъ скорого тлѣнія, на дождѣ, и чтобъ придать ему совершенную непромокаемость, чадырѣ выкрашенъ снаружи зеленой краской, на скипидарѣ. Отъ этого, когда солнце жаритъ, въ чадырѣ очень душно и, что еще хуже, чувствуется запахъ скипидара. Да и самыя испаренія зеленой краски должны быть ядовиты. Провѣтривать палатку нѣтъ возможности, потому что низъ ея не поднимается выше, какъ на полъ-аршина отъ земли, то есть на сколько простирается цоколь. Весь остальной воздухъ, наполняющій конусъ, остается безъ движенія и, разъ нагрѣвшись, дѣлается гадкимъ, какъ стоячая вода въ болотѣ. Но устройте вверху отдушникъ, наподобіе такового же въ калмыцкой кибиткѣ, или подкопайте, какъ выше сказано. Въ послѣднемъ случаѣ, наружный воздухъ будетъ протекать прямо вамъ въ лицо, противъ вашего дыханія. Но здѣсь уже угрожаетъ замѣчаніе насчетъ сквознаго вѣтра, и потому можно прекратить рѣчь о турецкомъ чадырѣ.

Первые три дня, послѣдовавшіе за днемъ боя, прошли въ непрерывныхъ хлопотахъ. Наша потеря, личная и имущественная, приводилась въ точную извѣстность. Мы знаемъ, что Турки не взяли у насъ ни одного человѣка въ плѣнъ; а, между тѣмъ, оказываются люди, «безъ вѣсти пропавшіе». Въ Тверскомъ полку ихъ оказалось больше двадцати человѣкъ. Сдѣланы поиски между боевой линіей и бывшимъ турецкимъ лагеремъ: тамъ найдено нѣсколько ободранныхъ касокъ, которыя принадлежали тѣмъ людямъ. Изъ чего сдѣлано заключеніе, что, во время атаки Тверскаго полка на батарею или же во время позднѣйшей атаки одного дивизиона того полка на пѣхоту лѣваго турецкаго крыла, люди были занесены лошадьми и погибли въ тылу непріятеля. Утѣшительно думать, что они не захотѣли отдаться въ плѣнъ и пали честно, съ оружіемъ въ рукахъ. Не былъ ли въ числѣ ихъ и тотъ положительный человѣкъ, который говорилъ: «коли бъ мнѣ пришлось попасться въ плѣнъ, я зарубалъ бы сперва человѣкъ сколько, а потомъ уже нехай и меня рубаютъ!»

Раненныя лошади, которыхъ очень много, свидѣтельствовались посредствомъ особой комиссіи. Однѣ признавались безнадежными, и противъ нихъ дѣлалась отмѣтка: «пристрѣлить и изъ фуражнаго довольствія исключить». О другихъ положено

произвести окончательное рѣшеніе чрезъ двѣ недѣли. О третьихъ ветеринарный врачъ и члены коммиссіи расходились въ мнѣніяхъ: первый призывалъ раненыхъ къ выздоровленію и продолженію службы «благонадежными», а намъ казалось, что у нихъ останется хромота или сведеніе шен, или затрудненіе въ жеваніи. Но какъ врачъ зналъ анатомію, а мы нѣтъ, то и побѣда оставалась на его сторонѣ.

Плѣнные Турки, боевые трофеи и всѣ не слишкомъ тяжело раненые отправлены въ Гумри. Туда же отвезены и тѣла убитыхъ офицеровъ. Для погребенія ихъ, отведенъ особый холмъ на русскомъ берегу Арпачая.

Великія дѣла не нуждаются въ замѣткахъ частнаго человека: о нихъ будетъ трубить слава, а если не слава, такъ молва, по крайней мѣрѣ. Чѣмъ дальше будетъ идти трубный звукъ, тѣмъ шире будетъ дѣлаться и объемъ подвиговъ. Но пріятно сохранить въ памяти простой, честный поступокъ, особенно, если онъ принадлежитъ нашему брату служивому. Тѣмъ скорѣе не нужно предавать его забвенію, что никакіе Плутархи, ни Корнеліи Непоты не станутъ говорить о немъ.

За нѣсколько дней до сраженія, Грузинскаго гренадерскаго полка 2-го баталіона 2-й гренадерской роты рядовой Михайло Евсеевъ взялъ у меня товаръ для пошитія сапоговъ. Турки не заблагоразсудили подождать, пока онъ кончитъ, и потому сами виноваты, что воевалъ я съ ними въ старыхъ чоботахъ. Послѣ этого кроваваго дня, можно ли было еще думать о новой обуви? Грузинскій полкъ понесъ тяжкую потерю въ людяхъ: легко могло статься, что и собственные сапоги Евсеева остались на полѣ сраженія. Итакъ, взятый солдатомъ товаръ и несвоевременная затѣя о возобновленіи обуви совершенно вышли у меня изъ головы. Утромъ, 27 іюля, возвращался я съ аванпостовъ въ лагерь и повстрѣчалъ казаковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ мнѣ: «Солдатъ ходилъ съ новыми сапогами и все васъ искалъ; ихъ, говорить, въ Александрополь отправляютъ». — «Кого?» — «Да ихъ, стало быть, раненыхъ.» — «Такъ тотъ солдатъ раненый, что ли?» — «Раненый же.» Тутъ только вспомнилъ я о новыхъ сапогахъ, и какъ къ нимъ примѣшался еще раненый солдатъ, то я далъ коню нагайку и скоро прибылъ въ лагерь. Первый предметъ, который представился моимъ глазамъ въ палаткѣ, были новые сапоги, чудесные танцевальные сапожки, съ голенищами за колѣно.

— Кто принесъ сапоги?

— Солдатъ принесъ. Скажи, говоритъ, Михайло Евсеевъ принесъ; насъ, говоритъ, въ александропольскій госпиталь отправляютъ.

— Что, онъ раненъ?

— Ужь и какъ-то раненъ, сердечный! Рука на перевязи, голова бинтомъ обмотана.

— Что жъ онъ сказалъ о деньгахъ?

— О деньгахъ ничего не сказалъ; а вотъ, говоритъ, сапоги вашему маіору, какъ, говоритъ, сказалъ, такъ и сдѣлалъ, а теперь въ александропольскій госпиталь, говоритъ, отправлюсь.

Было уже съ полчаса, какъ выступилъ обозъ съ ранеными. Я догналъ его верстахъ въ двухъ отъ лагеря. Повозки и арбы тянулись длинной вереницей. Донцы и мусульмане слѣдовали по сторонамъ тихой ходой, покачиваясь въ сѣдлѣ килевой качкой. Раненые, большею частію, сидѣли на повозкахъ, накинувъ шинели на голову, чтобъ защититься отъ лучей солнца.

— Гдѣ гренадеры?

— А вонъ тамъ, напередѣ.

Я подѣхалъ къ повозкамъ гренадеровъ и спросилъ Михайла Евсеева. По повозкамъ пошелъ голосъ: «Михайло Евсеевъ! Михайло Евсеевъ!» — «Здѣсь!» послышалось наконецъ на одной арбѣ.

Гренадеръ Евсеевъ сидѣлъ ссутулившись, съ накинутой на плечи шинелью. Лѣвая рука была у него подвязана и половина лица обмотана бинтомъ черезъ голову. Бѣлая фуражка была сдвинута на глаза, и онъ ее не поднималъ. Страданіе солдата было очевидно.

— Здравствуй, Евсеевъ! сказалъ я ему.

— Здравія желаю, отвѣчалъ онъ бодро и, въ то же время, хотѣлъ скинуть фуражку здоровой рукой. Я не допустилъ его до этого и продолжалъ:

— Ты ли принесъ мнѣ сапоги сегодня?

— Точно такъ.

— Ну, стоило ли думать объ этомъ при твоихъ ранахъ?

— А какже-съ? Взялся, такъ долженъ думать, нужды нѣтъ, что раненъ.

— Такъ ты сдѣлалъ сапоги еще до сраженія!

— Никакъ нѣтъ: до страженія не дошилъ немножко, а вчерашній день, какъ вырѣзали пули, нанялъ за себя дошить.

Больше говорить было нечего.

Я расплатился съ Евсеевымъ, не какъ ему, а какъ мнѣ хотѣлось, хотя онъ и не сразу согласился на мою плату.

— Тамъ ни въ чемъ намъ нужды не будетъ, говорилъ онъ:— благодарить начальству: раненымъ всякое епособствіе даютъ; и вчера и сегодня горячимъ насъ поили.

Михайло Евсеевъ настоящій гренадеръ ростомъ и видомъ. Онъ раненъ двумя пулями — въ лѣвое плечо и лѣвую скулу лица. Я увѣренъ, что отъ него не слышали ни одного звука, когда вырѣзывали ему пули. Мадамъ Сталь видѣла мужчину въ двухъ возвышенныхъ положеніяхъ и сказала, что человекъ на дикомъ конѣ и на кормѣ ладьи прекрасенъ. Но она не видѣла нашего раненаго солдата, иначе добавила бы: а раненый русскій солдатъ и того прекраснѣе... И отчего такъ, что мужество, честность, доброта чаще встрѣчаются въ чемъ нибудь росломъ, угловатомъ, мощномъ, чѣмъ въ маленькомъ, коротенькомъ и худенькомъ? Оттого, вѣроятно, что на сторонѣ послѣдняго ловкость и гибкость...

Старшій мулла турецкихъ войскъ пріѣзжалъ просить о погребеніи убитыхъ турецкихъ солдатъ. Онъ казался очень тронутымъ, когда ему объявили, что это уже сдѣлано. Ему оставалось только прочесть молитву надъ могилами своихъ покойниковъ. Изъ словъ муллы видно, что Турки считаютъ у насъ своихъ плѣнныхъ гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ есть. Вѣроятно, разбѣжалось много, послѣ боя. Муллу спрашивали, какъ Турки хотятъ назвать сраженіе 24 іюля; онъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, назовутъ его «хадживаллійскимъ», по долгой стоянкѣ у сел. Хадживали. Это не будетъ точно, потому что бой происходилъ не у Хадживали. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, назвать это сраженіе? Оно разыгралось на долинь, которую окружаютъ: Караялъ, Курюкъ-Дара, Ягны, Хадживали, Суботанъ, Огузлы, — вотъ сколько именъ! Посмотримъ, какое изъ нихъ выйдетъ въ люди, держа за хвостъ нашей побѣды. Много уже ихъ вытянула побѣда изъ самой жалкой неизвѣстности. Не обходилось, однакожъ, и здѣсь безъ прихоти и несправедливости: имена, ближайшія къ событію и болѣе гладкія, были обойдены, а дальнѣйшія и шероховатыя удостоены исторической извѣстности. Отъ привычки къ Курюкъ-Дара, мы начинаемъ уже величать сраженіе 24 чи-

сла курюкь-даринскимъ. Длинно и вмѣстѣ несправедливо. Караялу принадлежать всѣ права связать съ нимъ свое имя. Во первыхъ, всѣ частныя столкновенія, предшествовавшія общему бою, произошли на Караялѣ или около него и изъ-за него; во вторыхъ, наступавшая и предложившая битву сторона избрала его тактическимъ ключемъ для боевой позиціи; въ третьихъ, отъ него началось и распространилось сраженіе, и, въ четвертыхъ, онъ стоитъ царемъ надъ боевымъ полемъ и надъ всей окрестностію. Въ прошломъ году, онъ былъ зрителемъ банькадыкь-ларекаго сраженія, которое также совершилось у его ногъ и котораго имя также несправедливо отнято у Огузловъ. Не легче ли будетъ и дѣтямъ, въ классѣ исторіи, заучивать Караялъ, чѣмъ Курюкь-Дару? Не удобнѣе ли будетъ и поэтамъ вводить въ стихъ и римовать первое, чѣмъ послѣднее имя?...

На четвертый, послѣ сраженія день, 28 іюля, корпусный командиръ пожелалъ обозрѣть мѣстность, гдѣ стоялъ турецкій лагерь. Рано утромъ, мы выступили въ составѣ небольшого отряда и взяли отъ лагеря направо, къ сторонѣ Карса. Потомъ перешли карескую дорогу и приблизились къ высотѣ Ягны; отсюда повернули налѣво и прибыли наконецъ на опустѣлую турецкую позицію. Лагерь умирался тыломъ въ кряжъ горъ; по обѣ стороны скалистые овраги; фронтъ прикрытъ укрѣпленіями, но не такими грозными, какъ рассказывали Армяне. Что особенно могло привлечь наше вниманіе въ бывшемъ турецкомъ лагерѣ, такъ это чрезвычайная чистота. У насъ, кажется, этого не найдется. Въ палаткахъ были порыты круглыя ямы, въ которыхъ стояли «бардаки» — длинныя деревянные ведра съ водою для питья.

Мы сдѣлали привалъ у разоренной деревни Суботанъ, чрезъ которую протекаетъ гадкая рѣчка Маврякчай, съ мутной и теплой водою. Полуденное солнце жгло. Убѣжища отъ него не было. Разрушенныя жилища деревни сливались съ холмами кладбища. Дуриной обычай у Турокъ — заводить кладбище вплоть съ деревней, почти безъ промежутка. Рокотъ могилы рядомъ съ огородомъ. Нѣкое заустѣніе одинаково почивало и между могилами и между жилищами. Только забытый переселенцами котенокъ вышелъ къ намъ изъ развалинъ, въ качествѣ послѣдняго депутата гнѣздившейся здѣсь жизни. Въ его мяуканьи выражалось смѣшанное чувство — и тоска одиночества и радость при свиданіи съ людьми. Ему какое дѣло, что не свои, лишь бы были люди,

лишь бы чья нибудь рука его погладила. Мы его приласкали и покормили. Можетъ быть, вспомнить, какъ выростеть.

Среди смиренныхъ могилъ бѣдняковъ, съ двумя камнями, врытыми стоймя въ ноги и въ головы, въ видѣ колыбелъ, возвышается нѣсколько богатыхъ памятниковъ, съ эпитафіями. Тамъ почіютъ книжники—мудлы, передавшіе свои чотки и доходы другимъ книжникамъ—мудламъ, съ завѣщаніемъ неидти дальше точки, на которой они остановились. На одномъ изъ памятниковъ пацарапано по русски: «Ефимъ Ивановъ». Пѣнный ли, въ тоскѣ по отчизнѣ, или дезертиръ, въ минуту раскаянія, оставилъ здѣсь свое имя? Хоть напишу свое имя по русски, думалъ онъ: и оттого ужъ мнѣ полегчаетъ....

Дневной жаръ, подъ этимъ небомъ, увеличивается до двухъ часовъ, а потомъ начинаетъ спадать и въ четыре часа уже дѣлается сноснымъ. Нашъ привалъ продолжался до этого отраднаго часа. Потомъ мы предприняли обратный путь въ лагерь, по тому направленію, какъ шли на насъ Турки. Часто намъ попадались деревянные ящики, обтянутые холстомъ и осмоленные. Они были со снарядами и возились вьюкомъ на лошадяхъ. Во время отступленія, непріятель бросалъ ихъ, уничтожая сваряды; оттого около нихъ валялись ядра и картечь. Понадались, однакожь, ящики и съ незыброшенными снарядами; они были подняты. Солнце уже заходило, когда мы переѣзжали чрезъ боевое поле, теперь усыпанное черными могильными насыпями. Здѣсь каждый припоминалъ что нибудь изъ 24 числа. Вотъ наконецъ и лагерь и чудесный вечеръ въ лагерь. Вечеръ съ прохладой и позолоченными вершинами горъ, съ веревницами вороныхъ и рыжихъ коней, весело возвращающихся съ водопоя, съ безконечнымъ звукомъ рожка, который подыгрываетъ пѣснѣ, съ дымомъ бивуака, никогда не горькимъ, съ ракетой, взвившейся подъ облака, съ барабаннымъ боемъ на «Отче нашъ», съ задумчивымъ свѣтомъ полного мѣсяца, съ воспоминаніемъ о бывшемъ и сплывшемъ, съ равнодушіемъ къ будущему и потомъ съ крѣпкимъ здоровымъ сномъ безъ сновидѣній — такой вечеръ замыкаетъ боевой день русскаго солдата въ Анатолиі...

Отъ 29 іюля осталось одно только впечатлѣніе, и какъ подобныя впечатлѣнія ни часты, но привыкнуть къ нимъ нельзя. Солнце начало спускаться за горы, красное, какъ перегорѣвшій костеръ. Лагерь освѣщенъ яркими косыми лучами, а вотъ недалеко, на сѣверномъ небосклонѣ, поднялись двѣ тучи—одна черная,

другая сѣра. Громъ слышенъ въ ту сторону, какъ отдаленныя пушечныя выстрѣлы. Весь склонъ неба поминутно обладаетъ краснымъ огнемъ молній, стянутыхъ, какъ видно, изъ всѣхъ воздушныхъ пространствъ въ одну бриммеровскую батарею. И вотъ обѣ тучи двигаются прямо на лагерь; черная заряжена дождемъ, сѣрая — градомъ. А въ лагерь все-таки свѣтитъ солнце. Люди бросились натягивать палатки, крѣпить колья. Но, не достигнувъ лагеря, обѣ тучи прорвались и опростались. На насъ не брызгнуло ни капли. Однимъ развѣ морякамъ предоставлено видѣть что нибудь великолѣпнѣе и чудеснѣе этого. Вы освѣщены солнцемъ, а вотъ передъ вашими глазами дождь льется на гору изъ тучи, какъ вода изъ опрокинутой чаши. Вы различаете водяныя нити и наглядно убѣждаетесь, что, при сопротивленіи воздуха, жидкость не можетъ упасть съ значительной высоты массою, но должна раздробиться на нитки...

Плѣнные Турки прислали изъ Александрополя цѣлый мѣшокъ писемъ на родину. Для отвоза ихъ въ Карсъ, къ муширу, назначенъ пранорщикъ Векиловъ, съ двумя чапарханами и четырьмя линейцами. Составилось священное на востокъ число едды — семь. Векиловъ, александропольскій житель, имѣетъ знакомыхъ въ Карсѣ и свободно объясняется по турецки. Не то, что нашъ братъ, только начинающій отурчиваться: хочешь сказать три, «іучъ», а выходитъ — пей, «йічъ», — кури тожь. Посолъ одѣлся въ богатый татарскій нарядъ. И онъ и его конь покрыты шелкомъ и серебромъ. Казаки выбраны красавцы. Одному изъ нихъ, съ рыжей бородой во всю грудь, врученъ бѣлый парламентарскій флагъ.

30 іюля, утромъ, наши эльчи, то есть парламентары или герольды, выѣхали изъ лагеря. За семь верстъ до Карса, они нашли турецкіе аванпосты. Сильный отрядъ баши-бузуковъ, безъ совари, ихъ содержитъ; палатокъ множество. Турки свято чтутъ парламентарскій флагъ. Наши были встрѣчены очень вѣжливо и приглашены къ начальнику передовой стражи Хаджи-Темиръ-Агѣ. Это очень богатый помѣщикъ, чиновъ никакихъ не имѣетъ и ихъ не проситъ и служить изъ одной любви къ падишаху и содержитъ на собственный счетъ не одну сотню баши-бузуковъ. Такихъ людей немного уже въ Турціи; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ въ этомъ родѣ только одного Хаджи-Темиръ-Агу и удивляемся, какъ до сихъ поръ баши-бузуки не отгрызли у него почтенной сѣдой бороды. Наши эльчи были введены въ богатый

шатырь и увидѣли старика осанистой военной наружности. Это былъ самъ патріархъ башни-бузукъ—Хаджи-Темиръ-Ага. Онъ, принявъ нашихъ очень дружелюбно, угостилъ ихъ кофею, обѣдомъ, чаемъ и послалъ, между тѣмъ, своего племянника въ Карсъ, съ извѣстіемъ объ ихъ слѣдованіи.

Приближаясь къ Карсу, эльчи увидѣли турецкій лагерь, раскинутый возлѣ самаго города, у подошвы его скалистыхъ высотъ. Версты за двѣ до лагеря, ихъ встрѣтилъ белюкъ (эскадронъ) уланъ. Командовавшій офицеръ предложилъ имъ очень вѣжливо завязать себѣ глаза, что и было исполнено. Чапарханъ Даниель говоритъ: хоть я и завязалъ глаза, однако, все видѣлъ. Въ видѣ фортуны, то есть съ завязанными глазами, эльчи вѣхали въ лагерь и остановились у ставки мушира. При вѣздѣ, караулъ имъ отдалъ честь. Какъ видѣть этой чести они не могли, то сопровождавшій ихъ офицеръ счелъ долгомъ объявить имъ о ней.

У ставки мушира, повязка была снята. Векиловъ былъ введенъ къ муширу и принять имъ очень ласково. Находившіеся при немъ офицеры удалились. Зарифъ-Мустафъ-паша попросилъ Векилова сѣсть и приказалъ подать чубукъ и кофе. Переговоривъ о дѣлѣ, онъ началъ судить, съ самой добродушной откровенностію, о своемъ и нашемъ войскѣ. Онъ очень хвалилъ нашу кавалерію и ту пѣхоту, которая была, 24 числа, въ центрѣ. Онъ называлъ ее пѣхотой въ большихъ саногачъ. О своей кавалеріи относился онъ въ укорительныхъ выраженіяхъ и вообще сдѣлалъ замѣчаніе о недостаткѣ повиновенія и исполнительности въ подчиненныхъ ему пашахъ. Изъ того, что было предположено, прикомандовалъ онъ, не было выполнено и десятой доли, а въ числѣ исполнителей нашлись такіе, которые, съ самаго начала боя, почувствовали себя больными и лежали за бугорками. О Гассанъ-пашѣ, водившемъ египетскіе баталіоны противъ нашего лѣваго крыла и тамъ убитомъ, отзывался онъ съ похвалою и съ самымъ чувствительнымъ сожалѣніемъ. «Этотъ паша — говорилъ муширъ — былъ истинно военный человѣкъ, а его баталіоны истинно геройское войско, потому и были они призваны въ самое важное мѣсто; но коса наскочила на камень. Я все ожидалъ, что ваши будутъ штурмовать Караялъ, и оттого потерялъ много времени напрасно. Я самъ находился на Караялѣ, и все поле было у меня, какъ на ладони. Съ помощію трубы, я многихъ изъ вашихъ офицеровъ замѣтилъ въ лицо; они вели себя превосходно. Осо-

бенипо замѣтилъ я генерала съ большими бакенбардами, въ бѣлой фуражкѣ; за нимъ слѣдовалъ черный значекъ. Онъ распоряжался рыжими и черными драгунами (*).»

— Это былъ генералъ Багговутъ, аты-паша, начальникъ кавалеріи, сказалъ Векиловъ.

— Поклонитесь ему отъ меня. Военнымъ людямъ нельзя не уважать другъ друга. Поклонитесь также вашимъ храбрымъ драгунамъ. Скажите имъ, что они отличные аскеръ-адамларъ—военные люди, — такъ я о нихъ думаю, такъ и всѣ думаютъ. Мнѣ ужъ едва ли придется встрѣчаться съ ними. Васъ Богъ любитъ, а мы Его прогнѣвали. Вы были одинъ противъ трехъ, и все-таки ваша взяла: вамъ Богъ помогаетъ...

Зарифъ-Мустафа-паша —еще молодой и, какъ видно, энергическій человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ простую венгерку, съ обыкновенной фесой на головѣ. Вседневная форма турецкихъ пашей, взятая у Французовъ, очень проста; только нарядный ихъ мундиръ сохранилъ восточный блескъ. Муширь часто шутилъ и смѣялся; но нельзя было не замѣтить тайной скорби на его блѣдномъ лицѣ. Повидѣмому, онъ озлобленъ противъ своихъ пашей и не думаетъ оставаться долго въ Анатоліи. Что же до откровенности, то это обыкновенная черта характера всякаго порядочнаго Турка, въ военномъ мундирѣ.

Пока Векиловъ бесѣдовалъ съ муширомъ, казаки угощались въ другомъ шатрѣ. Имъ предлагали ужинъ, пилавъ, кебабъ. Множество офицеровъ толпились около нихъ. Особенно были къ нимъ внимательны Венгры и Поляки. Многие изъ этихъ послѣднихъ говорили свободно по русски. Было замѣтно, что они находили живѣйшее удовольствіе видѣть Русскихъ людей въ мусульманскомъ захолустьи. И не диво: въ нихъ заговорила славянская кровь. Не измѣнять ея ни пилавы, ни кебабы. Одинъ, впрочемъ, изъ числа ихъ, съ блѣднымъ лицомъ и мрачнымъ взглядомъ, затронулъ нашихъ кожныхъ вопросовъ:

— Знаете ли вы, что Кронштадтъ взятъ, Одесса взята и Крымъ скоро возьмутъ?

— Нѣтъ, не знаемъ, отвѣчали казаки: — на бикетахъ все стоимъ, газетовъ не читаемъ.

(*) Въ Нижегородскомъ полку лошади были свѣтлыхъ мастей, а въ Тверскомъ и Новороссійскомъ — вороныя.

— Ну, такъ знайте жъ и, какъ прїѣдете назадъ въ лагерь, расскажите своимъ.

— Да у насъ, ваше благородіе, никто пустыхъ слуховъ не станетъ слушать, и кто ихъ сказывать почнетъ, безперемѣнно на смѣхъ подымутъ, сказалъ брадатый флагоносецъ, не шевельнувъ усомъ.

Прочіе офицеры поспѣшили отвести разговоръ на другіе предметы. Многихъ изъ нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ Камкова и Скобелева, они называли по именамъ. О вторженіи Шамиля въ Кахетію не было и помина.

Послѣ трехъ-часоваго пребыванія въ турецкомъ лагерѣ, эльчи собрались въ обратный путь. Муширъ вручилъ имъ письмо къ князю Бебутову и денежную сумму въ 5,000 піастровъ, назначенную для турецкихъ плѣнныхъ. Онъ подарилъ Векилову золотую табакерку, съ брилліантовыми украшеніями, а казакамъ и чапарханамъ — по серебрянымъ часамъ каждому. Солнце уже заходило, когда наши сѣли на коня и выѣхали изъ турецкаго лагеря, опять съ повязкою на глазахъ и въ сопровожденіи уланъ. У заставы повязка была снята, и въ этотъ разъ уже сами они могли видѣть, какъ караулъ отдавалъ имъ честь. Въ то же время, долетали до ихъ ушей заунывные голоса муэдзиновъ, кричавшихъ вечерній азамъ (призывъ къ молитвѣ) съ двадцати-четырехъ минаретовъ Карса. Въ темные сумерки, прибыли наши путешественники къ пикетамъ. Хаджи-Темиръ-Аги и были имъ встрѣчены, какъ старые прїатели. Онъ велѣлъ зарѣзать для нихъ барана, угостилъ ихъ добрымъ ужиномъ и оставилъ у себя ночевать.

— Теперь, какъ вы у меня ночуете, сказалъ онъ казакамъ:—я прикажу своимъ пикетамъ спать всю ночь, укрывшись съ головой.

— Нѣтъ, ага, степенно возразилъ брадатый носильщикъ флага:—ухлай іохтуръ, бикетамъ ни въ коемъ случаѣ спать не подобаеъ. Бикетъ ухлай—грѣхъ большой, яманъ!

Разумѣется, несмотря на стремленіе Гребенца объясниться по турецки непосредственно, Даніель долженъ былъ передать его слова. Повелитель баши-бузуковъ засмѣялся и продолжалъ:

— Что, видно, не ручаетесь за своихъ черкезъ-казаковъ? Гай-гай, молодцы черкезъ-казаки!

Сперва онъ сказалъ было, по неосторожности: черти, а потомъ вдругъ замѣнилъ чертей молодцами, и еще усилилъ: «вола-лага молодцы!»

Послѣ ночлега и раннего завтрака у гостепріимнаго Хаджи-Темиръ-Аги, эльчи благополучно прибыли въ лагерь и цѣлый день были очень интересными людьми.

4 августа.

Молодой негръ привелъ изъ турецкаго лагеря мула, навьюченнаго офицерскимъ имуществомъ. Это чубукчи одного изъ плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ. По привязанности къ своему господину, онъ желаетъ присоединиться къ нему и раздѣлять съ нимъ ясырыкъ — плѣнъ. Братъ плѣннаго, не испытавшій той же участи, потому что онъ уланскій офицеръ, пріѣзжалъ просить пропуска этому смуглому усердію. Отказа не сдѣлано. Мы накормили рядоваго улана, сопровождавшаго офицера. Бравый человѣкъ съ виду — черный усъ подкрученъ, взглядъ открытый, вызывающій сочувствіе — но мундиръ и амуниція крѣпко истасканы. Сапоги, хотя и со шпорами, но рыжіе и избитые. У насъ чернятъ даже конское копыто, а у нихъ, какъ видно, и солдатскому сапогу этой чести не полагается. Вообще можно сказать, что турецкій солдатъ довольно небреженъ къ своему туалету — признакъ натуры глубокой и широкой, но лѣнивой. Мы спросили нашего гостя, весело ли у нихъ въ лагерѣ. «Не совсѣмъ» — отвѣчалъ онъ — въ какой палаткѣ было больше двадцати человѣкъ, теперь нѣтъ и положенныхъ шестнадцати.»

«Куда же они дѣвались?» продолжали мы. — «Сенъ бидиръ синъ — самъ знаешь», отвѣчалъ совари и размахнулъ рукой направо и налево. По поводу негра съ офицерскими вещами, онъ намъ высказалъ, что ихъ офицеры имѣютъ прислугу большею частію изъ негровъ, что эти черные очень вѣрны, очень привязаны къ своимъ господамъ и что хотя невольничество запрещено, но сами они охотно дѣлаютъ себя невольниками, если съ ними обращаются по людски.

Торгъ людьми и невольничество, равно какъ и помѣстное владѣніе населенными землями уничтожены въ Турціи «танзиматомъ», при покойномъ султанѣ Махмудѣ, котораго грамотные Османлы любятъ сравнивать съ Петромъ Великимъ. Танзиматъ переродилъ Турцію, въ военномъ и гражданскомъ отношеніи. Онъ обуздалъ провинціальныхъ правителей, которые до него рѣзали носы, уши и даже цѣликомъ головы. Коллежскій совѣтникъ Ж***, бывшій, до начала войны, въ Арзрумѣ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и состоящій теперь при корпусномъ нашемъ штабѣ, рассказываетъ слѣдующій случай. Служилъ я — го-

ворить онъ—еще молодымъ чиновникомъ при нашей миссіи въ Арзрумъ. Это было до танзимата. Одинъ русскій подданный былъ оскорбленъ Туркомъ, на базарѣ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ немедленно позаботился собрать самыя точныя свѣдѣнія о происшествіи. Оказалось, что Турокъ былъ кругомъ не правъ. Тогда нашъ повѣренный отправился къ вали-пашѣ (губернатору) и изложилъ ему дѣло во всей подробности. «Да—сказалъ паша, выслушавъ его—дѣло ясное и не требующее особеннаго изслѣдованія. Надо проучить этого херсыза (разбойника).» Больше не сталъ онъ говорить объ этомъ дѣлѣ, приказалъ подать кофе и повелѣ разговоръ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Между тѣмъ, незамѣтно для своего гостя, написалъ онъ слова два на лоскуткѣ бумаги и сунулъ его въ руку чубукчи. Прошло, можетъ быть, часть времени, какъ на дворѣ, подъ окномъ, у котораго сидѣли хозяинъ и гость, послышался голоса. Паша выглянулъ въ окно и потомъ равнодушно сказалъ гостю: «не угодно ли вамъ взглянуть?» Исполнивъ приглашеніе, представитель русскаго правительства увидѣлъ, что Турку, оскорбившему русскаго подданнаго, уже рѣзали голову.

Теперь нѣтъ этого. Смертныя казни замѣнены тяжкою ссылкой, и всякое уголовное дѣло представляется на рѣшеніе въ Константинополь. Невольничество также вывелось, и если еще продаютъ людей, то отнюдь не формально и гласно.

Вечеромъ сегодня пріѣхалъ къ намъ официальный историкъ нашей войны, графъ С***. На него возложено описывать наши подвиги, прошедшіе и будущіе. Многимъ это не нравится, потому, во первыхъ, что будущее въ рукахъ Божіей, а во вторыхъ, потому, что графъ не военный. Невоенный это правда, но за то—писатель извѣстный. Его Иванъ Васильевичъ развѣзжаетъ въ тарантасѣ по широкой землѣ русской не всегда съ зажмуренными глазами. Что же до неизвѣстнаго будущаго, то, во первыхъ, по тремъ извѣстнымъ легко находятъ четвертое, неизвѣстное—на то наука—и, во вторыхъ, на нашихъ рыболовныхъ косахъ сплошь да рядомъ запродають тарань, которая еще не попадала въ неводъ, и никто не бываетъ въ накладѣ.

Первое впечатлѣніе, испытанное у насъ нашимъ историографомъ, была мучительная ѣзда въ черкесскомъ сѣдлѣ, на кратчайшихъ стременахъ. Я долженъ былъ проводить его въ свои владѣнія—на Караялъ, и оттуда показать весь театръ нашей войны. Съ вершины Караяла, легко было объяснить, гдѣ Турки

стояли лагеремъ, какъ они на насъ шли и какъ мы ихъ встрѣтили, гдѣ работали гренадеры и Эриванцы, гдѣ Нижегородцы, Тверцы и Новороссійцы. — «На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы съ вами теперь стоимъ — прибавилъ я — стоялъ турецкій мушаръ, во время боя.» — «А какимъ бы вы словомъ выразили характеръ всей этой мѣстности?» — «Мѣстность гористая, да и все тутъ.» — «Нѣтъ, это мѣстность волнистая: смотрите, какъ она все стелется волнами.» Да, онъ правъ, хотя нѣкоторыя волны и не стелются, а встаютъ на дыбы, какъ конь-неукъ.

Сумерки падали на боевое поле, когда я дочитывалъ мои объясненія, и была уже ночь, когда мы спустились съ Караяла. Всѣ эти волнистые холмы утонули въ темнотѣ.

Не такъ ли утонуть, въ безконечной ночи прошедшаго, всѣ наши богатырскіе подвиги, какъ бы ярко ихъ ни описывали? И чѣмъ ярче будутъ они выкрашены, тѣмъ скорѣе полиняють. Живые люди будутъ говорить о томъ, что освѣщено солнцемъ текущаго дня, что сотрясается отъ ихъ дыханія, а объ насъ, сокрывшихся въ темнотѣ былыхъ временъ, вспомнить развѣ какой нибудь военный метафизикъ, посѣдѣвшій въ болахъ на картѣ. Разберетъ онъ наше сраженіе по отвлеченнѣйшимъ правиламъ науки и докажетъ всѣми вѣроятностями теоріи, что кавалерія не могла побить пѣхоту, не только не разстроенную, но еще превосходную числомъ. Возражать мы будемъ не въ состояніи.

«Et voilà justement, comme on écrit l'histoire.»

6 августа. Лаг. на Карсчаѣ, у дер. Ахъ-узюмъ.

Нельзя было намъ оставаться долго на этомъ кладбищѣ, гдѣ зарыты на скорую руку тысячи человѣческихъ и другихъ труповъ. 5 августа, еще до разсвѣта, началась ломка лагеря. Съ наступленіемъ дня, авангардъ двинулся по ущелью, отдѣляющему Караялъ отъ Караогузи. За нимъ потянулись обозы. Нельзя было идти иначе, какъ въ одну нововку, а конница въ три коня. Часа три продолжалось прохожденіе чрезъ эти термопилы. Скучно было дожидаться заднимъ; но съ निकетомъ очень занимательно было смотрѣть, какъ этотъ огромный клубокъ разматывался. Между тѣмъ, все поле, на которомъ стоялъ лагерь, покрылось дымомъ. Шалаши, постилка въ палаткахъ и все, что можетъ горѣть и чего нельзя взять съ собой, было зажжено. Это любятъ

кавказскій солдатъ, или, лучше сказать, не любить онъ оставлять за собою слѣдъ. Снарядившись совсѣмъ къ походу, подложить онъ огонь подъ ненужный ему больше шалашикъ, закутить носогрѣйку и стоять, съ ружьемъ у ноги, съ ранцемъ и сухарной сумкой на спинѣ, съ котелкомъ на поясѣ, — стоитъ да думу думаетъ, смотря на постепенное разрушеніе шалашика. Дума должна быть самая обыкновенная, потому что лицо ни печально, ни весело, а такъ, какъ всегда бываетъ оно у русскаго человѣка, собравшагося въ дорогу.

Видалъ я картину, представляющую бритье кавказскаго солдата, въ походѣ: палатка, а у палатки солдатъ съ намыленным подбородкомъ. Что жъ тутъ художественнаго или даже особеннаго? Нѣтъ, пускай бы кто нибудь взялъ предметомъ для картины солдата, зажегшаго, раннимъ утромъ, свой шалашикъ и стоящаго у него вольно, съ думой подъ козырькомъ, съ трубочкой подъ носомъ, въ ожиданіи фельдфебельскаго приказа «станись». О, если бы настоящее мое указаніе попало когда нибудь на глаза истинному художнику! Онъ сразу выразумѣетъ всю поэтичность темы, хотя бы даже и не бывалъ въ походахъ.

Превращая въ пепелъ слѣды нашего пребыванія у Курюкъ-Дара, мы оставили въ цѣлости кресты надъ нашими покойниками, и только это одно грустно было покидать. Послѣдніе уѣзжали отсюда пикетные казаки. Въ виду крестовъ, они перекрестились и про себя сотворили молитву. Отвернувшись, каждый далъ коню нагайку, безъ всякой надобности. Это знакъ, что у казака на душѣ нехорошо. Очень часто хлопаетъ онъ нагайкой, какъ уѣзжаетъ изъ дому.

Протиснувшись окончательно чрезъ караяльскую калитку, войска выстроились на огузлинской долинѣ и двинулись внизъ, по Карсчаю, то есть по направленію къ нашей границѣ. Линейцы и Донцы находились въ главной колоннѣ, въ головѣ и хвостѣ; драгуны, съ конной артиллеріей, шли отдѣльной колонной, вправо, къ сторонѣ башъ-кадыкъ-ларской возвышенности. Ихъ правый флангъ былъ прикрытъ конно-мусульманскими полками. Медленно мы поднимались, за то ходко пошли, — все было какъ будто подъ гору. Огузлы, съ ихъ древней и черной, какъ обгорѣлое дерево, килисой, скоро остались назадъ. Оттуда вышло и присоединилось къ намъ нѣсколько армянскихъ семействъ, на арбахъ: тащатся на русскую сторону. Или имъ терять нечего дома, или заподозрѣны они крѣпко въ шпіонствѣ.

Мухи, наполнявшія нашъ лагерь, послѣдовали за нами всѣ до одной. Мы везли ихъ въ шапкахъ, на спинахъ и за сѣдломъ. Не было никакой возможности отъ нихъ отбиться. Солдаты правы, приписывая имъ особенную чувствительность и привязанность къ тѣмъ, на чей счетъ онѣ привыкли существовать.

Предъ разсвѣтомъ 24 іюля, когда кавалерія вытянулась изъ лагеря и спѣшила въ ожиданіи пѣхоты, вотъ какъ балагурили въ лейбъ-эскадронѣ Тверскаго полка: «наутро, какъ наши мухи проснутся, то-то, братцы, сдвигутся, что ужъ насъ нѣтъ въ лагерьѣ». Другой голосъ подхватилъ: «то-то будутъ вопить: да куда жъ это наши кормильцы сбѣжали? На кого насъ горемычныхъ покинули?» Третій голосъ добавилъ: «а и что жъ мы станемъ теперича дѣлать? кого будемъ кусать?» Вотъ о чемъ толковали наши солдатушки, въ ожиданіи кровопролитнаго боя. Не для естественной исторіи, а такъ изъ любви къ солдату, можно взять и эту пустую вещь къ свѣдѣнію...

Мы шли все правымъ берегомъ Карсчай, или, какъ казаки его прозвали, Карсачки. (Имѣ, коли рѣчка, такъ непремѣнно должна быть въ женскомъ родѣ.) Облако пыли нависло надъ войсками и вмѣстѣ съ ними двигалось. Солнце жгло. Началъ открываться Гамза-Керекъ. Самой деревни еще не видно, а ея пирамидальная и черная килиса выставилась изъ оврага, какъ папахъ наиба Рустанъ-бека, выѣзжающаго изъ-за горы. Скоро мы спустились на нижнюю карсскую дорогу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она, пройдя башъ-надыкъ-ларскую поляну, поворачиваетъ налѣво, въ долину Карсчай, и по многимъ уступамъ приводитъ къ переправѣ чрезъ эту рѣку, у деревни Пирвали. Пѣхота, съ обозами и артиллеріей, начала спускаться по дорогѣ къ переправѣ; конница слѣзла, чтобъ дожидаться своей очереди, потому что спускъ лежалъ узкимъ ущельемъ. Голова отряда, перейдя Карсчай, опять взяла прежнее направленіе по теченію рѣки, только уже лѣвымъ ея берегомъ. Версты четыре ниже, назначено было новое лагерное мѣсто.

Послѣ часовой стоянки на обнаженной высотѣ, съ поводомъ въ рукѣ, мы сѣли и пошли дальше искать себѣ другаго переѣзда чрезъ рѣку. Пройдя полчаса по мѣстности возвышенной и страшно перебуравленной, мы нашли другой спускъ къ Карсачкѣ, спустились и слѣзали на самый берегъ, у деревни Ахъ-узюмъ. Здѣсь мы освѣжились, утолили жажду и смыли пыль, которой въ усы и бакенбарты столько набилось, сколько обыкновенно си-

дять въ бурьянѣ, растущемъ около чуманскаго тракта. Противъ самой деревни Ахъ-уаюмъ, на другомъ берегу, такомъ же холмистомъ и изрытомъ, лагерные архитекторы расставляли уже жаловы и пикеты.

Итакъ, мы переходимъ обратно нашъ Рубиконъ, неблаговидно прозванный Карсачкой. Въ воздухѣ запахло уже чѣмъ-то въ видѣ зимнихъ квартиръ.

Графъ Ниродъ и нѣсколько офицеровъ зашли въ первый буйволатникъ деревни. Освѣщеніе сверху и очагъ на срединѣ жидица—рѣшительно, какъ у древнихъ Грековъ. Явился хозяинъ, съ поклономъ въ бокъ и съ привѣтствіемъ: «мой домъ—твоя конюшня». По комплименту можно было заключить, что это не простой человекъ, и, дѣйствительно, это былъ деревенскій старшина, поздѣшнему — «бѣлая борода». На востокъ эта особенность человѣческаго лица въ такомъ уваженіи, что изъ нея составилась даже титулъ деревенскаго старшины. Сановникъ этого называется аксакалъ, что значить бѣлая или, если угодно, сѣдая борода. Но изъ этого нельзя еще заключать, чтобы сѣдина собственно считалась здѣсь чѣмъ нибудь прекраснымъ. Нѣтъ, когда первый снѣгъ годовъ падаетъ на бороду и дѣлаетъ изъ нея что-то дестрое, нехорошее, ее начинаютъ красить красной краской. Сѣрымъ лошадямъ красятъ той же краской гривы и хвосты. Нашъ аксакалъ имѣлъ крашеную бороду, изъ чего мы были въ правѣ заключить, что она у него сильная. Какъ бы то ни было, онъ поднесъ намъ по чашкѣ кислаго молока и получилъ за то изрядный пешкешъ (подарокъ). Эта чудная вещь привела его въ веселое расположеніе, и онъ пустился въ юмористическіе рассказы о зимней стоянкѣ башни-бузуковъ во вѣренинѣ ему деревни. Хлѣпотъ было этой сивой бородѣ, обладательницѣ четырехъ женъ. Ну, извѣстно, говорить, зимняя ночь длинна, дѣлать нѣтъ, разбойникамъ, нечего, поположатся спать рано, выспятся до полуночи, а тамъ и почнетъ ихъ шайтанъ коробить. Пока во-жусь съ однимъ, другой ужъ тамъ подлѣзъ, и слышу пискъ: аманъ, аманъ! Спасибо вамъ—прибавилъ аксакалъ, прикладывая руку къ усамъ и бровямъ—спасибо, что хоть по весѣ вы ихъ пугнули. Набрались же они тогда страху. Гай-гай! Посмотрѣлъ бы ты, какъ они отъ насъ удирали—кто осѣдалъ, а кто и такъ, на голую спину. Сколько своей хурды-мурды побросали, и ужъ никто послѣ не пріѣзжалъ ее доправлять!...

Нашъ аксакаль—Карапапахъ и, сѣдственно, еретикъ, шіитъ. Турки считаютъ шіитовъ хуже глюровъ и говорятъ: «гяуръ можетъ еще проскользнуть какъ вибудъ въ рай, но шіитъ никогда, потому что онъ значится въ книгѣ правовѣрнымъ, а, между тѣмъ, сдѣлалъ свое лицо чернымъ отъ раскола». Естественно, что и Карапапахи оплачиваютъ имъ такими же изрѣченіями. Одна только необходимость заставляла этотъ лихой народъ держаться Турокъ; но теперь, когда анатолійская армія осадила назадъ и скрылась вонъ изъ глазъ, Карапапахи предлагаютъ намъ свои услуги, съ оружіемъ въ рукахъ. Они готовы выставить нѣсколько сотенъ милиціи. Надобно сказать правду, мы приобрѣтемъ недурную легкую конницу.

Полу-карапапахская и полу-армянская деревня Ахъ-узюмъ замѣчательна не однимъ своимъ прекраснымъ именемъ, потому что это имя значить по русски «бѣлолицая», но еще и тѣмъ, что на срединѣ ея торчатъ три деревца.

Пока мы слушали рассказы аксакала, на другомъ берегу уже сооружался лагерь, тоже «бѣлолицый». Съ окончаніемъ дня, сооруженіе его кончалось. Онъ имѣетъ видъ Рима, потому что сидитъ на многихъ холмахъ. Смирненные шатры кавалерійскаго штаба прилипли у самой подошвы канитоля. Для аванпостовъ указано мѣсто на той сторонѣ, гдѣ живетъ аксакаль. Тѣмъ лучше: будемъ чаще превращать его домъ въ свою конюшню. Съ теперешней позиціи уже видны и Арпачай. По русскому его берегу тянется цѣпь холмовъ, нагихъ, дикихъ; по турецкому раскинулись широкіе удоли, покрытые созрѣвшими хлѣбами. Въ хлѣбахъ сидятъ, прижавшись къ землѣ, какъ стаи куропатокъ, многія деревни. Налѣво, при впаденіи Карханчая въ Арпачай, чернѣетъ Башъ-Шурагелъ; прямо, въ перспективѣ Карсчая—Кинагъ. Тамъ Карсчая впадаетъ въ Арпачай, а Арпачай впадаетъ въ Араксъ, а Араксъ въ Куру, а Кура въ Каспійское море. Такъ и народы впадаютъ одинъ въ другаго, и самый сильный несетъ ихъ въ море государственной жизни... Какъ эти голубыя ленты водъ оживляютъ мѣстность! Еслибъ еще лѣса! Чрезъ отсутствіе лѣсовъ здѣсь совсѣмъ не видно птицы. Между небомъ и землею совершенная пустыня.

На другой день, по случаю праздника Преображенія, отслужена на нашемъ новосельи обѣдня. Казаки и чапарханы, отличившіеся въ разныхъ схваткахъ на аванпостахъ, были приведены къ церкви. Послѣ обѣдни, князь Бебутовъ роздалъ имъ кре-

сты и медали. Послѣдствіемъ этого торжественнаго акта было чрезвычайно веселое пѣніе въ казацкихъ шатрахъ. Громче всего раздавался украинскій гимнъ, переряженный въ сѣверно-русскій зипунъ:

Бѣхалъ казакъ зы Дунай,
Сказалъ: дѣвунка, прощай!
Ты, лопатка ворона,
Неси ды гуляй.

«Гуляй!» вскрикивалъ вдругъ одинъ изъ голосовъ, и пѣніе падало. Начинался смѣшанный говоръ. «Прощай! Такъ-то, братъ, и я сказалъ: прощай, прощай, молъ, Федосьюшка, да смотри ты у меня, а то вотъ тебѣ крестъ....» — «А что, братуха, у васъ, въ Рашеваткѣ, стояли солдаты?» — «Какже! пишутъ, всеѣ зиму стояли.» — «Эхъ, гладыри...» — «Ну, что жъ вы тамъ, дѣхалъ казакъ»...

Пѣніе начиналось опять съ перваго стиха, но, какъ тожько доходило до слова «гуляй», снова подвергалось той же участи. Напрасно какой нибудь прыткій тенорокъ порывался одинъ опередъ и высоко поднималъ: «постой, стой, казаче», — другіе голоса за нимъ не шли, и онъ находилъ себя вынужденнымъ остановиться, не достигнувъ даже и того мѣста, гдѣ казакъ хочетъ возвратиться съ войны со славою, а дѣвчина — куда тебѣ! — и руками и ногами...

Казаки не такъ распоряжаются съ порціонной чаркой, какъ драгуны и вообще солдаты. Они не пьютъ въ будни, а скопляютъ будничныя выдачи про праздники, особенно про такіе праздники, когда казакъ именинникъ, или получитъ награду, или его теща именинница, или въ его станицѣ храмовой праздникъ. Не слѣдовало бы этого допускать, конечно. Но если человѣкъ, и безъ насущной чарки, бодръ и здоровъ, если, вмѣсто ежедневнаго эгоистическаго глотка, онъ выставитъ бутылочку, въ праздникъ, ближайшимъ односумамъ, и сядутъ они около нея въ братскій кружокъ, и произнесутъ имена, которыхъ нѣтъ въ спискахъ начальника кавалеріи, и разогрѣется у нихъ душа, и забудутъ они чужую сторону: Карсчай, Арпачай, Караялъ, Ахъ-узюмъ, — уже ли слѣдуетъ это отнимать у нихъ, дѣтей поэзіи войны? Отнимите у казачества поэзію, и тогда выбросьте вонъ, какъ подмоченный порохъ.

Не одни Линеицы веселились. Новороссійцы справляли также свой полковой праздникъ. Изъ многихъ палатокъ составленъ былъ дворецъ. Всѣ апартаменты представляли одну непрерывную столовую. Соединенные столы разныхъ родовъ оружія, правда, не представляли одной ровной поверхности; но «не красенъ столъ углами, а красенъ пирогами». И, дѣйствительно, пироги были. Былъ даже ледъ, привезенный во мракъ ночи отъ Гросса. Гроссъ очень доволенъ, что мы подвинулись ближе къ отечеству. Онъ даже самъ къ намъ понавѣдался. При его содѣйствіи, были, сверхъ пироговъ, арбузы, дыни, абрикосы, сливы. Были еще споры о храбрости, о различіи между черными и красными воротниками. Два хора музыкантовъ играли; два хора пѣсенниковъ пѣли. Тѣ же пѣсни, что и прежде, только тише стали: многіе голоса перестали пѣть послѣ 24-го июля.

Послѣ обѣда, была пропѣта любителями «бочка». Это пѣсня хороводная и, по выраженію корпуснаго хирурга, *классическая*. Выбираютъ самаго толстаго человѣка и, хочеть, не хочеть, сажаютъ его наземь. Запѣвало ходить вокругъ этой одушевленной бочки и поетъ соло:

Вкругъ я бочки хожу,

Вкругъ дубовенькія;

Я на бочку гляжу,

На дубовенькую.

Хоръ подхватываетъ *vivacissimo*: «вкругъ я бочки хожу» и проч. Затѣмъ слѣдуютъ стихи веселаго содержанія, съ видоизмѣняющимся припѣвомъ. Бочка посматриваетъ на всѣ стороны и улыбается, иногда даже гудеть золотой арфой. Едва ли бы держалась она такъ долго на одномъ мѣстѣ, если бъ была порожняя.

Послѣ бочки, былъ пропѣтъ «бычокъ». Перейдетъ ли эта поэма въ отдаленнѣйшее потомство? Перейдетъ, если устное преданіе постарается ее препроводить; но тисненіе не возьметъ на себя этого труда: оставайся, скажеть, на берегу — лодка не поднимается.

11 августа. Лаг. при Ахъ-узюмѣ.

Приближеніе осени ощутительно по утрамъ и вечерамъ; солнце жжетъ только среди дня. И холодъ смерти не начинается ли съ окончностей?... Дождей ужъ нѣтъ. Тучи наворачиваются порою;

но онѣ тощи и сухи, какъ выжатая губка. Громъ ихъ слабъ, какъ угроза, сопровождающая какое нибудь запрещеніе въ приказѣ мушира. При захожденіи солнца, поднимается сѣверо-восточный вѣтеръ, осенью здѣсь господствующій. Обнаженные холмы дымятся пылью. Воздухъ дѣлается мутнымъ. Страна развалинъ, и безъ того невеселая, принимаетъ советниъ печальный видъ. Въ Анатолиі рано старѣютъ: женщина и лѣто.

Ходили на фуражировку къ Кизилъ-чахчаху; воротились съ однѣми фуражирками (фуражными веревками, съ каблучкой на концѣ). Тощіе кизилъ-чахчахскіе бычки и ослы съ удивленіемъ смотрѣли на наши косы: къ чему это вы такъ вооружились? Намъ и зубомъ захватить здѣсь нечего....

Развѣзды поймали баши-бузука. «Бѣхалъ я, говоритъ, на русскую сторону поразвѣдать о моемъ братѣ, схваченномъ казаками у Караяла.» Не туда дорога за этой справкой; посланъ онъ, конечно, отъ Хаджи-Темиръ-Аги на развѣдки. За плечами у него было англійское пѣхотное ружье 1796 года, какъ значится на замкѣ. Можно же стрѣлять изъ такой древности! Повѣсилъ бы лучше себѣ за плечи сѣдую бороду Хаджи-Темиръ-Аги. А. О. Багговутъ удалился отъ насъ, по болѣзни, отъ ранъ происходящей. Собственною рукою написалъ онъ слѣдующій приказъ по кавалеріи:

«По случаю приключившейся болѣзни, я слагаю съ себя начальство надъ кавалеріей и передаю оное, по волѣ господина командующаго корпусомъ, старшему по себѣ генералу. Разставаясь съ моими храбрыми товарищами и братьями, я не могу скрыть душевную мою скорбь, что лишаюсь впредь чести командовать такими молодцами. Въ сраженіи 24 числа прошлаго мѣсяца, вы, братья мои ратные, отъ перваго до послѣдняго, явили чудеса храбрости, выполняли долгъ чести, превышая силы присвоеннаго вамъ оружія, ходили въ атаку на пѣхоту, на батареи и мимоходомъ опрокидывали кавалерію. Такія совокупныя дѣйствія рѣдки въ исторіи тактики. Продолжайте пожинать лавры для славы русскаго оружія; строимъ разите врага; исполняйте обязанности служебныя съ точностію; повинуйтесь начальству. Это совѣты опытнаго, привыкшаго къ трудамъ боевой жизни, стараго вашего начальника. Исполняя оныя, вы будете всегда побѣдителями, гроза и страхъ врагамъ нашего любимаго отечества.»

Вчера мы проводили нашего старика начальника, страждущаго и печальнаго. Негръ Рамазанъ велъ мула, навьюченнаго необширнымъ походнымъ хозяйствомъ и крошечною палаткою. Иванъ Захарычъ везъ въ послѣдній разъ значекъ, прострѣленный турецкими пулями и генеръ уже скатанный. На одномъ изъ холмовъ, такихъ печальныхъ, канъ и нашъ немногочисленный кружокъ, напѣвали бокаль разлуки, съ добрыми пожеланіями. «Если дастъ мнѣ Богъ поправиться—сказалъ генералъ—я, вѣроятно, уже не вернусь на этотъ театръ войны. Служить здѣсь или служить на Дунай — все равно, лишь бы служить вѣрою и правдою.»

Начальство надъ кавалеріей принялъ графъ А. Е. Ниродъ.

12 августа.

Вотъ и на нашей улицѣ праздникъ. А. О. Камковъ задалъ пиръ на весь міръ, не случаю отъѣзда въ столицу его дорогаго соратника Д. И. С—ва. Въ убогомъ казацкомъ лагерѣ устроился дворецъ еще небывалыхъ размѣровъ и закоулковъ. На столахъ явилось все, что только геній Гросса произвести въ состояніи. За столами усѣлись всѣ три рода оружія. У столовъ служили брадатые Гребенцы и Кубанцы. Царемъ праздника былъ командиръ трехъ сотенъ, нынѣ сложившій казацкіе доспѣхи. Было двѣ музыки и третья зурна. Были дѣсенники, пѣхотные, драгунскіе и казацкіе. Послѣдніе отдирали свою, свѣжо испеченную пѣсню:

Съ Малки, съ Терекъ, съ Кубань
Довелось собраться намъ,
Чтобы дажи басурмане
Чести и мѣсто казакамъ.

Чести и мѣсто казакамъ! (Вѣ.)

Видно Турки, въ самомъ дѣлѣ;
Заартачились не въ прокъ,
Позабыть уже успѣли
Лѣтось заданный урокъ.

Дѣзутъ съ грозною замашкой;
Инь пойдемъ навстрѣчу имъ
Да казацкой острой шашкой
Туркѣ память подновимъ.

Туркѣ память подновимъ!

Для пѣсню, ради снуи,
Мы потѣшился слегка;

Пусть себѣ бани-бузун
Распознають казака.

А когда ряды низама
Фронтъ безсчётный развернуть,
Имъ же больше будетъ сража,
Какъ отъ нашихъ побѣгутъ.

Ужъ ютъ нашихъ побѣгутъ.
То-то знатная работа!

Распотѣшься тутъ сполна!
Гдѣ ни глянь — у насъ ворота,
А у нихъ валишь стѣна (*).

Ихъ Французы обучали,
Англичанинъ имъ кунакъ,
А доучить ихъ едва ли
Не кавказскій нашъ казакъ.

Ужъ кавказскій нашъ казакъ!
Хватимъ стройнымъ ихъ ударомъ
На казацкое ура,
Чтобъ ужъ рядомъ съ Калык-Даромъ
Помнить имъ Курюк-Дара.

Да и намъ-то на станицѣ
Будетъ что поразсказать —
На турецкой какъ границѣ
Мы ужъли воевать.

Ужъ ужъли воевать!
Противъ силы женестивой
Какъ насъ велъ лихой Камковъ,
Какъ нашъ Скобелевъ правдивый
Службу правилъ казаковъ.

Не жалѣлъ за Русь, за Бога
Онъ ни жизни, ни труда,
И хотъ съ нами былъ немного,
Будетъ нашимъ навсегда.

Будетъ нашимъ навсегда!
Передъ всѣмъ врененнымъ миромъ,
Пусть же вѣкъ поется намъ:
Честь и слава командирамъ,
Честь и слава казакамъ!

Честь и слава казакамъ!

Самъ Малышка, во всѣ уши, прислушивался къ новой пѣснѣ.
При каждомъ припѣвѣ, его подергивало, и онъ ударялъ своими

(*) Намекъ на то, что казаки, послѣ сраженія 24 іюля, сравнивая нашъ строй съ турецкимъ, говорили: у нихъ все стѣна да стѣна, а у насъ все ворота да ворота.

дожками изо всей силы, а при последнемъ стихѣ даже перекувырнулся черезъ голову.

Тостамъ не было конца. Шли они за Дмитрія Ивановича казака, шли и за Дмитрія Ивановича москаля. Были обниманья по русски, были и по французски: «самъ панъ тре» и проч. Наконецъ были хорошоды, прекрасной памяти, Черленской стапцы. Этотъ оригинальный праздникъ продолжался до самой вечерней зари. После той минуты, какъ барабанщикъ прочитаетъ: «избави насъ отъ лукаваго», пировать у насъ не полагается.

13 августа.

Графъ объѣзжалъ мои хутора-аванпосты. Расположеніемъ ихъ на этой перебуравленной мѣстности онъ остался доволенъ. За переѣзды чрезъ скалистые овраги и за трудные подъемы на высшія точки высотъ его вознаградили чудесные виды на все четыре стороны. Вотъ рядъ деревушекъ, съ черенками христіанской цивилизации. Вотъ нашъ прежній хозяинъ — Караялъ, только уже не лицомъ, а спиною къ намъ, — бѣдный факиръ, весь въ заплатахъ. Разказалъ бы хоть что набудъ: вѣдь видалъ, какъ стояли здѣсь лагеремъ византійскіе легіоны, съ двуглавымъ орломъ на знамени, какъ рѣзались Сельджуки, Арабы, Персы, Грузины. Чего не дѣлалось въ его глазахъ! Нѣтъ, молчать — знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю.... А вотъ голубая лента Арпачая, а вонъ Араратъ большой, въ серебряной раздвоенной тиарѣ, и Араратъ малый, въ черномъ остроконечномъ клобукѣ армянскаго монаха. Нантъ лагерь, разсыпанный по холмамъ, кажется стадомъ гузей, слетѣвшихъ изъ окрестныхъ деревушекъ на пастбу. Въ глубочайшихъ котловинахъ, обчеркнутыхъ сѣрыми камнями, волнуются зрѣлые хлѣба. Смотри на нихъ и на камни, припоминаешь слова евангелія, что отецъ небесный поподастъ своимъ дѣтиямъ камней, когда они просятъ у него хлѣба. Никто, однакожь, не несетъ серпа къ этой готовой жатвѣ. Видно, само время ее сожметъ, потому что хлѣба ея разбѣжались, а жители, оставшіеся на мѣстѣ, не хотятъ снимать чужой хлѣбъ, изъ опасенія питья злослѣдствій тѣжбу. Намъ бы приняться за это: отъ нечего дѣлать; но, можетъ быть, это несовмѣстно съ нашимъ достоинствомъ. И, по милости этой военной гордости, земля возьметъ назадъ то, что требовала отъ нея человекъ и въ чемъ она ему не отказала. Такъ умеръ въ плѣну у Грековъ одинъ персидскій сатрапъ: ему подавали хлѣбъ не разбѣзанный,

и какъ онъ считалъ несовѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ рѣзать хлѣбъ, то и скончался голодной смертью надъ кучей хлѣба.

17 августа. Лаг. при Тихисѣ.

Неловко намъ было сидѣть на этихъ аж-узюмскихъ неровностяхъ, да и голъ кругомъ такая, что носой ничего захватить. Вотъ мы, въ самый праздникъ Успенія, послѣ обѣда, снялись и потянулись къ Тихису. Прибыли туда уже поздно вечеромъ и расположились впотмахъ по обоемъ берегамъ Карханчая. День былъ очень жаркій. Тонкая пепелистая пыль поднималась туманомъ съ этой вулканической земли. При заходѣ солнца, мы пробрались чрезъ развалины Башъ-Шурагея, у впаденія Карханчая въ Арпачай. Это былъ когда-то городъ, сверстникъ Ани. Отъ прежняго его величія остается одна только полу-разрушенная церковь. Памятники, наидомаше переживающіе нашу цивилизацію, это: памятники религій, несмотря на то, что въ нихъ съ наибольшей силой бьетъ молотъ вандализма и фанатизма. Что осталось отъ столичнаго города Шурагея (въ древности Шираковала), нынѣшняго сорокъ верстъ изъ окружности? Одна полу-разрушенная церковь. И какъ это дѣлаетъ величественно въ самыхъ своихъ остаткахъ! Въ Тихисѣ нѣтъ такой большой церкви. Кунолъ совсемъ разрушенъ; но стѣны и внутреннія перекрещенныя арки еще цѣлы. Позднѣйшіе армянскіе историки приписываютъ разрушеніе большихъ зданій въ этомъ краѣ частымъ землетрясеніямъ; но извѣстно также, что первый фирманъ Магомета II, возсѣдшаго на византійскій престолъ, заключалъ въ себѣ повелѣніе пробить кунолы во всѣхъ, болѣе замѣчательныхъ церквахъ. Тогда, конечно, началось разрушеніе кунола и этой церкви. Сводъ надъ алтаремъ цѣлъ. Алтарь имѣетъ видъ трети полукруга, обдѣланнаго однимъ дочеркомъ. Внутри, въ нихъ устроены закуты и лежатъ свѣжіе слѣды ночевавшихъ животныхъ. Снаружи, на среднемъ и самомъ выпукломъ изъ нихъ, находятся двѣ армянскія надписи, очень хорошо сохранившіяся. Немаю мы близъ надъ ними съ Балабекомъ, пока исторгнули у нихъ какой-нибудь смыслъ. Древнее армянское письмо — обѣзвѣтъ Балабекъ, отирая крупныя капли пота съ лица — очень не похоже на нынѣшнее, ей Богу не похоже; однако, никакія отговорки не приняты въ уваженіе, и вотъ переводъ:

«Сія церковь сооружена лѣта 1021. Да не убавитъ никто изъ стѣнъ ея ни одного камня. Да читають сѣмъ надпись всякъ человѣкъ, сторонній ли онъ посѣтитель, или обитатель модъ ея сѣмю....»

— Видишь, Балабекъ, что надобно читать надпись: мы вѣдъ посѣтители. Ну, что дальше?

«Если же кто, по небреженію своему, допуститъ ее до разрушенія или не станетъ помянать ея строителя, тотъ да будетъ проклятъ божественною славою...»

— Такъ ли, Балабекъ?

— Точно такъ.

«И тремъстами-восемнадцатью отцами. Да помянетъ посѣ-титель трудившихся надъ сооруженіемъ сей церкви, прославляя Всевышняго. Аминь.»

Другая надпись:

«Основана сія церковь во имя Божіей Матери, въ Шираковалѣ заложена, по полученіи разрѣшенія отъ самодержавныхъ властей....»

— Какихъ — нѣту?

— Нѣту.

— Значитъ, греческихъ. Дальше...

«Посѣтители сей церкви да прославятъ Бога и да охранять ее своею вѣрою: она сооружена во славу Всевышняго, великимъ изживеніемъ. Помяните, посѣтители, трудившихся надъ сооруженіемъ сей церкви: епископа, архитектора, мастеровъ и всѣхъ принесшихъ свои посильные труды. Хваля и славя небеснаго отца вашею вѣрою, помяните и насъ во славу Божію. Да будутъ благословенны на семь и на томъ свѣтѣ...»

— Да будемъ?

— Нѣтъ, да будутъ.

«На сооруженіе сей церкви употреблено весьма много денегъ и матеріаловъ, но объ нихъ здѣсь не пишется подробно; а прочитывая то, что здѣсь написано, помяните основателя, мастеровъ и всѣхъ принесшихъ свои посильные труды. Да будутъ благословенны Господомъ Богомъ. Аминь.»

Была уже полночь, когда лагерь установился въ тихинской котловинѣ и заснулъ. Ночной воздухъ былъ тихъ и влаженъ. Полный мѣсяцъ и яркія звѣзды съ небесной вышины, а чарный замокъ съ тихинскаго подъема шептали страстно: хощь-глаголю. Кто скоро заснулъ, не слышалъ этого.

На утро, солнце освѣтило лагерь въ должномъ порядкѣ — нужды нѣтъ, что строился онъ впотьмахъ. Сбоку насъ, тихвинская деревня, съ гнѣздомъ анста на столбѣ, съ кислымъ молокомъ и лавашами. Лавашъ — это бѣлый хлѣбъ, испеченный не по нашему — пирогомъ или булкой, а въ видѣ тонкой и обширной лепешки. За сходство лавашей съ листами газетной бумаги, казаки зовутъ ихъ газетами, и вотъ какія бываютъ иногда объясненія между односумами:

— Никакъ, ты ѣздилъ въ Кизилъ-чахтахъ?

— Ёздилъ.

— Привезъ газетъ?

— Привезъ.

— Дай же листочекъ.

— Опоздалъ, братуха: всѣ съ Братонашенковымъ прочитали.

— Эхъ вы, начетчики, дуй васъ горой!

Балабекъ успѣлъ уже выписать этихъ газетъ изъ тихвинской деревни. За однимъ человекомъ, который ихъ несъ, пришла толпа. Въ ней находился деревенскій теръ-теръ, одѣтый, какъ наши священники, и порядочно объясняющійся по русски. Въ эти минуты, тихвинскій замокъ представлялъ чудное зрѣлище: косые лучи утренняго солнца просвѣчивали сѣвозъ его прорѣхи и трещины, изъ-за черныхъ его стѣнъ, какъ чаянiе лучшей жизни изъ-за гроба страдальца.

— Батюшка, обратился я къ теръ-теру: — не можете ли вы сказать, когда это построено?

— Ву! давно, очень давно; никто не скажетъ, когда.

— Но что это было?

— Богъ знаетъ, что было.

— Монастырь?

— Нѣтъ, не монастырь. Мы знаемъ, гдѣ былъ монастырь: Мошеванкъ былъ монастырь, Календжа былъ монастырь.

— Ну, такъ крѣпость?

— Да, крѣпость. Гудовичъ ее билъ пѣш пушки. Тамъ Османлы сидитъ, когда Гудовичъ пошелъ, а когда Паскевичъ пошелъ, никто не сидитъ, какъ теперь.

Въ самомъ дѣлѣ, на одной изъ стѣнъ видны оспины отъ ядѣръ. Но кто пировалъ новоселье въ этихъ несокрушимыхъ оцѣпахъ? Какая красавица заплетала косу у этого узкаго окошка? Чей похоронный плачъ раздавался подъ этими тяжелыми сводами? О, горе мнѣ, грѣшнику суму — объ архитектурѣ пона-

тія неимушу! По складу зданія, по линіямъ сводевъ, по карнизамъ и по самой даже кладкѣ камней, я опредѣлилъ бы эпоху его сооруженія и его назначеніе. А теперъ, какихъ ни задавай вопросовъ, отвѣта нѣтъ — чисто, какъ горохъ объ стѣну. Въ безотвѣтныхъ развалинахъ читаешь только первый стихъ эпитафіи; да отъ этого не легче. Понятно становится, почему Наполеонъ бралъ съ собою въ походъ ученыхъ. У насъ ихъ нѣтъ, и мы не можемъ имѣть удовольствія сказать передъ боемъ: «placez les ânes et les savants au milieu».

Вотъ выставилась безобразная внутренность толстой стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сошла съ нея кожа. Эта рана вамъ показываетъ, что стѣны кладены изъ простыхъ кусковъ камня, различной величины, вулканическимъ образомъ, только на известіи. Съ обѣихъ сторонъ онѣ облицованы тесаными плитами. Зданіе поставлено на углу широкаго плато, надъ самымъ скатомъ въ долину. Башни, ближайшія къ скату, покачнулись по его направленію, несмотря на то, что цѣлыя скалы положены въ ихъ основаніе. Законъ тяготѣнія такъ же не преложень, какъ и законъ воздѣйствія, а въ нравственномъ мірѣ законъ воздаянія или справедливости. На первомъ всѣ міры, а на послѣднемъ всѣ пророки основались....

Вечеромъ, на широкой платформѣ замка, воспользовавшись падавшей отъ него тѣнью, греческая дружина производила джигитовку. Всадники имѣли въ рукахъ короткія палки, которыми бросали другъ въ друга. Ловкость заключается въ томъ, чтобъ увернуться отъ брошенной въ васъ палки, а и того лучше — поймать ее налету. Это любимая джигитовка турецкихъ башибузуковъ; она называется «джеридъ» и напоминаетъ до-пороховыя времена, когда всадники сражались короткими метательными копьями (dard). Это оружіе было въ большомъ употребленіи у древнихъ Грековъ, и противъ него строились тѣ ужасныя щиты, которые описаны въ «Иліадѣ». Спора нѣтъ, что Турки могли взять его у Грековъ, такъ, какъ, сдѣлавшись ихъ владетелями, они взяли у нихъ и многое другое. Но къ чему служить теперь этотъ анахронизмъ — «джеридъ»?

Греческая дружина составила изъ жителей нѣсколькихъ греческихъ селеній въ Грузіи, гдѣ они основались, говорятъ, еще при византійскихъ императорахъ, изъ каменщиковъ и мастеровъ горнаго дѣла. Въ этой дружинѣ всего тридцать всадниковъ, да и тѣ никакъ между собою не сойдутся: вѣчно у нихъ

крикъ и споръ. Шальвары у нихъ шире, чѣмъ въ другихъ дружинахъ, и сверхъ шальваръ надѣта еще бѣлая юнка. Казаки не могутъ этому надивиться. Они не знаютъ того, что у древнихъ Грековъ не было даже слова для обозначенія шальваръ; тѣмъ болѣе не могло существовать самой вещи. Отецъ исторіи, описывая, не помню какое, преслѣдованіе Ахейцевъ за бѣжавшими Персами, говоритъ: наши воины, настигая непріятелей, вонзали коня въ мѣшки, надѣтые у нихъ на ноги, и такимъ образомъ ихъ останавливали....

Развалины великаго народа кстати выбрали мѣсто для джигитовки около развалинъ тихвинскаго замка. Грустно было, смотря на ихъ неловкій «джеридъ», думать объ олимпійскихъ играхъ. Но пикъ у нихъ нѣтъ, какъ будто у лихой легкой конницы.

18 августа.

Никакой военный человѣкъ не станетъ спорить противъ того, что игра родилась въ лагерѣ. Скорѣе онъ будетъ удивляться, какъ играютъ люди въ осѣдлой жизни, гдѣ нужно дѣло дѣлать, дѣлишки обдѣлывать и о черномъ днѣ думать. Не нужно этого въ лагерѣ. Какъ корабль, потерявшій изъ вида землю, онъ отдѣленъ отъ дѣла и попеченій житейскихъ. Онъ уже ничего больше не видитъ, кромѣ неба надъ головой и безпредѣльной пустоты вокругъ. Онъ живетъ въ самомъ себѣ и въ одномъ только настоящемъ; будущаго нѣтъ для него, а если и есть, то развѣ какая нибудь частичка, сколько можетъ достать до перваго слова «тревога»! Странно даже видѣть мимоходомъ, какъ поселяне хлопчутъ около своихъ жилищъ и полей. Бѣдные люди — они надѣются жить завтрашній день и будущій годъ; они располагаютъ дожить до сѣдинъ и морщинъ — бѣдные люди! И имъ ли было выдумать игру? Нѣтъ, она могла родиться только въ лагерѣ, и здѣсь ея настоящее отечество. Живой тому примѣръ — нашъ лагерь. Когда не стало кого бить, онъ началъ играть. Здѣсь играютъ на зеленомъ сукнѣ (и то только слава, что зеленое сукно), тамъ — на разостланной попонкѣ; здѣсь — на золото, тамъ — на мѣдный русскій пятакъ и посеребренный турецкій гурушъ (*). Это игра или благородная, или терпимая. А вотъ она, преслѣдуемая, укрывающаяся за чертою лагеря, въ ложбинкахъ и овражкахъ. Фельдфебель туда не зайдетъ, а казакъ, ѣдущій

(*) Мѣдные турецкія деньги посеребрены.

съ пикета, и самъ не вытерпитъ, остановится, зашуститъ руку за голенище и вытащитъ расходный капиталъ — неприкосновенный у него въ другомъ мѣстѣ: по мудрой пословицѣ, онъ не кладетъ всѣхъ яицъ въ одну лукошку. Ну, и вытащитъ; что жъ потомъ? Потомъ обратится къ банкомету, у котораго съ одного плеча шинель спущена, и спроситъ: «Держишь?» — «Держу!» скажетъ тотъ, выпрямить грошъ между пальцами, поплюетъ, поплюетъ, чтобъ счастье пришло, и метнетъ. «Круче!» скажутъ ему: «перемечи!» Онъ поймаетъ грошъ налету и метнетъ очень круто. Грошъ падаетъ на расчѣщенную площадку и звенитъ выигрышемъ или проигрышемъ. Тѣсный кружокъ воиновъ, испытывающихъ счастье, слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за орломъ и рѣшоткой. Въ этомъ кружку вы ничего не различите со стороны, кромѣ головныхъ уборовъ: здѣсь и фуражка, въ чехлѣ и безъ чехла, здѣсь и косматая кавказская шапка, и остроконечная мусульманская папахъ, и партикулярный картузъ крѣпостнаго русскаго человѣка. Все это смѣшалось въ одинъ клубокъ и превратилось въ одно чувство — зрѣніе. Имя этой игры, на зеленомъ дужку, вмѣсто зеленого сукна — орлянка. Это коренная, національная русская игра, почему и оканчивается она, большею частію, игрою кудаковъ. За это ее и гонятъ и преслѣдуютъ невинно. Другое дѣло цхра: то игра грузинскаго происхожденія и совершается мирно, на поповкѣ, въ три листика. Цхра преобладаетъ между кавказскими, орлянка — между бывшими изъ Россіи войсками. Казаки также обнаруживаютъ влеченіе къ орлянкѣ, за тѣмъ, что въ ней больше простора и поэзіи. Но въ карты они играютъ больше въ свои козыри. Какихъ, подумаешь, привычекъ и акусовъ не тащитъ за собою русскій человѣкъ за предѣлы родной земли. Если взглядѣться пристально, то житейская индивидуальность русскихъ людей и на войнѣ та же, что дома; разница только въ стѣнахъ: тамъ онѣ рублены и кладены, а здѣсь шиты. Однако, въ неподвижныхъ стѣнахъ бываютъ люди добрые и злые; но на войнѣ нѣтъ злыхъ людей — всѣ добрые. «Въ дорогѣ и батько братъ».

Солдаты и другихъ наименованій ратники, не видя непріателя передъ носомъ, ползутъ изъ лагеря — кто за травой, кто за топливомъ, кто за щавелемъ, кто за чѣмъ. Замѣчено, что хорошій солдатъ не пойдетъ шататься, а все только мелюзга какая нибудь да милиція. По окрестнымъ деревнямъ случилось нѣсколько мелкихъ шалостей. Поклепъ идетъ на казаковъ потому

только, что «что сѣро, то и волкъ»; настоящіе же волки—мусульмане. Хороши они и дома—до сихъ поръ еще придерживаются кочевой жизни, какъ Курды въ Турціи и Персіи: зиму сидятъ въ землянкахъ, а лѣто разгуливаютъ подъ шатромъ и на конѣ...

Нижегородскаго полка полковникъ Т* ходилъ надняхъ на фуражировку къ Гамза-Кереку. Въ отрядѣ у него было нѣсколько мусульманскихъ сотенъ; но князя Яссе при нихъ не было. Приближаясь къ деревнѣ, Т* посылаетъ впередъ двѣ этихъ сотни занять высоты позади деревни. Одна сотня выполнила приказаніе; но другая почти вся застряла въ деревнѣ, и на разбирательство жалобъ отъ жителей пошло немало времени.

Для пресѣченія шатательства, аванпосты усилены и снабжены новой инструкціей. Заботъ стало еще больше, какъ было около Караяла и Курюкъ-Дары. Жители окрестныхъ деревень очень довольны новыми распоряженіями. Относя ихъ происхождение къ могущественному вліянію Топшамуръ-Аги, они повергли къ острымъ носкамъ его сапоговъ дань благодарности, въ видѣ двухъ жирныхъ барашковъ — на каждый носокъ по одному. Топшамуръ-Ага, въ ихъ глазахъ — беюкъ-адамъ, великій человекъ. Да и какъ иначе? Отъ него вѣдь зависитъ нрядъ проводниковъ для нашихъ фуражировокъ и направленіе ихъ въ ту или другую сторону—на землю злчную или безплодную. Что деревенскіе жители? — всѣ чапарханы дѣлаютъ ему глубочайшій ясакъ, тѣсно сжимаютъ колѣни и очень бережно закрываютъ ихъ полами чохи — высшее проявленіе татарскаго чинопочитанія....

Была жалоба на одного намба Конно-Мусульманскаго № 1 полка. Жалоба очень странная для насъ и очень обыкновенная для Татаръ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій. Тамъ человекъ, не причастный предмету этой жалобы, считается рѣдкостью, и его называютъ чистымъ. Когда въ краю появляется саранча, народъ, въ смятеніи, ищетъ чистаго человека между безбородыми. Если удастся найти, на него навѣшиваютъ новый кувшинъ и посылаютъ на Агридагъ (то есть Араратъ) за водою. Зачерпнувъ святой воды изъ извѣстнаго горнаго ключа, онъ ставитъ кувшинъ на голову и такъ его везетъ восвояси. На привалахъ и ночлегахъ, онъ не долженъ класть свою ногу на землю. Когда это исполняется, густыя стаи скворцовъ являются около кувшина и слѣдуютъ за нимъ до самаго мѣста нахожденія саранчи. По окропленіи того мѣста араратскою водою, скворцы

нападаютъ на саранчу и истребляютъ ее. Бude же, паче чаянія, кувшинъ прїѣдетъ одинъ, безъ скворцовъ, то это несомнѣнный знакъ, что онъ, во время пути, касался земли. Тогда водовозъ отправляясь опять, съ другимъ не подержаннымъ кувшиномъ, или признаваясь, что ложно показалъ себя чистымъ. Легенда, скажете, какихъ много въ странахъ восточныхъ, и мы уже читали что-то въ этомъ родѣ, въ тѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ разсказывается, что одинъ дагестанскій бекъ сбивалъ пулею подкову съ коня, на которомъ самъ сидѣлъ. Однако, векиль, разсказавшій эту исторію, подтвердилъ ея дѣйствительность неоднократнымъ «воллага». — «А тебя не выбирали для посылки на Араратъ?» спросили его. Онъ помоталъ головой и щелкнулъ языкомъ. Это значитъ отрицаніе въ высшей степени.

Въ лагерѣ продавалось съ аукціона имущество убитыхъ офицеровъ. Два скюртука, лядунка и шарфъ: четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ — кто больше? — Шинель, съ бобровымъ воротниковъ, канаусовое одѣяло, три пары сапоговъ, эскадронное ученіе и карта Кавказскаго края: восемь рублей—кто больше?— И тѣ, которые съ покойникомъ шли на смерть стремя съ стремени, теперь равнодушно или шутя набавляютъ цѣну на обрызганную кровью вещь. Чтò жъ бы это было такое — отсутствіе чувствительности? эгоизмъ? Нѣтъ, а такъ ужъ устроенъ русскій человѣкъ: запрячетъ чувство поглубже, а равнодушіе и шутку оставить снаружи. Грустно и больно, конечно, да не плакать же стать. Изъ-за своихъ личныхъ ощущеній не наводитъ же на цѣлый фронтъ уныніе. Да и дѣло-то такое, что — «сегодня мнѣ, завтра тебѣ».

21 августа. Лаг. при дер. Ахъ-булахъ.

Третьяго-дня, въ ту пору, какъ въ станицѣ только начинаютъ пѣть пѣтухи, нашъ лагерь огласился генераль-маршемъ, виѣсто зари. Зарю можно еще проспять, но генераль-маршъ — никогда, потому что онъ объявляетъ походъ. Горе тому, кто его проспигъ — будетъ онъ одѣваться подъ открытымъ небомъ. Тотчасъ за генераль-маршемъ слѣдуетъ разрушительный бой «по возамъ», отъ котораго лагерь падаетъ. Охраняемая аистомъ, жилища Тихнисцевъ остались цѣлы; но наши пали, и мы потянулись въ глубь Карскаго пашалыка, къ деревнѣ Ахъ-булахъ. Съ нѣкотораго времени, наши стоянки начинаются все на «ахъ», какъ и наши пѣсни; но ни то, ни другое не показываетъ, чтобъ мы горевали. Напротивъ, и ходимъ и стоимъ припѣваячи, то

есть весело припѣваючи. Въ полдень прибыли мы на наше повоселье, сдѣлавъ переходъ верстъ въ пятнадцать. Вездѣ по этому пути мы видѣли жатву. Жнецы, захвативши охабку хлѣба, выходили на дорогу и повергали плодъ своихъ трудовъ къ стремени всадниковъ, которые казались имъ пашами. Для этого нужно только было имѣть бакенбарты въ видѣ вѣера, а за честь приношенія слѣдовало поплатиться «монетомъ». Какъ бы то ни было, но обычай очень хорошъ — земледѣлецъ говоритъ воину: за твое покровительство я буду тебя кормить. Карсскій пашалыкъ — самый земледѣльческій въ Анатолиі и давно уже прозванъ житницей Малой Азіи. Господствующіе и едва ли не исключительные роды хлѣбовъ здѣшнихъ долинъ — пшеница и ячмень, изрѣдка ленъ. Въ благополучные годы, пшеница доходитъ до Тифлиса. Изъ льна добывается масло, такъ необходимое Армянамъ для ихъ строгихъ постовъ. Правовѣрными же оно употребляется только на освѣщеніе. Пряжи и тканей изъ льна не существуетъ; народъ одѣвается въ шерсть и бумагу. Даже нитки для шитья дѣлаются изъ бумаги, а простые деревенскіе мѣшки ткнутся изъ извѣстной шерсти и кажутся спшитыми изъ ковровъ. Вѣревки дѣлаются изъ волоса или изъ кожи; во многихъ же случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ запряжкѣ буйволовъ въ арбу или плугъ, цугомъ, употребляется желѣзная цѣпь. Хлѣбъ вообще имѣетъ высокій ростъ и снимается косою. Серпа не знаютъ, цѣпа также. Молотятъ буйволами, посредствомъ доски, исподняя сторона которой часто усажена кремнями и образуетъ терку. Разложивши хлѣбъ по гумну, волочатъ по немъ эту терку, которая не только вытираетъ зерно, но дробитъ и самую солому. Искрошенная такимъ образомъ солома насыпается въ огромные, изъ соломы же сплетенные кошело и идетъ въ кормъ скоту, подъ именемъ «самана». Первоначально нашимъ конямъ очень не нравился этотъ саманъ, и казаки постоянно прикладывали къ нему рѣму «яманъ». Навѣсятъ, бывало, на маштака торбу съ этой трюхой, онъ и стоитъ, какъ дурень. «Что жъ ты не лопаешь, обломъ?» скажетъ казакъ, сердито ткнувъ кулакомъ въ торбу, снизу. Тотъ помотаетъ головой, фыркнетъ и будто скажетъ: сухо, чорство — чортъ его знаетъ, что такое; далъ бы ужъ лучше листьевъ, какъ въ Чечнѣ.... Взялись за умъ, начали подмазывать ячменемъ, и добрые степняки такъ вошли во вкусъ, что теперь ужъ хоть не давай имъ ни сѣна, ни овса; да послѣдняго, впрочемъ, здѣсь и въ введеніи нѣтъ. Съ примѣсью

ячменя, саманъ составляетъ болѣе легкій кормъ для верховаго коня, чѣмъ сѣно и овесъ. Брюхо подбирается въ доску, шерсть прилегаешь и лоснится. Конь получаетъ нѣкоторую живость жеребца; кажется даже, что послѣдній меньше его тогда ненавидитъ и спокойнѣе сноситъ его сосѣдство. Для похода, саманъ имѣетъ то преимущество, что несравненно укладистѣе сѣна.

Снятый съ пня хлѣбъ никогда не вяжется въ снопы, а просто сваливается въ копны, какъ сѣно, не держится въ одоньяхъ и стогахъ, а весь перемолачивается до зимы. Рабочему, въ теперешнюю пору, платится въ день три гуруша (пятнадцать копѣекъ), съ хозяйскимъ, разумѣется, продовольствіемъ. Дешевизна, повидимому, баснословная; но надобно вспомнить, въ какой высокой степени дѣйствительна здѣсь цѣнность денегъ. Сотни тысячъ рублей считаютъ гурушами. Этотъ счетъ гурушами для насъ, привыкшихъ къ большей монетной единицѣ, просто несносенъ. Запросить съ васъ за вещь сто гурушей: шутка ли, думаешь, заломилъ сколько, чортовъ сынъ; а переѣдешь на свой аршинъ, ну и выйдетъ только пять рублей. Это все равно, какъ въ Европѣ сговорились считать высоты въ нѣсколько тысячъ сажень футами. Привыкнувъ къ сажени, разумѣется, начинаешь дѣлать на семь: дѣлишь, дѣлишь, и что жъ изъ этого труда выйдетъ? Полторы версты. Это можно было сказать просто. Каково вамъ покажется, если, протащившись часовъ шесть по неизвѣстной степной дорогѣ, вы спросите встрѣчнаго: сколько, любезный, еще до Старо-ново-нижне-Меушковки? и тотъ вамъ скажетъ: сто тысячъ футовъ!... Нѣтъ, эти футы да гуруши просто могутъ выводить изъ себя людей, любящихъ комфортъ. Однако, короткость денежнаго мѣрила должна значительно поддерживать въ народѣ вѣсъ монеты и имѣть вліяніе на дешевизну. Передъ войной, четверть ячменя стоила здѣсь пять гурушей, или двадцать-пять копѣекъ. Какой еще дешевизны! Но нельзя думать, чтобъ рабочая рука была здѣсь слишкомъ дешева, особенно теперь, когда край сдѣлался театромъ войны и земледѣльческаго народа столько разбѣжалось.

Этотъ театръ войны, такъ же, какъ безъ ячменя саманъ — яманъ. Долины и скаты меньшихъ высотъ усыяны мелкими камнями, которыхъ изъ травы не видно, или поросли колючкой, въ родѣ той, которою Крымъ надѣляетъ наши степи, а самъ беретъ ее, вѣрно, отсюда. Колючка жалитъ ноги лошадямъ, заставляя ихъ ломаться и дѣлать скѣвки въ сторону, что для

всадника, какъ не безъизвѣстно даже и пѣхотѣ, очень непріятно: ни забыть стремя, ни распустить поводья, ни наложить трубчѣку не думай, а что до фронта — поминай, какъ звали. Хорошо еще, кто ѣдетъ по дорогѣ; но по дорогѣ ѣдетъ только начальство.

Мы расположились новымъ лагеремъ на первыхъ уступахъ горнаго кряжа Кизиль-таша. Взобрался высоко; кажется, не будетъ жарко. Воды только мало, травы тоже. Ручей Ахъ-булахъ, омывающій подошву кавалерійскаго лагеря, очень тощъ. Онъ принимаетъ въ себя еще нѣсколько ручейковъ изъ боковыхъ ущелій; но и въ тѣхъ воды — «якъ кітъ наплакавъ». Человѣкъ, назвавшій эту рѣчку «Ахъ-булахомъ», то есть «бѣлымъ ключемъ», былъ очевидно ослѣпленъ пристрастіемъ. Приходится дѣлать запруды, чтобъ имѣть сносные водопой. Трава добывается пока по дну овраговъ; но этого не надолго станетъ. Счастливая пѣхота! она не несетъ въ своемъ ранцѣ фуражныхъ и водопойныхъ заботъ. — Посмотрите, чтò за прелесть! — Чтò, водопой? — Нѣтъ, виды. — Да, виды обширные: такихъ еще не видали. Какъ съ Ивана Великаго видна вся Москва, съ разпѣвѣнными крышами ея домовъ, съ ея улицами и площадями, такъ съ этой террасы видны Карскій пашалыкъ и Александропольскій уѣздъ, съ ихъ разнообразными холмами, долинами и ущельями. Караялъ, Огузлы, Тихнисъ, крѣпость Александрополь, Алагѣзъ и множество другихъ незнакомыхъ мѣстностей, турецкихъ и русскихъ — вотъ онѣ, какъ на развернутой картѣ, верста въ дюймѣ. Видъ на Араратъ сталъ ничо чемъ. Онъ ужъ весь открытъ, отъ чалмы до туфель, какъ мулла, взшедшій на кафедру. Деревни Кучюкъ-комылы и Мокузъ удостоились быть форштадтомъ нашего лагеря. Необитаемой деревушкой Ахъ-булахъ сварена каша, въ первый вечеръ.

На другой день, 20 августа, мы съ графомъ А. Е. Ниродомъ сдѣлали разѣздъ къ сторонѣ Карса и потомъ опредѣлили черту для нашихъ аванпостовъ. Задача не легкая на мѣстности, изсѣченной оврагами во всѣхъ направленіяхъ. Общее правило, чтобы мѣстныя препятствія оставались не назади, а впереди пикетовъ, здѣсь ужъ никакъ не могло быть приложено къ дѣлу. Непріятеля не видѣли. Только передовой лагерь баши-бузуковъ маячилъ въ дали, неясной и туманной, какъ будущность хорун, жаго. Жители деревень, чрезъ которыя мы проѣзжали, имѣютъ оливковыя, но правильныя и выразительныя лица. Дѣти краси-

ѣе, чѣмъ взрослые. Прекрасный полъ прекрасенъ на самомъ дѣлѣ; или ужь это намъ такъ показалось оттого, что никогда не видимъ женщинъ и скоро дойдемъ до сомнѣнія, существуютъ ли онѣ на бѣломъ свѣтѣ. Но нѣтъ, это — карапахское племя, вообще статное и ловкое. Карапахки не кутаются такъ безчеловѣчно, какъ Турчанки и Армянки. Замѣтно было, что онѣ не слишкомъ торопились закрываться, когда мы устремляли на нихъ нескромныя взгляды. Сами Карапахи далеко не такъ жеманны, чтобы въ ихъ присутствіи нельзя было даже произнести слова жена; напротивъ, есть у насъ пріятель, который прямо говоритъ, для чего онѣ ѣздятъ, украдкою отъ своего «дома» (то есть женѣ), изъ Чалоглы въ Кинагъ. Разстоянія немало: надо переѣхать шесть рѣчекъ, то есть вдвое больше противъ того, что положено для нѣкоторыхъ обязательствъ нашей братни, казаковъ. А ахъ-узюмскій аксакалъ что рассказывалъ на счетъ зимней стоянки баши-бузуковъ!

Вечеромъ пріѣхали къ намъ въ лагерь Курды. Гдѣ такой лѣсъ растетъ? Каждый человѣкъ слѣпленъ изъ полудюжины обыкновенныхъ смертныхъ. Стать рядомъ совѣстно: кажешься нигмеемъ. А шальвары — вай, вай! Объ этой величайшей изъ восточныхъ гиперболъ можно сказать въ томъ же родѣ, какъ скифскіе послы говорили Александру Македонскому: если бы боги благоволили даровать Курду объемъ тѣла, равный его шальварамъ, то этого исполина вся Турція не вмѣстила бы; одинъ его карманъ коснулся бы Арарата, другой—Балканъ... Понятно, почему блистательная порта такъ добивается внести въ этотъ лѣсъ сѣкиру рекрутскаго набора; но это ей пока еще не удастся. Она успѣла только весьма дурно расположить противъ себя этотъ патріархальный народъ, выброшенный потокомъ исторіи на пустынный берегъ и считающій столѣтія за дни. Чудаки, въ самомъ дѣлѣ, эти Курды: они все еще думаютъ, что въ Византіи, Кесаріи и Каппадокіи господствуютъ Греки, и просто-душно зовутъ Турокъ Греками — «Румъ». Они и не замѣтили, какъ одинъ народъ поглотилъ другаго, чтобы страдать впоследствии несвареніемъ и, можетъ быть, кончить апоплексіей, просто сказать, кондрашкой. Курдовъ считаютъ остатками древнѣйшаго народа на востокѣ, и, скорѣе всего, ассирійскаго. Немудрено: этотъ колоссальный складъ и чрезвычайно правильное лицо не могутъ принадлежать позднѣйшимъ народамъ, измелъчавшимъ и видоизмѣнившимся въ историческомъ движеніи. Въ самомъ язы-

и Курдовъ, жесткомъ и трескучемъ, много есть санскритскаго. Карапапахи могли бы сойтись съ Турками чрезъ племенное и язычное сродство; но между ними стала религіозная секта. Курды хотя одной суннитской вѣры съ Турками, но отдѣлены отъ нихъ племенемъ и языкомъ. Въ звукахъ языка, въ чертахъ лица, въ сильной страсти къ воровству, къ коню и кочевой жизни шелькается что-то схожее между Курдомъ и Цыганомъ; но первый имѣетъ бѣлое лицо и не имѣетъ живости послѣдняго, за тѣмъ, что построенъ шире.

Ахъ-булахская позиція дала музыкальное настроеніе нашему лагерю. Онъ полонъ музыки; уши купаются въ музыкѣ. Гдѣ аванпосты — и туда слышно. Или ужъ это мѣстность такая звучная отъ многихъ каменистыхъ ущелій?

22 августа.

Кто могъ думать, что мы и Турки будемъ праздновать въ одно время? А вышло такъ: праздникъ у насъ, праздникъ и у нихъ; у насъ день восшествія на престолъ Государя Императора, у нихъ первый день байрама — розговѣнье послѣ мѣсячнаго поста. Починъ сдѣлали они. Видно, ужъ имъ все починать, а намъ кончать. Съ первымъ лучемъ дня слышались у нихъ частые пушечные выстрѣлы. (Это выходитъ на разстояніи отъ насъ верстъ сорока.) Пальба продолжалась около часа и положительно насъ удостовѣрила, что ихъ высокостепенства еще держатся на бѣломъ свѣтѣ.

У насъ, къ восьми часамъ утра, войска собрались къ лагерной церкви. Совершена литургія, съ царскимъ молебномъ. При возглашеніи многолѣтія, ракета взвилась къ облакамъ и зажгла всю лагерную артиллерію. Задрожалъ и застоналъ Кизилташъ. И въ тѣ минуты, когда вся русская земля оглашалась кодокольнымъ звономъ, намъ слышался—вѣрить ли ушамъ?—звонъ почтового колокольчика. Всѣ глаза обратились въ ту сторону, откуда неслись эти родные и такъ давно нами неслыханные звуки. Показался конвой, въ бѣлыхъ фуражкахъ, съ черными пиками, а за нимъ телѣга съ фельдъегеремъ. Фельдъегерь изъ Петербурга! Чтò привезъ? Этотъ вопросъ изобразился на всѣхъ лицахъ. Дешени поданы, раскрыты... Орденъ св. Андрея Первозваннаго князю Бебутову, орденъ св. Георгія 3-й степени генералу Бриммеру и генеральскій чинъ начальнику штаба, полковнику Невѣровскому. (Въ Тифлисѣ фельдъегерь сдалъ Георгія 3-й степени князю Барятинскому.) Начались поздравленія. Оживленіе было

чрезвычайное. Тутъ же надѣли на князя ленту, а на начальника артиллеріи георгіевскій крестъ. Привѣтствуя войска въ новой лентѣ, князь Бебутовъ говорилъ: «вамъ, господа, и вамъ, братцы, обязанъ я монаршей милостью; васъ считаю награжденными въ моемъ лицѣ...» «Рады стараться!» отзывались солдаты, и отзывались искренно.

Но на нихъ излилась Царская милость своимъ чередомъ: на каждую роту, эскадронъ и батарею пожаловано по три знака отличія военного ордена, на сотню по два. Каждому нижнему чину, участвовавшему въ бою 24 іюля, прислано по три рубля.

Государь Наслѣдникъ прислалъ князю андреевскіе знаки, снявъ ихъ съ себя.

Солдаты выпили за здоровье Государя по двѣ чарки. У князя былъ большой обѣдъ. За столомъ сидѣли вмѣстѣ священники: русскій, армянскій, римско-католическій и мулла магометанскій, тотъ, котораго сынъ убитъ въ Аргинѣ, весной. Какой утѣшительный образчикъ вѣротерпимости и единства чувствъ къ Царю! Присутствовали также и Курды, въ красныхъ кафтанахъ, въ красныхъ шальварахъ, въ красныхъ сапогахъ — всѣ красные, какъ расцвѣтшій макъ. Хоры музыки и кружки пѣсенниковъ заглушали стукъ ножей и ложекъ. Журна верещала тутъ же. Но пока курица не птица, до тѣхъ поръ журна не музыка.

Послѣ обѣда, нѣсколько молодцовъ изъ кавказскихъ пѣсенниковъ выворачивали наизнанку грузинскую пляску. Самъ Гюгартъ позавидовалъ бы ихъ таланту. Лагерь шумѣлъ разгуломъ до самаго вечера. У Турокъ, вѣроятно, происходило то же самое, потому что вечеромъ опять слышалась у нихъ пальба.

24 августа.

Вчера всѣ генералы и офицеры приносили князю Бебутову поздравленіе съ царской наградой. И мы, хуторяне, тоже мундирились.

Около ставки князя, О. И. Ходзько устроилъ свою астрономическую батарею, съ трубой огромнаго калибра. Труба наведена была на Ягны, и въ нее хорошо былъ видѣнъ лагерь башибузуковъ. Можно бы, конечно, видѣть и большой турецкій лагерь и Карсъ, если бы ихъ не заслоняли горы. Полюбовавшись въ трубу на шатры башибузуковъ и пригрозивши имъ заочно, отправились мы, съ добрымъ другомъ Эстати, на татарскій обѣдъ, къ мусульманскому майору Омаръ-беку. Омаръ-бекъ

имѣть Анну на шеѣ, курить папиросы, разрѣшаетъ на кахетинское и не прочь даже сказать иногда: бонъ-журъ. Слѣдственно, на національное и оригинальное что нибудь, въ его становищѣ, не слѣдуетъ много разсчитывать. Что, въ самомъ дѣлѣ, было тамъ татарскаго? Узорчатый шатеръ, съ точеными столбиками, кебабъ, музыка и сидѣнье на коврѣ съ выставленными наружу колѣнками—въ знакъ равенства, ибо если хозяинъ маіоръ, то и гость не меньше того.

Когда-то давно, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, кажется, въ «Телеграфѣ», были нападки на Карамзина, за то, что выраженіе лѣтописца: «злѣ ти, Романе, яко предъ ханомъ на колѣнахъ сидиши», онъ принялъ въ смыслѣ уничиженія русскаго князя предъ ордынскимъ ханомъ. Критикъ замѣчаетъ: всѣ сидятъ у Татаръ на колѣняхъ; слѣдственно, нѣтъ никакого въ этомъ зла, а зло въ томъ, что князь повелся съ ханомъ слишкомъ на короткую ногу. Если бы же, продолжаетъ критикъ, князь дѣйствительно находился въ униженномъ положеніи, то лѣтописецъ сказалъ бы: «на колѣнахъ стоиши», а не «сидиши». Хотя дѣло и прошлое, а нельзя не вступить за отца нашей исторіи и, съ нимъ вмѣстѣ, за лѣтописца. Всѣ сидятъ у Татаръ, на чемъ стоять, — это правда, но не всѣ одинаково. Равный передъ равнымъ сидитъ, скрестивши ноги впереди себя и мало заботясь о томъ, закрыты ли колѣни, или открыты. Младшій же передъ старшимъ сидитъ, подложивши ноги подъ себя, сидитъ именно на колѣняхъ, или, если угодно, на пяткахъ, при чемъ колѣни должны быть составлены вмѣстѣ и закрыты полами, — противное этому значило бы вольность, обидную для старшаго. Станьте на колѣни и потомъ опуститесь — это будетъ сидѣнье младшаго предъ старшимъ, сидѣнье униженное и заслуживавшее горестное восклицаніе лѣтописца: злѣ ти, Романе, яко предъ ханомъ на колѣнахъ сидиши, то есть сидишь, какъ подчиненный, а не какъ равный.

Что до музыки Омаръ-бека, то она была чисто татарская, въ обоихъ видахъ: вокальномъ и инструментальномъ. Оркестръ состоялъ изъ одного чонгура (родъ балалайки), одного барабана, одной свирѣли и трехъ пѣвцовъ, съ длинными жилистыми шеями. Татарское пѣніе—это крикъ первобытнаго челоуѣка, сына пустыни, сироты, какъ говоритъ Шиллеръ, выброшеннаго на неизвѣстный островъ,—крикъ скорби о добромъ и прекрасномъ, утраченномъ въ прошедшемъ, недосыгаемомъ въ будущемъ.

Всѣ вопли, и вопли, не сдержанные упованіемъ, не смягченные самообладаніемъ — звуки, не процѣженные сквозь ноты. Оттого татарская пѣсня хотя и касается души, но нисколько не ласкаетъ уха. Какой плачь бываетъ изященъ? какая гармонія въ стенаніи, во всю мощь груди?

Закавказскіе мусульмане, какъ и Грузины, кромѣ своихъ пѣсень, которыя курныкаютъ себѣ подъ носъ, въ будни, обыкновенно поютъ на пирахъ пѣсни турецкія и персидскія. Въ тѣхъ и другихъ голоситъ страсть; но въ первыхъ она раздражена и дико вскрикиваетъ, а въ послѣднихъ томится подъ собственнымъ гнетомъ и тихо стонетъ, замираетъ. Тамъ она только еще расходилась, а здѣсь уже прошла чрезъ испытанія...

Пѣсни у Омаръ-бека были хороши, нечего сказать, но кебабъ не совсѣмъ. Виною тому недостатокъ топлива, недостатокъ общій для всего лагеря. Начали покупать у жителей кизякъ — искусственно и плохо состряпанный торфъ. Топлива! кричитъ пѣхота. Сѣна и топлива! кричитъ конница. Фуражировки, день ото дня, дѣлаются скуднѣе. Посохшую траву плохо беретъ звенящая коса. Осень близко, — уже слышно ея дыханіе. Едва солнце спустится за горы, поднимается рѣзкій вѣтеръ и дуетъ цѣлую ночь, пронизывая палатку. По утрамъ морозно, и вставать тяжело. Блаженъ мужъ, иже, до разсвѣта, не иде на аванпосты и на пути развѣздовъ не ста, и на сѣдалищѣ пикетовъ не сѣде.

Изъ мусульманскихъ полковъ начинаются побѣги на родину. Омаръ-бекъ объясняетъ это наступающими холодами и недостаткомъ теплой одежды у всадниковъ. «Наши люди, говоритъ онъ, чувствительны къ холоду, да не только люди, но и лошади. Озябнетъ человѣкъ ночью и стащить съ жеребца попону, чтобъ самому въ нее закутаться, тогда жеребецъ не дастъ ему покоя и вынудитъ возвратитъ ему попоны, а человѣкъ опять зябнетъ. Посмотрѣли бы вы ночью, во что только наши люди не закутываются...» — «Отчего жъ вы не запаслись теплой одеждой, когда выступали въ походъ?» — «Не безпокойтесь: у насъ ея и дома не слишкомъ много. Лѣтомъ ея не нужно — и такъ бѣжимъ отъ жару на кочевки — а зимою и безъ нея тепло въ буйволятникахъ. Скажу вамъ, что изъ нашихъ людей и лошадей, съ кисейной шкурѣй, можетъ быть только лѣтняя конница, но ужъ никакъ не зимняя.» — «А передѣлать нельзя?» — «Нельзя: это не чиха.» — Такъ вотъ почему это зданіе, сколоченное на скорую

руку, весной, начинается валиться теперь отъ перваго осенняго вѣтра. Османлы третій вечеръ палать изъ пушекъ. Это ради третьяго и послѣдняго дня байрама. Ну, теперь, какъ разговѣлись, не выйдутъ ли они опять въ поле? Мы, какъ видно, ничего не будемъ противъ нихъ предпринимать, пока они будутъ держаться естественныхъ и искусственныхъ твердынь Карса.

26 августа.

Арпачай имѣетъ такое же происхожденіе, какъ и Нева—онъ вытекаетъ изъ озера. Это озеро, называемое Арпагѣль (ячменное озеро), лежитъ верстахъ въ тридцати отъ нашего лагеря, за кизилташскимъ кряжемъ. Мѣстность около Арпагѣля луговая, съ обильными травами, сохранившимися, до настоящей поры, на корнѣ. Это будетъ наше фуражное Эльдorado. Мало того, что будемъ снабжаться оттуда насущной травой, но предполагаемъ еще сдѣлать тамъ запасъ сѣна про черный день. Для этого туда посланъ особый отрядецъ, съ полковникомъ Л***-М*** и провіантскими чиновниками. Отъ всѣхъ частей кавалеріи отправлены туда же косцы и повозки. Тридцативерстная даль и переваль чрезъ каменистый кряжъ, конечно, представляютъ нѣкоторыя неудобства; но больше нечѣмъ устранить лишеніе, слѣдственно мѣра вполне хороша. Такова логика нужды и войны.

Графъ объѣзжалъ аванпосты. Къ русской сторонѣ стоятъ драгуны. Они уже располагаются по печатному: ведеты, малый резервъ, большой резервъ. Смѣна ведетамъ чрезъ два часа. У казаковъ проще: пикеть, пикеть, пикеть и за ними большой караулъ или резервъ. Смѣна пикетамъ только одинъ разъ—въ полдень. Въмѣсто ведетовъ, каждый пикеть самъ по себѣ ухитряется, какъ ему быть зорче и бдительнѣе, безъ изнуренія. Притупилась, неравно, эта зоркость, такъ у сотника есть въ рукахъ средство изощрить ее во мгновение ока. Распорядки осѣдлой кордонной линіи на Кубани оказываются очень хорошими и здѣсь, при войскѣ, стоящемъ въ полѣ.

Отъ драгунской цѣпи графъ проѣхалъ версты двѣ въ долину, къ ручью Молла-Мусса. Нелѣнныя кавалеристы туда водятъ лошадей на водопой. Въ ту сторону есть еще что грызть лошадямъ. Желательно только, чтобы жители успѣли снять хлѣба, которые уже совершенно зрѣлы. Странная, однакожъ, вещь: между нивами, совсѣмъ желтыми, попадались намъ еще и «зе-

леня», какъ называютъ казаки зеленый хлѣбъ. Это были загоны пшеницы. Они поспѣваютъ развѣ къ Покрову. Подобныхъ запоздалыхъ жатвъ у насъ не бываетъ: въ сентябрѣ всѣ серны уже на зимнихъ квартирахъ.

Древніе представляли вѣчность въ видѣ змѣи, грызущей свой хвостъ. Не такъ ли слѣдуетъ представлять сѣмя и зрѣлость, жизнь и смерть? Зрѣлость есть окончательный выпускъ производительной силы. Какъ зелень означаетъ ходъ этой силы, такъ желтизна показываетъ ея остановку, ея отсутствіе, или, что то же—зрѣлости, жатву, смерть. Вотъ почему Египтяне смѣшали смерть и зрѣлость въ одной эмблемѣ—желтомъ цвѣтѣ. Когда человѣкъ достигнетъ зрѣлости, ему опредѣленной, то и для него наступаетъ жатва, то есть смерть. Зерно его духовнаго существа отдѣляется отъ тѣлеснаго стебля, посредствомъ котораго оно тянуло соки земли и умучилось. Зерно уносится въ житницу, а стебель остается и идетъ въ кормъ землѣ. Но что выходитъ изъ зеленыхъ стеблей, помятыхъ бурей, побитыхъ градомъ, заморенныхъ засухой? Аллахъ билъ ихъ!

31 августа.

Добрыя чувства офицеровъ къ князю Бебутову выражаются въ желаніи поздравить его съ царской милостью поближе, въ своемъ шатрѣ, за своимъ хлѣбомъ—солью. И вотъ, сегодня въ томъ, а завтра въ другомъ углу лагеря, ему даются обѣды—чѣмъ Богъ послалъ. 28 числа былъ обѣдъ у артиллеристовъ. Артиллеристы народъ ученый: ихъ дѣло выдумывать пороховъ для пушекъ и что выбудъ изыщное для обѣда. Да, къ ихъ обѣду были придуманы изысканныя вещи: куропатки, пуншъ—гласе, куляби и дутмы, то есть лучшія эриванскія груши и дыни. Въшнюю обстановку обѣда составляли, какъ водится, инструментальные и вокальные хоры. Послѣ первыхъ тостовъ, князь припомнилъ артиллеристамъ ихъ добрую службу 24 іюля. Тронутый его правдивымъ словомъ, начальникъ артиллеріи поднялся и произнесъ съ одушевленіемъ: «Господа артиллеристы! начальнику, поощряющему заслуги—ура!» Можно судить, было ли отвѣтное ура громко или тихо. «А теперь, произнесъ Эдуардъ Владиміровичъ, поднимая новый тостъ:—братьямъ нашимъ по оружію, господамъ офицерамъ пѣхоты и кавалеріи—ура!» Тутъ уже пѣхота и кавалерія сами за себя говорили, чей голосъ сильнѣе.

Сверхъ куляби и дутмы, артиллеристы не вытерпѣли, чтобы не выдумать еще и пороха: вечеромъ былъ у нихъ фейерверкъ—

вещь, еще не бывавшая въ нашемъ лагерѣ. Неофициальная часть любыхъ губернскихъ вѣдомостей повеличала бы его блестящимъ и великолѣпнымъ. И то и другое, а особенно первое, было бы совершенно справедливо. Ни одна еще ночь на Ахъ-булахъ не бывала вышита такими узорами, а Карапапахи отродясь еще не видывали такого «шайтанлыка».

29, день Ивана-постнаго, прошелъ, какъ и другіе дни. На войнѣ праздники не отдѣляются такъ рѣзко отъ будней, какъ въ оскѣдой жизни. То же можно сказать и о различіи между днями поста и мясоістія. Первые не такъ худы, какъ въ монастыряхъ. Бываютъ за то тяжкіе посты, которые предписываетъ война, независимо отъ пасхалин. Въ добрый часъ молвить, мы еще ихъ не испытывали. Напротивъ, изобиліе сопутствуетъ нашему лагерю и его наполняетъ. Духановъ не меньше, кажется, какъ и въ Тифлисъ. А еще же Мигирдичъ собирается увеличить ихъ число. Эти сифоны, какъ жадно ни тянутъ денежки изъ солдатскихъ кармановъ, а никакъ не могутъ вытянуть досуха, благодаря неистощимому резервуару господина коллежскаго ассесора и кавалера В***. Нашимъ конямъ тоже грѣхъ было бы пожаловаться, особенно темеръ, какъ открыть фуражный рудникъ у колыбели Арначая. Звуки, веселяшіе сердце кавалериста и дающіе ему спать спокойно, не прекращаются въ драгунскомъ и другихъ конныхъ лагеряхъ. Даже неизбалованные казацкіе труженики съ удивленіемъ кушаютъ, цѣлое лѣто, зерно. Что-то будетъ, когда они придутъ домой, на Кубань? Будетъ то же, что деревенскому малому, распивавшему чай въ бѣлокаменной либо въ Питерѣ и возвратившемуся въ деревню, на свое тягло. Скажетъ онъ со вздохомъ:

«Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь;
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь....»

да похлебаешь отлично шей пустыхъ и еще лучше заснетъ, какъ послѣ чаю въ прикуску.

30, въ день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича, былъ большой парадъ, въ которомъ находились части отъ всѣхъ войскъ, а Эриванскій карабинерный, имени Его Высочества, полкъ въ полномъ составѣ. Молебствіе совершалось соборнѣ. вмѣстѣ съ нашими священниками стояли армянскіе, въ своихъ шелковыхъ ризахъ, ближе подходящихъ покроємъ къ древнему греческому плащу. Корпусный командиръ привѣтствовалъ

каждый баталіонъ Эриванцевъ словами: «поздравляю васъ съ именинами Августѣйшаго вашего шефа, Государя Цесаревича Александра Николаевича». Баталіоны отвѣчали кликомъ, въ которомъ выражается все, что есть заветнаго для русскаго солдата. Потомъ отъ всѣхъ частей вызваны были передъ фронтъ нижніе чины, которымъ сами ихъ товарищи присудили георгіескіе кресты, присланные отъ Государя. Эти кресты, называемые въ такомъ случаѣ «голосными», возложены были собственно-ручно княземъ Бебутовымъ. Каждого кавалера, кромѣ денежнаго подарка, надѣлили онъ добрымъ словечкомъ; которое у солдатъ считается рублевымъ подаркомъ. Всѣхъ крестовъ роздано до 400, стало быть и рублей столько же. Что жъ будетъ съ этими рублями? Это другой вопросъ. А дѣло только въ томъ, что не было уголка въ лагерь, гдѣ бы «громъ побѣды не раздавался и не веселился храбрый Россъ», по той же самой причинѣ, какъ и при матушкѣ Екатеринѣ, именно, что «Магомета онъ потрясъ». Однако, если бы этотъ гимнъ сложился въ наше время, то слову Россъ была бы уже рѣша Grossъ, потому что его искусствомъ и тщаніемъ былъ приготовленъ у князя великолѣпный обѣдъ. Это былъ чинный обѣдъ, безъ лишнихъ «ура!», безъ Малышки, съ одной музыкой и пушечной пальбой, — обѣдъ въ эполетахъ и шарфахъ, съ духовенствомъ христіанскимъ и магометанскимъ.

Сегодня 31, генералъ Бриммеръ давалъ у себя солдатскій обѣдъ фейерверкерамъ и бомбардирамъ, получившимъ вчера голосные кресты. Обѣдъ былъ русскій и въ блюдахъ и въ музыкѣ. Наигрывались исключительно: «во лузьяхъ-лузьяхъ», «во саду ли, въ огородѣ», «какъ у нашихъ у воротъ» и другія забористыя пьесы. Генералъ Эдуардъ Владиміровичъ, покрытый прекрасными боевыми сѣдинами и самъ украшенный Георгіемъ, патриархально застѣдалъ за однимъ столомъ съ своими молодцами-кавалерами.

— За ваше, братцы, здоровье!

— Покорнѣйше благодаримъ.

— Желаю вамъ и больше заслужить.

— Рады стараться.

— Старайтесь всегда такъ, какъ подъ Курюкъ-Дара старались, и все будетъ ладно.

— Постараемся, ваше превосходительство, при каждомъ случаѣ.

Такъ происходили тосты и спичи на этомъ чудесномъ обѣдѣ.

Наша теперешняя война для Эдуарда Владиміровича не первинка. Онъ бралъ Карсъ и побѣдоносно вступалъ въ Арзрумъ съ Паскевичемъ. Тогда онъ командовалъ батареей и тогда же приобрѣлъ этотъ опытъ — что Турокъ бить надо стиснувши кулакъ покрѣпче и прямо въ лобъ.... Непоколебимая строгость къ самому себѣ и къ подчиненнымъ, въ служебномъ быту, непоколебимая храбрость и личный примѣръ подчиненнымъ, на полѣ боя — таковы отличительныя качества начальника артиллеріи нашего корпуса. Мужественная, рѣдко улыбающаяся наружность прикрываетъ эти честныя качества. Подъ такой наружностію и между такими качествами живетъ эта виновница побѣдъ — истинная любовь къ солдату. И этимъ же благороднымъ натурамъ дано узнавать и отличать честныхъ въ душѣ служивыхъ, хотя бь они находились вдали отъ нихъ, внѣ подчиненнаго имъ оружія....

ЕСАУЛЪ.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ЧАСТНАГО ПИСЬМА.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, мнѣ представился случай съѣздить въ Суэцкій перешеекъ, вмѣстѣ съ главнымъ агентомъ компаніи Суэцкаго канала въ Египтѣ, генеральнымъ консуломъ Голландіи, г. Рейснеромъ. Кромѣ меня, сопровождали г. Рейснера, въ этомъ путешествіи, генеральные консулы Австріи и Испаніи, г. Шрейнеръ и г. Багерръ, и инженерный капитанъ австрійской службы г. Майеръ.

Изъ Каира мы отправились, въ лодкахъ, по Нилу, въ Дамьеттѣ; изъ Дамьетта, чрезъ озеро Менцале, въ Портъ-Саидъ; отсюда, по направленію предполагаемаго канала, въ Суэцъ, откуда возвратились въ Каиръ по желѣзной дорогѣ.

Означенный каналъ начинается, со стороны Средиземнаго моря, въ Портъ-Саидѣ, лежащемъ къ востоку отъ Дамьетта и Жемилескаго богасса (Emboushure de Gemileh. Carte de Limant, Bey), въ разстояніи около 35 верстъ отъ этого города и 12 отъ означеннаго богасса. Природнаго порта здѣсь нѣтъ; но предполагается создать таковой искусствомъ. Отъ Портъ-Саида каналъ направляется, чрезъ озеро Менцале, къ Кантарѣ и отсюда къ озеру Тимсахъ, гдѣ предполагается устроить внутренній портъ. Далѣе каналъ направляется къ Горькимъ озерамъ и потомъ къ Суэцкому порту. Представляемая симъ портомъ невыгоды, происходящія отъ мелководія и открытаго положенія съ юго-вос-

точной стороны, предполагается устранить искусственными работами.

Вся длина канала около 150 километровъ.

Ближайшій осмотръ мѣстности и поясненія, данныя мнѣ г. Рейснеромъ и инженерами, руководящими работами, убѣдили меня въ исполнимости проекта г. Лессепса.

Самое прорытіе канала еще не началось; но дѣятельно производятся всѣ подготовительныя работы, а именно: въ Портъ-Саидѣ построены уже временной деревянный помостъ, для облегченія разгрузки судовъ, подвозящихъ всѣ нужные для работъ машины и матеріалы; въ Портъ-Саидѣ и въ другихъ мѣстахъ, по направленію канала, которыя будутъ служить средоточіями работъ, устрояются помѣщенія для инженеровъ и другихъ чиновниковъ компаніи, для рабочихъ и для склада матеріаловъ и сѣстныхъ припасовъ, а равно госпитали и пекарни; наконецъ, въ Генефскихъ высотахъ (отроги горы Атака, близъ Суэца) производятся всѣ предварительныя работы для разработки найденныхъ тамъ пластовъ строительнаго камня весьма хорошаго качества.

Прорытіе канала и вообще всѣ работы, гдѣ можно замѣнить руки машинами, будутъ произведены сими послѣдними, для избѣжанія затрудненій и чрезмѣрныхъ расходовъ, съ которыми сопряжено содержаніе большого числа рабочихъ въ безлюдной и скудодной степи. Въ періодъ наибольшаго развитія работъ, предполагается имѣть въ степи не болѣе 5,000 человекъ.

Вода для нитя людей получается: въ Портъ-Саидѣ—посредствомъ машины, дистилирующей морскую воду, а въ прочія мѣста привозится, на верблюдахъ, изъ ближайшихъ источниковъ и каналовъ, иногда за пятнадцать верстъ.

Вода для работъ и для скота добывается изъ колодцевъ, вырытыхъ въ степи. Она имѣетъ солоноватый вкусъ, но не вредна здоровью, а потому, въ случаѣ крайности, можетъ служить и для людей.

Матеріалы для работъ получаютъ: глина и известь, какъ обыкновенная, такъ и гидравлическая, добываются на земляхъ, принадлежащихъ (concessionnées) компаніи. Строевой лѣсъ привозится изъ Греціи, Анатоліи и Караманіи. Для топлива употребляется: въ Портъ-Саидѣ — солянка (soude), растущая на берегахъ моря и на островахъ озера Менцале, а также тростникъ, растущій въ нѣкоторыхъ частяхъ этого озера; на прочихъ пунк-

тахъ работъ — кусты тамариска, въ изобиліи растущіе во многихъ мѣстахъ степи и доказывающіе возможность обратить мѣста эти подъ земледѣліе. Камень будетъ добываться изъ Мексикскихъ (близъ Александріи) и изъ Генефскихъ (близъ Суэца) каменноломней. Камень этотъ известковаго свойства. Прочіе матеріалы доставляются изъ Европы.

Къ прорытію канала предполагается приступить не позже, какъ чрезъ нѣсколько недѣль. Сначала будетъ проведенъ каналъ уменьшенной профили ($2\frac{1}{2}$ метра глубины и 24 метра ширины у поверхности воды), который инженеры называютъ *rigole de service*, ибо назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы облегчить подвозъ машинъ, матеріаловъ и вообще всего нужнаго на всѣ пункты работъ. Работу эту предполагается окончить въ восемнадцать мѣсяцевъ. Послѣ того приступлено будетъ къ увеличенію профили канала до 6 метровъ глубины и 56 метровъ ширины, что дозволить плаваніе по каналу купеческихъ судовъ малой и средней величины. Работа эта продлится двѣнадцать мѣсяцевъ. Наконецъ приступлено будетъ къ увеличенію глубины канала до 8 метровъ, потребныхъ для плаванія купеческихъ судовъ наибольшихъ размѣровъ. Работа эта продолжится двѣнадцать мѣсяцевъ. — Одновременно съ прорытіемъ канала будутъ производиться работы по устройству портовъ и по проведенію, изъ Нила, канала, котораго назначеніе состоитъ въ открытіи водянаго сообщенія между Египтомъ и морскимъ каналомъ, въ снабженіи прѣсною водою всѣхъ поселеній на земляхъ, уступленныхъ компаніи, и въ орошеніи сихъ земель для обращенія ихъ подъ земледѣліе.

Расходы по приведенію въ исполненіе всего предпріятія г. Лессепса, а именно: по прорытію канала морскаго и прѣснаго, по устройству портовъ, по колонизаціи и обращенію подъ земледѣліе земель, уступленныхъ компаніи, на уплату дивидендовъ аукціонерамъ, и по образованію резервнаго капитала въ 12 милліоновъ франковъ на непредвидѣнныя издержки, составятъ, по послѣдней смѣтѣ, 120 милліоновъ франковъ, изъ коихъ лишь 65 милліоновъ франковъ приходятся на морской каналъ съ портами.

Песчаная мятель, застигшая насъ въ степи и произведшая большія измѣненія въ видѣ поверхности ея тамъ, гдѣ почва представляетъ зыбіе пески, именно въ окрестностяхъ озера Тимсахъ (снесены были песчаные холмы значительной вышины и обра-

зовались другіе тамъ, гдѣ ихъ прежде не было), заставляютъ думать, что главныя затрудненія, при проведеніи канала, будутъ встрѣчены въ означенныхъ мѣстахъ. Г. Лессепсъ предполагаетъ устранить опасность, ежели не отъ занесенія, то, по крайней мѣрѣ, отъ частаго засоренія пескомъ канала, въ этихъ мѣстахъ, разведеніемъ лѣсовъ по обѣимъ сторонамъ канала. Инженеры компаніи утверждаютъ, что, при искусственномъ орошеніи песковъ, лѣса разростутся на нихъ съ полнымъ успѣхомъ.

Подробныя свѣдѣнія о каналѣ г. Лессепса можно найти въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ: «*Percement de l'isthme de Suez*» и «*Question du Canal de Suez*», а также въ издаваемомъ въ Парижѣ журналѣ «*L'Isthme de Suez*».

Инженеры компаніи, подрядчики и большая часть прочихъ чиновниковъ и мастерскихъ — Французы, и потому Суэцкій перешеекъ начинаетъ принимать видъ настоящей французской колоніи.

Между европейскими негоціантами здѣсь, въ Египтѣ, существуетъ мнѣніе, что, по сооруженіи Суэцкаго канала, едва ли парусныя суда, принадлежащія портамъ Англіи и вообще сѣверной Европы, воспользуются этимъ новымъ путемъ сообщенія, такъ какъ, вслѣдствіе замедленій, отъ противныхъ вѣтровъ, въ Черномъ морѣ, гдѣ съ апрѣля и по октябрь господствуютъ сѣверо-западные вѣтры, а съ октября и по апрѣль вѣтры переменчивые, съ преобладаніемъ юго-восточныхъ, и вслѣдствіе замедленій при проѣздѣ чрезъ Гибралтарскій проливъ, когда вѣтеръ и теченіе противные, — экономія во времени, въ общемъ итогѣ, далеко не такъ значительна, какъ предполагаетъ г. Лессепсъ, и не окупаетъ весьма дорогой платы за проѣздъ чрезъ каналъ (по 10 Франковъ съ тонны).

Въ заключеніе, осмѣливаюсь высказать мое мнѣніе о коммерческомъ значеніи Суэцкаго канала. Мнѣ кажется, что каналъ этотъ доставитъ всемірной торговлѣ всю пользу, которую отъ него ожидать можно, при слѣдующихъ условіяхъ :

1) Когда за проѣздъ чрезъ него судовъ будетъ вѣдаться небольшая плата, необходимая на покрытіе издержекъ по содержанію канала въ исправности. Исполненія этого условія можно ожидать только тогда, когда срокъ пользованія каналомъ компаніи кончится и каналъ сдѣлается достояніемъ египетскаго правительства, то есть чрезъ 99 лѣтъ по открытіи канала, или и ранѣе, если заинтересованныя государства соединенными сред-

ствами скупать у компаніи права ея. Издержки на содержаніе канала въ исправности не должны быть значительны, ежели, при сооруженіи его, будетъ обращено должное вниманіе не только на сокращеніе расходовъ постройки, но и на приданіе ему должной прочности. Но этого трудно ожидать отъ компаніи, дѣйствующей совершенно свободно и имѣющей всегда въ виду преимущественно ближайшую пользу, то есть скорѣйшій и наибольшій барышъ, мало заботясь объ отдаленной будущности предприятия.

2) Когда нейтральность канала будетъ обезпечена прочнымъ образомъ. Для достиженія этого условія недостаточно международнаго договора, но необходимо, сверхъ того, расположеніе на каналѣ крѣпостей, принадлежащихъ главнымъ европейскимъ государствамъ и занятыхъ ихъ войсками. Расходы на построеніе означенныхъ крѣпостей и на содержаніе въ нихъ войскъ справедливо было бы распредѣлить между всѣми заинтересованными государствами.

.

Капръ.

26 февраля 1860 г.

ОРУДІЯ АРМСТРОНГА И УИТУОРТА (*).

(Статья Ксавье Раймонда.)

Опыты, недавно производимые г. Уитуортомъ въ Соутпортѣ надъ новонизобрѣтенными имъ орудіями, сдѣлали довольно сильное впечатлѣніе для того, чтобы возбудить живыя пренія въ литературѣ и въ парламентѣ; изобрѣтеніе г. Уитуорта и у насъ поразило умы, не менѣе, чѣмъ въ Англіи. Сознавая это, мы считаемъ своею обязанностію, предварительно упомянувъ о результатахъ, приписываемыхъ опытамъ г. Уитуорта его друзьями и поклонниками, вслѣдъ затѣмъ выразить наше собственное мнѣніе о его системѣ.

Г. Уитуортъ и его друзья увѣряютъ, что онъ изобрѣлъ артиллерійскія орудія, значительно превосходящія всѣ нынѣ существующія, особенно же орудія сира Уилліама Армстронга, съ которымъ г. Уитуортъ, кажется, вступилъ въ весьма горячую борьбу. Легко выразить такое мнѣніе; но прежде, чѣмъ этому мнѣнію вполне довѣриться, было бы не бесполезно согласиться

(*) Напечатано въ «Journal des Débats» 21 (9) марта 1860 г.

насчетъ качествъ, обусловливающихъ достоинство артиллерійскаго орудія. Вопросъ объ этихъ качествахъ не такъ простъ, какъ съ перваго взгляда можетъ показаться: онъ такъ сложенъ, что, для того, чтобы дойти въ немъ до удобопонятныхъ выводовъ, мы принуждены будемъ рассмотреть его съ нѣсколькихъ, совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, обративъ особое вниманіе на главнѣйшія.

Будемъ предварительно говорить о пушкѣ, объ огнестрѣльномъ орудіи, или, иначе, объ орудіяхъ бросанія (*larmes de jet*), рассматриваемыхъ единственно въ отношеніи къ ихъ дѣйствительности. Съ этой исключительной точки зрѣнія, качества, требуемая отъ пушки, будутъ состоять: во первыхъ, въ сообщеніи бросаемому снаряду, по возможности, бѣльшей силы разрушенія; во вторыхъ, въ приданіи снаряду возможно бѣльшей вѣрности полета, и, наконецъ, въ наибольшей удободостижимой дальности выстрѣла. Способы, которые должны употребляться для выполненія этихъ различныхъ условій, въ настоящее время, извѣстны; но, къ несчастію, они часто противорѣчатъ другъ другу въ достигаемыхъ ими результатахъ.

Разрушительное дѣйствіе снарядовъ соразмѣрно тому, что специалисты называютъ начальною скоростію, и что обыкновеннымъ языкомъ можно назвать силою удара и углубленія снарядовъ. Начальная скорость можетъ быть вычислена по отношенію, соблюденному между количествомъ пороха, или, лучше сказать, между количествомъ газовъ, образующихся при воспламененіи пороха, и вѣсомъ снаряда, который дѣйствіемъ этихъ газовъ выбрасывается изъ орудія. Чѣмъ болѣе относительная величина заряда, тѣмъ болѣе будетъ начальная скорость, произведенная образовавшимися газами. Слѣдовательно, повидимому, добыть эту скорость весьма легко; но тутъ близка граница, гдѣ она увеличивается въ ущербъ вѣрности выстрѣла и даже дальности его. Такимъ образомъ, стрѣльба изъ французскаго штунцера, достигающая величайшей вѣрности при зарядѣ въ четыре съ половиною грама, менѣе точна при зарядѣ въ пять грановъ. То же самое и относительно дальности: снарядъ, выбрасываемый дѣйствіемъ слишкомъ большаго количества пороха, не представляетъ болѣе наилучшійшихъ условій для разсѣченія воздуха, и, слѣдовательно, скорѣе терлется дальность, чѣмъ при томъ снарядѣ, который былъ бы выброшенъ сравнительно меньшимъ количествомъ пороха.

Вѣрность выстрѣла получается въ нарѣзномъ оружїи, единственномъ, о которомъ можетъ идти рѣчь въ настоящее время, посредствомъ двухъ способовъ, не составляющихъ теперь ни для кого уже тайны. Первый состоитъ въ удлиненїи орудїа; второй—въ приведенїи въ извѣстныя границы длины хода нарѣзовъ въ каналѣ орудїа. И, дѣйствительно, чѣмъ длина хода нарѣзовъ меньше, то есть, чѣмъ меньшее пространство долженъ пробѣгать снарядъ, чтобъ совершить вращенїе, сообщаемое ему нарѣзами вокругъ продолженной оси орудїа, тѣмъ болѣе имѣетъ онъ стремленїа вращаться около этой оси. Однако, въ примѣненїи къ дѣлу, эти два способа, увеличивая тренїе и сообщая снаряду искусственный ходъ, имѣютъ неизбѣжнымъ слѣдствїемъ уменьшенїе дѣйствительной силы снаряда, при уменьшенїи скорости его полета.

Наконецъ, что касается до дальности, то извѣстно, что ее можно развить на практикѣ въ размѣрахъ почти неопредѣленныхъ. Въ особенности она получается при удлиненїи снаряда, то есть при уменьшенїи поверхности сопротивленїа, по которому посылаемому снаряду надлежитъ пройти. Излишне было бы говорить, что этотъ способъ имѣетъ неминуемымъ слѣдствїемъ ослабленїе силы пораженїа на обыкновенныхъ дистанціяхъ боя. Кромѣ того, чрезмѣрное удлиненїе снаряда влечетъ за собою еще то обстоятельство, что снарядъ, при боковомъ вѣтрѣ, подвергается отклоненїямъ отъ даннаго ему направленїа, и, слѣдовательно, утрачивается, такимъ образомъ, вѣрность полета.

Искусство артиллериста состоитъ въ томъ, чтобы находить средства для примиренїа всѣхъ вышеисчисленныхъ, столь разнорѣчивыхъ и сложныхъ условїй. Замѣтимъ, къ тому же, что эти условїа относятся единственно къ орудїямъ войны наступательной и что сложность и затруднительность выполненїа ихъ сдѣлаются почти неисчерпаемыми, если, вмѣсто того, чтобы останавливаться на орудїяхъ одного рода боя, мы бы хотѣли еще разсмотрѣть, какія особыя качества потребуются отъ артиллерїи полевой, артиллерїи осадной, артиллерїи крѣпостной, артиллерїи морской, изъ которыхъ каждая отличаются особенностями своихъ требованїй и подлежатъ въ дѣйствительности весьма различнымъ одна отъ другой условїямъ. Какіе размѣры долженъ бы былъ принять нашъ краткій очеркъ, если бы мы были принуждены входить въ подробное разсмотрѣнїе: легкости и прочности орудїй, удобоподвижности ихъ и проч...

Однако, тѣ общія начала, которыя мы изложили, могутъ быть достаточны для того, чтобы составить себѣ мнѣніе объ огнестрѣльномъ достоинствѣ орудій сира Уилліама Армстронга и г. Уитюорта, и — мы не колеблясь говоримъ это — мнѣніе наше рѣшительно въ пользу системы Армстронга.

Справедливость требуетъ сказать, что въ системѣ Уитюорта способъ заряжанія съ казенной части легче и вѣрнѣе, чѣмъ способъ заряжанія его противника, равно какъ въ большей мѣрѣ достигнута дальность; но эти выгоды его системы затмѣваются весьма важными недостатками. Начальная скорость, которою и въ системѣ Армстронга уже значительно пожертвовано, доведена въ системѣ Уитюорта почти до наименьшей своей величины, отчасти крутостію хода наръзковъ, отчасти длиною снаряда и малыми зарядами, которые только и могутъ быть выдержаны его орудіями.

Что же касается до дальности, достижимой для этихъ орудій въ 9,000 и 10,000 метровъ, — дальности, столь прелестнѣйшей воображенія, то, признаемся откровенно, мы не придаемъ этому особой важности. Дальность эта поражаетъ умы, конечно; но мы думаемъ, что на полѣ битвы вліяніе ея на ходъ боя будетъ весьма незначительное. Въ сраженіяхъ подобная дальность будетъ не примѣнима къ дѣлу, если только поле битвы не будетъ особенно избираться на будущее время въ видахъ прославленія артиллеріи Уитюорта. Къ тому же, если бы даже и нашлась довольно открытая мѣстность для того, чтобы видѣть на 10,000 метровъ впередъ себя, то не должно забывать, что, при обыкновенномъ зрѣніи, возможно различить ряды движущагося войска не далѣе разстоянія 2,000 метровъ. Слѣдовательно, вышепозванные столь большія дальности смѣло могутъ быть признаны чрезмѣрными и несимѣющими цѣли, тѣмъ болѣе при томъ условіи, что для достиженія ихъ приходится отчасти жертвовать дѣйствительностію выстрѣла. Полевая артиллерія должна изыскивать средства приносить наибольшую пользу въ естественныхъ границахъ боя; переходя же эти границы, она уже ищетъ выгодъ, зависящихъ отъ случайностей, и даже выгодъ мечтательныхъ. Въ эту-то ошибку, намъ кажется, впадаетъ система Уитюорта въ ущербъ дѣйствительнымъ потребностямъ войны. Добавимъ, къ тому же, что мы весьма сильно сомнѣваемся въ вѣрности ея орудій, особенно при часто представляющемся въ сраженіяхъ случаѣ учащенной стрѣльбы. На-

большая длина нарѣзовъ этихъ орудій, величина поверхностей тренія, представляемыхъ снарядамъ стѣнками канала, должны, по всей вѣроятности, способствовать скорой порчѣ орудій. Скажемъ еще, что, вслѣдствіе ихъ особаго устройства, эти орудія тяжелѣе орудій сира Уилліама Армстронга. Мы говоримъ это потому, что не слѣдуетъ поддаваться на извѣстный родъ шарлатанства, вводящійся въ настоящее время въ означеніе калибровъ. Въ былое время, когда снаряды были сферическіе, означеніе вѣса ядра было самымъ простымъ и самымъ вѣрнымъ опредѣленіемъ калибровъ; но теперь, когда снаряды, по волѣ изобрѣтателей, болѣе или менѣе удлиняются, за названіемъ орудій 12, 24 и 80 фунт. кроется понятіе весьма смутное. Въ настоящее время, съ точностію опредѣлить калибры орудія можно только соединеннымъ означеніемъ діаметра его канала и вѣса снаряда. Если же принять во вниманіе эти два условія опредѣленія, то окажется очевиднымъ, что орудія системы Уитуорта въ дѣйствительности тяжелѣе другихъ. Скажемъ напонецъ, что чрезмѣрное удлиненіе его снарядовъ, — удлиненіе, имѣющее цѣлью большую дальность, не позволяетъ ожидать отъ нихъ, особенно при малыхъ калибрахъ, значительнаго разрывнаго дѣйствія, потому что опытъ доказывалъ, что чѣмъ болѣе разрывной снарядъ округленъ, тѣмъ сильнѣе его разрывъ.

Орудія системы сира Уилліама Армстронга кажутся во всехъ отношеніяхъ выше соперничающихъ съ ними орудій. Можетъ быть, справедливо, что въ орудіи Уитуорта заряжаніе казенной части удовлетворительнѣе и что стрѣльба изъ этого орудія легче и быстрѣе; но, кромѣ этихъ двухъ преимуществъ, всѣ остальные выгоды остаются на сторонѣ системы сира Уилліама Армстронга. Совершенно убѣжденный въ томъ, что увеличеніе дальности, данное орудіямъ нарѣзами, совершенно удовлетворяетъ дѣйствительной потребности, сиръ Уилліамъ Армстронгъ не потянулся за дальностію, почти бесполезною, которой искалъ его противникъ, и мы полагаемъ, что онъ былъ правъ. Его орудія могутъ дать гораздо болѣе полезныя результаты и обладаютъ вполне замѣчательною вѣрностію стрѣльбы. По нашему мнѣнію, въ этомъ — то и заключается главнѣйшее достоинство армстронговской артиллеріи, и если бы мы имѣли цѣлью дѣлать критическій разборъ ея, то, можетъ быть, даже сказали бы, что для достиженія вѣрной стрѣльбы было слишкомъ много пожертвовано другими сторонами дѣла. Такъ, напримѣръ, начальная скорость,

то есть сила удара выбрасываемыхъ армстронговыми орудіями снарядовъ, весьма умѣренна. Въ испытаніяхъ, касавшихся собственно этого предмета и дѣланныхъ надъ пловучею батареею, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, выстрѣлы были дѣйствительны только на разстояніи 350 ярдовъ, менѣе 350 метровъ, что представляетъ, конечно, небольшое разстояніе.

Способъ заряжанія армстронгова орудія съ казенной части тоже можетъ быть предметомъ довольно основательной критики. Способъ этотъ соединяетъ въ себѣ неудобство медленности и сложности до такой степени, что когда двѣ батареи были отправлены въ Китай, то англійское правительство, какъ объявилъ военный министръ, въ нижней палатѣ, почло нужнымъ прикомандировать къ нимъ извѣстное число работниковъ, издавна обученныхъ самимъ сиромъ Армстронгомъ, для прислуги при его, требующихъ особой внимательности и знанія, орудіяхъ. Дѣлая сближеніе между этою артиллеріею и нашею, мы могли бы напомнить, что, начиная прошлогоднюю кампанію, французская армія была снабжена совершенно новою и неизвѣстною солдатамъ матеріальною частію, и это не произвело никакого замѣшательства и неустройства въ прислугѣ. Это самое необыкновенное испытаніе въ этомъ родѣ, которое когда либо было дѣлаемо, и успѣхъ, увѣнчавшій его, служить непреложнымъ доказательствомъ тѣхъ качествъ, которыми обладаетъ наша нарѣзная артиллерія, рассматриваемая съ точки зрѣнія практической. Съ другой стороны, столь значительное число нарѣзовъ, какъ употребляетъ г. Армстронгъ, сорокъ-два въ его орудіи, называемомъ 6-ти-фунтовымъ, и болѣе восьмидесяти въ орудіи, называемомъ 80-ти-фунтовымъ, но настоящій калибръ котораго не превышаетъ прежнихъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій, тоже должно быть источникомъ весьма важныхъ неудобствъ. Эти нарѣзы, которые по необходимости не глубоки, чрезвычайно легко загрязняются и послѣ каждаго выстрѣла требуютъ весьма тщательной и трудной чистки, въ избѣжаніе уменьшенія или даже совершеннаго прекращенія дѣйствительности орудія. На то же самое неудобство было давно уже указано въ ружьѣ Энфильда, — ружьѣ, которое, въ настоящее время, передѣлывается до такой степени, что изъ него выйдетъ совершенно новое оружіе. Французская матеріальная часть сѣумѣла, намъ кажется, избѣгнуть этихъ важныхъ неудобствъ, потому что при Сольферино у насъ были орудія, давшія, въ теченіе дня, до 300 выстрѣловъ, безъ всякаго

ощутительнаго между первыми и послѣдними выстрѣлами измѣненія въ вѣрности и въ дальности стрѣльбы, при которой нѣсколько не пострадали ни орудія, ни лафеты. Это такое испытаніе, которому, по всей вѣроятности, армстронговы орудія не могли бы подвергнуться съ равнымъ успѣхомъ.

Наконецъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ для армстронговыхъ орудій отъ нѣсколько исключительной заботливости о вѣрности выстрѣловъ, соединенной съ употребленіемъ форсированныхъ снарядовъ, т. е. снарядовъ, вложенныхъ въ камеру, имѣющую болѣе діаметръ, чѣмъ діаметръ канала, вслѣдствіе чего снарядъ долженъ дѣлать въ самомъ орудіи значительное усиліе прежде, чѣмъ онъ получитъ свой полетъ. Съ одной стороны, длина, данная орудію, повела къ уменьшенію толщины его стѣнокъ, чтобы избѣгнуть орудію слишкомъ большаго вѣса; но, съ другой стороны, изъ этого проистекло, что орудія или ихъ камеры не всегда находятся въ условіяхъ достаточной прочности. Сколько намъ удалось узнать изъ чтенія англійскихъ журналовъ, орудія сира Уилліама Армстронга не подвергались тому, что у насъ называется усиленной стрѣльбой (*tir à outrance*); мы думаемъ даже, что способъ ихъ устройства и устройства снарядовъ дѣлаетъ подобное испытаніе, по крайней мѣрѣ, весьма затруднительнымъ, вслѣдствіе невозможности увеличенія заряда. Несмотря, однако, на это, военный министръ, г. Сидней Гербертъ, былъ принужденъ объявить въ парламентѣ, что многія орудія сира Уилліама Армстронга были разорваны въ теченіе опытовъ, производимыхъ надъ ними. Это признаніе даетъ намъ право думать, что прочность орудій этой системы сомнительна и что, даже при настоящемъ положеніи нашихъ познаній въ артиллеріи, она довольно мала, тѣмъ болѣе, если вспомнимъ, что, при опытахъ, дѣланныхъ въ Тулонѣ, прошедшею осенью, изъ старыхъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій, приспособленныхъ къ новѣйшимъ требованіямъ искусства, было дано извѣстное число выстрѣловъ при огромномъ зарядѣ въ 6 кил. пороха съ 15 ядрами, послѣ чего пушка все-таки осталась годною въ дѣло. Но не одно только самое орудіе системы сира Уилліама Армстронга неудовлетворительно по своему устройству: въ конструкціи лафета также нѣтъ достаточныхъ ручательствъ его прочности. Внезапное и порывистое усиліе, которое долженъ дѣлать снарядъ, употребляемый для этихъ орудій, — снарядъ, весьма тяжелый относительно вѣса пушекъ, отзывается на лафетѣ и до-

должно скоро производить поврежденія. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что, по разрушеніи многихъ лафетовъ дѣйствіемъ стрѣльбы стоявшихъ на нихъ орудій, разнесся слухъ, что дерево, употребляемое на лафеты г. Армстронга, не надлежащаго достоинства, и нужно было слѣдствіе для оффиціальнаго опредѣленія причинъ, производящихъ зло. Впрочемъ, сиръ Уилліамъ Армстронгъ самъ почти признался въ этихъ причинахъ, когда сказалъ, въ засѣданіи 17 февраля, представителямъ военного министра, въ отвѣтъ на критики, возбуждавшія сомнѣніе въ прочности его орудій и ихъ лафетовъ: «опытъ доказалъ, что мы ошибались, употребляя въ артиллеріи, особенно же для нарѣзнаго орудія, порохъ, такъ быстро сгорающій, какъ нашъ: нарѣзная пушка требуетъ пороха болѣе слабаго и съ болѣе медленнымъ горѣніемъ, чѣмъ остальное оружіе». Это предложеніе косвенно подтверждаетъ справедливость тѣхъ гипотезъ, которыя мы выше изложили. Хотѣтъ, въ видѣ исправляющаго средства, уменьшить силу пороха не то же ли самое, что признаться до извѣстной степени въ несовершенствѣ своихъ орудій!

Этотъ предметъ почти неисчерпаемъ, и мы могли бы еще долго говорить о немъ, но должны остановиться, указавъ на главнѣйшія данныя, заключающіяся въ разбираемомъ нами вопросѣ. Если, основываясь на этихъ данныхъ, мы откровенно указали на критику, возбужденную системою г. Уитуорта и сира Уилліама Армстронга, то это не потому, что мы бы завидовали славѣ того или другаго или хотѣли бы унижить заслугу ихъ изобрѣтеній. Мы охотно признаемъ все знаніе, изобрѣтательность, усидчивое терпѣніе, которыя были нужны въ особенности сирѣ Уилліаму Армстронгу для того, чтобы изобрѣсти орудія, носящія теперь его имя. Но сиръ Уилліамъ Армстронгъ, точно такъ же, какъ и его менѣе счастливый соперникъ, не специалисты въ артиллерійскомъ дѣлѣ, даже не военные, и это чувствуется въ изобрѣтенныхъ ими системахъ: они не освоились съ военными потребностями и не прошли черезъ опытъ служебныхъ требованій военного времени. Между тѣмъ, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій—это то, что на войнѣ оказываются непримѣнимыми къ дѣлу изобрѣтенія, которыя передъ тѣмъ дали самые блестящіе результаты при испытаніи ихъ въ лабораторіяхъ и даже на полѣ маневровъ. Въ скоромъ времени у насъ будетъ мѣрило для оцѣнки орудій сира Уилліама Армстронга, по крайней мѣрѣ сравнительно съ нашими. Въ Китаѣ армстронгова артиллерія бу-

дѣтъ дѣйствовать противъ непріятеля совмѣстно съ французскою артиллеріею, и, если мы ошибались, если, по свѣдѣніямъ, которыя намъ прійдутъ съ поля битвы, окажется, что мы были въ заблужденіи, совершенно чистосердечно считая французское наръзное орудіе выше всѣхъ орудій того же рода, — то мы поставимъ себѣ въ обязанность прямо и откровенно признаться читателямъ въ нашей ошибкѣ.

Перевелъ съ французскаго Н. МАСЛОВЪ.

СЕМЕЙСТВО ШАМИЛЯ.

(Изъ записокъ пристава.)

Утромъ 5 января, на дворѣ занимаемаго Шамилемъ дома, явилась почтовая тройка съ багажемъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ огромныхъ тюковъ, обшитыхъ персидскими коврами. Эта была библіотека Шамиля, о потерѣ которой онъ получилъ ложное свѣдѣніе, погрузившее его почти въ такую же печаль, какую наводила на него неизвѣстность объ участи его семейства. За то и радость его была велика. Но она казалась ничтожною въ сравненіи съ чувствомъ, вызваннымъ словами ямщика, что онъ ѣхалъ только двумя станціями впереди всего поѣзда.

Хотя плѣнникъ уже и свыкнулся съ мыслию скорого соединенія съ дорогими для него людьми и хотя еще наканунѣ, съ очень довольною улыбкою, жаловался онъ на сильный зудъ въ лѣвой брови—вѣрный признакъ немедленнаго пріѣзда тѣхъ, кого ожидаешь, но, не менѣе того, извѣстіе, что чрезъ нѣсколько часовъ онъ ихъ увидитъ, замѣтно его поразило: въ продолженіе одной минуты лицо его мѣнялось нѣсколько разъ, покрываясь то яркимъ румянцемъ, то мертвою блѣдностію. Голосъ, которо-

му онъ усиливался придать такое же спокойствіе, какъ и лицу, оправдалъ его ожиданія не менѣе дурно: онъ сильно дрожалъ и тѣмъ яснѣе обнаруживалъ ощущенія, которыя слѣдовало скрыть.

А скрыть ощущенія было необходимо: это и въ характерѣ горца и въ его понятіяхъ о законахъ приличія. Сколько нибудь порядочный и мало-мальскн серьезный горецъ считаетъ всякое увлеченіе въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей ничѣмъ больше, какъ школьничествомъ. Тѣмъ менѣе можетъ быть оно доступно Шамилю, очень серьезному, очень умному и еще недавно столь грозному владыкѣ Чечни и Дагестана.

Но, видно, природа человѣка сильнѣе его характера, въ какихъ бы битвахъ его ни закачивали, и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того служить человѣческая природа Шамиля, которая, несмотря на всѣ усилія съ его стороны заглушить ее, одолѣла его самого и порывисто явилась передъ нашими глазами.

Порывы эти обнаруживались въ тотъ день еще нѣсколько разъ. Узнавъ, напримѣръ, что ящикъ, который доставилъ багажъ, получилъ на водку только 20 копѣекъ, Шамиль не на шутку разсердился на бѣднаго казначея своего Хаджію и, обличая столь великую его скупость, пресерьезно спрашивалъ: развѣ онъ не знаетъ, что человѣка, который привезъ такое «большое» извѣстіе (улла-хабаръ), слѣдуетъ озолотить?... И вслѣдъ затѣмъ онъ таки настоялъ, чтобы ящикъ былъ розысканъ и позолоченъ.

Часа черезъ два послѣ прибытія библіотеки, Шамиль потребовалъ обѣдать. Это было гораздо ранѣе обыкновеннаго и слѣлано, повидимому, съ тою цѣлью, чтобы заблаговременно освободиться отъ всякой житейской суеты и заняться предстоящимъ дѣломъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое ему подобаетъ. Однако, несмотря на это стремленіе къ пищѣ и на необычайно веселое расположеніе духа, возбуждавшее мысль о добромъ аппетитѣ, Шамиль почти не дотрогивался до кушанья, и наконецъ оказалось, что ранній обѣдъ былъ имъ устроенъ для удовлетворенія аппетита его сожителей, а что ему самому совсѣмъ было не до ѣды.

Въ срединѣ обѣда, доложили о пріѣздѣ передовыхъ. Это былъ младшій сынъ Шамиля, Магометъ-Шеффи. Не зная еще, о чемъ идетъ докладъ, Шамиль инстинктивно понялъ его сущ-

ность и, быстро вставъ со стула, пошелъ очень скорыми шагами къ лѣстницѣ, навстрѣчу сыну. Но здѣсь онъ одумался и воротился на прежнее мѣсто, искусно выразивъ на своей физиономіи полное равнодушіе. Не менѣ того, заслышавъ шаги пріѣзжаго, поднимавшагося наверхъ, Шамиль не выдержалъ и встрѣтилъ сына у дверей столовой. Тутъ произошла сцена пріема, до того церемоніальная, что способна была напомнить собою пріемъ иноземныхъ пословъ царемъ Иваномъ Грознымъ.

Магометъ—Шеффі, которому, по всему видимому, тоже хотѣлось кинуться Шамилю на шею, вмѣсто того, молча подошелъ къ нему, поцѣловалъ его руку и, въ такомъ же молчаніи и съ опущенными въ землю глазами, сталъ по другую сторону двери, ожидая вопросовъ отца. Шамиль тотчасъ же потребовалъ свѣдѣній о здоровьѣ путешественниковъ, о благополучіи путешествія, а главное — о томъ, кто ѣдетъ и кто не ѣдетъ.

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ онъ уже давно получилъ отъ правительства самыя положительныя свѣдѣнія, вполнѣ его успокоившія, такъ что, въ настоящую минуту, не только все это было очень хорошо ему извѣстно, но онъ даже зналъ, что семья его и путешествуетъ совершенно благополучно. Тѣмъ не менѣ, вопросы эти были для него жизненными вопросами. Но, Боже мой, съ какимъ равнодушіемъ онъ ихъ дѣлалъ!... Но и тутъ Шамиль—человѣкъ выскальзывалъ изъ желѣзныхъ рукъ Шамиля—муршида, хотѣвшаго, во что бы то ни стало, выдержать этотъ характеръ до конца: по правиламъ даргинскаго этикета, разговоръ о женщинѣ между мужчинами, и, притомъ, въ присутствіи другихъ мужчинъ, считается непростительнымъ нарушеніемъ всякихъ приличій, и ужь если настоятъ въ этомъ крайняя необходимость, то можно о женщинѣ, кто бы она ни была, упомянуть въ общей нити разговора, но никакъ не вести рѣчь собственно о ней. Такъ сдѣлалъ и Шамиль. Однако, глаза его, опускавшіеся каждый разъ, когда произносилось женское имя, метали искры въ то время, когда Магометъ—Шеффі говорилъ: что лошади во всю дорогу благополучно везли Шуаннатъ; что «суукъ» (холодъ) не такъ былъ силенъ, чтобы здоровье Зейдѣтъ могло пострадать; что одежда у всѣхъ была очень крѣпкая, и потому ни Нафиссатъ, ни Фатиматъ, ни Наджаватъ, ни Софіятъ, ни даже трехлѣтняя Баху—Меседу (сестры расказашика) не простудились и ни разу не болѣли. Называя одну за другою сестеръ, Магометъ—Шеффі не назвалъ, однако, своей жены

пажей случалась такъ часто, что лица эти даже удивлялись, какимъ манеромъ тарантасы увидѣли Калугу.

Проходя мимо экипажей, я счелъ обязанностію, подобно черзчуръ стыдливой барышнѣ, опустить свой взоръ въ землю, чтобъ не возбудить въ комъ либо подозрѣнія насчетъ анти-мусульманской нескромности. Тѣмъ не менѣе, я позволялъ себѣ взглядывать, впрочемъ, совершенно изподлобья, на окна тарантасовъ, въ чаяніи увидѣть Зейдѣтъ, на которую больше всего хотѣлось мнѣ взглянуть, по той причинѣ, что личность ея, послѣ личности Шуаннатъ, заинтересовала меня преимущественно передъ всѣми остальными личностями, выведенными въ книгѣ г. Вердеревскаго. Мнѣ почему-то казалось, что я непременно узнаю ее, хотя бы рядомъ съ нею были поставлены двадцать другихъ женщинъ. Но — увы! — всѣ окна были занавѣшены, всѣ тарантасы закупорены самымъ герметическимъ образомъ, и я лишился удовольствія увидѣть не только Зейдѣтъ, но даже и Вали-Кызъ, до крайности безобразную старуху, единственную изъ всѣхъ обитательницъ нашего дома, съ которою впослѣдствіи я имѣлъ удовольствіе познакомиться лично. Это событіе совершилось вслѣдствіе нечаянной встрѣчи съ нею на лѣстницѣ, что называется лицомъ къ лицу, при чемъ она громко вскрикнула и, по свойственной ей стыдливости, тотчасъ же закрыла лицо собственнымъ кулакомъ, за неимѣніемъ подъ рукою какой либо другой матеріи. Чрезъ полчаса послѣ этой встрѣчи, Вали-Кызъ прислала своего племянника попросить у меня извиненія въ томъ, что не побереглась столкновенія со мною и что этого никогда больше не случится. Въ свою очередь, я также просилъ извиненія въ нечаянной встрѣчѣ и, чтобъ устранить на будущее время соблазнъ подобныхъ нечаянностей, послалъ ей платокъ на голову. Это установило между нами самыя розовыя отношенія, и новая пріятельница моя, въ порывѣ своей признательности за сдѣланный ей подарокъ, вызвалась ежедневно варить для меня калмыцкій чай, что составляетъ исключительную ея профессію.

Итакъ, я не видѣлъ Зейдѣтъ. Къ сожалѣнію, долженъ признаться, что не увижу ея никогда, и что не увидитъ ея никто, исключая тѣхъ дамъ, которыя пожелаютъ сдѣлать Шамилю честь своимъ посѣщеніемъ.

Когда экипажи вѣхали во дворъ, каждый изъ нихъ, явившись, по очереди, у подъѣзда, былъ оцѣпляемъ мужчинами, и

затѣмъ начиналась выгрузка, сопровождаемая глубокимъ молчаніемъ, словно хоронили людей, пораженныхъ моровою язвою.

Въ сущности, оно такъ и было, съ тою только разницею, что хоронили не мертвыхъ людей, а живыхъ, цвѣтушихъ молодостью и здоровьемъ женщинъ, пораженныхъ язвою нетерпимости ихъ религіи и невѣжества ихъ мужей, которою, впрочемъ, не такъ давно страдали и мы грѣшныя.

Привиллегія сидѣть взаперти и если хочешь, то ничего не дѣлать, принадлежить, въ горахъ, женщинамъ только именитымъ или очень ужъ богатымъ; стало быть, это почти такъ же, какъ было и у насъ до петровскихъ временъ: богатые и именитые барыни сидѣли сложа ручки въ своихъ теремахъ, а женщины, для которыхъ трудъ составлялъ средство къ существованію, преспокойно выходили изъ домовъ, куда указывала надобность, и сознавая, быть можетъ, столь видимое свое ничтожество, едва ли имѣли желаніе промѣнять его на золотую клѣтку и на отвратительную праздность многихъ госпожъ.

Именитыхъ домовъ, гдѣ женщины пользовались столь завидною привиллегіею, во всемъ немирномъ краѣ было немного — по словамъ мюрида Хаджіо, всего только два: домъ Шамиля и домъ Даніаль-султана. Что касается до сыновей перваго, то, разговаривая со мною объ этомъ предметѣ, Хаджіо только рукой махнулъ и, въ видѣ отвѣта на предложенный ему вопросъ, сказалъ: «Ужъ на что строго запретилъ у насъ Шамиль музыку: не дешево раздѣлывался за нее тотъ, кто попадался: много мѣсяцевъ приходилось ему сидѣть въ ямѣ, и много абазовъ переходило изъ его кармана въ сундуки казначея Хаджіо (*); но у насъ съ Газі-Магометомъ завсегда была кичікъ-музыка (**) или въ карманахъ, или подъ подушкою. Разъ, чуть-чуть не попались мы съ нею Шамилю, — и хорошо, что не попались, а то, съ кого абазы, а съ насъ головы сметѣли бы долой....»

Какъ бы то ни было, но, въ настоящее время, «завидная привиллегія» досталась и на долю невѣстокъ Шамиля, которыя до сихъ поръ ея не знали и, какъ кажется, совсѣмъ были бы не-

(*) Всякій горецъ, подвергавшійся заключенію въ яму, обязанъ былъ, сверхъ того, платить за каждый день своего ареста по 20 к. сер., которые и поступали въ обычный раздѣлъ, составляющій предметъ особаго изложенія.

(**) «Маленькая музыка». Такъ горцы зовутъ табакерки-карильоны.

прочь отказаться отъ этого счастья въ пользу желающихъ. И не мудрено: до сихъ поръ онѣ жили съ мужьями внѣ родительскаго дома и, притомъ, совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ. А эти условія были созданы свѣжимъ и свѣтлымъ умомъ молодыхъ людей и страстной ихъ любовью къ своимъ женамъ. И вотъ Газі-Магометъ съ Магометомъ-Шеффі сначала поняли, что принятый ими отъ Шамиля взглядъ на женщину искаженъ, неправиленъ. Потомъ стали они придумывать свой собственный взглядъ. Въ этомъ дѣлѣ, имѣла на нихъ большое вліяніе семейная жизнь въ горахъ нашихъ ренегатовъ, не измѣнившихъ, вмѣстѣ съ религіею, обычаевъ своей страны. Молодые люди замѣтили въ ихъ бытѣ одну особенность, которая окончательно навела ихъ на умъ: они видѣли, что женщина не играетъ тамъ роли вьючнаго скота, что она не скрываетъ и даже не старается скрывать своего лица отъ посторонняго глаза, что она вовсе не трепещетъ мужа, что мужъ открыто оказываетъ ей свое вниманіе, бываетъ въ ея обществѣ, находитъ въ этомъ не послѣднее удовольствіе, и что, наконецъ, изъ всего этого ничего дурнаго не выходитъ. Убѣжденій этихъ было достаточно, чтобы сыновья Шамиля поняли настоящее значеніе и назначеніе женщины. Имъ оставалось только опредѣлить, хотя приблизительно образомъ, положеніе въ обществѣ женщины «ихъ круга». Но для этого необходимы были болѣе граціозные и, пожалуй, болѣе грандіозные образцы. На ихъ счастье, главная квартира волею судебъ перенесена изъ Гуниба въ Калугу: это предоставило имъ возможность побывать во многихъ мѣстахъ, гдѣ они видѣли женщину и въ общественной и въ домашней ея жизни. Темиръ-Ханъ-Шура, Ставрополь, Харьковъ, Москва, Петербургъ и наконецъ Калуга послужили для нихъ школою, гдѣ окончательно сформировался у нихъ взглядъ на женщину и выработались тѣ идеи о цивилизаціи, которыя теперь они проповѣдуютъ столь открыто.... въ моемъ присутствіи. Я увѣренъ, что Калуга довершитъ остальное: въ ней такъ много есть того, что вызываетъ на размышленіе, а у сыновей бывшего предводителя горцевъ такъ много охоты подвергать анализу все, что проходитъ замѣчательнаго предъ ихъ глазами. Нѣтъ сомнѣнія насчетъ скорого и блистательнаго преобразованія молодыхъ горцевъ: въ этомъ убѣждаютъ меня и сдержанные, но многозначительныя рѣчи Газі-Магомета, въ которыхъ выражается весь пылъ, вся заду-

шевроность стремленія горца къ достиженію предположенной цѣли; убѣждаетъ меня и удовольствіе, съ которымъ вглядывается Магометъ-Шеффі въ уланскій мундиръ г. Щ*, служившаго въ одномъ полку съ покойнымъ его братомъ Джемаладдиномъ: Магометъ-Шеффі находитъ, что онъ *долженъ* носить его и по наслѣдству отъ брата и потому, что самый мундиръ почему-то ему очень нравится. Наконецъ, не убѣдятъ ли cadaго ниже-слѣдующія слова мюрида Хаджіо, этой, по выраженію обоихъ братьевъ, «половины Газі-Магомета и половины Магомета-Шеффі»: въ одномъ интересномъ разговорѣ, происходившемъ между мною и этими тремя горцами и касавшемся различныхъ постановленій Шамиля, мюриду пришлось перечислять все, что было запрещено горцамъ и что дозволено. Оканчивая свой перечень, Хаджіо сдѣлалъ восклицаніе, сильно отзывавшееся грустью и досадою:

— Да что тутъ толковать: у насъ было запрещено все хорошее и не запрещено все дурное!...

Однако, я очень невѣжливо оставилъ пріѣзжихъ дамъ у подъѣзда нашего дома. Спѣшу къ нимъ возвратиться и только мимоходомъ упомяну, что домъ нашъ, по случаю чрезвычайно живописнаго мѣстоположенія, открывающагося изъ оконъ двухъ верхнихъ его этажей, названъ горцами очень характеристическимъ именемъ Ахульго.

Яркое освѣщеніе лѣстницъ, запахъ сожженного одеколона, красивый на дворѣ водоемъ, довольно обширный садъ и наконецъ безукоризненная голландская чистота вездѣ произвели на новопріѣзжихъ необыкновенное впечатлѣніе: входя поодиначкѣ въ домъ, всѣ женщины видимо были поражены тѣмъ, что имъ представлялось, и съ перваго же шага останавливались, какъ пораженные электричествомъ. Отрывистыя восклицанія: «Аллахъ, Аллахъ!» какъ нельзя яснѣе обнаруживали ихъ восторгъ и удивленіе, которые, въ свою очередь, служили порукою въ томъ, что ничего подобнаго не видали горянки во всю свою жизнь, да едва ли и воображеніе ихъ рисовало подобныя картины; а если случалось имъ когда нибудь объ этомъ слышать, то, безъ сомнѣнія, онѣ считали разскащицу (разскащиковъ онѣ не слушаютъ, потому что никогда ихъ не видятъ) безсовѣстною лгуньею или, по меньшей мѣрѣ, отличною сказочницею.

Обаяніе, дѣйствию котораго подчинились наши гости, продолжалось не менѣе трехъ минутъ. Замѣтно было, что имъ очень

хотѣлось освободиться отъ него, «осмотрѣться» и ужь потомъ идти въ дальнѣйшій путь; но это имъ не удалось, и онѣ начали всходить по лѣстницѣ, опустивъ безсознательно головы внизъ и видимо находясь подъ вліяніемъ своего перваго впечатлѣнія. Любопытно было бы знать, о чемъ онѣ въ то время думали. Какія идеи переваривались въ хорошенькихъ головкахъ молодыхъ женщинъ и въ растрепанныхъ, чурбановидныхъ головкахъ старухъ-каравашей ⁽¹⁾? Расчитывали ль онѣ закончить свое путешествіе магометовымъ раемъ и его утѣхами, или утѣшала ихъ болѣе скромная надежда, что обычная гнусность ихъ затворничества авось либо облегчится и усладится въ этомъ, столь пріятномъ на взглядъ, жилищѣ? Богъ знаетъ! За одно только можно поручиться, что какъ у молодыхъ женщинъ, такъ и у старухъ воображеніе рисовало картины одинаковаго содержанія, потому что болѣе, нежели монастырскій образъ жизни и состояніе невольничества, въ которомъ находятся всѣ мусульманскія женщины вообще, а кавказскія мусульманки въ особенности, даетъ фантазіи ихъ направленіе одностороннее, исполненное одной лишь чувственности; а это послѣднее условіе притупляетъ, какъ извѣстно, умственные способности и очень рано лишаетъ ихъ свойственной имъ игривости, разнообразія.

Дальнѣйшія приключенія моихъ дамъ, въ продолженіе остающаго времени этого дня, мнѣ лично не извѣстны; но спросимъ о томъ у мюрида Хаджію, который, безъ сомнѣнія, знаетъ это дѣло гораздо лучше и подробнѣе, нежели я.

— Ну, чтò, Хаджію: вотъ, кюльфатъ ⁽²⁾ наше и пріѣхало!

— Валла ⁽³⁾ пріѣхало! Тамаша ⁽⁴⁾!!...

Мюридъ находился подъ вліяніемъ восторга, возбужденнаго въ немъ свиданіемъ съ сыновьями Шамиля; поэтому все казалось ему удивительнымъ, все было въ розовомъ свѣтѣ.

— Чтò жь тутъ удивительнаго: больше ничего, какъ ѣхало-ѣхало, наконецъ и пріѣхало.

— Шамиль никакъ не думалъ, чтобы пріѣхало.

— Вотъ это хорошо! А сколько разъ я читалъ ему бумаги, въ которыхъ было написано, что семейство его готовится къ отъѣзду, что оно выѣхало изъ Шуры, что оно ужь ѣдетъ?

⁽¹⁾ Каравашъ — служанка.

⁽²⁾ Семейство.

⁽³⁾ Ей-Богу.

⁽⁴⁾ Удивительно.

— Это правда; только ему все не вѣрилось.

— Вѣрно, оттого, что крѣпко хотѣлось увидѣться?

— Отъ этого самаго.

— То-то, я думаю, теперь онъ обрадовался.

Мюридъ молчалъ.

— Расскажи, пожалуйста, какая была встрѣча.

— А встрѣча была вотъ такая: когда женщины вышли изъ экипажей, мы пошли вслѣдъ за ними въ домъ; онѣ отправились на самый верхъ, а мы завернули въ ту комнату, гдѣ Шамиль гостей принимаетъ. Тамъ ужъ онъ сидѣлъ на диванѣ, перебиралъ въ рукахъ четки и дожидался прїѣзжихъ. Увидѣвши ихъ, онъ сказалъ: «хощь гялды!» Тогда Газі-Магометъ подошелъ къ нему и поцѣловалъ его руку, а за нимъ сдѣлали то же всѣ остальные мужчины, и стали послѣ этого вокругъ Шамиля. Шамиль спросилъ, какъ была дорога, благополучно ли прїѣхали. Ему отвѣчали, что дорога была скверная, а прїѣхали благополучно. Тогда онъ велѣлъ мнѣ призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ. Мы сдѣлали намазъ и пошли въ кунацкую чай пить, а онъ пошелъ наверхъ къ женамъ. Вотъ и все.

— Какъ, только-то!... А жены, а дочери? Какъ ихъ встрѣтилъ Шамиль?

— А я почемъ знаю! У насъ женщины не показываются при мужчинахъ.

— Ну, скажи, по крайней мѣрѣ, какъ бы ты принялъ свою Фатимматъ.... Вотъ теперь, напримѣръ, ты скоро поѣдешь на Кавказъ и увидишь ее: какъ же ты съ нею встрѣтишься?

— Я-то встрѣчусь просто: увижу ее и поцѣлую....

— Одинъ разъ?

— О, нѣтъ: много разъ буду цѣловать, и говорить съ нею буду много.

— Значить, и Шамиль также встрѣтилъ своихъ женъ?

— Должно быть, также; только, прежде, чѣмъ поцѣловать, я думаю, онъ велѣлъ имъ намазъ сдѣлать, чтобы кстати и самому помолиться.

— Ну, а какъ тебѣ кажется: со всѣми женщинами увидѣлся онъ въ одно время или сперва съ женами, а послѣ съ дочерьми?

— Нѣтъ: я думаю, онъ и женъ своихъ увидѣлъ порознь: Магометъ-Шеффи показалъ имъ комнаты — онѣ и дожидались каждая на своей половинѣ... Я былъ тамъ часа ужъ черезъ два

послѣ ихъ прїѣзда: въ это время, къ Шамилю пришли поздороваться старшія дочери.

— Какже онъ съ ними поздоровался?

— А такъ, что когда онѣ вошли въ кабинетъ, Шамиль сперва спросилъ ихъ: «это ты, Нѣфиссатъ? это ты, Фѣтимматъ?...»

— Зачѣмъ же онъ спрашивалъ? Развѣ онѣ такъ перемѣнились, что Шамиль не узналъ ихъ?

— Да какже онъ ихъ узнаетъ подъ покрывалами!

— Какъ, передъ отцомъ, да подъ покрывалами!

— Да вѣдь онѣ замужнія, а, кромѣ того, и я тутъ былъ. Впрочемъ, теперь и Нѣджаватъ стала носить покрывало.

— Эта маленькая дѣвочка?

— Какая она маленькая: ей двѣнадцать лѣтъ; а у насъ иногда закрываются и десятилѣтнія дѣвочки (*).

— Неужели онѣ и передъ отцомъ закрываются?

— Нѣджаватъ передъ отцомъ всегда закрывается; а въ иныхъ этого нѣтъ.

— Какже отецъ встрѣтилъ Нѣфиссатъ и Фѣтимматъ: расцѣловалъ ихъ, я думаю?

— Какъ это можно! Еслибъ и меня не было, такъ онѣ только руку бы у него поцѣловали; а теперь онъ просто спросилъ объ ихъ здоровьѣ и велѣлъ чаще молиться Богу: больше ничего. Послѣ этого онѣ и вышли.

— Скучно же, братъ, у васъ встрѣчаются: не стоитъ послѣ того и встрѣчаться... Какъ ты думаешь?

— Да я ужъ сказалъ, что у насъ запрещено все хорошее, а позволено только то, что дурно.

— Ну, съ этимъ-то я не вполне согласенъ: кажется, и у васъ есть кой-чего хорошаго.

Мюридъ покнулъ.

— Іохъ! сказалъ онъ съ видомъ глубокаго убѣжденія:—зѣта іохтуръ (**).

Нѣсколько дней спустя послѣ событія, увеличившаго народонаселеніе Калуги, я началъ понемногу собирать свѣдѣнія, касающіяся прїѣзжихъ дамъ. Свѣдѣнія эти добывались мною такимъ образомъ, что о женѣ Абдуррахима, напрімѣръ, я дол-

(*) Это зависитъ отъ физическаго развитія.

(**) Нѣтъ! ничего нѣту!...

женъ былъ спрашивать у Абдурахмана, о женѣ Абдуррахмана у братьевъ ея, и т. д. Наконецъ, о женахъ Шамиля я получилъ свѣдѣнія отъ всѣхъ мужчинъ. Самъ же Шамиль сообщилъ мнѣ данныя о возрастѣ каждой женщины и о значеніи ихъ именъ. Попробовалъ было я, забывши условія горскаго этикета, спросить о женѣ у самого мужа. Этотъ казусъ достался на долю Абдуррахмана.

— А что, Абдуррахманъ, сказалъ я ему однажды, распивая вдвоемъ съ нимъ чай: — должно быть, ты крѣпко любишь свою Нафиссатъ: она такая молоденькая, хорошенькая и, какъ говорить, такая добрая?

— А ты, вѣрно, слышалъ о ней что нибудь? ты, вѣрно, слышалъ, что я дурно съ нею живу?.. Скажи, отъ кого ты это слышалъ? кто тебѣ это говорилъ? Я....

И глаза Абдуррахмана наливались кровью.

— Богъ съ тобою, джанымъ! Я только слышалъ, что она молода, хороша и добра, поэтому былъ увѣренъ, что такой умный молодецъ, какъ ты, не можетъ не любить эдакой славной жены.

Абдуррахманъ успокоился, а я давалъ въ душѣ заклятіе не дѣлать мужу вопросовъ о его женѣ.

Вообще же, кромѣ нарушенія этикета, вопросы эти непременно возбуждаютъ въ недовѣрчивомъ горцѣ какое либо подозрѣніе. Въ сыновьяхъ Шамиля эта струна звучитъ несравненно тише: не совсѣмъ еще освободившись (и очень понятно) изъ-подъ вліянія условій прежней жизни и обычаевъ своей родины, они, при подобномъ вопросѣ, сначала какъ будто нѣсколько конфузились, но тотчасъ же приходили въ нормальное состояніе и говорили со мною о своихъ женахъ довольно свободно; а Газі-Магометъ даже увлекся однажды до того, что говорилъ о Керематъ и о своихъ чувствахъ къ ней съ большимъ одушевленіемъ. Въ его сѣтованіяхъ на разлуку съ нею слышалось такъ много грусти и такъ много страсти, несмотря на то, что онъ женатъ уже девять лѣтъ. А кто изъ нашихъ мужей, черезъ девять лѣтъ женитьбы, сохранить, въ отношеніи своей супруги, весь пылъ, всю нѣжность чувства жениха? Вотъ вамъ и дикая необузданность горскихъ нравовъ!

Приступая къ изложенію свѣдѣній о «нашихъ» дамахъ, я начну со старшей — Зейдатъ. Настоящее ея имя Залідатъ —

отшельница благочестивая; въ разговорѣ же, для краткости, ее зовутъ Зейдѣтъ. Теперь ей тридцать лѣтъ. По словамъ мюрида Хаджіо, съ поручительствомъ Газі-Магомета, Зейдѣтъ «очень, очень умна». Она въ совершенствѣ знаетъ всѣ требованія горскаго этикета, и если могли существовать въ горахъ первыя дамы—звание, которое, какъ извѣстно, приобрѣтается *не умомъ и красотою*, а должностію мужа и собственнымъ умѣньемъ держать себя съ особеннымъ шикомъ, то, по всей справедливости, Зейдѣтъ была первою дамою Чечни и Дагестана. Она была бы даже законодательницею дамскихъ модъ, еслибъ всѣ потребности горскихъ щеголихъ не ограничивались обшивкою нижняго края пальваръ тѣмъ или другимъ галуномъ да прибавленіемъ или убавленіемъ количества русскихъ монетъ въ ожерельѣ, составляющемъ для горскихъ женщинъ лучшее украшеніе. Все остальное въ ихъ костюмѣ не измѣняется, я думаю, со временъ Аёши, Кадіджи, Маріамъ и прочихъ женъ и любимицъ Магомета-Пегомбара (*).

Основательное познаніе требованій корана относительно женщинъ, фанатическая сосредоточенность въ исполненіи ихъ, наконецъ дѣятельное и вполне успѣшное изученіе характера своего мужа, соображаясь съ которымъ она рассчитывала всѣ свои поступки, доставили ей то вліяніе, которое, незамѣтно для посторонняго глаза, скрывалось въ основаніи многихъ рѣшеній по дѣламъ немирнаго края, иногда по дѣламъ первой важности. Въ какой степени благодѣтельно или тлетворно было это вліяніе, я до времени сказать не могу, по неимѣнію кой-какихъ данныхъ, способныхъ сдѣлать мои показанія положительно вѣрными. Что касается до наружности Зейдѣтъ, то, по словамъ знакомыхъ мнѣ дамъ, она нехороша и непріятна. Этотъ отзывъ, кажется, совершенно одинаковъ съ отзывомъ плѣнныхъ княгинь. Теперь обращаюсь къ Шуаннѣтъ.

О ней, такъ же, какъ и о всѣхъ почти членахъ семейства Шамя, сказано въ книгѣ г. Вердеревскаго такъ подробно, что къ этимъ подробностямъ мнѣ остается прибавить очень немного. Къ тому же, знакомство мое съ ними ведется при посредствѣ

(*) *Пегомбаръ* — пророкъ. Горцы (да, я думаю, и всѣ прочіе мусульмане), говоря о своемъ пророкѣ, всегда прибавляютъ къ имени Магометъ слово Пегомбаръ, для отличія его отъ всѣхъ другихъ Магометовъ, прежде жившихъ и нынѣ живущихъ на землѣ.

третьихъ лицъ; а это условіе слишкомъ неблагопріятно для того, чтобы сдѣлать мои показанія сколько нибудь интересными. Впрочемъ, за время трехнедѣльнаго отсутствія Шамиля изъ Калуги, когда онъ ѣздилъ въ Москву, чтобы представиться фельд-маршалу князю Барятинскому, сношенія мои съ затворницами были необыкновенно живы, и случалось иногда, что вопросы, просьбы и требованія различнаго рода совѣтовъ, даже по части дамскаго туалета, адресовались ко мнѣ по нѣскольку разъ въ день. Это обстоятельство сблизило меня съ ними на столько, что я могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о характеристикѣ большей части моихъ сосѣдокъ, не ручаясь, впрочемъ, за непогрѣшимость моего заключенія.

Основываясь на этихъ данныхъ, а также на показаніяхъ моихъ всегдашнихъ собесѣдниковъ, я составилъ о Шуаннѣ слѣдующее нежногосложное понятіе: эта женщина сосредоточиваетъ всѣ свои интересы въ одномъ Шамилѣ и затѣмъ ужъ не интересуется ничѣмъ остальнымъ въ мірѣ, за исключеніемъ развѣ своей дочери да желанія угодить Зейдѣ, чтобы легче было жить на свѣтѣ. Справедливость требуетъ упомянуть еще о нѣкоторомъ стремленіи съ ея стороны не отставать ни въ чемъ отъ своей соперницы по брачному ложу, напримѣръ: имѣть такой же, какъ у нея, браслетъ, ахалукъ и тому подобное; и надо признаться, что эти мелочи, составляя характеристику всѣхъ женщинъ вообще, въ Шуаннѣ проявляются совсѣмъ инымъ образомъ, что сообщаетъ ея личности особый колоритъ, который довольно рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ женщинъ. Эта особенность заключается въ желаніи имѣть то же самое, что имѣетъ Зейдѣ, но никакъ не лучше, не дороже. Чему это приписать? Смиренію ли, которое опасается раздражить сильную соперницу и тѣмъ навлечь лишнее зло на свою голову, или же это своего рода кокетство, скрывающее подъ наружною незлобивостію бойкую увѣренность, что она опередитъ Зейдѣ всегда, если шансы ихъ будутъ совершенно одинаковы, и, напротивъ того, спасуетъ передъ нею тотчасъ, какъ только между ними будетъ малѣйшее различіе, хотя бы не въ пользу соперницы?.... Шуаннѣ — женщина, и потому я позволяю себѣ отнести ея нежеланіе лучшаго къ послѣдней причинѣ.

Довольно хорошо также характеризуется личность Шуаннѣ и письмомъ ея къ родственникамъ, въ отвѣтъ на ихъ предложеніе чѣмъ нибудь услужить ей. Вотъ это письмо:

«Любезный братецъ!»

«Считаю пріятною обязанностію благодарить васъ и всѣхъ моихъ добрыхъ родныхъ за радушное гостепріимство и родственныя ласки, которыя вы оказали мнѣ въ бытность мою въ Моздокъ. Шамиль, мужъ мой, тоже отъ всей души благодарить васъ за это, и вмѣстѣ со мною свидѣтельствуетъ свое почтеніе вамъ и всѣмъ нашимъ роднымъ. Благодаримъ также васъ и за родственное ваше письмо и за выраженное въ немъ предложеніе услугъ. Великій Государь такъ щедро и такъ прекрасно устроилъ нашу жизнь, что мы терпимъ недостатокъ только въ одномъ предметѣ: въ невозможности достаточно выразить Ему нашу признательность и представить доказательства искренности чувствъ, которыя мы къ нему питаемъ.

«Зная ваше родственное къ намъ расположеніе, я увѣрена, что для васъ интересно будетъ знать объ окончаніи нашего долгаго путешествія и нѣкоторыхъ подробностяхъ жизни нашей въ Калугѣ. Поэтому я съ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что какъ я съ дочерью, такъ и всѣ остальные члены нашего семейства прибыли въ Калугу въ добромъ здоровьи и нашли нашего имама господина тоже здоровымъ и покойнымъ.

«По милости великаго Государя, мы живемъ въ очень большомъ домѣ просторно, удобно и пріятно: у насъ есть хорошій садъ и есть все, что нужно для покойной и счастливой жизни. Кромѣ того, благодаря Бога, никто изъ насъ и даже нашихъ дѣтей не былъ до сихъ поръ боленъ. Хотя это слѣдуетъ приписать хорошему климату Калуги, очень похожему на климатъ страны, въ которой мы жили прежде, но главный виновникъ нашего благополучія — великій Государь, который такъ хорошо насъ устроилъ. Одно, чѣмъ можемъ мы достойно возблагодарить Его — это молитвою къ Богу о ниспосланіи Ему всѣхъ радостей земныхъ и спокойствія душевнаго. Молитесь за Него такъ же горячо и искренно, какъ молимся мы, и вы окажете намъ услугу, единственную, какую только мы можемъ отъ васъ принять и за которую душевно будемъ вамъ благодарны. Имамъ мужъ мой и я отъ души желаемъ вамъ всего того, чего вы сами себѣ желаете, и просимъ вѣрить нашему дружески родственному расположенію къ вамъ и ко всѣмъ общимъ нашимъ роднымъ.

«Нуждающаяся въ милости Божіей Шуаниатъ, жена бѣднаго странника Шамуила.»

Письмо Шуаннать достаточно знакомитъ насъ съ личностію этой женщины. Остается объяснить значеніе ея имени. Сначала я думалъ, не есть ли это синонимъ Анны, имени, которое носила Шуаннать въ дѣтствѣ, бывши христіанкою. Но на дняхъ я получилъ отъ нея самой объясненіе, что, во первыхъ, слово это значенія никакого не имѣетъ; а во вторыхъ, что, когда наступило время дать ей имя, Шамиль обложился своими книгами и, розыскавъ въ нихъ дѣянія одной очень богоугодной женщины Шуаннать, далъ это имя своей любимой женѣ, въ чаяніи сдѣлать и изъ нея такую же благочестивую женщину, какою была и та.

Переходя къ младшимъ представителямъ прекраснаго пола въ семействѣ Шамиля, я очень желалъ бы начать свою рѣчь съ «кавказской розы», съ Керемать, интересъ къ которой возбуждали во мнѣ восторженные похвалы мюрида Хаджіо и глубокое идеальное чувство любви къ ней Газі-Магомета. Къ сожалѣнію, я долженъ отложить это удовольствіе на нѣсколько времени.

Жена Магомета—Шеффі, восемнадцатилѣтняя Аминнать (*)—дочь бывшаго чохскаго намба Энъккау—Хаджіо (**), человѣка, извѣстнаго во всемъ Дагестанѣ по своему богатству и по особенному уваженію, которымъ онъ пользуется въ народѣ. Замужство Аминнать могло бы послужить канвою для очень интереснаго и, притомъ, очень длиннаго романа изъ кавказскихъ нравовъ; но на этотъ разъ дѣло обойдется краткимъ описаніемъ одного небольшого приключенія съ Магометомъ—Шеффі.

Года четыре тому назадъ, былъ онъ въ Чохѣ (***) и зашелъ однажды, по какой-то надобности, къ будущему своему тестю. Разговаривая съ Магометомъ Шеффі, Энъккау—Хаджіо вдругъ кликнулъ свою дочь, бывшую въ сосѣдней комнатѣ. Веселая Аминнать, очень вѣрно соображавшая, что Шамиль, этотъ грозный врагъ всякаго веселья и всѣхъ, кто въ такое трудное время веселится, теперь далеко отъ Чоха и не услышитъ ея про-

(*) *Аминнатъ* — внушающая довѣріе, вѣрная.

(**) *Энъккау* — глухой; *Хаджіо* — собственное имя.

(***) *Чохъ* — большой и сильно укрѣпленный природою аулъ въ Дагестанѣ. Кромѣ своей военной извѣстности, онъ пользуется репутаціею самаго торговаго пункта во всемъ покоренномъ краѣ, гдѣ, по сознанію самого Шамиля, вмѣсто торговли существовала какая-то странная пародія на нее.

казъ, беззаботно распѣвала себѣ пѣсенки, совсѣмъ не подозрѣвая того, что сынъ этого врага сидитъ въ двухъ шагахъ отъ нея. Услышавъ зовъ отца и думая, что онъ одинъ, Аминнатъ выбѣжала къ нему, по всегдашнему обыкновенію, безъ чадры, и въ ту же минуту почти столкнулась лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ ей, но очень красивымъ молодымъ человѣкомъ. Она вскрикнула, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты, при громкомъ смѣхѣ добряка-отца, который отъ всей души забавлялся тѣмъ, что ему удалось сыграть двѣ штуки въ одинъ приемъ, такъ какъ и Магометъ-Шеффи при взглядѣ на Аминнатъ, тоже сконфузился, — неизвѣстно только, отъ какихъ причинъ: отъ ужаса или отъ удовольствія.

Былъ ли въ этомъ приемѣ какойнибудь умыселъ, или, говоря прямо, рассчитывалъ ли старый Эньккау породниться, на всякій случай, съ повелителемъ страны, гдѣ ничего не было вѣрнаго и ни за что нельзя было поручиться, объ этомъ исторія умалчиваетъ; вѣрно только то, что чрезъ самое короткое время шутка Эньккау разыгралась свадьбой его дочери съ Магометомъ-Шеффи.

Теперь Аминнатъ совершенно счастлива. Она любитъ и любима: чего жъ больше! Всякому человѣку было бы лестно закончить свой романъ на этой страницѣ...

Но вотъ еще любовь.... Любовнику-мужу семнадцать лѣтъ, любовницѣ-женѣ пятнадцать лѣтъ, и они уже три года, какъ женаты. Если вы думаете, что имъ не мѣшало бы прослушать нѣсколько лекцій о любви, то вы ошибаетесь: они могутъ дать нѣсколько уроковъ намъ съ вами. Въ доказательство этого, привожу разговоръ, который неоднократно приходилось мнѣ завести съ любовникомъ, болтающимъ по русски довольно понятно.

— Чтò это, братъ Абдуррахимъ, съ тобою: съ кошками ты дрался, что ли?

— Юхъ; бу, менымъ Патимматъ (*): булай-булай, булай-булай... (**)

(*) Въ произношеніи собственныхъ именъ, у горцевъ есть одна особенность: букву ф они обращаютъ въ п: Патимматъ, Написсать и проч.

(**) Нѣтъ, это моя Фатимматъ: вотъ такъ, вотъ такъ, вотъ такъ, вотъ

И, растопыривъ на рукахъ пальцы, Абдуррахимъ легонько водилъ ногтями по расцарапаннымъ мѣстамъ своего лица.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что ты это съ кошками... За что жъ она эдакъ отдѣлала тебя: должно быть, провинился въ чемъ нибудь?

— Юхъ: кирѣпка лубить мине.

— А! вотъ оно что!... Ну, а ты жъ ее любишь?

— Я ее лублю кирѣпка ужасна.

— Молодецъ! Какже ты ее любишь: вотъ эдакъ же, какъ и она?

— Юхъ! Я ее лублю булай-булай, булай-булай...

На этотъ разъ, въ его жестахъ не было ничего кошачьяго...

Наконецъ, вотъ еще Нафиссатъ (прекрасная), старшая дочь Шамиля, и жена Абдуррахмана, который спрашивалъ меня, отъ кого я слышалъ, что онъ неладно съ женою живетъ. Нафиссатъ и Фатимматъ (*), вмѣстѣ съ Газі-Магометомъ и Магометомъ-Шеффъ, родились отъ одной матери, умершей вскорѣ послѣ сухарной экспедиціи 1845 года. Исторія замужства этихъ молодыхъ женщинъ чуть ли не имѣетъ связи съ исторіею послѣднихъ событій въ Дагестанѣ. Но прежде, чѣмъ объяснить это, слѣдуетъ сказать, что дочери Шамиля находятся въ замужствѣ за двумя родными братьями жены его Зейдатъ.

Женитьба Газі-Магомета, а также и Магомета-Шеффъ, хотя имѣла въ своемъ основаніи чувство нѣжное, но окончательно устроилась только вслѣдствіе соображеній, по которымъ разсудокъ вполне одобрилъ выборъ сердца. Сознавая необходимость утвердить на болѣе прочныхъ основаніяхъ вліяніе своего отца въ немирномъ краѣ, а кстати упрочить въ будущемъ и собственное свое значеніе, сыновья Шамиля думали достигнуть этого посредствомъ брачныхъ союзовъ. Въ такихъ мысляхъ, женившись на дочеряхъ людей самыхъ значительныхъ по богатству и по вліянію въ народѣ, они предполагали устроить такимъ же образомъ замужство и сестеръ.

Первоначально они имѣли въ этомъ полный успѣхъ: Шамиль обѣщалъ выдать обѣихъ дочерей за двухъ сыновей извѣстнаго наиба Кибитъ-Магома, а впослѣдствіи, по взаимному съ нимъ соглашенію, онъ оставилъ свое слово за одною только дочерью, а другую обѣщалъ сыну уважаемаго въ Дагестанѣ наиба

(*) Фатимматъ — отторгнутая отъ материнской груди.

Албазъ-Дебира. Но вслѣдъ затѣмъ, по поводу происшедшихъ между всѣми этими лицами несогласій, а въ особенности вслѣдствіе настояній Зейдатъ, желавшей имѣть всегда подлѣ себя надежную поддержку, Шамиль отказалъ Кибитъ-Магома и Албазъ-Дебиру и выдалъ Нѣфиссатъ и Фѣтимматъ за двухъ сыновей своего же собственнаго тестя Джемалалдина: Абдуррахмана и Абдуррахима. Рѣшеніе это изумило всѣхъ и возбудило негодованіе общее и одинаковое какъ въ семействѣ Шамиля, такъ и въ народѣ. Въ одномъ мѣстѣ, его порицали за явную неразсчетливость, которая отпечатывалась и на безцвѣтной личности новыхъ родственниковъ и на отсутствіи малѣйшей къ нимъ симпатіи въ ихъ молодыхъ женахъ. Съ другой стороны, не знали, что подумать о томъ человѣкѣ, который единственно желѣзною волею и непоколебимостію въ своихъ рѣшеніяхъ, въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, паводилъ ужасъ на всю страну и держалъ въ повиновеніи народъ, признававшій надъ собою одинъ только законъ — своеволіе. Независимо того, оскорбленные наобы покаялись отмстить свою обиду и, во время послѣднихъ событій на Кавказѣ, честно сдержали эту клятву.

Всѣ эти обстоятельства сложились для семейной жизни молодыхъ женщинъ во что-то цѣлое, грустное, безвыходное.

Мнѣ остается упомянуть еще о трехъ дочеряхъ Шамиля: Нѣджаватъ, Софіятъ и Баху-Меседу. Но двѣ послѣднія такъ малы, что еще не представляютъ особаго интереса, а потому скажу нѣсколько словъ о Нѣджаватъ (*).

Эта будущая красавица очень несчастлива: ноги ея, вслѣдствіе паденія и ушиба въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, вывернуты носками въ средину, такъ что пальцы обѣихъ ногъ, при ходьбѣ, сходятся другъ съ другомъ и очень ее затрудняютъ, заставляя ноги переплетаться между собою, что составляетъ очень странную походку. Но Нѣджаватъ уже привыкла къ этому и ходитъ довольно скоро, только не можетъ стоять не опираясь на чтонибудь. По словамъ Газі-Магомета, въ бытность ихъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, два медика вызывались пособить Нѣджаватъ, посредствомъ операціи но, осмотрѣвъ ея ноги, положительно отказались. Недавно Шамиль снова возбудилъ этотъ вопросъ и выразилъ желаніе отдать все и самого себя на придачу, чтобъ только возвратить своей дочери здоровье.

(*) *Нѣджаватъ* — доблесть, добродѣтель. *Софіятъ* — чистота.

— Не можешь ли ты ей помочь? спросилъ онъ меня.

— Развѣ тѣмъ только, чтобы написать къ тому, кто можетъ ей помочь. Но для этого нужно осмотрѣть ноги, чтобъ опредѣлить состояніе ихъ.

Тотчасъ же позвали Наджаватъ, которая явилась къ намъ, по обыкновенію, подъ чадрую. Поправляя ей шальвары, Шамиль сказалъ:

— Пусть ее изрѣжутъ всю, только чтобъ исправили ноги.

— А ты, позволишь ли себя рѣзать, Наджаватъ? спросилъ я у нея: — вѣдь больно будетъ.

— Отецъ приказалъ, значить не будетъ больно, коротко отвѣчала она.

«Да это мюридъ подъ чадрой!» подумая я, принимаясь осматривать ея ноги.

Наджаватъ ходить на оконечностяхъ берцовыхъ костей, заросшихъ довольно толстымъ слоемъ мяса. Пятки ногъ не участвуютъ въ процессъ ходьбы: онѣ тоже вывернуты и только волочатся вслѣдъ за ногами. Берцовыя кости обтянуты довольно грубой кожей, безъ малѣйшихъ признаковъ существованія икоръ, такъ что нога кажется высохшею; но это не должно быть такъ, потому что объемъ костей имѣетъ нормальные размѣры.

Бѣдная дѣвочка хорошо понимаетъ свое несчастіе: печальныя его послѣдствія уже довольно живо представляются ея воображенію въ перспективѣ недалекаго будущаго. Это будущее—замужство горской дѣвушки, которая имѣетъ какой нибудь физическій недостатокъ: обыкновенно, она выходитъ или за молодого дурака, или за какую нибудь старую кислятину, который обрадовался бы еще болѣе, еслибъ его жена была совсѣмъ безъ ногъ.

Выходя изъ комнаты, бѣдная Наджаватъ говорила мнѣ сквозь слезы: «пожалуйста, нельзя ли помочь? пусть совсѣмъ отрѣжутъ мои ноги, только чтобъ этого не было!...» Бѣдная, бѣдная дѣвочка! какъ я тебѣ помогу?

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ пріѣзда семейства Шамиля, домъ нашъ представлялъ собою, въ нѣкоторомъ родѣ, хаосъ: не привыкшіе къ европейскому образу жизни, горцы долго не могли помириться съ условіями нашихъ жилищъ и съ требованіями нашего климата. Сколько мебели переломано ради

испытанія ея прочности и примѣненія къ такому дѣлу, на которое она совсѣмъ не годится! Сколько разнаго рода простудъ и лихорадокъ пріобрѣтено въ самое короткое время, и сколько сдѣлано другихъ промаховъ, измѣнившихъ прежній заманчивый видъ компанъ, а главное — повредившихъ здоровью новопріѣзжихъ!... Наконецъ мало по малу все пришло въ должный порядокъ, и миѣ, какъ представителю нашихъ обычаевъ въ этомъ возрожденномъ Ахульго, торжественно было объявлено: что сизінъ низамъ-валла копъ яхшідръ»—вашъ порядокъ, ей Богу, очень хорошъ: мы будемъ жить по вашимъ обычаямъ....

Замѣтивъ, что въ домѣ все устроилось и всѣ пріѣзжіе осмотрѣлись въ своей новой жизни, Шамиль тотчасъ же приступилъ къ исполненію обѣщанія, даннаго имъ калужскимъ дамамъ еще въ первое время пребыванія нашего въ Калугѣ: познакомить ихъ съ своими женами и дочерьми. И вотъ начались визиты.

Въ одинъ изъ визитныхъ дней, провожая пріѣхавшихъ дамъ по лѣстницѣ въ бель-этажъ, гдѣ устроена пріемная, я увидѣлъ обѣихъ женъ Шамиля, спускавшихся туда же изъ своихъ компанъ въ третьемъ этажѣ и шедшихъ, такимъ образомъ, прямо къ намъ навстрѣчу. Лѣстница, по которой онѣ спускались, очень узка и едва достаточна для движенія одного человѣка, да и то отнюдь не толстаго; слѣдовательно, еслибъ имъ вздумалось, для избѣжанія предстоявшей встрѣчи, возвратиться назадъ, то не иначе могли бы онѣ это сдѣлать, какъ подражая походкѣ рака, котораго Шамиль такъ не любитъ, при чемъ лица ихъ все-таки были бы намъ видны. Столь тѣсныя обстоятельства побудили женъ Шамиля продолжать свой путь, очень храбро откинувъ назадъ покрывала, потому что, въ противномъ случаѣ, онѣ подвергались явной опасности упасть съ лѣстницы, имѣвшей всѣ нужныя для того условія.

Тѣмъ не менѣе, эта вынужденная храбрость должна была уступить передъ непріателемъ болѣе сильнымъ—передъ необходимостію скрыть свои лица отъ приближавшагося мужчины, къ тому же и гяура. Для этого, жены Шамиля съ усиленнымъ напряженіемъ опустили головы внизъ и, продолжая, такимъ образомъ, свое шествіе, открыли другой стратегическій пунктъ — свои костюмы, которые можно было рассмотреть во всей подробности.

И точно, было чему подивиться: не только пышный кринолинъ, но и ни одна самая простая юбка не украшала бѣднѣйшихъ дикарокъ и не возвышала собою прелестей, дарованныхъ имъ природою. Ахалукъ, сорочка и шальвары—вотъ все, что облекало ихъ брѣнное тѣло и что постоянно должно служить для нихъ всеоружіемъ. Плохія средства, и трудно съ ними одержать побѣду надъ столь сильнымъ и коварнымъ врагомъ, какъ мужчина! Впрочемъ, каковъ и мужчина; горцы, напримѣръ, до сихъ поръ не могутъ сообразить значенія и достоинства кринолиновъ. Съ любопытствомъ разсматривая тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ болѣе обширные размѣры, они простодушно спрашиваютъ меня: «неужли *этотъ* дама такой»? и когда получали отрицательный отвѣтъ, то съ прежнею наивностію спрашивали: «а когда *онъ* помретъ, то надѣнетъ ли *это*, чтобы явиться къ Богу?» Я отвѣчалъ, что въ такомъ только случаѣ надѣнетъ, если мы надѣнемъ наши кинжалы, пистолеты и проч. На возраженіе ихъ, что это вѣдь оружіе, я снова отвѣчалъ, что и *это*, въ своемъ родѣ, оружіе, иногда болѣе даже губительное, нежели все холодное и огнестрѣльное. На этомъ и заканчивались подобные разговоры. Горцы видимо оставались не довольны мною за послѣднее сравненіе: кинжалъ и кринолинъ! кринолинъ и пистолетъ! ничего нѣтъ общаго!...

Кромѣ ахалука, сорочки и шальваръ, костюмъ горскихъ женщинъ дополняется большимъ платкомъ на головѣ и красивыми (изъ краснаго сафьяна) чевяками (черёкъ) на ногахъ, до того маленькихъ и стройныхъ, что, мнѣ кажется, ихъ слѣдуетъ причислить къ разряду произведеній природы исключительно кавказской. Къ сожалѣнію, сверхъ чевякъ, надѣваются еще особаго рода чоботы (башмакъ, нѣчто въ родѣ туфель), которые скрадываютъ ногу и безобразятъ самую походку. Эти чоботы очень коротки: едва достаютъ до середины пятки, и снабжены отъѣнно высокими и узкими каблуками, которые, будучи окованы желѣзными подковами, производятъ непомѣрно сильный стукъ. Обувь эта употребляется и мужчинами и женщинами только для ходьбы внѣ жилыхъ комнатъ; при входѣ же въ комнату, чоботы снимаются у порога всѣми, исключая людей, облеченныхъ въ очень высокій санъ. Такимъ образомъ, ихъ не снимаютъ Шамиль и его жены; остальные снимаютъ всѣ.

Костюмъ дамъ, переселившихся изъ Гуниба въ Калугу, давно и хорошо мнѣ извѣстенъ: его носятъ весь мирной Кавказъ и всѣ кавказскія казачки, съ тою только разницею, что у мусульманокъ всѣ принадлежности костюма по большей части оборваны, засажены, грязны, у казачекъ же онѣ опрятны, а въ праздничные дни и щеголеваты; но за то въ нихъ есть маленькій недостатокъ: казачки не носятъ шальваръ, что, впрочемъ, отнюдь не портитъ ихъ костюма, а, напротивъ, дѣлаетъ его если не живописнѣе горскаго, то, по меньшей мѣрѣ, интереснѣе.

Соединеніе щегольства казачекъ съ полнотою костюма горянокъ составляетъ костюмъ женщинъ, принадлежащихъ къ семейству Шамиля. Въ прежнее время, онъ былъ роскошенъ: блестяли на немъ и драгоценные каменья, много мѣста занимали и золотыя украшенія. Теперь ничего этого нѣтъ: все разграблено приверженцами экс-нмама, и лишь нѣсколько русскихъ золотыхъ монетъ въ ожерельяхъ говорятъ объ «удовольствіи», въ которомъ еще такъ недавно жили жены и дочери нашего плѣнника. Съ стоическимъ равнодушіемъ переносили онѣ свое несчастіе, составляющее едва ли не самое большое несчастіе въ жизни женщины, и, въ этомъ случаѣ, онѣ показали себя вполне достойными бывшего повелителя горъ, который, въ свою очередь, представляется мнѣ новымъ Цинциннатомъ, который, окончивъ военныя дѣла своей страны, удалился теперь на ферму.... молиться Богу и читать то, что «написано въ книгахъ».

Недолго, однако, продолжался этотъ стоицизмъ: въ тотъ самый визитный день, о которомъ я началъ было говорить, но, увлекшись костюмомъ горскихъ женщинъ, продолжалъ уже о немъ, — въ этотъ день дамы ахульгинскія замѣтили на нѣкоторыхъ калужскихъ дамахъ брилліанты: этого достаточно было, чтобы вслѣдъ затѣмъ я получалъ ежедневно извѣстія въ родѣ слѣдующаго:

— Шуаннѣтъ и Зейдѣтъ очень убиваются: все плачутъ, все плачутъ.

— О чемъ же онѣ плачутъ? спрашивалъ я.

— Брилліантовъ нѣтъ. Когда жили въ горахъ, у нихъ много было брилліантовъ; а потомъ онѣ лишились всего, и теперь только у Зейдѣтъ есть еще немножко: отъ плѣнныхъ княгинь осталось; а Шуаннѣтъ въ то время ничего не хотѣла брать, и теперь ей очень прискорбно.

— Отчего жъ это ей прискорбно: вѣрно, жалѣеть, что, въ то время, не взяла брилліантовъ?

— Нѣтъ, объ этомъ она не жалѣеть: по ней хоть бы со-всѣмъ ихъ не было; а прискорбно то, что Зейдѣтъ надѣбнетъ свои брилліанты и все ходить и все ходить передъ мужемъ, точно будто дѣло какое есть.... А Шуаннѣтъ этого не осмѣливается сдѣлать, потому что у нея нѣтъ того, что есть у Зейдѣтъ; вотъ она сидитъ и смотритъ на нее, а сама все плачетъ, все плачетъ.

По тщательномъ разслѣдованіи, оказалось, что Шуаннѣтъ плачетъ совсѣмъ не о брилліантахъ, а о болѣзни своей дочери, возбуждающей опасенія относительно порчи глазъ и даже потери зрѣнія.

Обращаясь къ визитному дню, имѣвшему столь сильное вліяніе на участь женскихъ портретовъ.

По заведенному Шамнлемъ этикету, дамы принимаются его женами и дочерьми; самъ же онъ при этомъ не бываетъ, а дожидается въ кунацкой столько времени, сколько необходимо для первыхъ привѣтствій и взаимнаго обозрѣнія. Послѣ того, сопровождаемый сыновьями и переводчикомъ, онъ отправляется въ пріемную, приглашая съ собою и меня. Я, конечно, не позволяю себѣ отказаться отъ такого интереснаго дѣла. О нашемъ приходѣ предваряютъ дамъ заблаговременно. Тогда «наши» дамы опускаютъ свои чадры, роль которыхъ играютъ пестрые фуляровые платки, подобранные подъ большой головной платокъ. Молоденькія же дамы, которыя иногда позабываютъ захватить съ собою фуляры, употребляютъ, въ этомъ случаѣ, подобно Вали-Кызъ, собственную руку, захватывая при этомъ пальцами отиѣнно длинный рукавъ сорочки, что, впрочемъ, выходитъ у нихъ довольно граціозно, хотя немного и странно (*).

(*) Этотъ способъ скрывать свое лицо отъ вѣчнаго взора мужчинъ напоминаетъ мнѣ одинъ изъ кавказскихъ анекдотовъ, который я потому рѣшаюсь привести здѣсь, что, во первыхъ, онъ кавказскій, а во вторыхъ, нѣсколько характеризуетъ ближайшихъ сосѣдокъ даргинскихъ хозяекъ — грбенскихъ казачекъ.

«Въ 1842 году, князь ... проѣзжая по Кавказу, остановился на нѣкоторое время въ станицѣ Червленной, штабъ-квартирѣ извѣстнаго своимъ молодечествомъ Гребенскаго казачьяго полка. Должно быть, у храбрыхъ людей дѣти всегда выходятъ хорошіе: сыновья — молодцы-воины, а доче-

При появленіи Шамиля, дамы подъ чадрами встаютъ, отдава этимъ повелителю своему честь, которою горскія женщины обязаны каждому мужчинѣ (конечно, горцу), во всякое время и на всякомъ мѣстѣ: стоя, сидя или путешествуя, не только по образу пѣшаго хожденія, но и въ экипажѣ (*). Это нѣсколько напо-

ри — красавицы. Такъ, по крайней мѣрѣ, идетъ это дѣло въ Гребенскомъ полку, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, казаки его славятся своею храбростію, а гребенскія казачки, и въ особенности червленскія, извѣстны своею красотою. Не знаю, до какой степени эта послѣдняя извѣстность распространена за предѣлами Кавказа; но въ предѣлахъ его красота червленскихъ казачекъ чуть ли не вошла въ поговорку. Служь о ней дошелъ и до князя, который до того былъ этимъ заинтересованъ, что выразилъ желаніе лично удостовѣриться въ существованіи столь знаменательнаго факта. Тотчасъ же былъ устроенъ праздникъ, на который сошлись всѣ червленскія красавицы, окончательно убѣдившія князя въ справедливости того, что о нихъ говорили.

Проходя мимо многочисленныхъ хороводовъ, князь остановился возлѣ того, который, окончивъ свое занятіе—пѣсни, мимоходомъ сказать, крѣпко нестройныя, предавался кратковременному отдыху, разнообразя его щелканіемъ арбузныхъ сѣмечекъ, шелуха которыхъ, въ станицахъ Гребенскаго полка, играетъ нѣкоторымъ образомъ роль булыжника и торца. Въ этомъ хороводѣ, одна фizioномія показала князю перломъ всего, что онъ до сихъ поръ видѣлъ. Дѣйствительно, лицо это было замѣчательной красоты, невольно возбуждавшей желаніе услышать голосъ обладательницы ея. Предметъ для разговора съискать нетрудно: первое, что невольно бросается въ глаза, это—особенное однообразіе въ костюмѣ, которое не дѣлаетъ различія между замуженю женщиною и дѣвушкою. Эту самую тему избралъ князь, чтобы поговорить съ персоною, которая его такъ заинтересовала.

— Ты замужешь, милая? спросилъ онъ, подойдя къ красавицѣ и взявъ ее за подбородокъ.

Красавица стояла точно въ такой позѣ, въ которой изрѣдка встрѣчаютъ насъ, въ пріемной Шамиля, молодыя горянки (кромѣ Амивнать). Щелкая сѣмечки, она очень ловко вылевывала изъ-за спустившагося рукава рубашки шелуху, повремениамъ попадавшую въ ту самую фizioномію, которой она желала выказать свое расположеніе.

Въ отвѣтъ на предложенный ей вопросъ, червленская роза ударила своею рукою по рукѣ княжеской и протяжно произнесла:

— А тебѣ на што, дья-а-вожь?...»

Это убѣдило князя, что гребенскія казачки не только хороши, какъ женщины, но и храбры, какъ сами казаки.

(*) У горцевъ, только одинъ родъ экипажа—двухколесная арба, везомая двумя быками, никогда не подмазывается и потому нестерпимо скрипучая. Сидя въ этомъ «экипажѣ» и завидя мужчину, женщина должна встать и въ такомъ парадѣ пробѣжать мимо его. Та, которая этого не сдѣлаетъ, докажетъ, что не имѣетъ о приличіяхъ ни малѣйшаго понятія, и вслѣдствіе того подвергается въ своей деревнѣ насмѣшкамъ и даже гонимію.

минаетъ честь, которую отдаютъ дѣвцы кофейнаго класса, при встрѣчѣхъ съ *demoiselles blanches*.... Шамиль привѣтствуетъ гостей, прикладывая руку къ сердцу, потомъ благодарить ихъ за вниманіе къ его семейству и извиняется за бѣдный приѣмъ, въ духѣ его страны. Послѣ того онъ снова дѣлаетъ прежній жестъ и, пожелавъ своимъ гостямъ «веселиться», уходитъ изъ приемной, оставляя дамъ на попеченіе хозяекъ, которыя и бесѣдуютъ съ ними при посредствѣ Шуаннать, объясняющей по русски, какъ говорить, довольно свободно.

Въ тотъ день, о которомъ идетъ моя рѣчь, Шамиль былъ веселъ и разговорчивъ болѣе, нежели когда нибудь, что, конечно, слѣдовало приписать удовольствію, которое онъ чувствовалъ, видя въ своемъ домѣ столь многочисленное общество дамъ. Высказывая передъ ними это самое чувство, онъ просилъ извиненія въ томъ, что жены его не могутъ заплатить визитовъ, которыми ихъ удостили.

— Въ книгахъ написано, говорилъ онъ: — что женщина (онъ позабылъ прибавить: «мусульманка») не должна выходить изъ своего дома ни на одинъ шагъ....

Говоря это, Шамиль чуть замѣтно улыбался; но еще труднѣе было замѣтить въ этой улыбкѣ иронию, впрочемъ, самую добродушную, которая какъ будто говорила: «а вы вотъ ѣздите себѣ куда вздумается!...»

— Я очень жалѣю, продолжалъ онъ: — что за вниманіе, которое оказываетъ здѣшнее общество мнѣ и моему семейству, я долженъ платить невѣжливостію; но я въ этомъ не виноватъ; такъ написано въ книгахъ, а я только исполняю законъ, отъ себя же ничего не прибавляю....

Шамиль видимо сокрушался; но любезность калужскихъ дамъ ободрила его: услышавъ, что на его и на его женъ никто не будетъ въ претензіи, потому что строгость мусульманскаго закона относительно женщинъ извѣстна всѣмъ, Шамиль казался чрезвычайно довольнымъ и въ послѣдствіи, когда мы оставили приемную, выразилъ одушевлявшее его чувство желаніемъ отиравиться самому.... платить визитные долги женѣ. Какъ оригинальна подобная идея, но нельзя отказать ей въ смыслѣ, выражающемъ какой-то инстинктъ, чтобы же сказать: тактъ....

Въ то время, когда Шамиль повтерялъ дамамъ свою благодарность за ихъ вниманіе и, прощаясь съ ними обычнымъ жестомъ, хотѣлъ уже оставить комнату, гости остановили его общаю просьбою: во первыхъ, позволить имъ навѣстить его женъ еще когда нибудь; а во вторыхъ, позволить снять съ нихъ портреты.

На первый пунктъ, Шамиль объяснилъ, что чѣмъ чаще онѣ будутъ посѣщать его семейство, тѣмъ будетъ для него пріятнѣе, и что каждое посѣщеніе онъ будетъ считать особеннымъ знакомъ расположенія къ нему общества.

Но послѣдняя просьба застала Шамиля врасплохъ: онъ, просто, былъ ошеломленъ ею, никакъ не ожидая, чтобы сегодняшняя его любезность была до такой степени употреблена во зло. Замѣтно сконфуженный, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Въ книгахъ написано, сказалъ онъ: — что ни одинъ человѣкъ не долженъ видѣть нашихъ женщинъ. Чтобы снять съ нихъ портреты, нужно, чтобъ онѣ открыли свои лица: какже вы хотите, чтобъ я нарушилъ законъ?...

Новыя усиленные просьбы привели Шамиля къ тому состоянію полководца на полѣ сраженія, когда, замѣтивъ неминуемость побѣды своего противника, онъ рѣшается сдѣлать одинъ маневръ, который долженъ или спасти честь его арміи, или послужить къ окончательному ея истребленію. Лукавая улыбка, мелькнувшая на умномъ лицѣ бывшаго предводителя горцевъ, ясно говорила, что онъ собирается сдѣлать именно такой маневръ и что даже надѣется не только спасти свою армію, но и въ-пукъ разбить непріятеля.

— Хорошо, сказалъ онъ: — я не могу не исполнить желанія тѣхъ, которые такъ много оказали мнѣ дружескаго расположенія: я позволяю снять портреты съ моихъ женъ и дочерей, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы снимала ихъ женщина.

Блеставшее удовольствіемъ лицо и яркій огонь въ глазахъ краснорѣчиво говорили, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ дѣйствительности своего маневра. Бѣдный Шамиль! твои теперешніе разсудки такъ же мало оправдали твои ожиданія, какъ и тѣ, которыми побудили тебя идти въ Гунибъ.

Для черезъ два, Шамиль пилъ у меня вечеромъ чай. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, я представилъ ему жену одного

изъ здѣшнихъ фотографовъ, вызвавшуюся снять съ нашихъ дамъ портреты, и просилъ назначить день, въ который можно будетъ явиться къ этому дѣлу.

Шамиль былъ сильно озадаченъ. Съ великимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ онъ на женщину-фотографа, не отвѣчая ничего въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Развѣ это мастеръ (устà)?

— Мастеръ, отвѣчалъ я.

Онъ посмотрѣлъ на «мастера» еще разъ. Не было сомнѣнія, что до сихъ поръ онъ считалъ женщину положительно не способною къ чему нибудь изящному, къ чему нибудь иному, кромѣ домашняго хозяйства и обыкновенныхъ женскихъ работъ, а на этомъ основаніи вполне былъ убѣжденъ, что къ исполненію обѣщанія, даннаго имъ два дня назадъ, не будетъ никакой физической возможности. Теперь пришло время убѣдиться въ противномъ. Съ глубокимъ вздохомъ, обличавшимъ чувство обманутой надежды, Шамиль сказалъ:

— Хорошо: завтра....

И вотъ исторія портретовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Шамиль получилъ съ Кавказа портретъ Шуаннàтъ, которымъ, весьма естественно, думали сдѣлать ему удовольствіе. Первое впечатлѣніе, при взглядѣ на черты любимой женщины, выразилось у него одинаковымъ образомъ, какъ выразилось бы у каждаго изъ насъ; но вслѣдъ за тѣмъ онъ сказалъ: «лучше бъ я увидѣлъ ея голову, снятую съ плечъ!...»

Эти слова и теперешнее рѣшеніе насчетъ «завтрашняго дня» свидѣтельствуютъ о переломѣ, который совершается въ умѣ Шамиля относительно прежнихъ его воззрѣній на свѣтъ и людей: на міръ христіанскій, на Божій міръ и на тотъ миниатюрный, даже не-мусульманскій, въ который онъ добровольно себя заключилъ, толкуя одностороннимъ образомъ тѣ догматы своей религіи и темныя мѣста своихъ книгъ, которыя еще вначалѣ были искажены авторами ихъ.

Переломъ этотъ возбужденъ въ особенности великодушіемъ и симпатіею, которыя Шамиль встрѣтилъ на всемъ пути своемъ отъ Гуниба до Петербурга и отъ Петербурга до Калуги. Нѣтъ сомнѣнія, что пріемъ, сдѣланный ему калужскимъ обществомъ,

и полное уваженія сочувствіе, которымъ оно постоянно его даритъ, сдѣлаютъ все остальное, чего только можно ожидать отъ пребыванія плѣнника въ Калугѣ, именно: приобрѣтутъ для нашего отечества нѣсколько очень способныхъ и, стало быть, полезныхъ гражданъ. Честь этого дѣла будетъ принадлежать Калугѣ и калужскому обществу.

А. РУНОВСКІЙ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Морской Сборникъ». №№ 1, 2 и 3.

Въ жизни каждаго государства, въ его прошедшей политической судьбѣ и современномъ положеніи, всегда заключаются многія обстоятельства, которыя болѣе или менѣе обуславливаютъ собою развитіе вооруженныхъ силъ этого государства и указываютъ, на чемъ преимущественно должно быть сосредоточено его вниманіе,—на усиленіи ли сухопутныхъ, или морскихъ силъ. Такъ, Россія, отчасти вслѣдствіе своего прошедшаго, отчасти же и по настоящему своему континентальному положенію, всегда, вслѣдствіе прямой необходимости, преимущественно развивала только свои сухопутныя военныя силы; морскія же силы ея были какъ бы только чѣмъ-то придаточнымъ. Причины тому, очевидно, заключались въ неудобствахъ для плаванія въ моряхъ, омывающихъ Россію, а болѣе всего въ слабомъ развитіи у насъ торговаго мореплаванія, которое всегда служитъ главнымъ подспорьемъ для флота военнаго. Вслѣдствіе того и самое общество наше какъ-то мало обращало вниманія на морское дѣло. Сухопутными войсками постоянно всѣ интересовались, болѣе или менѣе знали ихъ устройство, организацію, составъ, численность; морскія же силы были совершенно закрыты отъ общест-

веннаго вниманія завѣсою, непроницаемость которой еще болѣе усиливалась совершенно чуждою и непонятною для Русскихъ морскою терминологіею. Правда, повременамъ флотъ нашъ, такъ сказать, напоминалъ о себѣ обществу своими громкими побѣдами; но такъ какъ побѣдъ этихъ, сравнительно съ успѣхами сухопутныхъ войскъ, было весьма мало, то весьма естественно, что общество увлекалось имъ лишь навремя и потомъ забывало ихъ подъ гулъ новыхъ блестящихъ дѣйствій на сухомъ пути. Оттого-то постоянно героемъ, или, лучше сказать, представителемъ собственно русской вооруженной силы, всегда служилъ нашъ сухопутный солдатъ.

Но вотъ послѣдняя война совершенно измѣнила эти понятія. Слава, которою покрыли себя наши моряки подъ Синопомъ и въ Севастополѣ, обратила на нихъ всеобщее вниманіе; моряки стали героями времени и затмили собою сухопутныя войска. Вслѣдствіе того, все относящееся до морскаго вѣдомства стало сильно интересоваться наше общество, а гласность, съ которою стали дѣйствовать въ этомъ вѣдомствѣ, еще болѣе привлекла къ нему всеобщее вниманіе. Почти въ то же время явились и другія обстоятельства, которыя придали весьма важное значеніе русскому флоту. Восточная война показала, что морскія силы государства могутъ приносить чрезвычайную пользу не только однимъ господствомъ на моряхъ, но и тѣмъ содѣйствіемъ, которое онѣ, въ случаѣ войны, въ состояніи оказывать сухопутнымъ арміямъ, особенно же при преимущественномъ развитіи пароваго флота.

Въ то же время, введеніе во флотахъ паровой силы нѣсколько освободило ихъ изъ прежней зависимости отъ торговаго флота. Прежде развитіе морскихъ силъ было стѣсняемо тѣмъ, что невозможно было имѣть въ достаточномъ числѣ хорошихъ матросовъ для большаго числа кораблей; со введеніемъ же паровыхъ судовъ, потребность въ хорошихъ матросахъ значительно ослабѣла. Для флота преимущественно оказываются нужными лишь хорошіе машинисты, искусные артиллеристы да опытные, хорошо знающіе свое дѣло офицеры. Такимъ образомъ, при этихъ условіяхъ, даже и держава по преимуществу континентальная, можетъ имѣть значительный флотъ, если только находитъ въ немъ надобность и если у ней имѣются для того достаточныя финансовыя средства.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, наши морскія силы, послѣ окончанія Восточной войны, обратили на себя особенное вни-

маніе правительства; заведеніе въ ихъ составѣ паровыхъ судовъ вызвало въ Морскомъ Министерствѣ особенно усиленную дѣятельность, которая, благодаря «Морскому Сборнику», дѣлается, на сколько это возможно, извѣстною обществу. Каждая же новая мѣра, принятая для усиленія нашего пароваго флота, каждый новый фактъ, показывающій мѣру этого усиленія, встрѣчаются сочувствіемъ нашего общества и сильно его интересуютъ. Сочувствіе же это къ морскому вѣдомству по всей справедливости вполне уважительно, такъ какъ дѣятельность его по заведенію паровыхъ судовъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Дѣйствительно, не такъ давно еще было то время, когда у насъ, строго говоря, вовсе не было пароваго флота, и только въ послѣднія 5 лѣтъ сдѣланы по этой части замѣчательные успѣхи. Еще лѣтомъ прошлаго года происходилъ на кронштадтскомъ рейдѣ русскому паровому флоту первый большой смотръ, на которомъ находилось 21 судно, по большей части винтовыя. Теперь, въ одномъ изъ разсматриваемыхъ нами нумеровъ «Морскаго Сборника», № 2, мы находимъ новыя данныя, дающія нѣкоторое понятіе о существующемъ у насъ паровомъ флотѣ. Это именно помещенныя въ оффиціальномъ отдѣлѣ: 1) вѣдомость о суммахъ, выданныхъ изъ Коммиссаріатскаго департамента Морскаго Министерства гг. командирамъ судовъ, для удовлетворенія командъ, за заслуженную провизію, въ кампанію 1859 года, и 2) списокъ судамъ русскаго военнаго флота, находящимся въ заграничномъ плаваніи, за январь 1860 года. Въ первой вѣдомости показано болѣе 130 судовъ, изъ которыхъ 6 линейныхъ кораблей, 9 фрегатовъ и 72 винтовыя лодки, не считая разныхъ другихъ судовъ. Вѣдомость эта достаточно показываетъ, что суда наши не остаются разгруженными въ портахъ, а несутъ дѣйствительную службу, которая крайне необходима во флотѣ для практическаго обученія командъ. Но еще болѣе въ этомъ удостовѣряетъ второй списокъ судамъ, находившимся, въ январѣ мѣсяцѣ, въ дальнемъ плаваніи. Изъ этого списка видно, что въ дальнемъ плаваніи находилось двадцать паровыхъ судовъ различныхъ ранговъ, съ машинами отъ 90 до 500 силъ и съ вооруженіемъ отъ 4 до 81 орудій, такъ что всѣ двадцать судовъ представляютъ итогъ въ 361 орудіе и 4,660 силъ. Весьма замѣчательно, что изъ этихъ судовъ всего только семь находилось у береговъ Европы, а остальные—тринадцать, около береговъ Азіи и Америки. На всѣхъ двадцати судахъ состояло командъ: 274 офицера и 4,394 ниж-

нихъ чиновъ, такъ что одинъ офицеръ приходился всего на 16 нижнихъ чиновъ. Уже одно это значительное число офицеровъ показываетъ вполнѣ, что цѣль этихъ дальнихъ плаваній заключается именно въ возможно лучшемъ практическомъ образованіи морскихъ офицеровъ, которые, въ случаѣ употребленія флота для военныхъ дѣйствій, должны составлять главную основу его.

Единоновременно съ усиленіемъ дѣятельности нашего Морского Министерства по заведенію паровыхъ судовъ, приняты были самыя дѣятельныя мѣры для возможно лучшаго образованія морскихъ офицеровъ, и опять-таки для этого избранъ наилучшій путь — путь гласнаго обсужденія этого вопроса. Въ этихъ видахъ, «Морской Сборникъ» неоднократно помѣщалъ на своихъ страницахъ статьи, касающіяся воспитанія вообще и морскаго въ особенности. Къ числу подобныхъ статей, въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ, должна быть отнесена статья знаменитаго нашего педагога и хирурга Н. И. Пирогова: «Школа и жизнь», а равно и сообщенныя адмираломъ графомъ Путятинымъ «Соображенія объ устройствѣ морскаго воспитанія въ Россіи, на новыхъ началахъ (*)». Последнія заключаютъ полный планъ новаго морскаго образованія. «Главная забота при составленіи его (плана) — говоритъ авторъ соображеній — была въ томъ, чтобы имѣть средства приготовить такихъ морскихъ офицеровъ, которые были бы вполнѣ удовлетворительны какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ морскаго искусства, любили бы море и не скучали жизнью на немъ, которые, въ то же время, были бы людьми вѣрующими и для сего просвѣщаемыми истинами религіи съ перваго приступленія къ обученію до окончанія онаго, вполнѣ нравственными и для сего руководимыми не только въ первые годы юности, но и въ послѣдующіе, болѣе пылкіе, наконецъ людьми вообще образованными, уважаемыми въ обществѣ по личному достоинству и не отставшими отъ родственныхъ чувствъ и связей. Главныя черты предлагаемаго плана заключаются въ томъ, чтобы принимать въ Морской корпусъ мальчиковъ отъ 14 до 16-лѣтняго возраста, получившихъ уже общее образованіе въ до-

(*) Составленное на основаніи этихъ соображеній новое положеніе о морскихъ учебныхъ заведеніяхъ удостоилось, какъ видно изъ отчета директора канцеляріи Морскаго Министерства за 1859 годъ («Морской Сборникъ», № 3), Высочайшаго утвержденія, и затѣмъ приступлено уже къ составленію проекта подробнаго устава морскихъ учебныхъ заведеній, программъ и штатовъ.

нахъ родительскихъ, гимназіяхъ и другихъ училищахъ. Самый курсъ въ заведеніи раздѣляется на три отдѣленія: первое, теоретическое, продолжается два года и заключается въ классныхъ занятіяхъ и четырехъ-мѣсячномъ плаваніи на учебномъ суднѣ въ Балтійскомъ морѣ; затѣмъ, выдержавъ экзаменъ, воспитанники перенменовываются въ гардемарины и отправляются на учебномъ же суднѣ въ заграничное плаваніе на два года, съ морскими преподавателями, духовнымъ магистромъ-священникомъ и учителями французскаго и англійскаго языковъ. Наконецъ, по возвращеніи изъ заграничнаго плаванія, гардемарины поступаютъ въ высшее отдѣленіе курса, соотвѣтствующее теперешнимъ офицерскимъ классамъ, и, прослушавъ въ немъ лекціи два года, держать экзаменъ на первый офицерскій чинъ и, сдѣлавъ потомъ въ этомъ чинѣ двѣ шести-мѣсячныя кампаніи, производятся на вакансіи въ лейтенанты, при чемъ право старшинства опредѣляется экзаменнымъ спискомъ. При этомъ имѣлось въ виду, «чтобы воспитываемые», какъ говоритъ авторъ соображеній, оканчивали свое образованіе хотя и позже, но въ дальнѣйшемъ производствѣ по службѣ не теряли бы противъ тѣхъ, которые избираютъ для себя другія служебныя поприща. Но намъ кажется, что преимущество, назначаемое по предлагаемому плану для кончившихъ полный курсъ наукъ, все жъ таки еще недостаточно открываетъ карьеру для морскаго офицера, что особенно будетъ чувствительно на первыхъ порахъ по преобразованіи морскаго воспитанія на новыхъ началахъ. Получивши лейтенанта, офицеръ, кончившій полный курсъ, останавливается въ своемъ дальнѣйшемъ производствѣ и уравнивается съ тѣми, которые по образованію могутъ стоять ниже его, а, между тѣмъ, тѣ должности, которыя онъ можетъ занять по своему чину, слишкомъ еще незначительны для того, чтобъ въ нихъ онъ могъ выказать свои способности и познанія. Оттого въ лейтенантскомъ чинѣ онъ можетъ значительно потерять сравнительно съ тѣми, которые избрали для себя другія служебныя поприща, и оттого-то казалось бы необходимымъ и даже справедливымъ сокращать для кончившихъ курсъ и срокъ выслуги въ лейтенантскомъ чинѣ, производя ихъ въ капитанъ-лейтенанты уже не по вакансіи, а опять-таки за опредѣленное число сдѣланныхъ морскихъ кампаній.

Черезъ это молодымъ, дѣйствительно образованнымъ и, притомъ, пріобрѣтшимъ нѣкотораго рода опытность людямъ дали

бы больше возможности скорѣе приблизиться къ штабъ-офицерскому чину, который бы уже открывалъ для нихъ болѣе обширный кругъ дѣйствій, а въ то же время замедляли бы достиженіе этого чина людямъ, менѣе образованнымъ и менѣе полезнымъ для флота.

Говоря о преобразованіяхъ, совершаемыхъ въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ, никакъ нельзя умолчать о послѣдовавшемъ, въ нынѣшнемъ году, коренномъ преобразованіи административныхъ его учреждений на совершенно новыхъ началахъ и основаніяхъ. Прежде существовавшія учреждения, по словамъ официальной статьи «Морскаго Сборника», № 3: «О преобразованіи административныхъ учреждений морскаго вѣдомства», имѣли слѣдующіе главнѣйшіе недостатки:

«1) Административныя учрежденія были вообще слишкомъ многочисленны и заключали въ себѣ слишкомъ большое число служащихъ.

«2) Въ морскомъ управленіи замѣчалась излишняя централизація, вслѣдствіе коей мѣстные портовые и второстепенные начальники въ самомъ министерствѣ, имѣя сами мало власти, принуждены были обращаться, по маловажнымъ дѣламъ, за разрѣшеніемъ къ высшему начальству.

«3) Сіе послѣднее, не имѣя возможности обсудить и разсмотрѣть въ подробности всѣ подобныя представленія, большею частію только покрывало своимъ утвержденіемъ распоряженія подчиненныхъ и слагало съ нихъ отвѣтственность.

«4) Отвѣтственность разныхъ начальниковъ уничтожалась еще существованіемъ многочисленныхъ коллегіальныхъ учреждений, которыя были, въ сущности, только пустою формальностію.

«5) Отъ всего вышenezложеннаго происходила огромная письменная работа, которая, принося службѣ положительный вредъ, требовала большаго числа чиновниковъ и писарей.

«6) Количество этой работы увеличивалось еще болѣе отъ многосложныхъ канцелярскихъ формъ и обрядовъ.

«7) По недостатку денежныхъ средствъ, служащіе получали большею частію самое ограниченное содержаніе, и оттого начальствующія лица затруднялись пріисканіемъ людей способныхъ и надежныхъ и вынуждены были довольствоваться тѣми, которые соглашались идти на большую безплодную работу за небольшое жалованье.

«8) При такихъ обстоятельствахъ, невозможно было требовать отъ подчиненныхъ настоящей дѣльной работы, которая приносила бы дѣйствительную пользу, и вмѣсто такой работы являлась часто только канцелярская отписка.

«9) Иалившая централизація и привлеченіе въ петербургскіи административныя учрежденія (департаменты) множества дѣлъ, которыя не дозволялось разрѣшать мѣстными учрежденіями, обращали эти департаменты въ какія-то начальствующія инстанціи не только надъ портовыми начальствами, но и надъ самымъ флотомъ, надъ командирами судовъ и флагманами. Отъ произвола департаментовъ часто зависѣло удовлетвореніе надобностей этихъ лицъ, и потому лица сіи становились какъ бы подчиненными департаментовъ.»

Желая устранить всѣ эти недостатки, высшее морское начальство сперва дѣйствовало отдѣльными, частными улучшеніями и измѣненіями, но потомъ убѣдилось въ необходимости полнаго преобразованія не только высшихъ административныхъ учреждений морскаго вѣдомства, но особенно учреждений портовыхъ, которыя существуютъ на основаніи старыхъ штатовъ и руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ еще регламентомъ 1722 года, нѣкоторыми позднѣйшими повелѣніями и распоряженіями, а болѣе всего просто обычаемъ. Въдѣствие того составлены и Высочайше утверждены проекты общаго образованія управленія морскимъ вѣдомствомъ и управленія портоваго, которые изданы уже, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, первый съ 1 марта, а второй съ 1 апрѣля настоящаго года.

Не входя въ подробности новаго учрежденія, скажемъ только, что, на основаніи его, управленіе морскимъ вѣдомствомъ сосредоточено въ лицѣ Генераль-Адмирала, который есть главный начальникъ флота и Морскаго Министерства и управляетъ онымъ послѣднимъ на правахъ министра. Подъ главнымъ начальствомъ и руководствомъ Генераль-Адмирала, Морскимъ Министерствомъ завѣдуетъ управляющій онымъ, при чемъ вѣднію управляющаго отдана вся хозяйственная часть морскаго вѣдомства. Генераль же Адмиралъ управляетъ непосредственно флотомъ, т. е. личнымъ составомъ онаго, всею строевою и распорядительною частію и движеніями флота. Въ составъ Морскаго Министерства входятъ слѣдующія части: Адмиралтействъ-Советъ, Морской Генераль-Аудиторіатъ; четыре департамента: Инспекторскій, Кораблестроительный, Коммиссаріатскій и Гид-

пографическій; два комитета: Кораблестроительный Технический и Морской Ученый; три управления: артиллерійское, медицинское и строительное, наконецъ общія для всего министерства казначейство, архивъ и типографія. Затѣмъ многія учрежденія, признанныя бесполезными, упразднены, какъ-то: общія присутствія въ департаментахъ, черноморская ревизіонная коммиссія и черноморское интендантство; права, какъ управляющаго Морскимъ Министерствомъ, такъ и директоровъ и равныхъ съ ними лицъ во многомъ увеличены; наконецъ дѣльные десятки нынѣшнихъ должностей упразднены и огромное число чиновниковъ замѣнено, сообразно дѣйствительной надобности, небольшимъ числомъ производителей дѣлъ, а «дабы эти дѣлопроизводители — сказано въ официальной статьѣ — были люди способные и надежные, начальствующимъ лицамъ доставлена большая возможность приглашать на службу такихъ людей тѣмъ, что увеличено нынѣшнее содержаніе служащихъ». Дѣйствительно, оклады дѣлопроизводителямъ простираются отъ 2,800 до 1,500 руб. сер., а помощники ихъ наименьшіе оклады имѣютъ въ 1,200 р. серебромъ.

Что касается до портового управленія, то всѣ порты имперіи раздѣлены, по степени важности своей въ морскомъ военномъ отношеніи: на два разряда: 1) порты главные и 2) порты втораго разряда. Къ первымъ относятся: Кронштадтъ, Архангельскъ, Николаевскъ, Астрахань и Николаевъ; въ нихъ же причислеть, на особомъ положеніи, и С.-Петербургъ. Въ нихъ, кромѣ С.-Петербурга, полагаются главные командиры портовъ, помощники египоткантанъ надъ портомъ, и нѣсколько отдѣльных коммиссій. Къ портамъ втораго разряда относятся, во первыхъ: Свеаборгъ, Ревель и Севастополь, имѣющіе командировъ портовъ, и, во вторыхъ, Баму, Астрабадъ, Петровскъ, Константиновскій, Сухумъ-Кале и Поти, управляемые начальниками станцій. Кругъ дѣствій вообще всѣхъ портовыхъ начальниковъ значительно увеличенъ противъ прежняго.

Вмѣстѣ со введеніемъ новаго положенія морскаго и портового управленія, явилась необходимость составить новые штаты, какъ для главныхъ учрежденій Морскаго Министерства, такъ и для мѣстныхъ управленій въ портахъ, что и приводится въ исполненіе въ настоящее время. При этомъ нельзя не обратить вниманія на тѣ главные основанія, которыя имѣлись въ виду при составленіи этихъ штатовъ. Они такъ новы еще у насъ, что не

можемъ удержаться, чтобы не обратить на нихъ вниманія читателей «Военнаго Сборника».

«При составленіи новыхъ штатовъ—говорить официальная статья—«имѣлось въ виду: съ одной стороны, устранять недостатки и несообразности, а съ другой—достигнуть слѣдующихъ главнѣйшихъ цѣлей:

«1) Назначить только то число служащихъ, какое дѣйствительно необходимо для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей.

«2) Определить должностнымъ лицамъ такое содержаніе, которое, при нынѣшней повсемѣстной дороговизнѣ на все вообще жизненные потребности, доставило бы имъ возможность жить безбѣдно, хотя весьма скромно, сообразно служебному положенію cadaго.

«3) Не стѣснять начальниковъ назначеніемъ имъ по штату извѣстнаго числа писарей или канцелярскихъ служителей, чертежниковъ, вахтеровъ и проч., но, опредѣливъ для этого извѣстную сумму, предоставить имъ право нанимать большее или меньшее число этихъ лицъ, смотря по надобности и по способностямъ ихъ.

«и 4) Доставить начальникамъ возможность, по собственному усмотрѣнію, награждать подчиненныхъ, увеличивая содержаніе наиболѣе способныхъ и достойныхъ, и тѣмъ сохранять ихъ долѣе на службѣ. Для сего назначена въ распоряженіе директоровъ и другихъ отдѣльныхъ начальниковъ особая, впрочемъ, весьма небольшая, сумма на усиленіе средствъ вѣрбленныхъ имъ учреждений. При крайне ограниченномъ числѣ штатныхъ чиновъ, казалось необходимымъ предоставить директорамъ департаментовъ и равнымъ съ ними лицамъ право опредѣлять сверхъ штата на службу нѣсколько лицъ изъ кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для приготовленія къ занятію могущихъ открыться вакансій и для замѣны штатныхъ чиновъ въ случаѣ болѣзни или отпуска. Число сверхштатныхъ чиновъ опредѣлялось крайнею необходимостію и размѣромъ суммы на усиленіе средствъ учрежденія, которая должна покрывать издержки на ихъ содержаніе.»

Въ заключеніе о вводимомъ морскомъ управленіи, намъ остается прибавить, что начала, принятые при составленіи вообще новаго положенія, признаны за наилучшія уже во многихъ западныхъ государствахъ; желательно, чтобы и у насъ они бы-

блений, которыя, въ иностранныхъ военныхъ портахъ, столь значительно, составляютъ главнѣйшее средство къ уменьшенію числа необходимыхъ рабочихъ рукъ. По мѣрѣ введенія этихъ вспомогательныхъ средствъ, возможно будетъ значительно уменьшить число мастеровыхъ и тѣмъ сократить расходъ на ихъ содержаніе».

Слѣдовательно, очевиднымъ результатомъ новаго положенія является улучшеніе самаго производства постройки военныхъ судовъ и еще сокращеніе казенныхъ расходовъ; сверхъ того, образованіе и введеніе при адмиралтействахъ казенныхъ мастеровыхъ непременно должно современемъ оказать свое благотворительное вліяніе и на самое наше частное судостроеніе. Остается только желать, чтобы эта вполне полезная и обильная по своимъ послѣдствіямъ мѣра нашла возможно скорѣйшее исполненіе, въ достаточно обширныхъ размѣрахъ.

Въ разсматриваемыхъ нами трехъ первыхъ номерахъ, за нынѣшній годъ, «Морскаго Сборника», кромѣ нѣсколькихъ статей чисто специальныхъ или же нѣблизкихъ цѣлью ознакомленіе съ разными, преимущественно пенсіонными, положеніями нѣкоторыхъ государствъ западной Европы (Франціи, Голландіи, Англіи и Швеціи), особенный интересъ представляютъ слѣдующія статьи: «Изъ записокъ офицера, служившаго на фрегатѣ Аврора», лейтенанта Фесуна. «Морское судопроизводство во Франціи», дѣйствительнаго статскаго совѣтника Глѣбова (продолженіе). «Англійское морское управленіе» и «Пруссія, какъ морское государство», В. Хитрово. «Бухгалтерія въ приложеніяхъ къ государственнымъ оборотамъ», его же. «Корабль Ретвизанъ» (продолженіе), Д. Григоровича. «Очистка Севастопольской бухты», лейтенанта Павловскаго. Очень подробное и интересное описаніе «Гриничскаго королевскаго морскаго навигаціоннаго дома», Н. И. «Русскій торговый флотъ, въ особенности балтійскій, его состояніе и будущность», Вольтдемара, «О назначеніи гимназій въ системѣ народнаго образованія и объ учебномъ ихъ курсѣ», барона А. Николан, и, наконецъ, двѣ переводныя статьи, касающіяся морскихъ смѣтъ Англіи и участія французскаго флота въ Итальянской войнѣ. Первая изъ этихъ статей, лейтенанта Фесуна, вызванная статью «*Revue des Deux Mondes*»: «*L'Expédition de Petropavlosk*», Эдуарда Гайли (*), представляетъ необыкновенно любопытныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ во время по-

(*) Самая статья Эдуарда Гайли переведена въ № 2 «Морскаго Сборника».

сладкой войны англо-французской эскадры въ Восточномъ океанѣ, а равно и о надвѣвшей въ свое время столько шума зашитѣ Русскими Петропавловска.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ распространяться о многихъ изъ названныхъ нами статей; но мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать изъ статьи г. В. Хитрово: «Англійское морское управленіе», нѣсколькихъ строкъ о производствѣ въ Англіи заготовки необходимыхъ для флота матеріаловъ и припасовъ.

«Прямодетство торговъ на какойнибудь предметъ дѣлается совершенно ничто, чѣмъ въ Россіи, и оно, по моему мнѣнію — повороти г. Хитрово — служить также важнымъ ручательствомъ за доброту исполненія подряда. Возьмемъ, примѣрно, торги на заготовку хлѣба въ зернѣ и постараемся объяснить весь ходъ оныхъ.

«Черезъ печатныя объявленія вызываютъ желающихъ взять на себя поставку извѣстнаго количества хлѣба въ зернѣ (*); при этомъ прибавляютъ, что желающіе должны принести или сами, или чрезъ своихъ поверенныхъ въ *somerset-house*, въ означенный домъ и часъ, какъ обрачки предлагаемаго ими хлѣба, такъ и цѣны, въ запечатанныхъ конвертахъ.

«Когда къ назначенному времени явятся желающіе, то низшіе чиновники раскладываютъ въ особой залѣ обрачки на отдѣльныхъ тарелкахъ; затѣмъ особо назначаемый экспертъ внимательно осматриваетъ обрачки и сравниваетъ ихъ съ тѣмъ мѣшкомъ, изъ котораго оныя были взяты и который находится тутъ же, отмѣченный номеромъ запечатаннаго съ цѣною конверта; экспертъ выкладываетъ доскутти бѣлой бумаги въ тѣ мѣшки, которые, по его мнѣнію, не годятся. Затѣмъ входитъ коммиссія, состоящая изъ младшаго лорда, заведывающаго снабженіемъ флота, изъ главнаго отчетнаго чиновника (*accountant general*) и главнаго хранителя магазиновъ (*store keeper general*), и спрашиваетъ у эксперта его мнѣніе о выставленныхъ обрачкахъ и не превосходятъ ли какойнибудь изъ нихъ остальные, при чемъ слѣдуетъ замѣнить, что кули вскрыты были до прихода эксперта и онъ не знаетъ, который изъ нихъ какого подрядчика. Когда экспертъ выскажетъ, такимъ образомъ, свое мнѣніе, при-

(*) Въ Англіи преимущественно заготавливаютъ необработанные матеріалы и припасы, ибо легче обмануть на хлѣбъ въ мукѣ, на шоколадъ, но гораздо труднѣе на хлѣбъ въ зернѣ или на какао.

зываютъ секретаря, онъ вскрываетъ запечатанные конверты и громко объявляетъ цѣны. У каждаго члена коммиссии есть листъ бумаги, гдѣ онъ отмѣчаетъ: обращикъ А, столько-то; обращикъ Б, столько-то, и т. д. Если обращики одинаковаго качества, то выбираютъ дешевѣйшій; если они не одинаковы, то соображаютъ качество съ цѣною и, такимъ образомъ, выбираютъ обращикъ; затѣмъ призываютъ хозяина ~~этого~~ и спрашиваютъ у него: «Вы принесли этотъ обращикъ?» — «Да.» — «Вы беретесь поставить такое-то количество подобнаго хлѣба, въ такое-то время и при такихъ-то условіяхъ?» — «Да.» — Знаете ли вы, какому подвергаетесь штрафу, въ случаѣ неисполненія контракта?» — «Да.» — «Подпишите контрактъ.» Въ то время, какъ подрядчикъ подписываетъ контрактъ, обращикъ его высылается въ кушъ, имъ представленный, который запечатывается печатью адмиралтейства и отсылается къ главному смотрителю въ Дентфордъ, гдѣ находится главный магазинъ для всего государства и гдѣ обрабатываются сырые припасы. Въ извѣстные сроки, подрядчикъ представляетъ хлѣбъ. Его принимаютъ, сравнивая съ образцовымъ кудемъ. Если представленный также хорошъ, то подрядчикъ обязанъ самъ отвезти его на казенную мельницу; если же представленный хлѣбъ не соответствуетъ образцу, то его возвращаютъ подрядчику, который платитъ штрафъ и обязанъ въ срокъ, предвидѣнный контрактомъ, вновь поставить хлѣбъ или уплатить за купленный вмѣсто него налогъ.»

Почти такимъ же порядкомъ производится заготовка и другихъ провіантскихъ припасовъ, а равно комиссаріатские и ко- раблестроительные припасы.

«При такомъ порядкѣ заготовки и приѣма припасовъ — говоритъ г. В. Хитрово — при высокой платѣ за службу хранителямъ магазиновъ, нѣтъ никакой выгоды имъ послѣднимъ обманывать казну. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, хранителю магазина, получающему 600 фунт. стерл. ежегоднаго жалованья, квартиру съ садомъ и ожидающему въ будущемъ значительную пенсію за хорошую службу, ставиться съ подрядчиками и плутовать? Кто захочетъ мѣнять хорошее и вѣрное настоящее на дурное будущее, ибо если только возродится подозрѣніе, что произойдетъ обманъ казны отъ его вины, то, не говоря уже о судебныхъ послѣдствіяхъ, его бы тотчасъ смѣстили. Съ другой стороны, самому подрядчику также нѣтъ никакой выгоды представлять худые припасы, не говоря уже о томъ, что при этомъ пострадаютъ

его репутация; казна не требуетъ отъ него *припасовъ по невозможности* обращаться и не старается слухить *цѣну* *доказъ*, вызывая его сама на обманъ.

«Тутъ наоборотъ: обращикъ представляется имъ самимъ, нѣ-на ему дана та, которую онъ запросилъ, а поэтому подрядчикъ не видитъ въ казенномъ подрядѣ средства особаго обогащенія, а, напротивъ, ему все равно, продать ли припасы казнѣ, или частному лицу, а поэтому, такъ какъ его торговая честь не позволяетъ ему обмануть сего послѣдняго, то онъ не имѣетъ причины обмануть и казну.»

«Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на малочисленность лильнаго состава англійскаго морскаго управленія, въ которомъ всего состоитъ, какъ въ центральномъ, такъ и въ порто-номъ управленіи, только 1,066 человекъ, что чрезвычайно не-много, принимая во вниманіе громадность работъ по управленію морскими силами Великобританіи, разбросанными почти по всему земному шару. При такомъ ограниченномъ числѣ служащихъ, правительство требуетъ отъ нихъ унеленныхъ занятій, но, вмѣ-стѣ съ тѣмъ, и хорошо вознаграждаетъ ихъ. Такъ, въ Дентфордѣ клерки (низшіе чиновники) получаютъ жалованья отъ 100—700 фунт. стерл.; и въ будущемъ, при хорошей службѣ, ждетъ ихъ пенсіонъ. Вычеты съ нихъ на оный не дѣлаются, а предостав-ляютъ каждому застраховываться въ частной компаніи; пен-сіонъ же служить чистою наградою. Весьма понятно послѣ того, что, при такомъ хорошемъ настоящемъ и будущемъ, при правѣ, дающемъ начальникамъ — немедленно, безъ всякаго пен-сіона, удалять нерадивыхъ, каждый чиновникъ дорожитъ своею службою, а работа дѣлается хорошо и быстро.»

«Военно-Медицинскій Журналъ» 1859 года, №№ 9, 10, 11 и 12.

Собственно большинство статей этого журнала представ-ляетъ исключительно спеціальнѣйшій характеръ; но, какъ мы уже замѣчали, въ немъ очень часто попадаются и статьи, которыя, во многихъ отношеніяхъ, интересны и для не спеціалистовъ, а пре-имущественно для людей военныхъ. Въ находящихся передъ на-ми прошлагодиннихъ четырехъ номерахъ его, особенно, въ этомъ отношеніи, можно указать на слѣдующія статьи: «О публичныхъ и медичинскихъ садахъ», академика Э. Эйхвальда; «Система по-ходныхъ госпиталей французской и англійской арій», М. Бу-

лена; «Общій историческій взглядъ на ветеринарную часть въ Россіи», профессора Прозорова; «О вредѣ отъ излишняго куренія табаку», академика И. Буяльскаго, и небольшая, съ предлиннымъ заглавіемъ, но полная для военныхъ самого живаго интереса, статейка: «Чрезмѣрная смертность въ военной службѣ; сущность и причина эндемической чахотки у солдатъ; средство къ уменьшенію смертности въ арміяхъ въ мирное и военное время».

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ статей, скажемъ только нѣсколько словъ о двухъ послѣднихъ.

Въ статьяхъ академика Буяльскаго собрано много интересныхъ свѣдѣній о постепенномъ распространеніи употребленія табаку и приведено нѣсколько самыхъ разительныхъ фактовъ въ подтвержденіе вреда куренія. Употребленіе табаку производитъ хотя и медленное, но чрезвычайно разрушительное дѣйствіе почти на всѣ органы человѣческаго тѣла: оно истощаетъ физическія и нравственныя силы, ослабляетъ зрѣніе, постоянно раздражаетъ нервы, притупляетъ силу мозга; только ты, всѣ курящіе, не замѣчаемъ этого или же не хотимъ замѣтить. «А если бы — говоритъ г. Буяльскій — курящіе табакъ такъ внимательно замѣчали за собою, какъ всѣ замѣчали за ворчаньемъ въ животѣ во время холеры, то, навѣрное, многіе бы замѣтили, испугались и перестали бы курить, какъ во время холеры оставили даже невредныя для здоровья прихоти и удовольствія.» Мало того, что табакъ производитъ столь губительное дѣйствіе на отдѣльныя личности, онъ же, по мнѣнію г. Буяльскаго, разрушаетъ и цѣлыя государства. «Взгляните на цѣлыя государства — говоритъ ученый авторъ — на Персовъ и другихъ азіатскихъ народовъ, прежде столько храбрыхъ и сильныхъ, предавшихся этому пороку. Они безпрестанно сидятъ въ кофейняхъ и только курятъ, дурѣютъ и сидятъ по цѣлымъ днямъ: безъ сомнѣнія, излишнее употребленіе табаку ослабило ихъ тѣло и духъ.» При всемъ уваженіи къ авторитету ученаго академика, нельзя, однако, не усомниться въ подобномъ заключеніи, и, притомъ же, самъ г. Буяльскій даетъ въ этомъ оружіе противъ себя. Вслѣдъ за сдѣланною нами выпискою, онъ приводитъ замѣчаніе англійскаго туриста объ употребленіи табаку въ Германіи: «Еще некогда не истребляли въ Германіи такого страшнаго количества табаку, какъ въ настоящее время: сигары или трубки торчали непремѣнно у всякаго во рту, лишь только смолкнулъ пренія о дол-

тическихъ предметахъ. Въ трактирахъ, въ общей комнатѣ, и во время обѣда, и во время ужина, задыхаемся отъ табачнаго дыма.» Но, на стр. 173, самъ же авторъ говоритъ, что распространеніе употребленія табаку прежде всего перешло изъ Америки въ Европу и потомъ уже въ Азію и Африку, такъ что употребленіе его между Европейцами болѣе давнее, чѣмъ между Азіатцами, и, притомъ же, какъ видно изъ приведеннаго отзыва англійскаго туриста, употребленіе это достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Отчего же въ Европѣ оно не производитъ и тысячной доли такого губительнаго дѣйствія, какъ на Персіанъ? Намъ кажется, что не въ табакъ должно искать причинъ упадка азіатскихъ народовъ, а въ явленіяхъ болѣе значительныхъ, которыя убили азіатскіе народы еще прежде, чѣмъ они узнали о существованіи табаку.

Однакожъ, не признавая вліянія куренія табаку на судьбы государствъ и цѣлыхъ народовъ, нельзя не согласиться съ г. Буяльскимъ, что излишнее употребленіе табаку, подобно тому, какъ и излишнее употребленіе вина, какъ и вообще все излишнее, непременно вредно для здоровья человека, потому что останавливаетъ развитіе душевныхъ и даже физическихъ силъ его. Въ особенности же куреніе табаку вредно для людей, имѣющихъ отъ природы чахоточное тѣлослаженіе, а потому должно быть вредно для солдатъ вообще, между которыми, согласно статьѣ: «Чрезмѣрная смертность въ военной службѣ» и проч., болѣе всего преобладаетъ расположеніе къ чахоткѣ и груднымъ болѣзнямъ. Выводы этой послѣдней статьи тѣмъ болѣе заслуживаютъ полнаго довѣрія, что они основаны на самыхъ точныхъ статистическихъ данныхъ, полученныхъ относительно смертности въ англійской арміи. Вообще, во всѣхъ рѣшительно государствахъ, до самаго послѣдняго времени, почти вовсе не производили наблюденій надъ болѣзненностію и смертностію въ войскахъ. Люди болѣли, умирали, на это никто не обращалъ вниманія, потому что всегда въ существующемъ населеніи видѣли почти неизсякаемый источникъ для новыхъ пополненій армій. Только одна Англія составляетъ въ этомъ исключеніе: она имѣетъ превосходные труды по части медицинской статистики англійской арміи, а въ послѣднее время, для изученія главнѣйшихъ вопросовъ, касающихся военной гігіены, англійскимъ правительствомъ назначена была коммисія, состоящая изъ знаменитыхъ ученыхъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Резуль-

таты изысканій этой комиссіи обнаружены теперь и послужили главнымъ матеріаломъ для автора статьи: «Чрезвычайная смертность въ военной службѣ» и пр.

Изъ этихъ данныхъ видно, что съ 1839 по 1853 годъ смертность въ англійской арміи простиралась до 33 человекъ на 1,000, между тѣмъ, какъ, въ то же время, мужское народонаселеніе (въ возрастѣ, годномъ для военной службы) теряло ежегодно около 9 человекъ на 1,000. Что же касается до войскъ, находящихся въ самой Англии, то статистика ихъ представляетъ слѣдующія цифры:

	На 1,000 челов.
Ежегодная смертность	17,5 чел.
По родамъ оружія:	
Въ кавалеріи	11 —
— гвардейскихъ драгунскихъ полкахъ	13,3 —
— линейной армейской пѣхоты	18,7 —
— гвардейской пѣхоты	20,4 —

Въ то же время, въ Англии и Валлисѣ, въ возрастѣ, годномъ для военной службы, умираетъ ежегодно въ сельскихъ и городскихъ округахъ 9,2 лицъ на 1,000, при чемъ наименьшая смертность въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ не превышаетъ 7,7, а наибольшая, въ одномъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ: въ Манчестерѣ, доходитъ только до 12,4 чел. на 1,000.

Такимъ образомъ, смертность постоянно болѣе сильна между войсками, чѣмъ въ остальной массѣ населенія, при чемъ перевѣсъ такъ значителенъ, что въ государствѣ не находится ни одной профессіи, даже изъ наиболѣе невыгодныхъ въ гигиеническомъ отношеніи, въ которой бы смертность превышала таковую же въ войскахъ. Такъ даже у рабочихъ, занимающихся подъ землею днемъ и ночью, напримѣръ, у рудокоповъ, смертность доходитъ до 10,31 на 1,000, что все-таки ниже самой меньшей смертности въ англійской кавалеріи.

Такіе рѣзкіе факты очевидно должны обращать на себя вниманіе. Является вопросъ: что за причина такой огромной смертности въ англійской арміи? Многіе полагаютъ, что болѣзненность и смертность солдатъ происходятъ отъ карауловъ и ночной службы. Однако, оказывается, что у англійскихъ типографщиковъ, которые изъ семи ночей работаютъ шесть, что, конечно, будетъ потяжелѣе ночной службы войскъ, смертность простирается только до 9,09 чел. на 1,000. Въ англійской полиціи,

гдѣ караульные также дежурятъ по ночамъ и даже долѣе, чѣмъ солдаты, умираетъ въ годъ только 8,92 на 1,000 чел.

«Какая же причина такой громадной смертности въ войскахъ?» спрашиваетъ авторъ приводимой нами статьи. Зависитъ ли она отъ недостатка приличныхъ упражненій и занятій, отъ невоздержности и распутства, отъ скопленія людей въ казармахъ, отъ дурной пищи, отъ атмосферныхъ условій, отъ плохого провѣтриванія? Чтобы дойти до точнаго опредѣленія причинъ ея, необходимо изслѣдовать факты въ ихъ совокупности во всѣхъ подробностяхъ, необходимо изучить общія причины во всѣхъ ихъ частностяхъ. Тщательно разсматривая статистику болѣзней, составляющихъ причину смерти солдатъ, и сравнивая подробные отчеты о различнаго рода случаяхъ смерти въ войскахъ съ отчетами о гражданской смертности, мы встрѣчаемъ поразительный фактъ, въ высшей степени важный въ гигиеническомъ и этиологическомъ отношеніяхъ: это — огромное число хроническихъ болѣзней дыхательнаго аппарата въ войскахъ.»

Дѣйствительно, изъ данныхъ, приводимыхъ въ статьѣ, явствуетъ, что смертность вслѣдствіе болѣзней легкихъ въ английской гвардіи болѣе, чѣмъ вдвое, а въ арміи на двѣ трети болѣе противъ таковой же смертности въ гражданскомъ обществѣ. Что же касается до нѣкоторыхъ категорій разстройствъ легкихъ, какъ-то: кровохарканія, чахотки, хроническаго катарра и удушья (asthma), то «они появляются до того часто, что убиваютъ въ арміи число почти равное, а въ гвардіи большее, нежели общее число всѣхъ видовъ смерти въ гражданскихъ профессіяхъ въ томъ же возрастѣ».

Причиной такого развитія болѣзней легкихъ въ войскахъ лондонская коммисія ученыхъ считаетъ порчу воздуха въ казармахъ, скопленіе множества лицъ въ одномъ мѣстѣ, недостатокъ приличнаго провѣтриванія и т. д. Въ подтвержденіе этого мнѣнія есть много фактовъ: такъ, между прочимъ, оказывается, что въ туземной индійской арміи смертность не превышаетъ смертности гражданского населенія, потому что ея солдаты не жили въ казармахъ; снами получали известную сумму для постройки хижинъ, въ которыхъ они имѣли отдѣльное помѣщеніе; притомъ, они часто спали и на открытомъ воздухѣ. Наконецъ, подѣ Севастополемъ смертность въ английской арміи съ конца декабря 1855 до начала мая 1856 года была несравненно менѣе, чѣмъ смертность войскъ, остававшихся въ Англіи. Вообще же въ

военное время, несмотря на общее увеличеніе смертности, число пораженныхъ болѣзнями легкихъ постоянно бываетъ меньшее, чѣмъ въ мирное время. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что одною изъ главныхъ причинъ увеличенія смертности въ войскахъ и особенно преимущественнаго развитія болѣзней легкихъ служить казарменное помѣщеніе войскъ, при тѣснѣйшемъ скопленіи людей и дурномъ провѣтриваніи каморъ. Разумѣется, что это же самое скопленіе людей въ казармахъ, вмѣстѣ съ дурною пищею и содержаніемъ, необходимо должны также содѣйствовать развитію худосочія въ солдатахъ, а, слѣдовательно, и воспримчивости ихъ къ разнымъ другимъ болѣзнямъ. Вслѣдствіе того, принимая гигиеническія мѣры противъ однихъ болѣзней легкихъ, въ то же время, можно будетъ дѣйствовать и на уменьшеніе другихъ, каковы, напримѣръ: золотушныя, лихорадочныя, тифозныя. Прекрасный примѣръ тому находимъ въ разсматриваемой нами статьѣ. «Военная школа въ Челсеѣ, близъ Лондона — приводитъ статья — находилась долгое время почти въ тѣхъ же условіяхъ, какъ казармы: та же пища, тотъ же недостатокъ провѣтриванія. Съ десятилѣтняго возраста тамъ умирало 9,7 дѣтей на 1,000. Какъ только, не увеличивая количества пищи, измѣнили способъ ея приготовленія, когда стали тщательно провѣтривать спальни, разбѣстали прилично кровати, то смертность въ восемь лѣтъ, дошла до 4,8 на 1,000, и число молодыхъ людей, считавшихся неспособными къ военной службѣ вслѣдствіе золотушки, понизилось съ 12,4 до 4,6 на 1,000.

Нельзя не радоваться отъ души всѣмъ подобнымъ изслѣдованіямъ: только при ихъ пособіи военная гигиена можетъ, дѣйствительно, оказать большія услуги для арміи, и только при полномъ познаніи всѣхъ болѣзней, опустошающихъ арміи, а главное — при точномъ изслѣдованіи причинъ этихъ болѣзней, можно будетъ наконецъ принять самыя дѣйствительныя мѣры для уменьшенія болѣзненности въ войскахъ. А это крайне необходимо, потому что обыкновенная смертность въ войскахъ по большей части такъ значительна, что она истребляетъ болѣе людей, чѣмъ самыя кровопролитныя сраженія. Истинность этого вывода была подтверждена еще Фридрихомъ Великимъ во время Семилѣтней войны, но еще болѣе подтверждается вышеприведенными цифрами о смертности въ англійской арміи, и особенно смертностію англійскихъ войскъ въ Крыму, когда, въ теченіе семи мѣсяцевъ, съ 1 октября 1854 года по 30 апрѣля 1855, цифра смертности

создать отъ однихъ только болѣзней дошла до 600 человекъ на 1,000, т. е. достигла болѣе степени, нежели во время лондонской морской язвы!

«Артиллерійскій Журналъ». №№ 3 и 4.

На первомъ планѣ въ сказанныхъ двухъ номерахъ «Артиллерійскаго Журнала» является продолженіе отчета за трехлѣтнее управленіе артиллеріею Его Императорскимъ Высочествомъ Генералъ-Фельдцейхмейстеромъ. Отчетъ этотъ, о началѣ котораго мы уже имѣли случай говорить въ № 3 «Военнаго Сборника», не конченъ еще и въ настоящихъ двухъ книжкахъ «Артиллерійскаго Журнала», гдѣ изъ него помѣщены только слѣдующія статьи: о лафетахъ, о повозкахъ, объ артиллерійской принадлежности, о предметахъ военной лабораторіи, о нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ пороховомъ, капсюльномъ и ракетномъ производствахъ, а равно и по арсенальной части, и, наконецъ, о чугунно-литейномъ производствѣ. Чрезвычайно много и времени и мѣста потребовало бы перечисленіе и объясненіе всего, что сдѣлано было по этимъ частямъ. Правда, что, къ числу сдѣланнаго и окончательно уже принятаго, нѣтъ ничего особенно капитальнаго и замѣчательнаго: большая часть принятыхъ мѣръ относится къ предметамъ второстепеннымъ, мелочамъ; но не надо забывать, что изъ этихъ мелочей составляется цѣлое, и, исправляя, такимъ образомъ, части, мало по малу совершенствуютъ цѣлое. Все же то, что требуетъ болѣе капитальныхъ измѣненій, все это пока еще только испытывается, обсуживается, чтобы потомъ уже, когда будетъ введено, не требовало еще новыхъ измѣненій. Въ такомъ положеніи, между прочимъ, находится и вопросъ объ измѣненіи существующей у насъ лафетной системы. Еще прежде Восточной войны поднять былъ этотъ вопросъ, и съ тѣхъ поръ его постоянно обсуживаютъ; постоянно являются новые проекты, рассматриваются, дѣлаются надъ новыми системами опыты, даже въ довольно большихъ размѣрахъ. Такъ, между прочимъ, наиболѣе вниманія было обращено, въ послѣднее время, на желѣзные лафеты, для которыхъ предложено было нѣсколько различныхъ проектовъ. Замѣчательно, что подобная потребность, можно сказать, почти необходимость замѣны деревянныхъ лафетовъ желѣзными является именно у насъ, въ Россіи, которая славится своимъ лѣснымъ богатствомъ и своими обширными лѣсами. Притомъ же, старанія о

замѣненіи деревянныхъ лафетовъ желѣзными не происходитъ единственно вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ выгодъ, какія бы представляли послѣдніе: нѣтъ, замѣна эта, въ нѣкоторой степени, прямо вызывается именно недостаткомъ въ хорошемъ, доброкачественномъ лѣсѣ. Такъ, на стр. 138 отчета прямо говорится: *«Возрастающія затрудненія въ заготовленіи арсеналами лѣса хорошаго качества и совершенная удовлетворительность результатовъ, полученныхъ при испытаніи полевыхъ лафетовъ по чертежу, доставленному отъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, подали мысль о проектированіи осаднаго лафета, примѣненнаго устройствомъ къ тому же чертежу»*. Въ другомъ мѣстѣ отчета, опять говорится о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ С.-Петербургскимъ и Брянскимъ арсеналами въ пріисканіи для ящичныхъ оглобелъ березовыхъ кругляковъ съ природнымъ погибомъ, что побудило принять новый способъ прикрѣпленія къ заряднымъ ящикамъ оглобелъ безъ погиба. Наконецъ, въ Западной Сибири, а потомъ и въ Восточной, а равно и на Кавказѣ производятся опыты падъ лафетами изъ мѣстныхъ лѣсныхъ породъ. Всѣ эти указанія отнюдь, однако, не могутъ служить подтвержденіемъ того, что будто бы отечество наше обдѣлено лѣсами. Конечно, въ нѣкоторой степени это справедливо, отчасти потому, что недостатокъ правильнаго лѣснаго хозяйства ведетъ къ слишкомъ скорому истребленію лѣсовъ, преимущественно же по сплавнымъ рѣкамъ, но, несмотря на это, все-таки богатство Россіи лѣсами еще громадно. Вся бѣда только въ томъ, что, привыкнувъ къ богатству лѣса, мы не привыкли соблюдать въ немъ экономію. У насъ весьма часто на подѣлочный лѣсъ идетъ такой лѣсъ, какой за границу считается строевымъ. Оттого, при встрѣчѣ малѣйшихъ затрудненій въ пріобрѣтеніи лѣса большихъ размѣровъ и надлежащаго качества, у насъ тотчасъ же слышатся жалобы на совершенный недостатокъ лѣса; а, между тѣмъ, жалобы эти вполне могли бы быть устранены только болѣе экономическимъ употребленіемъ лѣса и устраненіемъ изъ самой системы лафетовъ или повозокъ слишкомъ большихъ требованій, подобныхъ, напримѣръ, тому, что для оглобелъ требовались кругляки съ природнымъ погибомъ. Точно также, при подробномъ разсмотрѣніи нашихъ лафетовъ, быть можетъ, оказалось бы возможнымъ, во многихъ ихъ частяхъ, удовольствоваться меньшимъ количествомъ лѣса и гораздо меньшихъ размѣровъ. Тогда, конечно, значительно бы облегчилось для арсенала

ловъ и пріисканіе вполне пригоднаго, хорошаго лѣса. Впрочемъ, вопросъ этотъ, чисто спеціальный, относится до самихъ артиллеристовъ, и нашъ голосъ въ немъ не можетъ имѣть значенія.

Другой выводъ, чрезвычайно утѣшительный, который можно сдѣлать изъ разсматриваемаго нами отчета за трехлѣтнее управленіе артиллеріею, это относительно того, что почти всѣ или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство улучшеній, преимущественно по матеріальной части нашей артиллеріи, дѣлается по предложеніямъ и проектамъ нашихъ же артиллерійскихъ офицеровъ. Имена многихъ изъ нихъ останутся долго жить въ предложенныхъ ими усовершенствованіяхъ, при чемъ пріятно встрѣчать между ними людей всѣхъ рѣшительно чиновъ. Это показываетъ, что артиллерія наша живетъ полною, дѣйствительною жизнію и что всѣ служащіе въ этомъ родѣ оружія вполне сочувствуютъ совершаемому правительствомъ преобразованіямъ, черезъ что и самыя эти преобразованія достигаютъ болѣе силы и дѣйствительной пользы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя также не обратить вниманія и на тотъ замѣчательный фактъ, что не только артиллерійскіе офицеры принимаютъ дѣятельное участіе въ возможно большемъ улучшеніи всего касающагося до ихъ оружія, но что даже нѣкоторые мастера и подмастерья стремятся къ усовершенствованію тѣхъ производствъ, которыми занимаются. Такъ, на стр. 244 «Отчета», читаемъ: «Мастера и подмастерья С.-Петербургскаго арсенала, подъ руководствомъ полковника Плеспова (штабъ-офицера по искусственной части въ арсеналѣ), придумали разныя механическія приспособленія, замѣняющія ручную работу, достоинство которой всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ силы и искусства рабочаго. Чистота, правильность издѣлій и скорость производства были въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, результатами механическихъ приспособленій».

Весьма жаль, что при этомъ не упоминается, какими именно мастерами и подмастерьями сдѣланы эти усовершенствованія — вольнонаемными ли, или казенными. Первые, конечно, всегда имѣютъ гораздо болѣе побудительныхъ причинъ къ совершенствованію ввѣряемыхъ имъ производствъ, такъ какъ отъ этого прямо зависитъ возможность улучшенія ихъ положенія, между тѣмъ, какъ, напротивъ, послѣдніе, получая опредѣленное жалованье и провіантъ и не получая задѣльной платы, не видятъ

лично для себя никакой особенной выгоды въ усовершенствованіи своихъ производствъ.

Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія заключаетъ въ себѣ также «Отчетъ» по части распространенія добыванія селитры и сѣры въ предѣлахъ Россіи. Важность этихъ двухъ продуктовъ для пороховаго производства и необходимость изыскать возможно болѣе обильные источники ихъ, особенно же селитры, внутри имперіи, заставила артиллерійское вѣдомство обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ. Извѣстно, что до послѣдней войны главнымъ и единственнымъ источникомъ селитры для нашихъ пороховыхъ заводовъ были малороссійскія губерніи, гдѣ селитровареніе существовало уже съ давнихъ временъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Но, въ послѣднее время, упадокъ отчасти этого промысла въ Малороссіи, а еще болѣе значительно увеличившійся запросъ въ казнѣ на селитру, показали недостаточность этого одного источника и заставили изыскивать другіе, которые бы могли замѣнить или дополнить его. Произведенныя вслѣдствіе того изслѣдованія показали, что распространеніе селитренного промысла возможно въ низовыхъ губерніяхъ, но что возникающая селитренная промышленность нуждается, на первыхъ порахъ, въ нѣкоторомъ поощреніи правительства. Поэтому Высочайше повелѣно было пригласить мѣстныхъ жителей въ губерніяхъ: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Оренбургской и части Пензенской, приступить къ добыванію селитры, съ тѣмъ, что добываемая ими селитра будетъ принимаема на Казанскомъ пороховомъ заводѣ, съ платою по 5 руб. 70 коп., причемъ плата эта, въ видѣ поощренія, будетъ производима въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1 января 1859 года (*). вмѣстѣ съ тѣмъ, для руководства заводчикамъ, рѣшено было напечатать на счетъ казны и раздавать желающимъ безденежно составленное полковникомъ Соловцовымъ, изучившимъ селитровареніе на Волгѣ, «Практическое наставленіе къ добыванію селитры въ Приволжскомъ краѣ», а для практическихъ указаній способовъ производства отправить въ означенныя губерніи самого полковника Соловцова, съ двумя хорошими лаборантами. Всѣ эти мѣры оказали уже хорошіе результаты, и изъ «Отчета» видно, что поставка селитры на Казанскій пороховой заводъ изъ приволжскихъ губерній уже на-

(*) Нынѣ возбужденъ вопросъ о продолженіи этого срока съ пяти на десять лѣтъ.

чалась, несмотря на трудности, сопряженные съ началомъ всякаго дѣла.

По донесенію полковника Соловцова, въ губерніяхъ этихъ, по іюль мѣсяцъ 1858 года, имѣлось въ виду 24 селитренныхъ завода, дѣйствующихъ и учреждающихся; кромѣ того, 17 помѣщиковъ объявили желаніе открыть въ своихъ имѣніяхъ селитровареніе, и значительное количество буртъ было насыпано въ казенныхъ имѣніяхъ, по распоряженію палаты государственныхъ имуществъ.

Что же касается до сѣры, то «Отчетъ» упоминаетъ, что «въ Приволжскомъ же краѣ были открыты самарскимъ мѣщаниномъ Свѣтовымъ мѣсторожденія сѣры близъ Самары, и, согласно съ желаніемъ Свѣтова, предоставлена ему поставка сѣры на Казанскій пороховой заводъ въ теченіе десяти лѣтъ по 4,500 пуд. ежегодно, съ уплатою за пудъ той цѣны, во что обходилась на Казанскомъ пороховомъ заводѣ заграничная сѣра по десятилѣтней сложности до послѣдней войны».

«Кромѣ того, предоставлено статскому совѣтнику Эйбродту устроить въ приволжскихъ или придонскихъ губерніяхъ одинъ или два сѣрныхъ завода, для чего выдано ему въ ссуду 25,000 руб. сер., съ обязательствомъ поставить, въ видѣ уплаты, на Шостенскій или Казанскій пороховые заводы 12,000 пудовъ очищенной сѣры, совершенно годной на дѣло пороха.»

Наконецъ, въ заключеніе нашего бѣлаго указанія на наиболѣе замѣчательныя мѣста «Отчета» за трехлѣтнее управленіе артиллеріей, не можетъ не сказать нѣсколько словъ объ упоминаемомъ въ «Отчетѣ» предположеніи устройства новаго ракетнаго заведенія.

«По неудобству положенія — говорится въ «Отчетѣ» — существующаго въ С.-Петербургѣ ракетнаго заведенія, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизвоилъ: сообразить, нельзя ли устроить новое ракетное заведеніе близъ Кіева, на лѣвомъ берегу Днѣпра или, если это окажется неудобнымъ, то въ одной изъ губерній—Кіевской, Полтавской или Черниговской». При устройствѣ новаго заведенія, положено воспользоваться всѣми усовершенствованіями по ракетной части, сдѣланными, въ послѣднее время, за границею, и съ этою цѣлью уже послѣдовало Высочайшее Государя Императора соизволеніе на заказъ во Франціи машинъ для новаго ракетнаго заведенія по проектамъ, предложеннымъ генераломъ Константиновымъ, который специально для

этой дѣли былъ посылаемъ за границу. Съ возвращеніемъ генералъ-маіора Константинова, устройство новаго ракетнаго заведенія, по словамъ «Отчета», должно произвести капитальное улучшение въ ракетномъ дѣлѣ.

Въ отдѣлѣ неофициальномъ разсматриваемыхъ двухъ номеровъ «Артиллерійскаго Журнала», кромѣ нѣсколькихъ чисто специальныхъ статей, особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія статьи: «Очеркъ вліянія Артиллерійскаго Журнала на прогрессъ артиллеріи», Я. П.; «Публичныя лекціи, читанныя при гвардейской артиллеріи полковникомъ Ратчемъ въ 1859 году», и небольшая статейка: «Нѣсколько словъ по поводу ранцевъ въ пѣшей артиллеріи», И. Ю.

Въ статьѣ «Очеркъ вліянія Артиллерійскаго Журнала на прогрессъ артиллеріи», г. Я. П. довольно вѣрно и отчетливо обрисовываетъ составъ и положеніе общества нашихъ артиллерійскихъ офицеровъ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ. Непривычка къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, почти исключительное посвященіе себя изученію разныхъ печатныхъ и писанныхъ уставовъ, охота, карты составляли почти главныя черты артиллерійской жизни. Конечно, были и въ то время въ батареяхъ люди, которые посвящали себя научнымъ занятіямъ; но число ихъ было незначительно, да и самыя средства ихъ къ тому были ничтожны. Бригадные библіотеки не удовлетворяли научныхъ потребностей офицеровъ, выписывать книги было дорого, а «Артиллерійскій Журналъ» того времени, вслѣдствіе бѣдности и сухости своего содержанія, почти никѣмъ не читался. Но мало по малу положеніе это стало измѣняться. «Слѣдовавшіе затѣмъ ежегодно — говоритъ г. Я. П. — значительные выпуски изъ корпусовъ, увеличивая число молодыхъ офицеровъ въ батареяхъ, благопріятствовали охлажденію общества къ праздной жизни. Мало по малу офицеры наши стали приниматься за книги, стали привыкать къ умственнымъ трудамъ; когда же послѣдняя война, вызвавъ новыя потребности, новыя идеи, сообразныя современному состоянію военнаго искусства, обнаружила, въ то же время, нашу отсталость, самолюбіе заговорило въ насъ, и всѣ бросились къ дѣятельности, лишь только умолкли роковые выстрѣлы.»

Въ это-то время, въ 1856 году, явился преобразованный «Артиллерійскій Журналъ». Очевидно, что то общество, для котораго сталъ выходить этотъ журналъ, было еще въ такомъ по-

ложеніи, что оно далеко не могло проявить своего вліянія на него, а, напротивъ, журналъ съ перваго же появленія своего долженъ былъ принять на себя, такъ сказать, управленіе обществомъ нашихъ артиллеристовъ. Онъ долженъ былъ воспользоваться тѣмъ пробужденіемъ общества, которое послѣдовало вслѣдствіе толчка, сообщеннаго послѣднею войною, и затѣмъ, овладѣвъ дѣятельностію общества, направить ее къ цѣли, которая бы лучше всего соотвѣтствовала и возможно лучшему развитію общества и пользѣ для всего артиллерійскаго дѣла. Благодаря дѣятельности назначеннаго, въ 1855 году, редакторомъ «Артиллерійскаго Журнала», полковника Федора Христіановича Минута, это назначеніе журнала было вполне выполнено. Здѣсь мы невольно должны сдѣлать нѣкоторое уклоненіе, чтобы, пользуясь примѣчаніемъ, сдѣланнымъ г. редакторомъ «Артиллерійскаго Журнала» къ статьѣ г. Я. П., сказать нѣсколько словъ о замѣчательной личности полковника Минута. Что было имъ сдѣлано для «Артиллерійскаго Журнала», это очевидно всякому, кто имѣлъ возможность слѣдить за успѣхами этого изданія; но сдѣланное пріобрѣтаетъ еще болѣе цѣнны, если вспомнить, что полковникъ Минутъ обладалъ самыми скудными денежными средствами, что на немъ одномъ лежали всѣ мелочныя заботы по изданію, что онъ, для того, чтобы личнымъ своимъ трудомъ пополнить все то, чего недоставало журналу, просиживалъ за работою по 8—10 часовъ въ день, преимущественно по вечерамъ, чѣмъ совершенно разстроилъ свое здоровье и особенно зрѣніе, до такой степени, что долженъ былъ оставить редакцію, а въ настоящее время почти совсѣмъ ослѣпъ! Что касается до характера полковника Минута, то вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о немъ нынѣшній г. редакторъ «Артиллерійскаго Журнала»:

«Въ основѣ характера Федора Христіановича лежала мысль *прикоснуться обществу наибольшую пользу*, во всякомъ положеніи, на всякомъ поприщѣ. Изъ этой основной идеи истекали всѣ его дѣйствія и потому, согласитесь, не могли остаться безъ полезныхъ результатовъ. Чуждый всякихъ мечтаній, онъ стремился всегда къ цѣлямъ существеннымъ, достижимымъ, добросовѣстное исполненіе долга считалъ первою обязанностію человѣка и смотрѣлъ на честность не съ узкой стороны одного безкорыстія, но понималъ ее въ обширномъ смыслѣ—въ стремленіи къ истинѣ, не взирая на препятствія и опасности.

«Такой характеръ заслуживаетъ общественнаго уваженія; несчастіе такого человѣка должно пробудить теплое сочувствіе нашего артиллерійскаго кружка.»

И не только артиллерійскаго, но и всего военнаго, потому что если мы сочувствуемъ и восторгаемся громкими и блестящими подвигами, совершаемыми часто при такихъ обстоятельствахъ, что иначе и нельзя было поступить, то тѣмъ болѣе должны отдать полную дань уваженія той скромной и добросовѣстной дѣятельности, которая съ самопожертвованіемъ проявляется въ тиши кабинета, вызываемая единственно желаніемъ принести обществу наибольшую пользу.

Но вернемся къ статьѣ г. Я. П. Поступивъ въ хорошія руки, преобразованный «Артиллерійскій Журналъ» непременно долженъ былъ дѣятельно способствовать развитію въ обществѣ артиллеристовъ умственной дѣятельности, и намъ кажется, что, въ этомъ отношеніи, ему нисколько не могла содѣйствовать обязательная подписка, которой г. Я. П. отчасти приписываетъ успѣхъ журнала. «Надо сознаться — говоритъ онъ — что безъ обязательной подписки журналъ не сдѣлался бы такъ скоро необходимымъ изданіемъ для каждого артиллериста.» Нѣтъ, искусственное, насильное навязываніе журнала здѣсь ничего бы не помогло, если бы не было другаго, болѣе сильнаго рычага, заставившаго артиллеристовъ обратиться къ «Артиллерійскому Журналу», а именно: «допущеніе на страницы журнала статей, выражающихъ и раскрывающихъ бытъ артиллерійскаго общества, и предоставленіе каждому артиллеристу права свободнаго подаванія въ журналъ голоса».

«Свобода общественнаго мнѣнія — говоритъ далѣе г. Я. П. — посредствомъ обмѣна идей, привела насъ къ болѣе опредѣленному сознанію обязанностей въ отношеніи общества, нуждающагося въ дѣятеляхъ и имѣющаго право требовать этой дѣятельности отъ своихъ членовъ. Обращеніе нашей администраціи къ голосу общества дало намъ почувствовать нашу самостоятельность, подкрѣпило силы и пробудило энергію. Проявилась благотворная дѣятельность и любовь къ труду; да и какъ не трудиться, когда впереди увѣренность, что труды могутъ быть полезными, что все заслуживающее вниманія будетъ оцѣнено надлежащимъ образомъ?»

Затѣмъ, указавъ на главнѣйшіе вопросы, возбужденные «Артиллерійскимъ Журналомъ», г. Я. П. совершенно справедливо

замѣчаетъ, что отъ артиллерійскихъ, собственно строевыхъ офицеровъ нельзя и ожидать строго-ученой дѣятельности, но за то должно ожидать дѣятельности полезной, если только «Артиллерійскому Журналу» удастся привести къ тому, чтобы артиллерійскіе офицеры рѣшались высказываться и, какъ говорить г. Я. П., стали разсуждать и заговорили въ слухъ, а не про себя.

«Но говорить... о чемъ?» — спрашиваетъ авторъ-статьи? — «Умственные способности наши не получили строго-ученаго развитія; образованіе наше не заключаетъ въ себѣ достаточно данныхъ для ученой разработки фактовъ. Остается природная сила и глубина ума да тотъ скудный сборникъ свѣдѣній, который, съ успѣхомъ пополамъ, усвоенъ въ учебномъ заведеніи. Этихъ основаній для самостоятельныхъ ученыхъ занятій недостаточно; по нимъ едва возможно усваивать чужіе труды и иногда не понимать своихъ спеціалистовъ-теоретиковъ. Итакъ, нашей дѣятельности предстоитъ, прежде всего, болѣе знакомая намъ, практическая сторона науки, все то, что непосредственно сопркасается съ нашими прямыми обязанностями. Въ этомъ отношеніи, мы можемъ принести пользу изысканіямъ теоріи, повѣряя опытомъ ея выводы.»

Подобное отношеніе общества артиллерійскихъ офицеровъ къ издаваемому спеціально для нихъ журналу, кажется, наиболѣе правильно и вѣрно, и въ подобномъ же отношеніи должны бы вообще находиться всѣ военно-служащіе къ издаваемымъ для нихъ спеціальнымъ журналамъ. Тогда только журналы эти могутъ принести дѣйствительную пользу, служа, съ одной стороны, пособіемъ, какъ бы совѣщательнымъ голосомъ для администраціи, а съ другой — доставляя тѣмъ, для кого они издаются, самое вѣрное средство къ поддержанію ихъ умственной дѣятельности. Дѣйствительно, если подобные журналы имѣютъ направленіе строго-ученое, дидактическое ли, или историческое, они будутъ служить выраженіемъ дѣятельности только нѣкоторыхъ представителей, за которыми, по выраженію г. Я. П., остальные будутъ идти вслѣдъ, разсуждая, правда (хорошо еще, если такъ), но разсуждая про себя. Имѣя по преимуществу характеръ литературный, они чрезъ то самое утратятъ свой спеціально-военный характеръ. Наилучшій же видъ можетъ быть для нихъ тотъ, если они главною своею задачею поставятъ себѣ вызывать и возбуждать дѣятельность въ своихъ подписчикахъ, если журналы эти достигнутъ того, что, развивъ въ своихъ читателейъ

взглядъ на ихъ специальность, заставляютъ ихъ высказывать свои мнѣнія о разныхъ предметахъ, касающихся этой специальности, — мнѣнія, которыя преимущественно будутъ основаны на практическомъ взглядѣ на дѣло. Таково по преимуществу должно бы быть назначеніе военныхъ журналовъ, какъ и вообще всякихъ специальныхъ, и только при строгомъ и точномъ выполненіи ими этого назначенія они могутъ сохранить полный интересъ и принести дѣйствительную пользу. Что настоящій «Артиллерійскій Журналъ» вполне слѣдуетъ этому назначенію, это можно видѣть уже и изъ примѣчанія г. редактора его къ статьѣ г. Я. П., гдѣ, между прочимъ, говорится о числѣ имѣющихся въ редакціи журнала статей по разнымъ отдѣламъ. Такъ, оказывается, что по отдѣлу ученому имѣется 41 статья, по библіографіи — 2, и по отдѣлу смѣси — 82 статьи. Этими цифрами лучше всего подтверждается то, что между артиллерійскимъ обществомъ и издаваемымъ для него журналомъ установились тѣ отношенія, какія признаетъ г. Я. П. наиболѣе полезными. При достаточно значительномъ числѣ строго-ученыхъ статей, которыя, по всей вѣроятности, принадлежатъ почти исключительно тѣмъ артиллеристамъ, которые посвятили себя преимущественно ученымъ занятіямъ, вдвое большее число статей принадлежитъ къ отдѣлу смѣси, гдѣ обыкновенно помѣщаются разныя мелкія замѣтки, очерки, мысли, вызываемыя вседневною, обыденною жизнію артиллеріи. Притомъ, можно почти съ увѣренностію сказать, что, вѣроятно, значительное большинство этихъ статей принадлежитъ офицерамъ строевымъ. Что же касается до незначительнаго числа библіографическихъ статей, то трудно согласиться съ г. редакторомъ «Артиллерійскаго Журнала», что будто бы «недостаточность библіографическихъ статей показываетъ, какъ мало общество наше занимается критическою оцѣнкою не только новыхъ изобрѣтеній и нововведеній, но и выходящихъ въ свѣтъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій». Намъ кажется, что главную причину малаго числа библіографическихъ статей надо искать главнѣйше въ малодоступности для многихъ у насъ сочиненій, особенно ученыхъ, по ихъ необыкновенной дороговизнѣ, и въ томъ еще обстоятельстве, что многіе стѣсняются писать библіографическія статьи, не будучи увѣрены, всегда ли приметъ ихъ журналъ, такъ какъ подобныя статьи по большей части особо заказываются редакціями.

Что касается до публичныхъ лекцій, читанныхъ при гвар-

дейской артиллеріи полковникомъ Ратчемъ въ 1859 году, то предметъ ихъ, какъ говорится въ первомъ чтеніи, на стр. 176, «будетъ изложеніе дѣйствій гвардейской артиллеріи, по соединеніи ея въ одинъ отдѣльный баталіонъ (въ 1796 году), послѣдовательно во всѣхъ сраженіяхъ, во которыхъ она принимала участіе. Первымъ было сраженіе при Аустерлицѣ, въ кампанію 1805 года». Послѣ этого обѣщанія, полковникъ Ратчъ считаетъ необходимымъ ознакомить своихъ слушателей съ состояніемъ гвардейской артиллеріи предъ началомъ кампаніи и по этому поводу посвящаетъ первыя два чтенія (помѣщенные въ № 4 «Артиллерійскаго Журнала», на 61 страницѣ) исключительно ознакомленію съ состояніемъ и бытомъ артиллеріи только до Императора Павла, такъ что до кампаніи 1805 года еще остается очень много. Конечно, свѣдѣнія, добросовѣстно собранныя полковникомъ Ратчемъ и заключающія въ себѣ почти полный историческій очеркъ нашей артиллеріи со времени Петра Великаго, заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много интереснаго, но они совершенно отодвинули на задній планъ участіе гвардейской артиллеріи въ кампанію 1805 года. Очевидно, что ученый лекторъ увлекся богатствомъ имѣвшихся у него матеріаловъ и желаніемъ подѣлиться ими съ своими слушателями.

Въ заключеніе, скажемъ, что небольшая статейка г. И. Ю: «Нѣсколько словъ по поводу ранцевъ въ пѣшей артиллеріи», выставляетъ все неудобство для пѣшаго артиллериста ранца и предлагаетъ замѣнить его особыми чемоданами, которые безъ особаго затрудненія могли бы быть возимы на передкахъ и зарядныхъ ящикахъ. Подобное улучшеніе несомнѣнно принесло бы значительныя выгоды и, по всей вѣроятности, обратитъ на себя вниманіе высшаго артиллерійскаго начальства.

«Народное Чтеніе». №№ 1 и 2.

«Чтеніе для Солдатъ». Книжка первая и вторая.

«Солдатская Бесѣда» 1859 года. №№ 5 и 6.

Грамотность въ нашихъ войскахъ все болѣе и болѣе распространяется. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, явно свидѣлствуютъ отчеты объ успѣхахъ грамотности въ разныхъ частяхъ нашей арміи. вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе является настоятельная надобность въ доставленіи грамотнымъ нижнимъ чинамъ книгъ и журналовъ, которые бы могли удовлетворять вполне весьма понятной въ нихъ жадѣ къ чтенію. Но для удовле-

нія этой новой потребности, все попрежнему, остаются три выше названные нами журнала, изъ которыхъ только два послѣдніе непосредственно издаются собственно для солдатъ. При такой бѣдности этой части нашей журналистики, очевидно, было бы чрезвычайно желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, эти два журнала представляли какъ можно больше матеріаловъ. Но, къ сожалѣнію, оба эти изданія очень малы по своему объему. «Солдатская Бесѣда» мала по объему потому, что, по сознанію самого издателя, она не имѣетъ ни сотрудниковъ, ни матеріальныхъ средствъ. Книжки же «Чтенія для Солдатъ» хотя представляютъ большій объемъ, но, отдавая полную справедливость трудамъ редакціи этого журнала, сознавая всѣ затрудненія, встрѣчаемыя редакціею, при осуществленіи желанія, дабы «Чтеніе для Солдатъ» достигало желаемой пользы, мы не можемъ не указать на пристрастіе редакціи къ разговорной формѣ, въ которой передаются большая часть очень необходимыхъ и даже интересныхъ для солдата свѣдѣній. Подобная форма изложенія бесполезно растягиваетъ статью вопросами и повтореніемъ въ отвѣтъ того же самаго, что было сказано уже въ вопросѣ; притомъ же, при подобной формѣ изложенія, самыя интересныя и полезныя для солдата вещи пріобрѣтаютъ какую-то отрывочность и гораздо труднѣе запоминаются, чѣмъ тогда, если бы онѣ были изложены въ связномъ, живомъ разказѣ. Напримѣръ, къ чему, кромѣ растянутаго веденія подобный порядокъ вопросовъ въ статьѣ «О службѣ въ гарнизонѣ»:

«Нѣтъ ли какихъ нибудь особыхъ обязанностей для часовыхъ, стоящихъ въ сумерки или послѣ пробитія вечерней зори?»

«Съ сумерекъ до разсвѣта, часовые должны удваивать свое вниманіе.»

За этимъ краткимъ и неполнымъ отвѣтомъ слѣдуютъ два другіе вопроса:

«Съ наступленіемъ сумерекъ и въ продолженіе ночи, должны ли часовые окликать проходящихъ?»

«Слѣдуетъ ли часовымъ, послѣ пробитія вечерней зори, подавать другъ другу сигналы: «слушай!»

Спрашивается, къ чему раздѣлены эти три вопроса? Неужели же ихъ нельзя было соединить въ одинъ? Но при этой растянутасти, отчасти вслѣдствіе самой же этой формы изложенія, весьма многое объяснено крайне неполно; не говоря уже о томъ, что вовсе нѣтъ объясненій употребляемыхъ въ статьѣ словъ:

постъ, ордонансъ-гаузъ, встрѣчаются объясненія въ родѣ слѣдующихъ :

«Что есть часовой?»

«Вооруженный солдатъ, поставленный для охраненія поста, есть часовой; онъ не прикосновененъ.

«Въ чемъ состоитъ обязанность часового, стоящаго у фронта?»

«Часовой у фронта охраняетъ находящіяся на платформѣ оружіе и знамя (если таковое имѣется), не допуская къ нимъ никого изъ постороннихъ.»

Или, напримѣръ, подобный пунктъ:

«Когда унтеръ-офицеръ можетъ быть начальникомъ караула?»

«Начальникомъ караула можетъ быть унтеръ-офицеръ: 1) когда онъ командуетъ унтеръ-офицерскимъ карауломъ, и 2) за отсутствіемъ, по какой бы то ни было причинѣ, на офицерскомъ караулѣ, караульного офицера».

Но, кажется, о первомъ случаѣ нечего было бы и упоминать, а во второмъ, да позволено будетъ замѣтить, что унтеръ-офицеръ вовсе не дѣлается начальникомъ караула. Если, напримѣръ, караульный офицеръ переодѣвается или осматриваетъ арестантовъ, развѣ унтеръ-офицеръ дѣлается на это время начальникомъ караула? Кажется, что нѣтъ. Къ чему же только печатымъ словомъ сбивать съ толку солдатъ?

Дѣлая это замѣчаніе, мы, въ то же время, не можемъ не отозваться съ полною похвалою о намѣреніи редакціи «Чтенія для Солдатъ» ознакомить своихъ подписчиковъ съ нѣкоторыми географическими данными нашего отечества. Въ этихъ видахъ, въ разсматриваемыхъ нами двухъ книжкахъ помѣщены «Разказы странствователя по замѣчательнымъ мѣстамъ Россіи», Н. Высоцкого. Въ нихъ описаны довольно наглядно и не безъ интереса сѣверный край, Московская и Тульская губерніи. Одно только, что мы позволимъ себѣ замѣтить по поводу этой статьи, это то, отчего бы г. Н. Высоцкому не принять какой нибудь послѣдовательности въ своихъ разказахъ? отчего бы, напр., не начать съ Москвы и потомъ идти систематически съ своими обозрѣніями во всѣ стороны, а не бросаться съ одной части Россіи въ другую? Во второй же книжкѣ помѣщена статья того же автора: «Краткое поясненіе карты Европейской Россіи»; но выходъ самой карты, обѣщанной редакціею, отложенъ еще до третьяго номера. Сухое и педантическое, это поясненіе переполнено

ошибками и недосмотрами, въ родѣ слѣдующихъ: Виндава впадаетъ въ Рижскій заливъ; Эмба вытекаетъ изъ Уральскихъ горъ; «Черное море омываетъ южные берега Европейской Россіи и юго-западные Кавказскаго края, именно отъ устьевъ Дуная, по всему сѣверному и западному побережью, до *кр. св. Николая*, что лежитъ въ Закавказьи, на границѣ нашей съ Азіатскою Турціею»; Бештау причислена къ высочайшимъ горамъ Кавказскаго хребта, а не помянута гора Дыхъ-Тау, Сольватъ-Дагъ, Барбало и другія; въ числѣ кавказскихъ племенъ упоминаются Дагестанцы, Лезгины, Черкесы, Абхазы, Кабардинцы и другіе; и много еще разныхъ промаховъ: напр., о Волгѣ только и сказано, что она впадаетъ въ Каспійское море; объ Окѣ и Араксѣ нигдѣ не упомянуто, а за то перечисляются рѣки, подобныя Эмбѣ, Курѣ, Водлѣ, Вактѣ и другимъ; сказано, сколько верстъ между разными станціями Петергофской желѣзной дороги. Для представленія же обралика описательной части статьи г. Н. Высоцкаго, приводимъ слѣдующую характеристику Кавказскихъ горъ:

«Хребетъ Кавказскихъ горъ *изрытъ пещерами* и имѣетъ скалистые и снѣгомъ обложенныя вершины, теряющіяся въ облакахъ. Въ угорьяхъ находится множество плодородныхъ долинъ. Предгорія покрыты густыми лѣсами, дубовымъ, кленовымъ, ясневымъ и другими. Горы содержатъ разные металлы, въ особенности мѣдь и свинецъ, и изобилуютъ минеральными источниками, также нефтяными ключами.»

— Кромѣ «Чтенія для Солдатъ», «Народное Чтеніе» приняло на себя знакомить своихъ читателей съ географіею и, сверхъ того, съ исторіею Россіи. Но и здѣсь первая къ этому попытка, обнаружившаяся въ статьѣ «Азіа и Сибирь», вызываетъ на нѣкоторыя замѣчанія. Конечно, азіатскія владѣнія Россіи представляютъ весьма большой и особенно въ настоящее время самый живой интересъ. Но къ чему крестьянину знать объ отдаленныхъ краяхъ болѣе, чѣмъ онъ знаетъ о смежныхъ, окружающихъ его земляхъ? Въ поименованной нами статьѣ, напр., довольно пространно разсказывается о бытѣ и жизни Китайцевъ. Спрашивается: не лучше ли было бы прежде ознакомить читателей «Народнаго Чтенія» съ жителями Европейской Россіи, да хоть и съ европейскими ея сосѣдями? Вообще, признано, что географію лучше всего начинать съ описанія того, что находится ближе всего къ ученику, и правило это въ особенности было бы по-

лезно примѣнять при передачѣ географическихъ свѣдѣній простонародью. Вѣроятно же, большинство читателей «Народнаго Чтенія» находится въ Европейской Россіи, а никакъ не въ Сибири; слѣдовательно, казалось бы весьма естественнымъ прежде описать Европейскую, а потомъ уже Азіатскую Россію. Гораздо удачнѣе попытка «Народнаго Чтенія» ознакомить своихъ читателей съ исторіею Россіи. Помѣщаемые въ немъ «Разказы изъ русской исторіи», И. Бѣллева, «Повѣсть о Южной Руси», П. Кулиша, заслуживаютъ вниманія и вполне могли бы удовлетворить и солдатъ для ознакомленія ихъ съ отечественною исторіею. Но и по этой части въ «Народномъ Чтеніи» встрѣчается преувеличеніе: къ чему нашему народу нужна «Исторія чешскаго народа», помѣщенная въ № 2 «Народнаго Чтенія»? Конечно, Чехи составляютъ весьма интересную и значительную отрасль славянскаго племени; но отрасль эта такъ удалилась отъ Россіи, что почти не имѣетъ съ ней никакихъ рѣшительно сношеній, а, между тѣмъ, есть славянскіе же народы, которые по всему гораздо ближе къ Русскимъ, чѣмъ опѣметчившіеся, хотя и выбивающіеся изъ-подъ нѣмецкой коры Чехи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что попытки нашихъ журналовъ, назначаемыхъ для чтенія солдатъ и простолюдиновъ, учить своихъ читателей, на первыхъ порахъ не совсѣмъ еще удачны. Но, конечно, мы никакъ не можемъ ставить имъ это въ упрекъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отозваться съ похвалою объ этомъ начинаніи и не пожелать ему полного, самаго лучшаго успѣха. Если жъ мы и рѣшаемся дѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу этого начинанія, то единственно только изъ желанія содѣйствовать успѣху дѣла, живо всѣхъ интересующаго.

Стремясь къ распространенію полезныхъ знаній между своими читателями, рассматриваемые нами журналы, въ то же время, продолжаютъ доставлять своимъ подписчикамъ и пріятное чтеніе, которое бы тоже косвенно дѣйствовало на развитіе ихъ понятій и нравственности. Въ этомъ отношеніи, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ «Солдатской Бесѣдѣ», издаваемой даровитымъ г. А. Погоскимъ. Разказы его отличаются простотою завязки, теплотою изложенія и чѣмъ-то особеннымъ, дѣйствительно затрагивающимъ за сердце. Чтò можетъ быть, наприимѣръ, проще его разказа: «Подосиновики»?

«Егоръ Савельевъ, нѣжно любящій свою молодую красавицу-жену, попадаетъ по очереди въ солдаты и оставляетъ жену

въ деревнѣ, а возвратившись на родину чрезъ пятнадцать лѣтъ, застаеъ у себя въ домѣ цѣлую кучу вовсе ему не принадлежащихъ ребятишекъ, появившихся на свѣтъ Божій въ его отсутствіе. Онъ любитъ свою жену такъ же, какъ любилъ при разставаньи съ нею, видитъ ея слезы, узнаеъ, что его считали въ деревнѣ убитымъ, и, не сдѣлавъ женѣ ни одного упрека, признаеъ этихъ «подосиновиковъ», какъ онъ ихъ называлъ по ихъ рыжимъ головкамъ, своими дѣтьми.» Событіе весьма простое, которое бываетъ почти съ каждымъ солдатомъ, оставляющимъ свою жену въ деревнѣ, на родинѣ; но какъ оно описано! Сколько поучительности можно извлечь изъ личности Егора Савельева, солдата такъ себѣ, какъ и всѣ наши солдаты! А сколько картинъ самыхъ живыхъ, самыхъ трогательныхъ, какъ, напр., прощанье Савельева съ женою, при выступленіи рекрутской партіи, возвращеніе его на родину, встрѣча съ дочерью и съ женою. Рѣшительно каждый прочтеъ этотъ разсказъ съ удовольствіемъ, а для солдата онъ особенно будетъ увлекателенъ, потому что въ немъ солдатъ найдетъ себя вполне такимъ, какимъ онъ есть, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній. И солдатъ вполне пойметъ всѣ чувства, какія волновали Савельева, вполне оцѣнитъ, что и ему возможно сдѣлать то же, что сдѣлалъ Савельевъ, если бы ему пришлось быть въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ.

Лучшими разсказами въ «Чтеніи для Солдатъ» могутъ быть названы: «Гдѣ тишь да гладь, тамъ Божья благодать», И. Кушерева, и «Добровольное признанье», Н. Маева.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Савойскій вопросъ; отношенія къ нему Швейцаріи; очеркъ ея вооруженныхъ силъ. — Единство Германіи, разсматриваемое съ военной точки зрѣнія. — Назначеніе генерала Ламорисьера главнокомандующимъ папскою арміею; численность папскихъ войскъ къ 1 марта 1860 года. — Отношенія Неаполя къ Пиемонту; составъ и раздѣленіе военныхъ силъ послѣдняго. — Составъ австрійской арміи. — Заключеніе мира между Испаніею и Марокко. — Лѣтніе лагерные сборы во Франціи, Пруссіи и Австріи. — Мелкія военныя извѣстія.

Въ Военномъ Обозрѣніи за прошлый мѣсяцъ, мы имѣли случай указывать на то, что пока итальянскій вопросъ отодвинутъ на второй планъ и что всеобщее вниманіе обратилось на присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи и въ особенности на то, каковы будутъ въ будущемъ отношенія Швейцаріи къ Савойи. Собственно вопросъ о присоединеніи Ниццы и Савойи къ Франціи можетъ считаться вполне уже рѣшеннымъ. Трактатомъ 24 (12) марта Викторъ-Эммануэль уступилъ эти земли Франціи, съ тѣмъ, чтобы, однако, населеніе ихъ было спрошено о томъ, желаетъ ли оно остаться подъ властію прежнихъ своихъ владѣтелей, или же принадлежать Франціи. Въ настоящее время уже извѣстны результаты всеобщей подачи голосовъ въ Савойѣ и графствѣ Ниццскомъ, результаты, вполне благопріятные для Франціи. Затѣмъ остается только, чтобы туринскія палаты утвердили трактатъ 24 марта, что никакъ не встрѣтитъ затрудненій, такъ какъ рѣшительное большинство палатъ вполне расположено въ пользу министерства графа Кавура и не будетъ

противорѣчить тому, что уже сдѣлано этимъ министерствомъ. Наконецъ, что касается до утвержденія этой уступки королемъ сардинскимъ императору Французовъ первостепенными европейскими державами, то и это не встрѣтило затрудненій, такъ какъ большая часть кабинетовъ отозвалась, что видить въ этомъ дѣлѣ не болѣе, какъ частную сдѣлку; только одну Англію возмущала эта уступка да Австрія объявила, что такъ какъ она всегда протестовала противъ всякаго незаконнаго увеличенія земель одной державы на счетъ другой, какъ она протестовала противъ присоединенія Центральной Италіи къ Піемонту, то не можетъ по этому самому уже одобрить и присоединенія Савоиі и Ниццы къ Франціи. Но это кажущееся единомысліе вѣнскаго кабинета съ лондонскимъ нисколько не можетъ еще служить къ сближенію Австріи съ Англіею, такъ какъ Австрія все-таки признаетъ присоединеніе Савоиі къ Франціи болѣе законнымъ, чѣмъ присоединеніе Центральной Италіи къ Піемонту, потому что первое имѣетъ въ основаніи своемъ взаимное согласіе обоихъ государствъ, а второе сдѣлано наперекоръ протестамъ законныхъ владѣтелей Модены, Пармы, Тосканы и Романьи. Но протесты эти Англіи и Австріи противъ присоединенія Савоиі къ Франціи останутся лишь мертвою буквою и нисколько не поколеблютъ рѣшеній императора Наполеона, такъ что, въ настоящее время, присоединеніе Савоиі и Ниццы къ Франціи надо считать уже дѣломъ рѣшеннымъ.

Гораздо большія затрудненія встрѣчаетъ окончательное рѣшеніе савойскаго вопроса при опредѣленіи будущихъ отношеній Савоиі къ Швейцаріи. Въ Военномъ Обзорѣнн за прошлый мѣсяцъ, мы уже говорили о военномъ значеніи и объ основаніяхъ, на которыхъ опирается Швейцарія, протестуя противъ присоединенія Савоиі къ Франціи. Теперь намъ остается сказать только, что протесты эти, съ которыми Швейцарія обращалась ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ рѣшенія вѣнскаго конгресса 1815 года, нашли полное сочувствіе въ кабинетахъ этихъ державъ. Всѣ онѣ вполне согласны въ томъ, что поддержаніе и полное обезпеченіе нейтралитета Швейцаріи вполне необходимо для общаго спокойствія Европы и что нейтрализація сѣверной части Савоиі нужна для обезпеченія этого нейтралитета. Притомъ, всѣми кабинетами была изъявлена надежда, что, вѣроятно, французское правительство не замедлитъ признать правъ Швейцаріи занимать, въ извѣстныхъ случаяхъ, своими вой-

сками сѣверную часть Савойи, такъ какъ и въ самомъ трактатѣ 24 марта сказано, что сардинскій король передастъ нейтральныя части Савойи на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ владѣлъ ими, и что императоръ Наполеонъ общаетъ войти въ соглашеніе по этому предмету съ первостепенными державами и съ Швейцарскимъ Союзомъ. И, дѣйствительно, изъ послѣднихъ телеграфическихкихъ депешъ видно, что Франція представила европейскимъ кабинетамъ программу занятій конференціи, долженствующей, въ непродолжительномъ времени, имѣть мѣсто въ Парижѣ. Конференція эта должна будетъ разсмотрѣть параграфъ 92 заключительнаго акта вѣнскаго конгресса, относящійся къ нейтрализаціи сѣверной Савойи, и согласовать его съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и съ трактатомъ 24 марта. При этомъ Франція объявляетъ, что она готова принять на себя тѣ же обязательства относительно Швейцаріи, какими былъ прежде связанъ Пиемонтъ, или же признать тѣ измѣненія ихъ, какія будутъ найдены необходимыми, лишь бы только съ этимъ не была связана потеря для нея Савойи или же раздробленіе ея. Въ этомъ рѣшеніи французскаго правительства нельзя не признать нѣкоторой уступчивости противъ первыхъ его намѣреній, когда оно полагало возможнымъ вовсе не обращать вниманія на протестъ Швейцарскаго Союза. Уступчивость эта должна быть объяснена отчасти той энергіей, какую выказалъ Союзъ въ рѣшимости своей защищать свои права, отчасти же участіемъ, выказаннымъ Швейцаріи всѣми кабинетами и особенно лондонскимъ. Чтобы показать взглядъ на савойскій вопросъ собственно швейцарскаго союзнаго правительства, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую статью, заимствованную изъ полуофициальной швейцарской газеты «*Bund*».

«Въ виду рѣшительнаго намѣренія императора Наполеона присоединить сѣверную Савойю къ Франціи на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими областями, Союзу остается выбрать одно изъ двухъ: или протестовать и оставаться въ бездѣйствіи, или же протестовать не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Каждое изъ этихъ рѣшеній, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ много защитниковъ. Въ пользу перваго можно выставить, что Франція могущественна, а Швейцарія слаба, что армія, одержавшая надъ жентскую и сольферинскую побѣду, считается лучшею нашего времени, между тѣмъ, какъ швейцарскія милиціи вовсе еще не обстрѣлены порохомъ; что, наконецъ, все заставляеть

иногда, что если дойдетъ дѣло до войны между Франціею и Швейцаріею, то послѣдняя непремѣнно будетъ побѣждена. Вотъ если бы мы были увѣрены, что хоть одна изъ европейскихъ державъ присоединится къ намъ, тогда дѣло другого рода! Но, къ сожалѣнію, англійскій парламентъ только спорить, правительство англійское остается въ нерѣшительности, а нація англійская не движется; Россія безмолствуетъ, да и сипшкромъ удалена отъ театра событій; Австрія сердится, но основывается свои расчеты на всеобщемъ воиненіи и выжидаетъ епо; «жилліонъ» шедруженныхъ Германцевъ мечтаетъ у своего очага. При такомъ положеніи, очевидно, многіе найдутъ слишкомъ смѣлшимъ если Швейцарія рѣшится выступить одна противъ могущественной имперіи.

Итакъ, нужно протестовать и оставаться зрителемъ того, что можетъ произойти. Конечно, если отбросить въ сторону чуждыя страсти, то этотъ путь не будетъ стоить никакихъ жертвъ ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ. Но непремѣннымъ следствіемъ подобнаго, столь хвалимаго многими, рѣшенія будетъ слѣдующее: Наполеонъ III, приобретая сѣверную Савойю, которая вовсе не нужна для безопасности Франціи, очевидно имѣла бы придвинуться къ Бошпому Сенъ-Бернару и къ Симплону, съ тѣмъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ эти чрезвычайно важные проходы на случай надобности дѣйствовать наступательно въ Италію. Овладевъ сѣвѣрною Савойею, онъ дѣлаетъ къ тому только первый шагъ; вторымъ же шагомъ на этомъ пути неизбежно должно быть овладѣніе Жюневскимъ и Валезскимъ кантонами (*); потому что если только Франція утвердится въ сѣвѣрной Савойи, то тогда для Швейцаріи будетъ совершенно невозможно оборонять эти два кантона.

Если Швейцарія рѣшилась бы протестовать не только на словахъ, но и на дѣлѣ, то подобное рѣшеніе потребовало бы необыкновенныхъ усилій и жертвоуаній. Въ случаѣ, если бы Наполеонъ III захотѣлъ непремѣнно поцрать права Швейцаріи въ Савойи и не обратилъ бы вниманія на ея протесты, должна возникнуть борьба; и борьба кровопролитная, если только Швейцарія будетъ поступать какъ слѣдуетъ. Объ этомъ-то слѣдуетъ въ ближайшее время объявить народу, чтобы потомъ не винили упрямыхъ въ томъ, что борьба начата необдуманно.

(*) Валезскій кантонъ составляетъ бассейнъ Верхняго Рона.

«Вѣроятнымъ послѣдствіемъ такой рѣшимости Швейцаріи, самое худшее, что можетъ быть, если мы будемъ побѣждены, это—потеря Женевы и Валезскаго кантона, съ тою только разницею, что мы сохранимъ вполне честь страны и удержимъ за собою право требовать возвращенія этихъ уступокъ, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Уступая передъ сильнѣйшимъ побѣдителемъ, мы сохранимъ уваженіе къ себѣ Европы, что можетъ помочь намъ вернуть снова утраченное въ то время, когда Франція слѣлается жертвою своей судьбы, увлекающей ее къ завоеваніямъ. Потерявши же честь страны, мы упадемъ въ глазахъ Европы, и о Швейцаріи никто не захочетъ вспомнить, при окончательномъ разсѣлѣ. Таковы самыя худшія послѣдствія, какія только могутъ быть отъ борьбы нашей съ Франціею.

«Но есть еще другое весьма важное обстоятельство, которое должно побудить Швейцарію къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Если мы рѣшимся защищать свои права оружіемъ, если мы станемъ въ военное положеніе, вынуждая нападеніа Франціи, тогда вопросъ, занимающій насъ, перестанетъ уже быть садовымъ, а слѣлается швейцарскимъ и чрезъ то самое общеевропейскимъ. Тогда мы смѣло можемъ выжидать, дѣйствительно ли Европа все позволитъ тюльерійскому двору и согласится ли она гладнокровно сморщить на то, какъ Франція будетъ ломать одно государство за другимъ. Но за то, если великія европейскія державы найдутъ постыднымъ для себя не признавать и не рѣшаться на то, на что рѣшется ничтожная Швейцарія, тогда появятся благоприятныя для насъ шансы, и очень вѣроятно, что тогда подтвердится снова известная поговорка: что «смѣлость есть лучшій совѣтникъ».

«Накой же путь изберетъ Швейцарія? Надо полагать, что послѣдній. Если же нѣтъ, то надо быть послѣдовательными: оставите обсуживаемый въ союзномъ собраніи вопросъ объ объединеніи арміи, перестанемъ замѣнять гладкоствольныя ружья наръзными, распустимъ милицію и тѣ миллионы, которые употребляются на нее центральнымъ правительствомъ и кантонами, обратимъ лучше на наши фабрики и прядильни. Если наша армія не можетъ намъ служить для войны, то, право, она слишкомъ дорогая нагрузка для мирнаго времени.»

«И дѣйствительно, Швейцарія вполне избрала тотъ путь, чтобы, прореснувъ противъ видовъ Франціи дипломатическимъ потакомъ, въ то же время, приготовиться ко всякой случайности. Рѣ-

шимость эта центрального союзного правительства встрѣчена всеобщимъ энтузіазмомъ всего народонаселенія, безъ всякихъ отгѣиковъ партіи. 26 (14) марта союзное собраніе положило собрать войска, и сборы эти въ отдѣльныхъ кантонахъ производятся съ необычайною скоростію. Пока сборы эти производятся, подѣ предлогомъ повторенія военныхъ упражненій (Wiederholungskurs); но правительство не стѣсняется высказывать прямо ихъ настоящее назначеніе. Такъ, президентъ Бернского кантона прямо объявилъ собравшемуся у городской ратуши народу, что «повтореніе военныхъ упражненій сдѣлалось, въ настоящее время, исполнѣ необходимымъ для швейцарской націи и ея безопасности, — повтореніе упражненій, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность въ тѣ именно дни, когда швейцарскіе граждане, не спрашивая о числѣ и силѣ своихъ непріятелей, а единственно увѣренныя въ своей правотѣ, восклицаютъ: во имя Бога, это возможно (Es sei gewagt im Namen Gottes)». При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что Швейцарія, занимая всего 718 кв. миль пространства и имѣя нѣсколько менѣе двухъ съ половиною миллионъ жителей, можетъ выставить, въ случаѣ нужды, до 120,000 хорошо устроеннаго войска, не считая ландвера, который въ Швейцаріи занимаетъ, въ ряду военныхъ учрежденій, то же мѣсто, что прусскій ландштурмъ, съ тою только разницею, что въ послѣдній вступаютъ всѣ граждане отъ 17 до 50-лѣтняго возраста, не состоящіе въ рядахъ постоянной арміи и ландвера, а въ швейцарскій ландверъ зачисляются всѣ безъ различія способные носить оружіе и имѣющіе не выше 44 лѣтъ. Собственно численность постоянной арміи Союза вполнѣ обусловливается численностію народонаселенія отдѣльныхъ кантоновъ, такъ какъ, по союзному договору 1815 года, каждый кантонъ обязанъ выставять свой контингентъ войскъ, разсчитанный по два солдата со ста человѣкъ населенія. Срокъ службы очень великъ, именно 15 лѣтъ, изъ которыхъ десять въ постоянной арміи и пять въ резервѣ; но изъ этого срока только самая незначительная часть времени посвящается службѣ, именно при постоянныхъ сборахъ для учений, прочее же время войска распушены по домамъ, оставляя на службѣ самые лишь необходимые кадры. Поэтому-то содержаніе швейцарской арміи занимаетъ необыкновенно малую долю союзнаго бюджета, именно всего около восьмой части всего числа расходовъ. А, между тѣмъ, армія эта имѣетъ много прекрасныхъ качествъ: она заключается въ своихъ

рядахъ превосходныхъ стрѣлковъ и, что всего важнѣе, воодушевлена необыкновенною преданностію и любовію къ своему отечеству; а потому вполне можно надѣяться, что, въ случаѣ нужды, особенно при оборонительной войнѣ въ предѣлахъ савойской Швейцаріи, армія эта можетъ считаться вполне надежною.

Однакожь, приготовляя все, чтобы встрѣтить всякую могущую представиться случайность, Швейцарія, конечно, не иначе рѣшится употребить въ дѣло оружіе, какъ развѣ только уже въ самомъ крайнемъ случаѣ. Пока же она совершенно благоразумно воздерживается отъ всякихъ угрожающихъ движеній и даже принимаетъ мѣры къ тому, чтобы уклонить отъ себя все то, что могло бы бросить на нее обвиненіе въ желаніи нарушенія общаго спокойствія. Такъ, между прочимъ, союзнымъ правительствомъ приняты мѣры, чтобы не допускать внесенія изъ Швейцаріи въ Савойю какихъ либо волненій съ цѣлью насильственнаго присоединенія сѣверной Савойи къ Союзу. Но, въ то же время, Швейцарія не перестаетъ звать къ заступничеству всѣхъ державъ, подписавшихъ заключительный актъ вѣнскаго конгресса, и на этотъ призывъ всѣ кабинеты отзывались полнымъ сочувствіемъ къ интересамъ Союза. Но наиболѣе сильно сочувствіе это выразилось въ Англіи, въ парламентѣ которой савойскій вопросъ возбудилъ сильныя пренія и диспуты. Недовѣріе, выраженное нѣкоторыми членами нижней палаты къ существующему министерству за его кажущуюся слабость относительно видовъ французскаго правительства, вызвало министра иностранныхъ дѣлъ лорда Джона Росселя на пространное объясненіе палатѣ политики Англіи къ императору Наполеону. Въ своей рѣчи, лордъ Джонъ Россель почти прямо объявилъ, что онъ не имѣетъ довѣрія къ умѣренности и мирнымъ стремленіямъ императора Французовъ, что, по его убѣжденію, присоединеніе Савойи непременно должно побудить французское правительство современемъ къ стремленію захватить подобнымъ образомъ и другія еще земли. «А потому-то, какъ ни велико наше желаніе жить въ добромъ согласіи съ французскимъ правительствомъ—сказалъ Джонъ Россель—но мы не должны, однако, удаляться отъ другихъ европейскихъ народовъ, для того, чтобы, въ случаѣ, если современемъ возникнутъ опять какіе нибудь новые вопросы, мы были бы готовы дѣйствовать вмѣстѣ съ другими и могли бы всегда объявлять, въ умѣренныхъ и самыхъ дружественныхъ, хотя и настойчивыхъ выраженіяхъ, что установленіе между-народныхъ

отношеній и миръ Европы слишкомъ дорогъ для Англiи и что отношенiя эти и этотъ миръ не могутъ считаться вполне обезпеченными, если они будутъ подвергаться постояннымъ нарушенiямъ, постояннымъ опасенiямъ и безпокойству за присоединенiе такой-то или другой страны, что наконецъ европейскiя державы, если онѣ дѣйствительно желаютъ сохраненiя мира, должны взаимно уважать обоюдныя ихъ права и границы и въ особенности возстановлять, а отнюдь не нарушать то коммерческое довѣрiе, которое является результатомъ спокойствiя, усиливаетъ его и обезпечиваетъ благосостоянiе народовъ.» Въ то же время, и другiя европейскiя державы, въ своихъ отвѣтныхъ нотахъ на протестъ Швейцарiи, дали понять, что онѣ вполне признають сохраненiе правъ послѣдней необходимымъ для общаго спокойствiя, и потому обѣщали ей свое полное содѣйствiе. Но все это можетъ повести только къ тому, что за Швейцарiей сохранять право, въ извѣстныхъ случаяхъ, присоединять къ ней транзитету сѣверную часть Савойи, но отнюдь не позволять этой части отдѣлиться отъ южной и совершенно присоединиться къ Союзу. А это все-таки не вполне удовлетворитъ желанiямъ союзнаго правительства и не уменьшитъ его опасенiй, такъ какъ оно всегда должно будетъ ожидать, что нейтрализацiя сѣверной Савойи можетъ быть нарушена и что опасность со стороны Францiи можетъ угрожать юго-западнымъ предѣламъ Швейцарiи. Прикрыть же и вполне обезпечить эти предѣлы слишкомъ трудно для Союза, да и стоило бы слишкомъ большихъ жертвованiй. По расчисленiю одной швейцарской военной газеты, мѣры, клонящiяся къ этому, обошлись бы болѣе, чѣмъ въ 25,500,000, считая здѣсь расходы по заведенiю необходимой на Женевскомъ озерѣ флотилiи, по укрѣпленiю разныхъ пограничныхъ пунктовъ и наконецъ по проложенiю разныхъ дѣлающихся необходимыми, въ военномъ отношенiи, дорогъ. Такой расходъ, конечно, долженъ быть крайне чувствителенъ для государства, доходы котораго простираются въ годъ не болѣе какъ до 17,000,000. «Подобно тому, какъ на вѣнскомъ конгрессѣ — говоритъ вышеупомянутый журналъ — одинъ изъ прусскихъ генераловъ, узнавъ, что Россiя получаетъ Польшу, воскликнулъ: «теперь намъ ничего болѣе не остается, какъ держать постоянно межу Кенигсбергомъ и польскою границею не менѣе 100,000; такъ и мы можемъ сказать теперь, что если Францiя завладѣетъ

сѣверную Савойю, то Швейцарія ничего болѣе не останется, какъ, употребивъ опромѣни суммы на усиленіе своихъ границъ, содержать еще въ постоянной готовности, по крайнему мѣру 20,000 милицій, которыя бы, по первому телеграфическому извѣстію, были въ возможности стать на защиту угрожавшихъ пунитовъ».

Конечно, нельзя не признать, что предположенія императорской пазеты оцѣнило преувеличены, потому что безопасности Швейцаріи не ея нейтралитетъ все-таки гораздо болѣе обезпечиваются взаимнымъ обязательствомъ европейскихъ державъ чинитъ дѣйствительными силами Союза; но, съ другой стороны, нельзя не признать и справедливости, въ которой отечественныя опасенія Швейцарцевъ, потому что если теперь будутъ нарушены права ихъ на сѣверную Савойю, то современныя точно также Франція можетъ разсчитывать и при другихъ нарушеніяхъ трактатовъ и договоровъ, особенно, если императорскій набѣдетъ увидитъ, что Европа смотритъ равнодушно на подобныя нарушенія. Поэтому-то настоящіе протесты, предъявляемые по поводу савойскаго вопроса, имѣютъ особенно важное значеніе въ томъ отношеніи, что показывая общій рѣшимость европейскихъ державъ противиться всякаго рода нарушеніямъ правъ народныхъ, а проявленіемъ подобной рѣшимости весьма часто можетъ быть совершенно достаточнымъ для того, чтобы предотвратить разныя непризнанныя столкновенія и содѣйствовать поддержанію мира. Такимъ образомъ, можно сказать, что, въ настоящемъ вопросѣ, касающемся Савойи, на сторонѣ Швейцаріи если и нѣтъ вполнѣ достаточной матеріальной силы, для защиты правъ Союза, но зато есть сила нравственная, которая, вѣроятно, приостановитъ на время предпринимчивость болѣе сильной, въ матеріальномъ отношеніи, стороны. Этотъ-то перевѣсъ на сторонѣ Швейцаріи нравственной силы и будетъ причиною, что врядъ ли савойскій вопросъ сдѣлается вопросомъ обще-европейскимъ, разрѣшеніе котораго могло бы потребовать употребленія вооруженной силы. Конечно, если вѣрять нѣкоторымъ нѣмецкимъ газетамъ, то непосредственнымъ слѣдствіемъ савойскаго вопроса должно быть повтореніе обще-европейскихъ коалицій противъ Франціи, — коалицій, въ которыхъ главное и первое мѣсто долженъ занять «милліонъ вооруженныхъ Германцевъ», на который постоянно возлагаются столь блистательныя и поспѣшно не выполняющіяся

надежды. Этимъ миллиономъ вооруженныхъ Германцевъ нѣкоторыя газеты, а въ особенности «Аугсбургская Всеобщая Газета», постоянно стараются всѣхъ пугать. Въ прошломъ году ихъ прямо уже направляли на Парижъ, теперь ими снова грозятъ Франціи; но угрозамъ этимъ такъ и суждено только оставаться въ газетныхъ столбцахъ, не переходя въ дѣло. Дѣйствительно, Германія настоящаго времени представляетъ слишкомъ разрозненное цѣлое для того, чтобы безъ коренныхъ преобразованій въ своемъ правительственномъ устройствѣ сдѣлаться страшною по своей военной силѣ. Германскій Союзъ представляетъ, въ своемъ составѣ, двѣ главныя части, имѣющія совершенно различныя направленія и стремленія: это именно Австрія и Пруссія, югъ и сѣверъ. Австрія по всѣмъ своимъ началамъ стремится къ поддержанію настоящаго порядка дѣлъ, настоящей разрозненности Союза съ сеймомъ, представляющимъ собою не націю, а личности отдѣльныхъ государей. Напротивъ того, Пруссія вполне сознаетъ необходимость кореннаго преобразованія Союза, чтобы Франкфуртскій сеймъ былъ замѣненъ парламентомъ, который бы служилъ представителемъ германской націи, а не однихъ только правительствъ.

Пока Пруссія еще не вполне высказалась съ этими желаніями, но по всему видно, что она вполне сочувствуетъ имъ и не замедлитъ явно обнаружить ихъ. До времени же, она находится еще, въ своихъ отношеніяхъ къ Германіи, почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится Сардинія къ Италіи. Пруссія служить для Германіи образцомъ правительства, основаннаго на либеральныхъ, чисто національныхъ началахъ; мало того: она не пропускаетъ ни одного удобнаго случая, чтобы не содѣйствовать развитію тѣхъ же началъ и въ другихъ государствахъ Союза; цѣлью постоянныхъ своихъ стремленій она поставила единство германской націи. Очевидно, что, при такомъ разногласіи двухъ первостепенныхъ державъ Союза, въ немъ нечего и ожидать встрѣтить успѣшность во внутреннихъ и вѣнскихъ предпріятіяхъ. Дѣйствительно, всякая мѣра, какъ бы она ни была хороша, если только она предложена одною державою, встрѣчаетъ противодѣйствіе другой. Напрасно второстепенныя государства, какъ-то: Баварія, Саксонія, Виртембергъ, всячески стараются поддержать искусственную связь между Пруссіею и Австріей — старанія ихъ не приведутъ ни къ какимъ результатамъ. Въ числѣ мѣръ, предполагаемыхъ способными восстано-

вить и упрочить это все болѣе и болѣе распадающееся единство между сѣверомъ и югомъ, полагають подчиненіе того и другаго одному Франкфуртскому сейму; но всѣ благоразумные люди Германіи вполнѣ сознають, что до тѣхъ норъ, пока сеймъ будетъ существовать, Германіи невозможно сдѣлаться сильною, вліятельною въ европейскихъ дѣлахъ державою. Пруссія также вполнѣ сознаетъ это и всячески старается уклониться и избавиться изъ-подъ зависимости сейма. Такъ, въ прежнихъ обозрѣніяхъ, мы уже сообщали, что, по поводу возникшаго вопроса о преобразованіи германской арміи, Пруссія предложила, чтобы впредь войска Союза были раздѣляемы между двумя главнокомандующими: прусскимъ и австрійскимъ, при чемъ, конечно, должно было бы утратиться вліяніе сейма на эти отдѣльныя части. Дѣлая это предложеніе, Пруссія главнѣйше имѣла въ виду дать возможность каждой изъ первостепенныхъ державъ Германіи обратить всѣ свои силы на общаго противника, сгруппировать и подчинивъ своему вліянію всѣ мелкіе контингенты второстепенныхъ государствъ. Но послѣднимъ, конечно, не могло понравиться это предложеніе, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что на сеймѣ, гдѣ Пруссія имѣетъ на своей сторонѣ меньшинство, предложеніе ея не будетъ принято. Считаемъ излишнимъ перечислять здѣсь и другія предложенія, которыя, въ разныя времена, дѣлались Пруссіею, въ видахъ единства Германіи, и которыя или все были отвергаемы, или же если и были принимаемы, то въ измѣненномъ и совершенно превратномъ видѣ. А, между тѣмъ, несмотря на это сопротивленіе германскихъ правительствъ видамъ Пруссіи, намѣренія ея получаютъ все большую и большую популярность, постепенно проникають и въ самую правительственную среду и вызываютъ берлинскій кабинетъ на окончательное, явное обнаруженіе его стремленій. Такъ, еще въ прошломъ году, образовалось въ Германіи національное общество германскаго единства,—общество, принявшее въ свой составъ всѣхъ лучшихъ людей въ Германіи. Оно возбудило сильныя опасенія въ правительствахъ второстепенныхъ государствъ, было преслѣдуемо ими; но не прошло и года со времени его образованія, какъ оно появляется уже въ законодательныхъ собраніяхъ Кобургъ-Готы и Франкфурта и дѣлаетъ представленія уже правительствамъ. Чтобы показать, въ чемъ заключаются требованія этого общества, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь предложеніе, сдѣланное во Франкфуртскомъ законодательномъ собра-

ни и принятые единогласно этихъ собраніемъ. Въ предложеніи этомъ сказано:

«Къ истинному приобщенію каждого патріота, мы вынуждены къ позорному признанію: Германскій Союзъ невоспомогъ вѣлся тридцатилѣтнимъ миромъ для того, чтобы создать націю, образовать единое отечество, дать Германіи средства защищаться противъ чужой силы. Германія, не желая нападать на другія государства, имѣетъ для своей защиты лишь твердую волю націи; но ей всегда недостаетъ перваго непрѣмннаго условія всякаго успѣха—правильнаго единства организаціи, единства руководящей воли. Внутренніе несогласія, дробящіе Германію, всегда были самыми вѣрными союзниками вѣчнаго врага, и мы не можемъ утѣшаться надеждой побѣды при Лейпцигѣ и Ватерлоо, если намъ необходимо пережить пораженія при Лейп и Ульмѣ. Съ запада уже раздаются голоса, указывающіе дорогу къ Рейну; въ Альзасѣ издаются новые журналы, съ цѣлью ознакомить прусскіхъ жителей съ благотѣльными французскаго владычества, предателями продаются планы германскихъ крепостей... Германскій народъ и нѣкоторые лица, управляющіе нашимъ отечествомъ, сознаютъ, въ чемъ мы нуждаемся, какой опоры намъ недостаетъ: сильной центральной власти и живѣющаго участія націи въ управленіи своею собственною судьбою.»

Такимъ образомъ, два законодательныя собранія уже высказались въ пользу стремленій общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общество скорѣе заявитъ себя и въ прусскихъ палатахъ, гдѣ оно имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ, и тогда правительство Пруссіи, вѣроятно, не замедлитъ высказаться откровенно въ его пользу и рѣшится уже болѣе прямымъ путемъ идти противъ настоящаго положенія дѣлъ въ Германіи. Очевидно, что новыя эти стремленія въ германской націи должны, въ настоящее время, проявиться съ особенною силою, въ виду опасности, грозящей Германіи со стороны Франціи. Стремленія эти вызовутъ несомнѣнно противодѣйствіе со стороны приверженцевъ существующаго порядка дѣлъ, быть можетъ завяжется борьба внутри самой Германіи, а при этомъ плохо уже разсчитывать на миліоны вооруженныхъ Германцевъ, которые могли бы помѣшать воинственнымъ замысламъ Франціи.

Итакъ, въ виду проявляющихся снова, въ политикѣ тюрингскаго кабинета, идей о естественныхъ границахъ, Германія является раздробленною, безъ прочной связи, безъ единства, съ

только что просыпающимся чувствомъ сознанія національнаго достоинства. Но, тѣмъ не менѣе, возрождающаяся германская нація видитъ сильную опору для себя въ Пруссіи, которая очень хорошо сознаетъ всю важность своего назначенія и употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы достойнымъ образомъ выполнить это назначеніе. Съ этою цѣлю, въ послѣднее время, прусское правительство постоянно усиливаетъ свой либерализмъ въ дѣлахъ внутренняго управленія страной, а чрезъ это Пруссія получаетъ сочувствіе какъ самой германской націи, такъ и Англіи, обличеніе съ которою особенно важно для нея, при настоящемъ политическомъ положеніи Европы.

Но, при выполненіи Пруссіей своего назначенія, ей придется, какъ мы сказали уже, немало бороться противъ враговъ Германіи. Враги эти, по словамъ г. Беннигсена, президента національнаго общества германскаго единства, «внутри—ультрамонтанизмъ и деспотизмъ, вѣнъ—военный деспотизмъ». Совершенно съ тѣми же самыми врагами внутренними должна бороться за единство и свободу Італія—Сардинія. Въ этомъ, между прочимъ, болѣе всего и заключается сходство ея съ Пруссіей. Сдѣлавшись, вслѣдствіе присоединенія къ ней Центральной Італіи, наиболѣе значительнымъ государствомъ Аппенинскаго полуострова, принявши на себя роль защитницы и освободительницы угнетенной итальянской національности, Сардинія, очевидно, въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда либо, должна была стать въ непріязненные отношенія къ оставшимся еще на полуостровѣ правительствамъ. И, действительно, не говоря уже о почти враждебныхъ отношеніяхъ ея къ Австріи, ея какъ-то чуждается неаполитанское правительство, несмотря на родственныя связи между неаполитанскимъ и туринскимъ дворами, а папа даже употребилъ противъ нея свое духовное оружіе, отлучивъ отъ церкви всѣхъ дѣйствующихъ, зачинщиковъ, помощниковъ, соучастниковъ, участвовавшихъ въ возмущеніи, похищеніи церковныхъ владѣній и вторженіи въ нихъ. Впрочемъ, эта мѣра папы вовсе не принесла никакихъ результатовъ: на нее почти никто не обратилъ вниманія, и даже, какъ кажется, самъ папа не придаетъ ей большаго значенія, потому что вступилъ въ дипломатическія сношенія съ отлученнымъ имъ отъ церкви туринскимъ кабинетомъ, что, по точному смыслу церковныхъ уставовъ, строго запрещено, подъ опасеніемъ, что вступающій въ сношенія съ отлученнымъ отъ церкви, тоже подвергается отлученію. Но если такъ непрі-

явленны къ Сардиніи итальянскіе правители, то народъ за то смотритъ на нее совершенно другими глазами. Къ ней обращаютъ свои взоры всѣ истинные Итальянцы, желающіе, чтобы, по словамъ Виктора-Эммануэля, Италія была только для Итальянцевъ, чтобы итальянская нація вышла наконецъ изъ-подъ духовнаго и свѣтскаго деспотизма и начала новую свободную жизнь, при которой только и возможно полное развитіе народнаго благосостоянія и самостоятельности. Но, вмѣстѣ съ усиленіемъ надеждъ чисто національной и либеральной партіи, увеличиваются опасенія итальянскихъ правителей, дошедшихъ до крайнихъ предѣловъ консерватизма. Въ Обзорѣніи за прошлый мѣсяцъ, мы видѣли уже, какія мѣры принимаются Австріею въ Венеціанской области для сохраненія въ ней спокойствія. Не менѣе усиленную дѣятельность обнаруживаютъ, съ тою же цѣлью, и въ Римѣ и въ Неаполѣ. Въ Римѣ народонаселеніе только и держится присутствіемъ французскихъ войскъ, которыя всячески подавляютъ всѣ враждебныя папской власти демонстраціи. Но занятіе Французами Рима не можетъ быть безконечно: императорское правительство уже высказывалось, что оно думаетъ о томъ времени, когда ему прійдется отозвать свои войска изъ Италіи; теперь и самъ папа, какъ кажется, сталъ думать объ этомъ. Дѣлать уступки, вводить реформы, которыхъ такъ жаждутъ жители Церковной области, папа не желаетъ да и не можетъ сдѣлать, потому что онѣ неминуемо повели бы къ окончательному паденію его свѣтской власти. Слѣдовательно, остается поддерживать настоящій порядокъ дѣлъ вооруженною рукою; а такъ какъ Французы могутъ современемъ оставить Римъ, то весьма естественно, что папа возымѣлъ желаніе создать свою собственную армію, которая была бы только болѣе надежною, чѣмъ теперешнія папскія войска. Одно время папа имѣлъ было надежду, что въ поддержаніи его власти Французы могутъ быть замѣнены Неаполитанцами; но это, какъ и надо было ожидать, оказалось совершенно невозможнымъ, такъ какъ самому Неаполю угрожаетъ опасность, да, притомъ же, неаполитанскія войска слишкомъ ненадежны, потому что и въ нихъ проявляется сочувствіе къ Сардиніи. Съ цѣлью же возрожденія своей собственной арміи, папа нашелъ наиболѣе надежнымъ средствомъ пригласить для командованія ею генерала, который былъ бы извѣстенъ своими военными способностями и заслугами. Выборъ его палъ на французскаго генерала Ламорисьера, пріобрѣвшаго европейскую извѣстность

своими подвигами въ Африкѣ, гдѣ онъ окончательно сломилъ вліяніе Абдъ-ель-Кадера, захвативъ самого эмира въ плѣнъ. Такъ какъ, по всей вѣроятности, генералу этому прійдется играть, быть можетъ, очень видную роль въ дѣлахъ Итальянскаго полуострова, то считаемъ не лишнимъ привести здѣсь краткую біографію его, заимствованную изъ «Spectateur militaire».

Изъ всѣхъ французскихъ генераловъ, стоявшихъ во главѣ алжирской арміи, Ламорисьеръ справедливо можетъ назваться единственнымъ, котораго вся карьера сдѣлана въ Африкѣ. Родившись въ 1806 году и окончивъ курсъ въ политехнической и въ мецской школахъ, Ламорисьеръ, въ 1830 году, молодымъ инженернымъ поручикомъ является въ составѣ французскаго экспедиціоннаго корпуса, посланнаго для наказанія алжирскаго дѣя. Такимъ образомъ, онъ является въ Алжиръ съ первыми высадившимися тамъ французскими войсками, и съ тѣхъ поръ алжирская территорія служила поприщемъ почти всей его дальнейшей службы; здѣсь онъ получилъ всѣ свои отличія и извѣстность. Съ самаго прибытія своего на африканскій берегъ, Ламорисьеръ понялъ, что французское владычество можетъ извлечь несказанныя выгоды изъ полного сближенія съ туземцами и изъ возможно лучшаго изученія самой страны. Съ этою цѣлью онъ старался изучать языкъ и нравы туземцевъ, сталъ принимать ихъ у себя, ѣздить во внутрь страны для ихъ посѣщенія на самыхъ мѣстахъ ихъ жительства и этимъ самымъ обратилъ на себя общее вниманіе, такъ что, когда, въ концѣ 1830 же г., приступлено было къ образованію туземной пѣхоты, то Ламорисьеръ, уже въ чинѣ капитана, получилъ въ ней роту. Пѣхота эта, сформированная первоначально преимущественно изъ кабилскаго племени Зуауа, послужила началомъ знаменитымъ въ Алжирѣ и въ войнахъ, веденныхъ Франціей на континентѣ Европы — зуавамъ. Первоначально ихъ было образовано только два баталіона, соединенные, въ 1833 г., въ одинъ, подъ начальствомъ Ламорисьера; потомъ, въ 1835 г., снова организовано два баталіона, все жъ такъ подъ общимъ начальствомъ Ламорисьера. Въ концѣ 1842 года, число зуавовъ увеличено до трехъ баталіоновъ, которые послужили, въ 1852 году, кадрами для образованія трехъ полковъ. Первоначально зуавы комплектовались только туземцами; потомъ новеиному стали допускать въ ихъ баталіоны Французовъ, и наконецъ французскій элементъ совершенно вытѣснилъ туземный,

а изъ туземцовъ, съ 1842 года, стали образовывать отдѣльные баталіоны алжирскихъ стрѣлковъ (тюркесовъ). Командуя зуавами, Ламорисьеръ, въ то же время, выполнилъ и разныя другія порученія и, между прочимъ, былъ первымъ начальникомъ такъ называемыхъ арабскихъ бюро и въ этомъ званіи оказывалъ многочисленныя услуги своимъ знаніемъ характера туземцевъ и умѣнѣемъ обращаться съ ними. Участвуя въ разныхъ мелкихъ экспедиціяхъ и въ особенности при взятіи Буджій и Константины, онъ все болѣе и болѣе приобреталъ извѣстности своей храбростію и распорядительностію. При взятіи Константины, въ 1837 году, онъ съ своими зуавами первый проникъ на брешь и водрузилъ французское знамя на укрѣпленіяхъ города; но въ это самое время страшный взрывъ опалилъ ему совершенно лицо, такъ что даже опасались за его глаза.

Черезъ десять лѣтъ послѣ появленія своего въ Африкѣ, Ламорисьеръ уже получаетъ генеральскій чинъ, сдаетъ командованіе надъ образованными почти подъ его непосредственнымъ вліяніемъ зуавами — Кавеньяку, а самъ получаетъ въ управленіе Оранскую область. Здѣсь дѣятельность его получаетъ уже большіе размѣры и удивляетъ своею разносторонностію. Вотъ что говоритъ объ этомъ періодѣ службы Ламорисьера биографъ его, лично знавшій его въ Африкѣ:

«Что особенно поражало, въ это время, въ знаменитомъ, это его, дѣйствительно необыкновенная дѣятельность. Онъ находился почти въ постоянныхъ поѣздкахъ по избранной ему области, посѣщая къ войскамъ всегда, когда имъ приходилось дѣйствовать, опережая ихъ на обратномъ пути; выслушивая лично, во время пути, всѣ доставляемыя туземцами свѣдѣнія; сойдя съ лошади, онъ отъчалъ на предлагаемыя ему проскты, забѣгалъ во всѣхъ мелочахъ, касающихся управленія обдѣлкою, иногда появлялся въ Оранѣ, чтобы получить важныя депѣши, отбѣгивалъ на нихъ и уѣхать столь же вѣстѣшно, какъ и пріѣхалъ. Генераль очень нравился войскамъ своею веселостію, своимъ манерами, фамильярностію; впрочемъ, онъ не упускалъ ничего изъ виду, чтобы понравиться войскамъ, и между прочимъ, постоянно называлъ простыхъ офицеровъ не иначе, какъ по имени. Войска, находившіяся въ Маснарѣ, главной квартирѣ Ламорисьера, находившіяся подъ непосредственнымъ его начальствомъ, до того порядились имъ, что не иначе называли себя, какъ *дочери Ламорисьерской арміею*.

«Постоянною привычкою Ламорисьера, во время похода, было курить сигары безпрерывно одну вслѣдъ за другою. Сопровождавшій постоянно генерала спавъ имѣлъ единственную обязанность снабжать его сигарами и вслѣдствіе того получилъ прозваніе «портъ-сигара Ламорисьера. При этомъ подмѣтили, сколько времени употребляется имъ на выкуриваніе одной сигары и сколько можно сдѣлать походовъ въ это время, что и повело къ введенію новой единицы для измѣренія разстояній. Вмѣсто того, чтобы говорить: до такого-то пункта столько-то мѣль, говорили, что до него столько-то сигаръ. Съ его маленькимъ лепи на годовѣ, въ короткомъ назакии, широкимъ шароварамъ, съ широкимъ поясомъ, съ длиною палкою въ рукѣ, безъ сабли, безъ эполетъ, мы любили видѣть въ главѣ нашихъ колоннъ молодого генерала, составлявшаго совершенную противоположность съ тѣми генералами и офицерами высшихъ чиновъ, которые, будучи проникнуты точностію уставовъ, только стѣсняли и напрасно беспокоятъ своихъ подчиненныхъ. Небольшого роста, но коренастый, съ лицомъ оживленнымъ и приятнымъ, Ламорисьеръ особенно былъ любимъ молодыми офицерами. Онъ зналъ это и дорожилъ тѣмъ. Часто онъ товарищавъ начальникамъ частей: «составьте отдыхать вашихъ старшихъ офицеровъ, если они устали; но дайте мнѣ подпоручиковъ, побольше подпоручиковъ». Онъ зналъ по опыту, чего болѣе всего онъ можетъ требовать съ молодыхъ людей, жаждущихъ отличій, воодушевленныхъ священнымъ огнемъ, для которыхъ особенно было лестно быть отличенными однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ генераловъ арміи. Въ экспедиціяхъ Ламорисьеръ былъ необыкновенно требователенъ, и его не могли остановить ни лишения, ни усталость; въ особенности осталась памятною въ преданіяхъ провинціи одна зимняя экспедиція въ окрестностяхъ Маскары, когда людямъ и скоту пришлось переносить невѣроятныя лишения». Вообще тотъ же биографъ отзываясь о Ламорисьерѣ, что онъ никогда не щадилъ солдатъ и не затруднялся въ экспедиціяхъ потерю людей отъ такихъ трудностей, которыя могли бы быть избѣгнуты. Въ этомъ отношеніи, онъ составилъ рѣзкую противоположность съ маршаломъ Бюжо, другою знаменитостію Аякса, за которыми, по справедливости, осталось данное ему солдатами прозваніе «petit Bugainville». Что же касается до чело-вѣчности, съ которою, въ некоторыхъ случаяхъ, Ламорисьеръ

обращался съ туземными племенами, то ее приписываютъ только честолюбивымъ замысламъ его, такъ какъ въ сближеніи съ туземцами онъ всегда видѣлъ новые и самые надежные залогов своихъ славныхъ подвиговъ.

Но важнѣйшая заслуга Ламорисьера относительно Франціи, кромѣ того, что онъ своимъ настойчивымъ преслѣдованіемъ принудилъ Абдъ-эль-Кадера къ сдачѣ, заключается несомнѣнно въ томъ, что онъ съ необыкновенною ловкостію умѣлъ окружать себя людьми достойными и давать имъ ходъ. Такъ, можно сказать, что въ его школѣ и подъ его руководствомъ возвысились генералъ Мартемпре, теперешній губернаторъ Алжира, Трошю, Дома, Сенневиль, Вальсинъ-Эстергази, Боске, Шаррасть и др. Революція 1848 года вызвала Ламорисьера изъ Алжира къ занятію должности военнаго министра. Замѣчательно, что въ этой новой должности онъ особенное вниманіе свое обратилъ на Алжиръ и преимущественно на то, чтобы, по возможности, военное управленіе замѣнить въ немъ гражданскимъ, сообразнымъ съ существовавшимъ въ то время во Франціи. При немъ были назначены въ Алжирскую область префекты и ассигновано 50,000,000 франковъ на усиленіе европейской колонизаціи.

Переворотъ 1852 года удалилъ Ламорисьера совершенно изъ французской арміи и отъ политики, которой до настоящаго времени онъ оставался совершенно чуждъ. Поэтому-то настоящее появленіе его снова на политическомъ поприщѣ привело всѣхъ въ удивленіе. Дѣйствительно, бывъ сторонникомъ революціи 1848 года и освобожденія національностей, теперь Ламорисьеръ пристаеъ въ Италіи къ сторонѣ, совершенно враждебной этимъ направленіямъ. Объясняли это нерасположеніемъ его къ теперешнему правительству Франціи; но предположеніе это оказывается неосновательнымъ, потому что Ламорисьеръ вступилъ въ службу папы съ согласія императора Наполеона и, прибывъ въ Римъ, вступилъ въ сношенія съ начальникомъ французскаго окупационнаго корпуса. Гораздо болѣе заслуживаетъ вѣроятія то предположеніе, что Ламорисьеръ принялъ главное начальство надъ папскими войсками съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно надежною опорою папской власти и тѣмъ сохранить за папою остающіяся еще у него области. Быть можетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются и отдаленные виды на возстановленіе папской власти въ Романьи. Мы говоримъ: отдаленные, потому, что преобразованіе войскъ папы не можетъ быть совер-

шено очень быстро и представить для энергіи Ламорисьера немалыя затрудненія. Пока извѣстно только, что Ламорисьеръ представилъ уже папѣ свой проектъ переформированія арміи, по которому численность папской арміи должна быть доведена до 30,000 человѣкъ. Справедливость этого извѣстія подтверждается тѣмъ, что уже разосланы въ легатства и въ Мархію вербовщики для набора волонтеровъ. Вѣстѣ съ тѣмъ, Ламорисьеръ настаиваетъ на заведеніе, по крайней мѣрѣ, одной батареи нарізныхъ орудій, что, по всей вѣроятности, будетъ скорѣ исполнено, такъ какъ одинъ изъ аристократовъ Франціи, герцогъ Биллинси, Ла-Рошфуко, предложилъ папѣ въ даръ 12 нарізныхъ орудій.

Чтобы имѣть возможность судить о томъ, въ какой мѣрѣ будутъ успѣшны дѣйствія Ламорисьера по увеличенію численности папской арміи, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь свѣдѣнія о состояніи ея къ 1 марта 1860 года:

Главный штабъ 18 челов., штабъ крѣпостей 50, военное интендантство 13, административная часть 30, полкъ артиллеріи 930, ивѣстный баталіонъ 1,000, инженеры 40.

Туземной пѣхоты: 1-й батал. стрѣлковъ 850, 2-й 730, 1-й полкъ 1,750, 2-й 1,110.

Иностранная пѣхота: 1-й батал. стрѣлковъ 470, 2-й 1,054, 1-й полкъ 2,431, 2-й 1,645.

Кавалеріи 170; жандармы: римскій легіонъ 2,200, легіонъ легатствъ 770, легіонъ Мархіи 1,050. Всего 16,111 человѣкъ.

Слѣдовательно, увеличеніе по проекту новаго главнокомандующаго должно быть почти на 14,000 чел., при чемъ особенное вниманіе, безъ сомнѣнія, будетъ обращено на усиленіе кавалеріи и артиллеріи и вообще преимущественно на улучшеніе матеріальной части, которою не можетъ похвалиться папская армія. Для этого, конечно, нужны довольно значительныя финансовыя средства, что немало затруднить и папу и новаго преобразователя его арміи. Судя по послѣднему отчету министра финансовъ, Феррари, по смѣтѣ на 1860 годъ, предполагался дефицитъ въ 707,597 скудо (*), который долженъ еще болѣе увеличиться вслѣдствіе тѣхъ необыкновенныхъ случайностей, которыя нельзя было предвидѣть и которыя обманули всеобщія

(*) Серебряная скудо папской области равняется 1 р. 34½ к. сер.
Т. XIII. Отд. II.

ожиданія. Увеличеніе арміи и уменьшеніе доходовъ папы вслѣдствіе отпаденія Романьи и почти совершеннаго упадка торговли побуждаютъ, въ настоящее время, прибѣгнуть къ займу въ 50,000,000, о чемъ уже ведутся переговоры съ нѣкоторыми банкирскими домами Бельгій. Новый заемъ, конечно, будетъ очень чувствителенъ для папскаго правительства, государственныи долгъ котораго простирается къ 1 января 1858 года уже болѣе, чѣмъ до 66,000,000 скудо.

Но если папа, набравъ, для приведенія своей арміи на хорошую ногу, генерала, который можетъ оказать ему большія услуги, тѣмъ самымъ обезпечиваетъ, въ нѣкоторой степени, свое положеніе, то совершенно другое встрѣчаемъ въ Неаполѣ, другомъ противникѣ стремленій Итальянцевъ, а слѣдовательно и представителя атихъ стремленій — Піемонта. Дѣйствительно, въ Неаполѣ броженіе умовъ все болѣе и болѣе усиливается, и само правительство, кажется, дѣлаетъ все для большаго еще возбужденія атого броженія, а отнюдь не для усмиренія его. Дѣйствія неаполитанскаго правительства до того противны всѣмъ истиннымъ началамъ свободы, что, не говоря уже о томъ, что они возбуждаютъ противъ себя постоянные протесты со стороны лондонскаго кабинета, въ послѣднее время, они встрѣтили даже неодобреніе папы и нѣкоторыхъ членовъ семейства тецереццянскаго короля Франциска II. Такъ, папа, дозволивъ неаполитанскимъ магнатамъ поселиться въ Римѣ, прямо изъяснитъ неаполитанскому посланнику свое неудовольствіе на образъ дѣйствій его правительства. Съ другой стороны, и графъ Сиракузскій, для Франциска II, написалъ къ своему царственному племяннику письмо, въ которомъ излагаетъ всю необходимость болѣе національной политики внутренней и политическаго соединенія съ Піемонтомъ, какъ единственно почти возможное средство къ поддержанію на престолѣ нынѣ царствующей династіи. Въ заключеніе своего письма, графъ Сиракузскій говоритъ: «Неужели мы предпочтемъ національную политику роковое муниципальное уединеніе? Муниципальное уединеніе подвергаетъ насъ не только иностранному гнету, но, что еще хуже, отдавая страну на жертву внутреннимъ раздорамъ, оно сдѣлаетъ изъ нея легкую добычу для всѣхъ партій. Тогда сила будетъ верховнымъ закономъ. Но сердце вашего величества, конечно, отвергаетъ мысль о сдерживаніи одною только силою оружія страстей, которыя,

напротивъ, можетъ умѣрять прямодушіе молодого короля и обращать къ добру, протянувъ руку дружбы королю другой части Италіи и утвердивъ тронъ Карла III на основаніяхъ, которыя существуютъ въ цивилизованной Европѣ.»

Надо полагать, что всѣ эти увѣщанія, поступающія съ разныхъ сторонъ, возымѣютъ наконецъ свое дѣйствіе на Франциска II, тѣмъ болѣе, что броженіе умовъ, долго сдерживаемое правительствомъ, въ послѣднее время, стало проявляться въ разныхъ частяхъ королевства явными возстаніями. Прежде всего оно обнаружилось въ нѣкоторыхъ городахъ Сициліи, и хотя правительству повременамъ удастся мѣстами погасить его войсками, но возстаніе, тѣмъ не менѣе, приобретаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Пока о ходѣ этого возстанія имѣются еще самыя смутныя свѣдѣнія, но, въ одномъ изъ слѣдующихъ обозрѣній, мы надѣемся представить нашимъ читателямъ полный ихъ очеркъ.

Въ виду тѣхъ опасностей, которыми окружено правительство Виктора-Эммануэля, весьма естественно, что одною изъ первыхъ заботъ его является возможно большее усиленіе вооруженныхъ силъ государства и оборонительныхъ средствъ его. И, дѣйствительно, мы видимъ, что сардинское военное министерство не останавливается въ своей усиленной дѣятельности. Военныя приготовленія продолжаются, по прежнему; особенное же вниманіе обращено на усиленіе артиллеріи и кавалеріи, а именно: приступлено къ образованію восьми новыхъ батарей, вооруженныхъ нарѣзными орудіями, и имѣется въ виду число кавалерійскихъ полковъ увеличить до 24, изъ которыхъ будетъ: 6 кирасирскихъ, 3 гусарскихъ, 3 драгунскихъ и 12 легко-конныхъ. Такое усиленіе артиллеріи и кавалеріи можетъ служить указаніемъ, что сардинское правительство, по всей вѣроятности, думаетъ значительно еще увеличить настоящую численность своей арміи, которая уменьшилась тысячъ на пятнадцать распущеніемъ савойской бригады и вообще всѣхъ уроженцевъ Ниццы и Савойи. Самое же названіе савойской бригады, какъ кажется, будетъ сохранено въ сардинской арміи и бригада эта будетъ укомплектована Ломбардцами. Всего же общая численность итальянской арміи, находящейся, въ настоящее время, въ распоряженіи Виктора-Эммануэля, простирается до 173,000 человекъ, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ:

	Человѣкъ.
Пѣхота: 52 полка линейные (2,600 чел. каждый) . .	135,200
— 26 баталіоновъ берсальери (въ 600 чел.) . .	15,600
Кавалерія: 16 полковъ (въ 600 чел. каждый) . . .	9,600
— 5 эскадроновъ гидовъ (по 160 ч. каждый) .	800
Артиллерія: полевой 32 батареи (по 130 чел.) . . .	4,200
— Крѣпостной 20 ротъ и 2 роты запасныя (по 130 чел. каждая)	2,800
Инженеры: 20 ротъ дѣйствующихъ и 2 запасныя (по 150 чел. каждая)	3,300
Полкъ рабочихъ	1,500

Къ этому числу надо еще прибавить фурштатъ, интендантство, королевскихъ карабинеръ и дисциплинарныя роты, что все вмѣстѣ составитъ, приблизительно, до 200,000, каковое число предполагается усилить еще 50,000 человѣкъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сардинскія войска уже вступили во вновь присоединенныя къ Піемонту провинціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ часть тосканскихъ войскъ передвинута въ Піемонтъ. Единновременно съ этимъ воспослѣдовалъ королевскій приказъ о новомъ раздѣленіи всей арміи на пять корпусовъ, составъ и распредѣленіе которыхъ слѣдующее:

1 корпусъ, подъ начальствомъ генерала Этторе ди-Сонназъ (*), имѣетъ штабъ-квартиру въ Александріи и состоитъ изъ 2 дивизіи Гоццани де-Тревиалье, 10 Меццакаппо, 11 Кальдерина и одного кавалерійскаго полка.

2 корпусъ, подъ начальствомъ генерала Альфонса Ламармори, въ Бреши, состоитъ изъ 3 дивизіи Молляра, 6 Чиральо, 9 Стефанелли, съ тремя кавалерійскими полками.

3 корпусъ, подъ начальствомъ генерала Джіовани Дюрандо, въ Пармѣ, состоитъ изъ 5 дивизіи Куккіари, 8 Петтинонго, 12 Риботти и трехъ кавалерійскихъ полковъ.

4 корпусъ, генерала Чіальдини, въ Болоньи, состоитъ изъ 1 дивизіи Вилламарино, 7 Декаверо, 13 Розелли, тоже съ тремя кавалерійскими полками; наконецъ,

5 корпусъ, генерала Мороццо-делла-Рокко, находится въ Туринѣ и состоитъ изъ 4 дивизіи Джіанотти, изъ савойской

(*) Генерала этого не слѣдуетъ смѣшивать съ кавалерійскимъ генераломъ Маврикіемъ Сонназъ, отличившимся въ дѣлѣ при Монтебелло и теперь командующимъ кавалеріей 5 корпуса.

бригады, бригады альпійскихъ стрѣлковъ, съ дивизіею кавалеріи, находящеюся подъ начальствомъ генерала Маврикія Сенназа.

Такимъ образомъ, изъ этого распредѣленія сардинской арміи по территоріи королевства видно, что главныя ея массы обращены къ сторонѣ Австріи, а именно: главныя части 2, 3 и 4 корпусовъ сосредоточены къ сторонѣ Венеціанской области, отбѣливъ только незначительныя части отъ 3 и 4 корпусовъ на мѣнѣ угрожаемую границу съ Папской областью. Затѣмъ, 1 и 5 корпуса составляютъ резервъ общаго расположенія.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ арміи, сардинское правительство принимаетъ мѣры для созданія во вновь пріобрѣтенныхъ провинціяхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые бы служили для прикрытія границъ или же опорными пунктами, если бы сардинскимъ войскамъ пришлось дѣйствовать наступательно противъ Австріи. Главное вниманіе, въ этомъ отношеніи, обращено на долину рѣки По, которая имѣетъ необыкновенно важное военное значеніе для Сардиніи. Дѣйствительно, въ случаѣ вторженія Австрійцевъ въ Ломбардію, главныя ихъ силы, вѣроятно всего, направятся по этой долинѣ, такъ какъ, слѣдуя сѣвернымъ путемъ, ближайшимъ къ горамъ, войска ихъ могутъ подвергаться нападеніямъ враждебнаго имъ населенія горныхъ округовъ. Въ этихъ видахъ, особенное вниманіе сардинскаго правительства обращено на укрѣпленіе разныхъ пунктовъ, лежащихъ близъ самой р. По, какъ-то: Кремоны и Пизигетоне; но главныя фортификаціонныя работы производятся въ Піаченцѣ, такъ какъ пунктъ этотъ весьма важенъ для охраненія сообщеній между Центральной Италіей и Піемонтомъ. Со стороны же Центральной Италіи, кромѣ укрѣпленнаго лагеря у Болоньи, о которомъ мы уже говорили въ прежнихъ обзорѣніяхъ, возводятся еще полевые укрѣпленія, для предохраненія Модены отъ нападенія открытою силою, и исправляется старинная феррарская цитадель.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что врядъ ли основательны опасенія Піемонта быть атакованнымъ, въ настоящее время, со стороны Австріи. Подожженіе этой имперіи, можно сказать, съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе критическимъ. Неудачи внутри имперіи постоянно усиливаются; а, между тѣмъ, правительство упорно отстаиваетъ свою ретроградную политику. Уступки, дѣлаемыя имъ время отъ времени, слишкомъ незначительны для того, чтобы возбудить и под-

держатъ взаимное довѣріе между правительствомъ и народомъ; обѣщанія же никто уже не вѣритъ, такъ что даже сдѣланныя, въ послѣднее время, Венгріи нѣкоторыя уступки, выказывающія намѣреніе императора возстановить прежнія права Венгерцевъ, были встрѣчены чрезвычайно холодно. А, между тѣмъ, въ самомъ государственномъ управленіи открываются разныя злоупотребленія, въ которыхъ бывають замѣшаны лучшіе люди имперіи. Такъ, мы уже извѣщали нашихъ читателей о дѣлѣ барона Эйнаттена, повлекшемъ за собою многочисленныя аресты; теперь намъ остается сообщить о самоубійствѣ барона Брука, австрійскаго министра финансовъ, бывшаго въ числѣ передовыхъ людей Австріи. Вотъ что, по поводу смерти его, говоритъ газета «Times»:

«Въ жизни государствъ есть своего рода предсказанія, болѣе страшныя, чѣмъ всякія кометы и затмѣнія. Есть признаки слабости и несомнѣннаго распадѣнія болѣе вѣрные, чѣмъ проигранныя сраженія и потеряныя области. Такъ, задолго еще передъ грозой, разразившейся, въ 1848 г., надъ Франціей, черныя тучи собирались уже надъ нею со всѣхъ сторонъ, и, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, воздухъ какъ-то особенно былъ тяжелъ. Несчастная Австрійская имперія обнаруживаетъ теперь подобные же признаки. Только судящіе о дѣлахъ слишкомъ поверхностно могутъ полагать, что послѣднія совершенныя въ имперіи огромныя плутовства менѣе опасны, чѣмъ потеря Милана или постоянная угроза венгерскаго возстанія.

«Но мы видимъ, что не только отдѣльнымъ частямъ государства грозитъ опасность быть оторванными бурей народныхъ страстей, но и что самый престолъ подтачивается медленною болѣзнію, такъ что все наконецъ рухнется въ одно время.... Мы узнаемъ, изъ телеграфической депеши, горестныя обстоятельства, сопровождавшія кончину барона Брука. Этотъ государственный человѣкъ, считаемый, по справедливости, однимъ изъ самыхъ ловкихъ людей въ Австріи, единственный министръ, который могъ бы еще поддержать государственныя финансы, кончаетъ жизнь свою среди агоніи отчаянія и стыда. Вѣсть извѣстно, что смерть барона Брука послѣдовала на другой же день по его увольненіи отъ должности министра. Теперь мы можемъ говорить объ этомъ дѣлѣ откровенно, такъ какъ секретныя изслѣдованія, подававшія было поводъ къ тяжкимъ подозрѣніямъ, теперь совершенно ужъ объяснились. Оказалось, что министръ

былъ уволенъ въслѣдствіе его участія въ тѣхъ плутняхъ, которыя обнимали всю имперію отъ Богеміи до Триеста, и что онъ испыталъ свою дрянь тѣмъ, что, принявъ дѣль, перерѣзалъ себѣ горло.

«Судьба этого замѣчательнаго человека принадлежитъ къ числу тѣхъ страничныхъ лилей, которыя оставляютъ грустныя страницы въ исторіи. Чтобы министръ финансовъ первостепеннаго государства, лучший совѣтникъ древняго престола, другъ величайшаго государственнаго человека Европы, почетный гость во дворцахъ государей во всѣхъ столицахъ, защитникъ свободы торговли и промышленности, отличавшійся умомъ между дворянскими, военными и духовными сословіями, — чтобы подобный человекъ обманулъ общественное къ нему довѣріе, обворовалъ свою страну и только самоубійствомъ набѣгнуть бы заслуженнаго наказанія — такіе факты, кельека забываются.»

Все это, дѣйствительно, представляетъ крайне печальную и неутѣшительную картину. Тѣмъ болѣе, что со стороны правительства вовсе не замѣтно никакой дѣятельности относительно коренныхъ преобразованій, въ которыхъ такъ нуждается имперія. Почти вся дѣятельность поглощается лишь мелочами, которыя, не помогая нисколько дѣлу, только еще болѣе раздражаютъ населеніе. Наиболѣе дѣятельности до сихъ поръ проявилось только на одному военному вѣдомству, и это лучше всего показываетъ, что до сихъ поръ еще австрійское правительство не перестаетъ возлагать всѣ свои надежды лишь на одно оружіе. И, дѣйствительно, вооруженныя силы Австріи, несмотря на затруднительное состояніе ея финансовъ, нисколько не уменьшаются, а остаются въ той же численности, въ такую поставила ихъ дракоподолія Итальянская война. Вотъ, на основаніи, «Военнаго Альманаха» на 1860 годъ, составъ австрійской арміи. Во главѣ ея стоитъ военная канцеларія императора, военное министерство, главный штабъ и корпусъ адъютантовъ. Затѣмъ слѣдуютъ 4 фельдмаршала, 16 генералъ-фельдцейхмейстеровъ, 92 фельдмаршалъ-лейтенантовъ и 124 генералъ-маіора. Собственно армія состоитъ изъ дворцовой и императорской гвардіи (весьма немногочисленной), 80 линейныхъ желиновъ пѣхоты, 14 полковъ пограничныхъ, пограничнаго баталіона Тителъ, полка тирольскихъ стрѣлковъ, 32 стрѣлковъ баталіоновъ, санитарныхъ ротъ, 4 исправительныхъ ротъ, 12 кирасирскихъ полковъ, 2 драгунскихъ, 12 гусарскихъ, 12 уланскихъ, 2 гусарскихъ полковъ, собранныхъ изъ волонтеровъ, и одного та-

кого же полка уланъ, 12 полковъ полевой артиллеріи, 1 полка береговой артиллеріи, 1 полка ракетнаго, 19 артиллерійскихъ командъ по крѣпостямъ, 12 батальоновъ инженеръ и 6 пионеръ, корпуса рѣчныхъ флотилій, военнаго фурштата, 19 полковъ жандармовъ, военной полиціи, 9 учреждений ремонтныхъ и коннозаводскихъ, 6 военныхъ конныхъ заводовъ и 5 заведеній для инвалидовъ. Затѣмъ, въ видѣ отдѣльныхъ учреждений, существуютъ еще военные инженеръ-географы, военные канцелярин, 34 комендантскихъ управленій въ крѣпостяхъ, 8 комиссій для снабженія обмундированіемъ, 5 первоначальныхъ военныхъ школъ, 6 школъ высшихъ, 3 учебныя роты для пѣхоты, одинъ эскадронъ для кавалеріи, 4 роты для артиллеріи, одна для инженернаго вѣдомства и одна для пионеръ; 4 кадетскіе корпуса, одна военная академія для пѣхоты и кавалеріи, одна для артиллеріи и таковая же для инженеръ; заведеніе для военныхъ инструкторовъ; техническая артиллерійская школа; училище для офицеровъ генеральнаго штаба; высшіе курсы для артиллеріи и инженеръ; центральное заведеніе верховой ѣзды; артиллерійская школа верховой ѣзды; военно-административное училище; военная медико-хирургическая академія; ветеринарная школа; заведеніе для офицерскихъ дочерей и два таковыя же для дочерей солдатъ. Наконецъ, морскія силы Австріи состоятъ изъ корпуса матросовъ, корпуса морскихъ артиллеристовъ и полка морской пѣхоты.

Въ Военномъ Обзорѣнн за прошлый мѣсяцъ, мы сообщали, что наконецъ-то послѣ долгихъ, но вполне необходимыхъ приготовленій испанская армія, занимавшая Тетуанъ, 23 (11) марта, выступила по направленію къ Танжеру. Въ этотъ же самый день, значительно не доходя еще до Фондука, гдѣ предварительно Мавры укрѣплялись, съ намѣреніемъ встрѣтить здѣсь Испанцевъ, войска маршала О'Доннелля принуждены были атаковать непріятеля, занявшаго весьма выгодныя позиціи. Послѣдовавшія вслѣдъ за этимъ сраженіемъ событія, о которыхъ мы скажемъ впоследствии, совершенно отбѣснили на второй планъ самое сраженіе, такъ что о немъ почти вовсе не ищется подробныхъ, обстоятельныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что сраженіе было чрезвычайно кровопролитно. Мавры ишли, по показаніямъ Испанцевъ, отъ 40 до 50,000 въ бою, которымъ Испанцы могли противопоставить не болѣе 20,000, такъ какъ около 15,000, подъ начальствомъ генерала Ріоса, были оставлены въ Тетуанѣ,

для охраненія какъ этого пункта, такъ и сообщеній его съ моремъ. Непріятель дрался чрезвычайно упорно; но всѣ его усилія были преодолены Испанцами, которые, впрочемъ, при этомъ понесли весьма значительную потерю, простиравшуюся, по показаніямъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, до 2,000 человекъ, а на основаніи официальныхъ свѣдѣній только до 137 убитыми, 956 ранеными и 218 контуженными. Впрочемъ, каковы бы ни были подробности этого дѣла, которое корреспонденты называютъ болѣе замѣчательнымъ даже, чѣмъ первое сраженіе подъ Тетуаномъ, важно то, что оно было предвѣстникомъ заключенія мира между Марокко и Испаніей. Дѣйствительно, на другой же день послѣ этого сраженія, самъ Муллей-Аббасъ явился къ маршалу О'Доннелю съ предложеніемъ мира, вслѣдствіе чего 25 же марта было заключено перемиріе и подписаны прелиминаріи мирнаго договора. Въ настоящее время, условія эти уже утверждены обоими правительствами и заключаются въ томъ, что Испанія получаетъ небольшое лишь увеличеніе своей африканской территоріи въ окрестностяхъ Сеуты, но Тетуанъ возвращается Марокко, а, въ замѣнъ того, Испанія получаетъ новый портъ на Атлантическомъ океанѣ, въ южной части Мароккской имперіи, а именно Санта-Крузъ (Маръ-Пекера, или Меноръ); сверхъ того, марокканское правительство обязывается уплатить испанскому двѣсти милліоновъ піастровъ, до окончательной уплаты которыхъ Тетуанъ будетъ занятъ Испанцами. Кромѣ этихъ главнѣйшихъ условій, Испаніи дозволяется имѣть въ Фецѣ постоянно своего посланника и миссію, а въ торговомъ отношеніи Испанцамъ предоставляются въ предѣлахъ Мароккской имперіи права наиболѣе покровительствуемыхъ націй. Условія эти, хотя и выгодныя для Испаніи, были встрѣчены общимъ неудовольствіемъ въ народѣ, который ожидалъ для Испаніи болѣешихъ выгодъ отъ экспедиціи, стоившей государству необыкновенно много. Но маршалъ О'Доннель вполне понималъ необходимость этого мира, такъ какъ видѣлъ на дѣлѣ, какихъ огромныхъ пожертвованій стоилъ каждый день войны. Дѣйствительно, полагаютъ, что, въ теченіе этой шестимѣсячной кампаніи, Испанцы лишились болѣе 18,000 человекъ, изъ которыхъ около двухъ-третей погибло отъ эпидемій и болѣзней. Дальнѣйшія дѣйствія должны были бы вестись съ тою же медленностію и хотя несомнѣнно, что увѣнчались бы успѣхомъ, но не принесли бы плодовъ, вознаграждающихъ вполне за понесенныя жертвова-

нія. Сознавши все это, маршалъ О'Доннель выказалъ такую настойчивость въ своемъ желаніи заключить миръ, что даже изъявилъ рѣшимость отказаться отъ главнаго начальства надъ арміею и министерскаго портфеля, въ случаѣ, еслибъ правительство королевы не утвердило условій, предложенныхъ имъ Марокканцамъ.

Какъ бы то ни было, но неудовольствіе народа было всеобщее, при извѣстіи о заключеніи мира, такъ что нигдѣ не было по этому случаю никакихъ восторженныхъ демонстрацій, на которыя такъ щедра испанская нація.

Но въ это самое время случилось обстоятельство, которое снова, такъ сказать, возбудило сочувствіе народа къ правительству. Это именно неудачная попытка генерала Ортега произвести волненіе въ Испаніи въ пользу сына Донъ-Карлоса. Извѣстно, что отецъ королевы Изабеллы II, Фердинандъ VII, измѣнилъ существовавшій въ Испаніи законъ о престолонаслѣдіи, для того, чтобы доставить престолъ своей дочери, помимо настоящаго наслѣдника, брата своего Донъ-Карлоса, принявшаго, по смерти Фердинанда VII, титулъ короля Карла V. До 1848 года Карлъ V, отыскивая свои права на престолъ Испаніи, былъ причиною постоянныхъ внутреннихъ междоусобій, но въ 1848 году торжественно отказался лично за себя отъ престола; сынъ же его графъ Монтемолино хотя и не принялъ королевскаго титула, но и не отказался отъ него, и съ тѣхъ поръ постоянно время отъ времени беспокоитъ Испанію своими притязаніями. Такъ и въ настоящее время, рассчитывая на отсутствіе войскъ въ Африку, онъ рѣшился сдѣлать новое покушеніе; но оказалось, что партія его окончательно совершенно ослабѣла въ Испаніи. Не встрѣтивъ ни малѣйшаго сочувствія ни въ войскахъ, ни въ народѣ, оставленный почти всѣми, графъ Монтемолино и почти всѣ главнѣйшіе его приверженцы достались въ руки испанскаго правительства. Генералъ Ортега, какъ главный предводитель волненія, разжалованъ и уже разстрѣлянъ, а надъ другими лицами производится судъ. Неудачная эта попытка заставила народъ забыть невыгодный миръ съ Марокко, а поступающія безпрестанно къ королевѣ увѣренія въ вѣрности и преданности со всѣхъ концовъ королевства служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что престолъ Изабеллы II стоитъ на прочномъ основаніи и что для Испаніи кончился періодъ ея междоусоб-

ныхъ смуть, а настаетъ время болѣе полнаго развитія ея внутреннихъ силъ.

Необходимость сборовъ войскъ большими массами для обученія и маневрированія сдѣлалась насущною потребностію теперешнихъ армій, а потому съ наступленіемъ каждой весны встрѣчаются въ разныхъ государствахъ заботы о лѣтнихъ сборахъ войскъ въ лагеря. Какъ извѣстно, у насъ подобные сборы существуютъ уже издавна; но въ Западной Европѣ наибольшее развитіе эта мѣра встрѣчаетъ во Франціи, гдѣ шалонскій лагерь можетъ вполне служить образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій. Въ настоящемъ году, предполагается еще болѣе увеличить размѣры этого лагеря, а именно почти вдвое противъ прошлаго года, при чемъ особенно будетъ усилена въ немъ численность кавалеріи и артиллеріи. Къ устройству лагеря, въ настоящее время, уже приступлено, и его разбиваютъ на всю гвардію, на три дивизіи пѣхоты и одну кавалеріи. Самое назначеніе герцога Маджентскаго (маршаль Макъ-Магонъ) начальникомъ этого лагеря показываетъ уже, что онъ будетъ имѣть первостепенную важность. Сверхъ шалонскаго лагеря устраиваются еще лагеря въ Эльфо, гдѣ главное начальство поручено маршалу Ніелю, и люневильскій лагерь, въ которомъ по преимуществу собирается только одна кавалерія.

Въ то же время, и Пруссія полагаетъ, въ настоящемъ году, устроить два учебные лагеря въ своихъ прирейнскихъ провинціяхъ; но пока еще неизвѣстно, гдѣ именно будутъ избраны мѣста для этихъ лагерей. Въ Австріи также правительство намѣревается дѣлать корпусные сборы, вѣроятно, въ мѣстахъ, ближайшихъ къ корпуснымъ штабъ-квартирамъ, и къ этому же времени, по всей вѣроятности, будутъ отнесены и вновь назначенные ежегодные маневры войскъ, которые полагается производить для повторенія присяги на вѣрность войскъ, опроса претензій солдатъ и повѣрки степени ихъ обучености.

— Во Франціи послѣднее время не ознаменовано никакими военными новостями, развѣ только измѣненіемъ порядка спѣшиванія драгунъ, чему опыты были уже произведены на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ генераломъ д'Алонвилемъ. Прежде во французскихъ драгунахъ спѣшивалось трое изъ четырехъ и затѣмъ оставшіеся на коняхъ составляли отдѣльныя группы, при чемъ каждый всадникъ держалъ трехъ лошадей своихъ спѣшившихся

товарищей. Эти группы лошадей были слишком велики для управленія ими однимъ человѣкомъ, особенно подъ огнемъ непріятеля, когда всякій выстрѣлъ, особенно каждая граната производила страшный безпорядокъ въ коноводахъ. По новому же положенію, рѣшено спѣшивать только половину людей, такъ что каждый коноводъ имѣетъ, кромѣ своей, только одну лошадь, что, конечно, не можетъ излишне затруднить его. Сверхъ того, коноводы не образуютъ отдѣльныя группы, а остаются во фронтѣ, такъ, какъ будто бы товарищи ихъ были на лошадяхъ; съ ними же остается и половина офицеровъ, между тѣмъ, какъ другая половина спѣшивается. Такое положеніе, безъ сомнѣнія, весьма хорошо для поддержанія возможно большаго порядка между коноводами, но за то даетъ необыкновенно малую часть спѣшенныхъ драгунъ, такую часть, которая развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дѣйствовать нѣсколько самостоятельно.

Изъ другихъ военныхъ извѣстій Франціи можемъ указать на выводъ наконецъ французской арміи изъ Ломбардіи и Піемонта. Обратное движеніе этихъ войскъ во Францію уже началось и должно быть окончено въ первыхъ числахъ мая; только двѣ дивизіи останутся еще до времени въ Ломбардіи. Численность ихъ считаютъ до 20,000 человѣкъ.

— Въ началѣ 1860 года, число маршаловъ во Франціи было двѣнадцать, между тѣмъ, какъ, по закону 1839 года, полагается ихъ имѣть въ мирное время только шесть, а 12 допускаются въ военное время. До смерти же маршала Рейля ихъ было тринадцать. Дивизионныхъ генераловъ въ дѣйствующей арміи считается 89, и старѣйшій изъ нихъ, графъ Орнано, губернаторъ Дома Иваллово, произведенъ въ этотъ чинъ въ 1812 году. Затѣмъ считается 164 бригадныхъ генераловъ и, сверхъ того, еще въ резервахъ 77 дивизионныхъ генераловъ и 168 бригадныхъ.

Генеральный штабъ французской арміи состоитъ изъ 35 полковниковъ, 35 подполковниковъ и 408 капитановъ.

— По послѣднему отчету военнаго секретаря Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, сухопутная постоянная армія Союза состоитъ изъ 18,165 человѣкъ, изъ которыхъ на лицо находится только 17,499, и изъ нихъ могутъ быть употреблены собственно для службы въ полѣ только 11,000 человѣкъ.

— Нидерландское военное министерство, въ послѣднее время, обнаруживаетъ особенную дѣятельность по улучшенію положенія, обученія и содержанія вооруженныхъ сухопутныхъ силъ государства. Такъ еще недавно было усилено жалованье военнослужащимъ, увеличены хлѣбныя порціоны, выдаваемые нижнимъ чинамъ, и приступлено къ весьма важной мѣрѣ—перестройкѣ и вообще улучшенію казармъ. Въ то же время, измѣнено и прежнее военное раздѣленіе государства. Выѣсто прежняго раздѣленія на провинціи, совпадавшаго съ гражданскимъ раздѣленіемъ, все королевство раздѣлено на семь военныхъ округовъ, при чемъ начальники округовъ считаются прямыми начальниками всѣхъ расположенныхъ въ округѣ войскъ.

Н. ГЛІННОЕЦКІЙ.

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ *Критическое обозрѣніе сочиненій Оже*, напечатан-
ной въ №№ 3 и 4 «Военнаго Сборника» 1860 года.

Въ № 3.

Стран.	Строка св.	Напечатано.	Должно читать.
123	23	Но вдаваясь	Не вдаваясь
128	5	было далеко	былъ далеко
149	10	аванпостовъ	Севастополя
155	15	совершать	завершать
157	38	прорѣзывали	прирѣзывали
158	58	(отчасти и картечь на языкъ	(гранатная картечь на языкъ

Въ № 4.

422	20	рекогноспарованія	рикошетированія
423	3	300 метровъ	3.000 метровъ
429	18	траншей, говоря,	траншей. Говоря,
429	19	въ успѣхѣ. Скажемъ	въ успѣхѣ, скажемъ
431	35	Само	Де-Саллю
436	37	разрушили	разоружили
438	15	на Малаховомъ курганѣ	на Малахова курганѣ
438	18	почти	ночью
438	30	Французы не должны	Французы же должны
439	25	атаковали было	атакованы были
443	13	688 дней	68 дней
445	3	15 августа наши союзни- ки ожидали	15 августа союзники ожи- дали
450	34	г. де-Сальма	г. Де-Салля
450	39	а наводники, занесшіе	а наводчики, зажегшіе
451	8	въ послѣдней атакѣ	въ послѣдній день атаки
453	25	было 196 штуцерныхъ, мы найдемъ, что нарѣз- ное оружіе у насъ соста- вляло около одной части всего вооруженія пѣхо- ты.	было 192 штуцерныхъ, мы найдемъ, что нарѣз- ное оружіе составляло у насъ около одной деся- той части всего воору- женія пѣхоты.
454	4	Здѣсь не	Здѣсь же
455	33	крышка	крымка
458	25	наши англійскіе	наши и англійскіе
461	40	перенесенія атаки	о перенесеніи атаки

блистательно въ отдѣльныхъ случаяхъ, *будетъ* все-таки ограничено, — напимѣръ, казаки.

Натуральнымъ слѣдствіемъ этого есть то, что характеристика отдѣльныхъ родовъ оружія все болѣе и болѣе исчезаетъ, удерживаясь часто лишь по наружности, а именно: въ одеждѣ, выпущкахъ, амуниціи и т. п.

Очевидно, что пропорція различныхъ родовъ и видовъ оружія не должна быть случайною. Она опредѣляется самою сущностію дѣла—боемъ, который, въ свою очередь, естественно находится въ зависимости отъ общихъ мѣстныхъ свойствъ театра войны.

Если война происходитъ въ горной странѣ: въ Швейцаріи, Испаніи и проч., или на равнинахъ Верхней Италіи, пересѣченныхъ рисовыми полями, каналами и оливковыми плантаціями, то пропорція между пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею будетъ уже совсѣмъ другая, нежели на равнинахъ Россіи, Польши, Сѣверной Германіи, Бельгіи или Франціи.

Если, отбросивъ крайности, мы станемъ выводить заключенія изъ опытовъ новѣйшихъ временъ касательно пропорціи различныхъ родовъ оружія, то увидимъ, что пѣхота, какъ корень войскъ, составляетъ базисъ, и по числу ея опредѣляется численная пропорція остальныхъ родовъ оружія. Въ настоящее время, обыкновенно, полагаютъ на 1 баталіонъ 1 эскадронъ кавалеріи, т. е. на 800 или 1,000 человекъ пѣхоты отъ 150—175 лошадей, такъ что конница относится къ пѣхотѣ, какъ 1 : 6 или 8. Въ прусской арміи считается на 28 баталіоновъ пѣхоты 32 эскадрона кавалеріи, т. е. почти какъ 6 : 1.

Въ Россіи кавалерія составляетъ $\frac{1}{6}$ часть (кромя казаковъ); въ Англіи — $\frac{1}{8}$; въ Австріи — $\frac{1}{5}$; во Франціи — $\frac{1}{5}$. Но мы не принимаемъ здѣсь въ расчетъ, что усиленіе войска, въ военное время, производится преимущественно только пѣхотою; въ противномъ случаѣ, получится приблизительно та же пропорція, что и въ Пруссіи.

Въ прежнія времена, была совершенно другая пропорція въ этомъ отношеніи; да и въ настоящее время она не остается постоянною, а измѣняется сообразно обстоятельствамъ и требованіямъ.

Въ прусской арміи, рассматривая ее вообще, независимо отъ мирнаго и военнаго времени, пропорція эта, въ теченіе 200 лѣтъ, мало измѣнилась, именно: первоначально была какъ 5 : 1; во вре-

иона Великаго Курфюршества какъ 6 : 1; въ промежуточное время какъ 4 : 1 и $4\frac{1}{2}$: 1, и отъ 1807 до 1813 какъ $2\frac{1}{2}$: 1. Если же разсматривать армию во время войны, то выйдетъ другая пропорція, ибо кавалерія вся дѣйствуетъ въ полѣ, между тѣмъ, какъ пѣхота должна отдѣлить часть для гарнизоновъ: такъ, въ Семилѣтнюю войну, численность кавалеріи была гораздо значительнѣе. Фридрихъ II началъ кампанію 1757 года, имѣя 108 баталіоновъ пѣхоты и 161 эскадронъ кавалеріи, и баталіоны были слабѣе нынѣшнихъ, а эскадроны нѣсколько сильнѣе. Армія въ Богеміи имѣла 84,000 пѣхоты и 28,000 кавалеріи; слѣдовательно, какъ 3 : 1. Въ 1806 году, при Эрфуртѣ, прусскія и саксонскія войска составляли всего 136 баталіоновъ и 207 эскадроновъ, т. е. 85,000 пѣхоты и 25,000 лошадей, или $3\frac{1}{2}$: 1.

Во французской арміи, напротивъ, пропорція эта уже въ то время стала замѣтно усиливаться на сторону пѣхоты, именно: на 384,000 пѣхоты имѣлось всего 73,000 кавалеріи, т. е. $5\frac{1}{4}$: 1.

Наполеонъ, въ 1809 году, началъ войну въ Германіи, имѣя 152,000 пѣхоты и 30,000 кавалеріи, или 5 : 1; Австрія же на всѣхъ вообще театрахъ военныхъ дѣйствій имѣла всего 265,000 человекъ пѣхоты и 29,500 кавалеріи, т. е. какъ 9 : 1.

Кампанію 1812 года Наполеонъ началъ, имѣя 423 баталіона пѣхоты и 438 эскадроновъ кавалеріи, т. е. 350,000 пѣхоты и 70,000 кавалеріи; слѣдовательно, какъ 5 : 1. Вся французская кавалерія погибла въ эту кампанію; уцѣлѣли только австрійская и прусская,—такъ что, въ началѣ кампаніи 1813 года, у Наполеона на 180,000 пѣхоты было всего 21,000 кавалеріи, или 9 : 1. Пропорція эта, въ теченіе всей кампаніи, почти не измѣнялась, и вредное дѣйствіе ея обнаруживалось вездѣ. Въ сраженіи при Люценѣ, Наполеонъ на 110,000 пѣхоты имѣлъ всего 5,000 кавалеріи, или 22 : 1, тогда какъ у союзниковъ на 45,000 пѣхоты приходилось 15,000 кавалеріи, т. е. 3 : 1. Это и имѣло рѣшительное вліяніе на весь ходъ сраженія и его послѣдствія.

Въ 1815 году, прусская армія на Нижнемъ Рейнѣ состояла изъ 136 баталіоновъ и 135 эскадроновъ, т. е. 96,000 пѣхоты и 12,000 кавалеріи, слѣдовательно 8 : 1—также невыгодная пропорція, имѣвшая дурныя послѣдствія.

Англо-нидерландская армія имѣла 123 баталіона и 114 эскадроновъ, т. е. (*) 177,000 пѣхоты и 14,000 кавалеріи, т. е.

(*) Вѣроятно, 77,000 пѣхоты.

$5\frac{1}{2} : 1$. Французская же армія, при открытіи кампаніи, состояла изъ 167 баталіоновъ и 166 эскадроновъ, т. е. около 100,000 пѣхоты и 23,000 кавалеріи, какъ $4 : 1$, что и было причиною успѣховъ французской кавалеріи, въ рѣшительныхъ сраженіяхъ, надъ кавалеріею союзниковъ.

Что касается до артиллеріи, то въ настоящее время, обыкновенно, полагають на 1,000 человекъ пѣхоты 2 орудія пѣшей артиллеріи и на 1,000 человекъ кавалеріи 4 орудія конной артиллеріи. Пропорція эта также не всегда постоянна. Она увеличивается на сторону артиллеріи, когда внутреннее достоинство войскъ упадаетъ или когда война ведется въ странѣ плоской, способствующей дѣйствіямъ и передвиженіямъ артиллеріи. Въ первомъ случаѣ желаютъ придать другимъ оружіямъ опору въ артиллеріи, такъ какъ успѣхъ ея зависитъ преимущественно отъ дѣльности гг. офицеровъ.

Въ Пруссіи, на 28,000 пѣхоты положено 64 пѣшихъ орудія, или на 1,000 человекъ $2\frac{1}{4}$ и на 4,000 кавалеріи 24 конныхъ орудія, т. е. на 1,000 лошадей 6 орудій (нѣсколько меньше). Вообще же, среднимъ числомъ, приходится на 1,000 человекъ 3 орудія. Пропорція эта признана, въ новѣйшее время, почти всѣми военными писателями. Наполеонъ, въ 1812 г., на 420,000 человекъ имѣлъ 1,242 орудія; въ 1815 году на 130,000 человекъ 346 орудій; въ 1813 году, послѣ перемирія, на 382,000 человекъ 1,300 орудій, т. е. около $3\frac{1}{2}$ орудій на 1,000 человекъ.

Во время войны, пропорція эта, натурально, измѣняется. Убыль людей въ пѣхотѣ и кавалеріи тѣмъ значительнѣе, чѣмъ долѣе тянется война; напротивъ, въ артиллеріи убыль такъ незначительна, что часто выходитъ пропорція 5 орудій на 1,000 человекъ. Теоріи несходны въ этомъ случаѣ, особенно относительно конной артиллеріи: вапримѣръ, авторъ сочиненія «Система Конной Артиллеріи», Монгауптъ, требуетъ на 1,000 лошадей $4\frac{1}{2}$ орудія; Деккеръ — 4 орудія; генералъ фонъ-Бисмаркъ, напротивъ, на 7,500 лошадей только 16 орудій, или на 1,000 человекъ около 2 орудій.

Между тѣмъ, вѣрная пропорція артиллеріи чрезвычайно важна. Слишкомъ слабая артиллерія будетъ чувствительна для арміи, особенно при оборонѣ, ибо деморализируетъ войска, не имѣя возможности вступить въ артиллерійскій бой. При быстрой наступательной войнѣ, недостатокъ артиллеріи менѣе чувствителенъ. Слишкомъ многочисленная артиллерія можетъ по-

ставить армию въ большее затрудненіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ продолженіе кампаніи испортится упряжь или будутъ не благоприятствовать другія какія либо обстоятельства.

Гораздо въ меньшемъ числѣ встрѣчаемъ мы въ войскахъ инженерныя части, что весьма естественно, ибо онѣ составляютъ только вспомогательное оружіе. Наполеонъ I полагалъ, что инженерныя части должны составлять $\frac{1}{40}$ часть войска. Въ Пруссіи онѣ составляютъ $\frac{1}{70}$ часть. Это слишкомъ мало, — на примѣръ, при обложеніи крѣпостей.

Русскіе одни только имѣютъ конныхъ піонеровъ, которые причислены къ драгунскому корпусу, отчего послѣдній выигрываетъ въ самостоятельности.

Устройство инженернаго корпуса, въ различныхъ арміяхъ, различно и нигдѣ не является въ томъ видѣ въ мирное время, въ какомъ требуется во время войны. Только въ Пруссіи и Россіи причислены къ армейскимъ корпусамъ даже въ мирное время извѣстныя части, обученныя по всѣмъ отраслямъ инженернаго искусства.

I.

РАЗЛИЧНЫЕ РОДЫ ОРУЖІЙ.

а) *Пѣхота.*

Наполеонъ I не признавалъ необходимости раздѣленія пѣхоты на тяжелую и легкую, по его мнѣнію, достаточно имѣть просто пѣхоту, но хорошую. Во всѣхъ, однакожь, европейскихъ войскахъ мы видимъ раздѣленіе пѣхоты на тяжелую и легкую. Первая предназначается преимущественно для боя въ сомкнутомъ порядкѣ и только въ видѣ исключенія для разсыпнаго строя, вторая же — преимущественно къ егерскому бою.

Причины такого различнаго употребленія пѣхоты весьма естественны, и странно, почему Наполеонъ, создатель волтижеровъ, не хотѣлъ признать ихъ. Значить, и гениальный умъ можетъ ошибаться. Способности, ловкость, вѣрный взглядъ, смѣт-

ливость и т. д. такъ неровно распредѣлены въ людяхъ, что было бы непростительно не группировать людей, преимущественно одаренныхъ этими качествами, для опредѣленныхъ, часто встречающихся, потребностей. Особия цѣли боя бываютъ различны. Однѣ достигаются удобіемъ посредствомъ сомкнутого натиска, другія—только разсыпнымъ строемъ. Слѣдовательно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимы войска, наиболѣе къ нимъ приспособленныя. Желательно бы было, чтобы вышеупомянутыя качества служили, дѣйствительно, основаніями при выборѣ какъ начальниковъ, такъ и солдатъ въ легкія войска.

Эти характеристическія особенности выказываются преимущественно у казаковъ, гверильсовъ, тирольскихъ егерей, обученныхъ стрѣлковъ русской и англійской тяжелой пѣхоты.

Къ тяжелой, или линейной пѣхотѣ принадлежатъ у Пруссаковъ и Русскихъ: гренадеры и мушкатыры, у Французовъ и Австрійцевъ гренадеры и фузилеры. Это различіе, съ тѣхъ поръ, какъ гренадеры перестали бросать ручныя гранаты, не основано на вооруженіи и удержалось вслѣдствіе предположенія, что гренадеры должны служить образцомъ или примѣромъ, во всѣхъ отношеніяхъ, для остальныхъ людей полка, какъ, напримѣръ, у Французовъ, у Русскихъ и Австрійцевъ гренадерскія роты формируются въ особые баталіоны, чтобы, въ рѣшительные моменты, имѣть надежный, несомнѣнный успѣхъ.

Тяжелая пѣхота требуетъ плотной связи, спокойнаго, сомкнутого движенія противъ непріятеля, непоколебимости и упорной стойкости въ близкомъ, адскомъ огнѣ и наконецъ рѣшительнаго, безотчетнаго удара въ штыкъ. Кромѣ того, она должна имѣть навыкъ производить быстро и сомкнуто всѣ перемѣны строя и способность, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, дѣйствовать въ разсыпномъ строю.

Легкая пѣхота, въ прусской арміи, состоитъ изъ фузилеровъ, егерей и стрѣлковъ; у Русскихъ — изъ егерскихъ полковъ; у Австрійцевъ—изъ егерскихъ и пограничныхъ полковъ; у Французовъ—изъ легкихъ пѣхотныхъ полковъ и волтижеровъ, которыхъ въ каждомъ баталіонѣ по одной ротѣ, кромѣ того изъ венсскихъ егерей и африканской легкой пѣхоты. У Англичанъ—особыя легкія бригады.

Итакъ, пѣхота имѣетъ двоякій видъ:

1. Тяжелая и легкая вмѣстѣ, въ одной и той же части.

2. Самостоятельныя части той и другой, не имѣющія никакой тѣсной связи между собой и только смотря по обстоятельствамъ и надобности присоединяющіеся одна къ другой.

На сторонѣ перваго то важное преимущество, что каждый полкъ имѣетъ при себѣ легкую пѣхоту и можетъ всегда удобно ею распорядиться; а это не всегда возможно при второмъ, ибо можетъ встрѣтиться такой случай, что именно тамъ не случится легкой пѣхоты, гдѣ она крайне окажется необходимою (при Іенѣ и Ауерштедтѣ); но за то выгоды втораго заключаются въ лучшемъ, болѣе основательномъ обученіи пѣхоты легкой службѣ, тогда какъ въ первомъ она зависитъ отъ личности полковаго командира.

Пруссія имѣетъ пѣхоту обонхъ видовъ: фузilierные баталіоны считаются легкой пѣхотою; но есть еще и егерскіе баталіоны. Пропорція какъ 1 : 2. Впрочемъ, если сообразить, что 3 ландверъ-баталіона, или половина всей легкой пѣхоты, отличаются отъ тяжелой только черною аммунициею, то пропорція эта окажется мечтою; въ дѣйствительности же на 5 баталіоновъ тяжелой пѣхоты приходится только 1 легкій, и выходитъ, что у насъ, сравнительно, недостатокъ въ легкой пѣхотѣ. Въ армейскомъ корпусѣ на 28 баталіоновъ приходится только 5 легкой пѣхоты. Настоящую легкую пѣхоту составляютъ, въ Пруссіи, егеря, формирующіеся почти исключительно изъ лѣсовщиковъ. Войска эти, въ столѣтнее существованіе, всегда, во всѣхъ случаяхъ, оправдывали себя, если только ихъ употребляли сообразно назначенію. Привычная жизнь подъ открытымъ небомъ, невзирая ни на какую погоду, охота и малыя войны съ лѣсокрадами и браконьерами служатъ лѣсовщикамъ приготовительною школою къ службѣ легкихъ войскъ, и въ этомъ отношеніи они не замѣнимы, имѣя особую, имъ однимъ свойственную способность къ разсыпному бою, къ патрульной службѣ и рекогносцировкамъ. Понятно, что эти свойства придаютъ егерямъ, вмѣстѣ съ ихъ искусствомъ владѣть оружіемъ, высокое достоинство. Наполеонъ считалъ штуцеръ несчастнѣйшимъ оружіемъ, которымъ только можно вооружить солдата, и ставилъ на во что эти достоинства егеря.

Если взять въ соображеніе большой еще запасъ людей, умѣющихъ обращаться съ новымъ оружіемъ, въ каждомъ районѣ ландверъ-баталіона, то мы увидимъ, что средства къ формированію новыхъ, настоящихъ легкихъ пѣхотныхъ баталіоновъ очевидно

есть; не надо только затрудняться переменою вооружения и состава ландвера.

У Русских егерскіе полки составляют легкую пѣхоту, и каждая бригада состоитъ изъ одного полка тяжелой пѣхоты и одного егерскаго полка. Пропорція какъ 1 : 1. У Русскихъ видѣнъ самостоятельный строй легкой пѣхоты, съ примѣсью стрѣлковъ при тяжелой пѣхотѣ и соединеніе обѣихъ пѣхотъ въ бригады. Последнее имѣетъ много хорошаго. При каждомъ корпусѣ, кромѣ того, есть еще по одному стрѣлковому баталіону.

У Австрійцевъ всѣ линейные полки составляютъ тяжелую пѣхоту. Егерскій полкъ, состоящій изъ 7 баталіоновъ, по 4 роты, всего 5,600 челов.; 25 егерскихъ баталіоновъ, всего 22,200 челов., и 14 пограничныхъ полковъ (въ двухъ-баталіонномъ составѣ, по 1,300 челов.) составляютъ легкую пѣхоту. Пропорція какъ 1 : 4½. Въ этой легкой пѣхотѣ всѣ егера вооружены штурдерами; а въ пограничныхъ полкахъ только малая часть.

Французы имѣютъ тяжелые (линейные) и легкіе пѣхотные полки. Въ настоящее время, на 75 линейныхъ пѣхотныхъ полковъ 25 легкіхъ. Кромѣ того, у нихъ есть и смѣшанныя пѣхотныя части, именно каждый баталіонъ имѣетъ по одной волтижерской ротѣ, составляющей одну восьмую часть баталіона и предназначенной преимущественно къ разсыпному строю. Особенность вооруженія волтижерскихъ ротъ заключается въ нѣсколько укороченномъ ружьѣ (на 2 дюйма противъ обыкновеннаго пѣхотнаго ружья).

Подражаніе австрійскимъ и прусскимъ полкамъ видно въ 20 баталіонахъ Chasseurs de Vence, которые приданы дивизіямъ и имѣютъ особыя ружья — сагапін à tige — съ плоскимъ штыкомъ или, приспособленной къ ружью, саблею въ ножнахъ. Наконецъ въ Африкѣ имѣется еще 21 баталіонъ легкой пѣхоты, съ нарѣзными ружьями.

У Англичанъ армія не имѣетъ нормальнаго комплекта. Континентальная пѣхота состоитъ изъ 85 тяжелыхъ и 13 легкіхъ полковъ. Последніе мало отличаются отъ первыхъ. Кромѣ того, у нихъ есть еще 4 стрѣлковыхъ баталіона. Легкіе пѣхотные полки получаютъ, впрочемъ, новыя ружья (нарѣзные). Стрѣлки имѣютъ штурдера.

Въ Баваріи на 16 линейныхъ полковъ (48 баталіоновъ, по военному положенію) приходится 6 егерскихъ баталіоновъ.

Пропорція тяжелой пѣхоты къ легкой, въ различныхъ арміяхъ, весьма различна; да и самый взглядъ на настоящее обученіе легкой пѣхоты и требованія на нее не сходны. Россія имѣетъ только по названію большее, противу другихъ, число легкой пѣхоты, т. е. какъ 1 : 1; въ сущности же едва ли не самое меньшее, или, лучше сказать, вовсе ее не имѣетъ. Финскіе стрѣлки исчезаютъ въ массѣ.

Австрія, можно сказать, имѣетъ наибольшее число истинной, природной легкой пѣхоты.

Въ легкой пѣхотѣ должно преимущественно налегать на болѣе тщательное обученіе каждого солдата одиночному бою, сознательному дѣйствию въ разсыпномъ строю и въ мелкихъ отрядахъ. Егеря должны мѣтко стрѣлять, быть смѣливыми и расторопными, быстро примѣняться къ мѣстности, ориентирясь и распознавая всѣ ея выгоды и неудобства, и, смотря по обстоятельствамъ, пользоваться ими или избѣгать ихъ. Отъ нихъ должно требовать большаго хладнокровія при стрѣльбѣ, которую часто приходится производить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безъ особеннаго результата или рѣшительнаго дѣйствія; часто приходится даже избѣгать послѣдняго, и, за всѣмъ этимъ, требуется еще способность производить стрѣльбу въ сомкнутыхъ линіяхъ и даже дѣйствовать въ массахъ.

Изъ всего этого видно, что требованія, если только исполненіе ихъ будетъ не поверхностное, чрезвычайно многосторонни и что не всякая личность годна быть начальникомъ легкой пѣхоты и не всякій рекрутъ можетъ быть стрѣлкомъ. Выборъ того и другаго, если желать хорошихъ результатовъ, слѣдуетъ производить съ большою разборчивостію.

Уже по самому вооруженію своему, егеря и стрѣлки не слишкомъ удобны къ сомкнутому линейному бою, а равно и къ употребленію въ массахъ; поэтому должно стараться устранять и ограждать ихъ отъ этого. Кортики и штыковыя сабли суть вещи неудобозамѣняющія штыкъ, и наконецъ, во время медленнаго заряжанія, стрѣлокъ остается совершенно беззащитнымъ. Размѣщеніе ихъ должно располагаться такимъ образомъ, чтобы мѣстность прикрывала ихъ отъ выстрѣловъ противника, давая возможность спокойно заряжать свои ружья. Преимущественное назначеніе ихъ заключается въ оборонѣ, въ занятіи и удержаніи такихъ пунктовъ мѣстности или искусственныхъ закрытій, овладѣніе которыми важно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, затруднительно для

непріятеля, въ сосредоточеніи сильнѣйшаго и жѣткого огня на извѣстный пунктъ, постепенно истощая тѣмъ силы наступающаго противника. При наступленіи, они могутъ только готовить успѣхъ атакующихъ частей, ослабляя и разстроивая непріятеля своимъ жѣткимъ огнемъ. Заставлять стрѣлковъ идти въ штыки и открыть рукопашный бой, какъ это было при Меккериѣ, есть въ высшей степени неблагоразуміе.

Въ заключеніе, надо замѣтить, что примѣненіе стрѣлковъ, вслѣдствіе вышеприведенныхъ условій и настоящаго состоянія ихъ вооруженія, довольно ограничено, оттого и численность ихъ, въ сравненіи всего войска, ощутительна.

в) *Кавалерія.*

Кавалерія, подобно пѣхотѣ, раздѣляется на *тяжелую* и *легкую*, смотря по преимущественной способности ея къ сомкнутому или разсыпному бою или по большей или меньшей силѣ шока. Шокъ кавалеріи есть ударъ; сила же удара зависитъ отъ быстроты и вѣса ударающей массы; то и другое находится въ прямой зависимости отъ пропорціи между *вѣсомъ* всадника и *силою* лошади. Съ увеличеніемъ вѣса, быстрота уменьшается, — слѣдовательно, если вѣсъ великъ, быстрота не можетъ быть велика; поэтому соединить въ одной части и быстроту и вѣсъ массы невозможно. Отсюда происходитъ необходимость раздѣленія конницы. Одна часть ея дѣйствуетъ соединенною, физическою силою массы, — напоромъ ея — *тяжелая кавалерія*; другая, независимо отъ одиночнаго боя, дѣйствуетъ отважностію и быстротою своихъ атакъ. Вслѣдствіе этого характеристическаго различія и строй тяжелой кавалеріи различается всегда и вездѣ отъ строя легкой кавалеріи. Эти два вида конницы никогда не соединяются въ одну часть, въ одну тактическую единицу, какъ это отчасти видно въ пѣхотѣ (*).

Кажется, было бы достаточно дѣлить кавалерію на тяжелую и легкую. Такое раздѣленіе требуется самою сущностію дѣла и

(*) Попытки въ этомъ отношеніи дѣлаемы были Виртембергцами и Датчанами, присоединеніемъ къ тяжелой кавалеріи взводовъ конныхъ егерей, составлявшихъ пятые взводы каждаго эскадрона. Во время сраженія, взводы эти формировались въ особые стрѣлковые эскадроны.

признано необходимымъ во всѣхъ арміяхъ; но время, нравы, прощаволь, вкусъ и проч. подѣляли еще нѣсколько подраздѣленій.

Пропорція между тяжелою и легкою кавалеріями, такъ же, какъ и въ пѣхотѣ, составляетъ спорный пунктъ теоріи и практики. Одинъ (г. Аурахъ) требуетъ по меньшей мѣрѣ пропорцію, какъ 1 : 1, другой (Бисмаркъ) на 8 полковъ тяжелой кавалеріи 4 легкой. Наполеонъ I находить, что на 30,000 пѣхоты необходимо 9,000 кавалеріи и изъ этого числа 4,800 легкой.

Въ Пруссіи, гусары и драгуны считаются легкою кавалеріею, кирасиры и уланы — тяжелою; слѣдовательно, тяжелой и легкой кавалеріи поровну. Въ 1806 году, прусская тяжелая кавалерія состояла изъ 65 эскадроновъ кирасиръ, легкая изъ 80 эскадр. драгунъ, 95 эскадр. гусаръ и 15 эскадр. товарищій (tovarzys), всего 190 эскадр., такъ что легкая кавалерія относилась къ тяжелой, какъ 3 : 1. Во время Фридриха II, прусская армія имѣла 63 эскадр. кирасиръ, 126 эскадр. драгунъ и 100 эскадр. гусаръ, и пропорція была, какъ 63 : 220, или какъ 1 : 4. Надо замѣтить, что драгуны часто считались и употреблялись, какъ тяжелая кавалерія.

У Русскихъ, гусаръ и уланъ считаютъ легкою кавалеріею и только однихъ кирасиръ причисляютъ къ тяжелой. Про драгунъ будетъ сказано ниже. Пропорція, какъ 4 : 1, а именно на 54 эскадр. кирасиръ 218 эскадр. легкой кавалеріи. Въ сущности же у нихъ казаки составляютъ легкую конницу.

Въ Австріи, кирасиры и драгуны составляютъ тяжелую кавалерію, гусары и уланы — легкую. Австрія имѣетъ 8 кирасирскихъ и 7 драгунскихъ полковъ (въ 6-эскадр. составѣ), всего (*) 84 эскадр. Далѣе 12 гусарскихъ и 11 уланскихъ (въ 8-эскадр. составѣ), всего 184 эскадр., т. е. болѣе, чѣмъ 2 : 1. По числу людей пропорція эта еще болѣе измѣняется, именно: на 15,500 человекъ тяжелой кавалеріи приходится 37,300 человекъ легкой конницы.

Франція имѣетъ 330 эскадр. конницы, образующихъ 54 полка въ 6-эскадр. составѣ (не считая 7 полковъ африканской (легкой) кавалеріи).

Въ этомъ числѣ: 66 эскадр. кирасиръ (**), 12 — карабинеръ, 72 — драгунъ, 48 — уланъ, 72 — конныхъ стрѣлковъ (Chasseurs à cheval), 54 — гусаръ, 6 — гидовъ (Guides).

(*) Вѣроятно, 90.

(**) Изъ коихъ одинъ полкъ кирасиръ императорской гвардіи.

Только гиды, шассёры и гусары составляют легкую кавалерию; пропорція, какъ 2 : 3. Драгуны и уланы называются линейною кавалеріею, кирасиры же и карабинеры — резервною. Следовательно, тройкое раздѣленіе.

Англичане имѣютъ 13 тяжелыхъ и 13 легкиихъ полковъ кавалеріи. Они, по устройству своему, мало между собою различаются. Англичане почти всегда употребляли свою отечественную кавалерию, какъ резервную или тяжелую, а иностранную (нѣмецкую), какъ легкую.

Изъ всего этого видно, что пропорція между тяжелою и легкою кавалеріями, въ различныхъ арміяхъ, весьма различна. У Русскихъ, напримѣръ, и у Австрійцевъ, численность легкой кавалеріи значительно превышаетъ численность тяжелой; у Французовъ же наоборотъ. Это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что Австрія и особенно Россія, въ случаѣ необходимости, могутъ выставить столько легкой кавалеріи, сколько понадобится.

Тяжелая кавалерія должна преимущественно дѣйствовать силою сомкнутаго, сплошнаго натиска, должна заключать сама въ себѣ силу и твердость и, не будучи лишена поворотливости, имѣть должную тяжесть, то есть должна состоять изъ болѣе сильныхъ, тяжелыхъ и рослыхъ лошадей и болѣе рослыхъ и крѣпкихъ людей. Ея движенія должны производиться быстро, съ извѣстнымъ спокойствіемъ, ибо только помощію послѣдняго получается истинная, плотная связь. Французскіе кирасиры (вообще плохіе кавалеристы), при Наполеонѣ I, производили атаки только рысью, и всѣ атаки прусской кавалеріи, даже въ сраженіи при Линьи, всегда разбивались объ эти хотя медленно движущіяся, но плотно сомкнутыя линіи французскихъ кирасиръ.

Главнѣйшее назначеніе тяжелой кавалеріи, во всѣхъ случаяхъ, есть проромъ и сбитіе непріятеля, оставляя для легкой кавалеріи охватываніе фланговъ, нападеніе на фланги и тылъ непріятеля и его преслѣдованіе. Следовательно, на этомъ условіи должны быть основаны: организація, устройство, снаряженіе и обученіе тяжелой кавалеріи. Одно названіе ничего не придастъ ей.

Легкая конница, напротивъ, беретъ болѣе отважностію нападенія и быстротою своихъ движеній. Быстрые, сносливыя лошади, ловкость, какъ всадника, такъ и коня, мгновенная смѣлость и смѣлое исполненіе — главныя ея требованія. Она должна встрѣчать и принимать на себя атаки непріятеля на фланги и тылъ, прикрывать фланги тяжелой кавалеріи и пѣхоты, за-

медлить сраженіе, развлекать и подстрекать противника, подмѣчать малѣйшія его ошибки и мгновенно пользоваться ими, наконецъ, при преслѣдованіи, развивать всю свою дѣятельность. Генераль фонъ-деръ-Марвицъ говоритъ:

«Когда ударъ тяжелой кавалеріи, разражающійся подобно грозѣ, опрокинулъ непріятеля, тогда легкая кавалерія должна налетѣть на ея тылъ и сидѣть на немъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій всадникъ не будетъ срубленъ съ коня.»

Кромѣ того, обязанность легкой кавалеріи состоитъ въ обезпеченіи войскъ отъ случайныхъ столкновеній съ непріятелемъ, посредствомъ аванъ и арріергардовъ, развѣздовъ, патрулей и летучихъ отрядовъ. Она должна быть приспособлена къ такого рода службѣ, обучена разсыпному строю и дѣйствию въ одиночномъ бою и въ мелкихъ отрядахъ, что особенно необходимо въ малой войнѣ.

Здѣсь мѣсто сказать объ особомъ родѣ кавалеріи, именно о *драгунахъ*. Мы говорили уже, въ началѣ нашихъ лекцій, что, въ XVI столѣтіи, во времена Франца I, напали на идею соединить преимущества пѣхоты и кавалеріи, сажая первую на лошадей. Такое войско могло слѣдовать за быстрыми движеніями кавалеріи, а равно и производить отдѣльныя предпріятія, требующія быстрого исполненія. Сначала войско это, получившее названіе драгунъ, дѣйствовало только какъ пѣхота, спѣшиваясь къ бою; но вскорѣ явилась надобность употреблять его какъ кавалерію, и съ тѣхъ поръ оно утрачивало мало по малу свое назначеніе, какъ *конной пѣхоты*, такъ что легкая кавалерія Густава-Адольфа состояла вся уже изъ драгунъ. Карлъ XII почти не имѣлъ другой кавалеріи, кромѣ драгунъ. Употребленіе спѣшенныхъ драгунъ исчезаетъ почти совершенно со временъ Силезскихъ войнъ. Если впослѣдствіи и встрѣчались примѣры, то лишь малыми частями. Въ настоящее время, драгуны всѣхъ европейскихъ войскъ (кромѣ русскихъ) могутъ дѣйствовать только какъ спѣшенная кавалерія. Всякій драгунскій полкъ пришелъ бы въ совершенное замѣшательство, если бы ему предстояла необходимость спѣшиться и дѣйствовать, производя эволюціи, подобно пѣхотному баталіону; но нельзя сказать, чтобы недостатокъ этотъ былъ замѣтно чувствителенъ въ послѣднихъ войнахъ. Оди Русскіе имѣютъ драгунъ какъ конную пѣхоту. Войско это создано было Императоромъ Николаемъ I, въ 1833 году, и составляло 3 резервный драгунскій кавалерійскій корпусъ (двѣ ди-

визіи въ 4 бригадахъ, или 8 полкахъ, каждый полкъ въ 10 эскадроновъ, всего 80 эскадроновъ). Въ каждомъ полку 8 эскадр. предназначены къ пѣхотной и кавалерійской службѣ и вооружены ружьями со штыками; 9 же и 10 эскадр. преимущественно назначены для конной службы и вооружены пиками, почему и называются пикинерными. Эскадронъ состоитъ изъ 6 офицеровъ, 18 унтеръ-офицеровъ, 4 музыкантовъ (2 трубача и 2 барабанщика) и 140 рядовыхъ. Какъ кавалерія, драгунскій полкъ формируется въ 10 эскадрон. по 4 взвода. Два пикинерные эскадр., строящіеся на лѣвомъ флангѣ, употребляются для фланкерской службы. Какъ пѣхота, 8 эскадр. каждого драгунскаго полка формируютъ 8-взводный баталіонъ въ три шеренги. Третья часть людей (средняя шеренга) остается при лошадяхъ. Пикинеры каждой дивизіи формируютъ, при сгѣшиваніи, одинъ кавалерійскій полкъ въ 8 эскадроновъ. Подъ Вознесенскомъ часто производились упражненія этого драгунскаго корпуса, превращавшагося, въ теченіе 2 минутъ, въ пѣхотную бригаду и такимъ же образомъ обратно.

Къ драгунскому корпусу причислена была дивизія конной артиллеріи, состоявшая изъ двухъ тяжелыхъ и двухъ легкихъ батарей, въ 8-орудійномъ составѣ. Тяжелыя батареи имѣли по $8\frac{1}{2}$ -пуд. единороговъ (въ родѣ нашихъ тяжелыхъ гаубицъ-батарей. Легкія батареи имѣли каждая по 4, 6-фунт. пушки и по $4\frac{1}{4}$ -пуд. единорога. При корпусѣ состоялъ конно-піонерный дивизіонъ изъ двухъ эскадроновъ; при каждомъ эскадронѣ имѣлось по 8 понтоновъ. Весь драгунскій корпусъ составлялъ, слѣдовательно, массу въ 80 эскадр. (или 8 баталіоновъ и 16 эскадр.), 32 орудія и 16 понтоновъ и требовалъ, безъ обоза и багажа, около 15,000 лошадей.

Надо полагать, что идея этого колоссальнаго созданія породилась вслѣдствіе Русско-Польской войны, въ томъ предположеніи, что если бы, во время Польской кампаніи, существовалъ подобный корпусъ, внутренне сильный и весьма подвижный, и если бы возможно было переправить его еще вначалѣ на лѣвый берегъ Вислы (*), то, вѣроятно, онъ имѣлъ бы огромное вліяніе на весь ходъ кампаніи.

Русскіе предполагали въ драгунскомъ корпусѣ нижеслѣдующія выгоды:

(*) Генералъ Крейтцъ переправился черезъ Вислу при Пулавахъ съ 12 эск. и 8 оруд. и имѣлъ дѣла противъ Дверницкаго.

1) При огромныхъ массахъ кавалеріи, употребляемыхъ для самостоятельныхъ предпріятій, онъ не нуждается въ пѣхотѣ.

2) При преслѣдованіи и обходахъ непріятельской пѣхоты, вытѣснять послѣднюю изъ занимаемыхъ ею дефилей и пересѣченной мѣстности и тѣмъ открывать дорогу конницѣ, или же самимъ предупреждать непріятеля занятіемъ пересѣченной мѣстности и тѣмъ задержать его.

3) Въ день сраженія, совокупными силами въ числѣ 10 или 12-тысячнаго отряда, состоящаго изъ всѣхъ трехъ оружій, быстро и неожиданно напасть на слабѣйшій или опаснѣйшій для непріятеля пунктъ (во флангъ или тылъ его) и тѣмъ рѣшить сраженіе.

Спрашивается: можетъ ли вознаградить такое многоцѣнное сооруженіе, употребленіе котораго должно быть всегда одностороннее, если только желать дѣйствительнаго успѣха? Возможно ли имѣть порядочно обученную конную пѣхоту? Учебный плацъ еще ничего не доказываетъ: надо взять въ соображеніе свойственный оружію духъ. Стойкость и сомкнутость, напирѣе, должны быть врожденными свойствами хорошей пѣхоты. Не будетъ ли спѣшенный драгунскій полкъ болѣе думать о защитѣ своихъ лошадей, которыя прикрыты только двумя эскадронами (*)? Впрочемъ, принимая въ соображеніе особенность характера Русскихъ, все сказанное нами о недостаткахъ драгунской пѣхоты касается до нихъ гораздо менѣе, нежели до прочихъ націй, и, при свойствахъ мѣстности военныхъ театровъ, на которыхъ Русскіе послѣднее время дѣйствовали, можно ожидать, что они будутъ имѣть даже успѣхъ со своими драгунами. Если разсматривать въ этомъ отношеніи прусскую военную исторію послѣднихъ временъ, то найдемъ весьма мало такихъ случаевъ, гдѣ бы употребленіе драгунскихъ массъ могло принести какія нибудь особенныя выгоды, и, можетъ быть, не найдемъ ни одного такого примѣра, гдѣ бы тѣ же самыя выгоды не могли быть доставлены вѣрнымъ примѣненіемъ вообще кавалеріи.

(*) Не обнаружитъ ли полкъ моральнаго упадка именно въ тотъ моментъ, когда потребуется непоколебимая стойкость? Не будетъ ли самъ начальникъ дѣйствовать нерѣшительно? Наконецъ, самое оружіе, при сильныхъ передвиженіяхъ и отъ продолжительнаго употребленія на лошади, не будетъ ли повреждено до такой степени, что дѣйствіе изъ него сдѣлается вообще сомнительнымъ, особенно предъ оружіемъ хорошей пѣхоты?

с) Артиллерія.

Въ артиллеріи, такъ же, какъ и въ прочихъ оружіяхъ, существуетъ главное подраздѣленіе на тяжелую и легкую и опредѣляется либо калибромъ орудія, либо его снарядомъ.

Въ новѣйшее время, необходимость раздѣленія артиллеріи на тяжелую и легкую составляетъ спорный вопросъ. Англія и Наполеонъ III не признаютъ этой необходимости; во всѣхъ же остальныхъ артиллеріяхъ держатся противнаго мнѣнія, изъ неприверженности къ 12-фунтовымъ орудіямъ. Нельзя отрицать огромной выгоды, если бы вся полевая артиллерія имѣла одинъ только калибръ: тогда было бы гораздо удобнѣе и проще снабжать батареи артиллерійскимъ снарядомъ, послѣ сраженій; но, кажется, встрѣтились бы и большія затрудненія, ибо 12-фунтовые пушки (которые пришлось бы принять вмѣсто 6-фунтовыхъ, имѣющихъ, сравнительно, меньшую дѣйствительность) должны быть облегчены. Гаубицы, во всякомъ случаѣ, пришлось бы удерживать, до тѣхъ поръ, пока техника не придумаетъ такого орудія, которое бы стрѣляло ядромъ и не слишкомъ малою гранатою съ дѣйствительностію 12-фунтовой пушки.

До сихъ поръ только Французы пытались достигнуть этого усовершенствованія, замѣнивъ 8-фунт. пушки 12-фунт. и исключивъ совершенно изъ полевой артиллеріи гаубицы (*).

Почти вездѣ 12-фунт. пушки и гаубицы большого калибра составляютъ тяжелую артиллерію. Самый большой калибръ принять: Австрійцами—18 фунт. (18 Pfänder), и Русскими— $\frac{1}{2}$ -пуд. единороги. Легкія батареи также почти вездѣ вооружены 6-фунт. пушками и гаубицами меньшаго калибра. Въ Австріи, имѣются еще, кромѣ того, 3-фунт. (горныя) пушки. Во всѣхъ арміяхъ, часть легкихъ батарей составляетъ конную артиллерію. Австрія одна только изъ первостепенныхъ державъ имѣетъ ѣздящую артиллерію (fahrende Artillerie Kavallerie-Geschütz). Изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, только одна (**) Баварія имѣетъ ѣздя-

(*) Наполеонъ III, дѣйствительно, ввелъ во французской артиллеріи такъ называемую *систему однообразія*, т. е. замѣнилъ всѣ калибры 12-фунтовой гранатной пушкой (длиною 14,6 калибровъ, вѣсомъ 620 килограмовъ или $1,513\frac{38}{100}$ фунта); но въ настоящее время у нихъ, кромѣ нарѣзныхъ орудій, существуютъ еще 16-сантиметровыя гаубицы ($3\frac{3}{4}$ вершка.)

(**) Въ настоящее время, ѣздящая артиллерія введена и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ: во Франціи, наприм., существуетъ 7 полковъ ѣздящей, или линейной артиллеріи (montée ou de ligne), образующихъ 105 батарей, или 630 орудій.

Прим. перев.

шую артиллерию. Въ Виртембергѣ сдѣланъ какъ бы переходъ отъ одной системы къ другой: именно одна часть прислуги посажена на лошадей, а другая—на лафетные передки.

Для горной войны, натурально, тяжела даже и легкая артиллерія, и необходимость заставляетъ формировать особую горную артиллерию, которой придаютъ 1, 3 или 4-фунтовыхъ орудій, облегченныя до такой степени, что могутъ быть переносимы на рукахъ. Французы формируютъ свою горную артиллерию въ батереи по 6 орудій, только изъ однихъ гаубицъ $4\frac{1}{2}$ -дюймового калибра (12-фунтовой гаубицы), которыя перевозятся на мулахъ. По удостовѣренію одного офицера, бывшаго на опытахъ, произведенныхъ въ 1839 году, они оказали весьма слабую дѣйствительность даже при малыхъ дистанціяхъ. Въ горной войнѣ слѣдовало бы, по возможности, замѣнять артиллерию ракетными батареями,—по крайней мѣрѣ, въ большей части случаевъ, и особенно тамъ, гдѣ не предвидится необходимости обстрѣливать дефиле съ близкихъ дистанцій, ибо ракетныя батареи можно переносить и располагать, безъ особыхъ затрудненій, на всякой мѣстности, гдѣ только могутъ пройти и держаться люди. Пропорція между различными родами орудій довольно общая во всѣхъ арміяхъ, именно: отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ гаубицъ (смотря по тому, формируются ли батереи изъ 4 пушекъ и 2 гаубицъ, или изъ 6 и 2; только Англичане формируютъ свои батереи изъ 5 пушекъ и 1 гаубицы). $\frac{1}{4}$ 12-фунтовыхъ, $\frac{2}{4}$ 6 или 8-фунтовыхъ; отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ обыкновенно составляетъ конная, либо ѣздящая артиллерія. Русская армія одна только имѣетъ въ конной артиллеріи 12-фунтовыхъ пушки.

Тяжелая артиллерія предназначается преимущественно для болѣе самостоятельнаго и сильнаго боя артиллеріи. Она имѣетъ большую дальность ядеръ и гранатъ и, какъ полагаютъ, большую мѣткость. При оборонѣ, она должна служить для усиленія слабѣйшихъ пунктовъ; при атакѣ—для подготовленія послѣдней съ дальнихъ позицій или для уничтоженія препятствій, затрудняющихъ атаку; наконецъ, при отступленіи—для занятія и удержанія новыхъ позицій, на которыхъ предполагается возобновить бой. Отсюда видно, что цѣли, которыя достигаются тяжелою артиллеріею, суть особыя; поэтому и мѣсто ея преимущественно въ резервѣ, откуда она высылается, смотря по надобности. Въ резервѣ, однакожъ, должны быть войска, способныя къ бы-

стрымъ передвиженіямъ, такъ что здѣсь цѣли и средства противорѣчатъ одно другому.

Леская пѣшая артиллерія предназначена отчасти для дѣйствій вмѣстѣ съ пѣхотою, слѣдовательно замѣняетъ прежнія полковыя пушки, усиливая бой пѣхоты при атакѣ и оборонѣ; кромѣ того, замѣняетъ тяжелую артиллерію въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстность препятствуетъ дѣйствію послѣдней или требуется большая скорость движеній. Посему часть легкой пѣшей артиллеріи также должна быть въ резервѣ.

Конная артиллерія имѣетъ также двоякое назначеніе: одна часть ея, состоящая при кавалеріи, служитъ для приданія послѣдней оборонительнаго элемента или возможности боя съ дистанціи, подготавливаетъ успѣхъ ея атакъ и, разстраивая и ослабляя атаки противника, наконецъ, способствуетъ удержанію выгодныхъ позицій, занятыхъ съ боя кавалеріею; другая часть, находящаяся въ резервѣ, имѣетъ назначеніе дѣйствовать въ тѣ моменты боя, когда потребуется быстро, внезапно перейти въ дѣло артиллерію, для мгновеннаго и близкаго дѣйствія ея орудій. Эти моменты суть: быстрое подкрѣпленіе тѣхъ важныхъ пунктовъ, гдѣ дѣло принимаетъ сомнительный видъ; обходы, противодѣйствія обходамъ противника; внезапное появленіе на рѣшительномъ пунктѣ, и проч.

Гаубицъ-батареи употребляются на мѣстности, допускающей разрывное дѣйствіе гранатъ, противу большихъ массъ войскъ вообще и особенно противъ массъ кавалеріи; кромѣ того, противъ войскъ, расположенныхъ за мѣстными или искусственными закрытіями; при атакахъ на деревни, дефиле и укрѣпленія, для зажженія горючихъ веществъ, служащихъ закрытіемъ непріятелю. Однимъ словомъ, примѣненіе ихъ также ограничено и, слѣдовательно, мѣсто ихъ въ резервѣ.

Въ пѣхотѣ, какъ мы видѣли, существуетъ раздѣленіе на тяжелую и легкую. Есть самостоятельные виды той и другой и смѣшеніе обѣихъ пѣхотъ въ одной единицѣ. Въ кавалеріи то же раздѣленіе, какъ и въ пѣхотѣ, но совершенная раздѣльность, самостоятельность каждаго вида; въ артиллеріи же, напротивъ, мы вовсе не видимъ самостоятельности отдѣльныхъ видовъ ея: вездѣ тяжелая и легкая, по большей части даже пѣшая и конная артиллеріи соединяются въ одной и той же части войскъ; даже различные роды орудій соединены въ одной и той же батарее, — напримѣръ, пушки и гаубицы. Въ прусской артиллеріи, напри-

мѣръ, только 10-фунтовыя гаубицъ-батареи состоятъ изъ однородныхъ орудій.

Соединеніе пушекъ и гаубицъ въ одной и той же батарее кажется намъ вообще неудобнымъ; а въ конныхъ батареяхъ гаубицы ни въ какомъ случаѣ не должны имѣть мѣста. Назначеніе этихъ батарей заключается единственно въ возможно быстрое дѣйствіе изъ орудій. Теорія неоднократно и справедливо возражала противъ этого смѣшенія разныхъ родовъ орудій.

Только у Пруссакъ и Русскихъ (*) артиллерія, въ мирное время, удерживаетъ тотъ самый составъ, который требуется во время войны; прочія же первостепенныя державы формируютъ свою полевую артиллерию по востребованію, соображаясь съ обстоятельствами, свойствами театра военныхъ дѣйствій и численностію другихъ орудій.

Въ Пруссіи, каждый изъ 9 артиллерійскихъ полковъ состоитъ: изъ 3-хъ 12-фунтовыхъ, 4-хъ 6-фунтовыхъ пѣшихъ и 3-хъ 6-фунтовыхъ конныхъ батарей и 1-й 10-фунтовой гаубицъ-батареи. Слѣдовательно, $\frac{1}{4}$ конной, $\frac{1}{4}$ 12-фунтовыхъ орудій и въ общемъ счетѣ $\frac{1}{3}$ гаубицъ, что составитъ въ пѣхотѣ около 3 орудій, а въ кавалеріи около 6 на 1,000 человекъ.

Австрія имѣетъ 5 полевыхъ артиллерійскихъ (**) полковъ. Каждый полкъ состоитъ изъ 12-ти 6-фунтовыхъ, 6-ти 12-фунтовыхъ и 6 ѣздящихъ батарей, всѣ въ 8-орудійномъ составѣ, включая по 2 гаубицы въ каждой батарее. Слѣдовательно, всего въ каждомъ полку 24 батареи, которые придаютъ войскамъ смотря по надобности (***). Кромѣ этихъ 5 артиллерійскихъ полковъ, у нихъ еще есть ракетная дивизія изъ 15 батарей. Крѣпостная артиллерія составляетъ отдѣльную часть. Обыкновенно, нѣхотной бригадѣ въ 5 баталіоновъ придаютъ 1-му 6-фунтовую

(*) Въ Россіи, такъ же, какъ и въ прочихъ государствахъ, по дороговизнѣ артиллерійскихъ матеріаловъ, существуетъ двоякаго рода положеніе артиллеріи: по мирному и военному времени (положеніе о переформированіи артиллеріи 27 октября 1856 года).

(**) Въ австрійской артиллеріи въ послѣднее время сдѣланы большія преобразованія, которыя можно прочесть въ австрійскомъ военномъ журналѣ.

(***) Въ послѣднюю кампанію 1859 года, австрійская дѣйствующая артиллерія состояла: изъ 12 полевыхъ артиллерійскихъ полковъ (1,312 орудій, 36,000 прислуги и 13,000 лошадей), изъ 8-и 18-фунт. полевыхъ мортарныхъ батарей (62 оруд., 1,500 людей и 1,200 лошадей) и наконецъ изъ 20 ракетныхъ батарей (160 ракетн. станковъ, 1,000 прислуги и 3,000 лошадей). Всего 2,568 орудій, 33,500 чел. артиллеристовъ и 17,200 лошадей.

Прим. перев.

нѣшную батарею, а кавалерійской бригадѣ, состоящей изъ 3 полковъ, одну ѣздящую батарею (6-фунтовую).

Кромѣ того, при армейскомъ корпусѣ (изъ 2 пѣхотныхъ и 1 кавалерійской дивизій) должны находиться двѣ 12-фунтовыя батареи, отъ одной до двухъ ѣздящихъ батарей и отъ одной до двухъ ракетныхъ батарей, какъ артиллерійскій резервъ, такъ что на 24,000 пѣхоты у нихъ приходится четыре 6-фунтовыя пѣшія и двѣ 12-фунтовыя батареи; всего 48 орудій или по 2 орудія на 1,000 человекъ пѣхоты (кромѣ ракетъ).

Французы, въ новѣйшее время, измѣнили составъ своей артиллеріи: они имѣютъ теперь 5 полковъ пѣшей, 7 полковъ припряженной, или линейной пѣшей, и 4 конной артиллеріи, всего 16 артиллерійскихъ полковъ. Каждый изъ 5 полковъ пѣшей артиллеріи состоитъ изъ 12 батарей пѣшихъ и 6 парковыхъ. Артиллерія эта служитъ для атаки и обороны укрѣпленныхъ мѣстъ. Также образуется артиллерійскій резервъ дѣйствующей арміи. Полкъ линейной пѣшей артиллеріи имѣетъ 15 линейныхъ батарей, которыя должны дѣйствовать съ пѣхотными дивизіями и составлять также часть артиллерійскаго резервнаго корпуса. Полкъ конной артиллеріи имѣетъ 8 батарей, которыя должны маневрировать вмѣстѣ съ кавалеріею и употребляться какъ резервъ. Кромѣ того, каждый артиллерійскій полкъ имѣетъ припряженное, или конное депо.

Полкъ понтонной артиллеріи (*d'artillerie pontonniers*), какъ 17 артиллерійскій полкъ, имѣетъ 12 понтонныхъ ротъ, 4 роты ѣздящихъ канонировъ и одно припряженное депо.

Вся французская артиллерія состоитъ изъ 60 пѣшихъ батарей, 12 понтонныхъ ротъ, 32 артиллерійскихъ парковыхъ батарей, 105 линейныхъ пѣшихъ батарей, 32 конныхъ батарей и 17 депо. Слѣдовательно, всего полевой артиллеріи 137 батарей, въ каждой по 6 орудій. Всѣ орудія 12-фунтоваго калибра; гаубицъ нѣтъ вовсе. Орудія имѣютъ такую конструкцію, что могутъ быть употребляемы какъ для стрѣльбы ядрами, такъ и для бросанія гранатъ. Имѣютъ ли эти гранаты достаточную дѣйствительность, въ этомъ мы весьма сомнѣваемся. Уже теперь потребовалось послать въ восточную армію гаубицы большаго калибра.

Касательно распредѣленія артиллеріи по корпусамъ ничего положительнаго мы не знаемъ. Армія въ Булонскомъ лагерѣ имѣетъ при каждой пѣхотной дивизіи (состоящей изъ 9 до 11 или 13 баталіоновъ) по 2 пѣшей батареи, а при каждой кавалерійской бригадѣ по 1 батарее.

лерійской дивизіи (въ 24 эскадрона) по 1 конной батарее. Начесть резервной артиллеріи ничего неизвѣстно.

У Англичанъ военная пропорція артиллеріи, ея калибръ, распределение и пропорція къ другимъ родамъ оружія еще менѣе опредѣлены. Касательно калибра можно сказать, что Англія имѣетъ, въ этомъ отношеніи, такой огромный запасъ матеріаловъ всякаго рода, что выборъ совершенно можетъ быть предоставленъ соображенію генерала, получившаго начальство надъ извѣстною частию войска, что и дѣлается при каждомъ особомъ случаѣ. У нихъ есть 18, 12, 9 и 6-фунтовыя тяжелыя и легкія батареи и 3-фунтовыя батареи; 12, 9, 6 и 3-фунтовыя конныя батареи. Батареи состоятъ изъ 5 пушекъ и одной гаубицы, кромѣ 18-фунтовыхъ, которыя имѣютъ всего по 4 орудія; три рода гаубицъ; наконецъ, колоніальныя и горныя батареи.

Въ Вульвичѣ, въ 1838 году, было 24,000 орудій (21,000 желѣзныхъ и 3,000 артиллерійскаго металла), имѣвшихъ 202 различныхъ: калибровъ и конструкцій. То же можно сказать и о пропорціи артиллеріи къ другимъ оружіямъ. Организация же, напротивъ, постоянная и имѣетъ особенный характеръ. Вся англійская артиллерія носитъ названіе полка и раздѣляется на полкъ пѣшей артиллеріи изъ 12 баталіоновъ, или 96 ротъ, и полкъ конной артиллеріи изъ 8 ротъ.

Роты, по мѣрѣ востребованія, мобилизируются и распределяются по дѣйствующимъ корпусамъ. Для дѣйствующей арміи 1815 — 1818 годовъ артиллерійскимъ комитетомъ издана была слѣдующая норма, представляющая возможность сравненія англійской артиллеріи съ другими:

Армейскій корпусъ долженъ былъ состоятъ изъ 24,000 пѣхоты и 3,000 кавалеріи, въ составѣ трехъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій. При немъ полагалось: десять 9-фунтовыхъ батарей (у Англичанъ, въ 1815 году, другихъ не было).

Каждая пѣхотная дивизія имѣла 2 пѣшія батареи въ 12 орудій = 36 орудій; каждая кавалерійская дивизія имѣла 1 конную батарею въ 6 орудій = 6 орудій; резервъ имѣлъ 1 пѣшую и 2 конныя батареи = 18 орудій. Всего 60 орудій. Слѣдовательно, на 1,000 человекъ пѣхоты $1\frac{1}{2}$ орудія; на 1,000 человекъ кавалеріи 2 орудія. Въ резервѣ — $\frac{1}{4}$ пѣшей артиллеріи, 4 (?) конной артиллеріи.

Независимо отъ пропорціонально малаго количества артил-

леріи, надо отдать справедливость, что такое раздѣленіе, собственно въ отношеніи резерва, весьма благоразумно.

Касательно русской артиллеріи мы уже замѣтили, что она ближе всѣхъ подходитъ къ прусской, т. е. роды орудій и численная пропорція ихъ постоянны.

При каждомъ пѣхотномъ корпусѣ состоитъ артиллерія, образующая одну артиллерійскую дивизію изъ 4 бригадъ.

Батареи:

Пѣшія: 1-я бригада двѣ 12-фунт. и двѣ 6-фунт.

— 2-я — одну — и три —

— 3-я — одну — и три —

Конныя: 4-я — конная двѣ —

четыре 12-фунт., десять 6-фунт.

При 1, 2, 3 и 4 корпусахъ, каждая пѣшая батарея имѣетъ 12 орудій, конная 8. Артиллерія каждого корпуса состоитъ, слѣдовательно, изъ 160 орудій.

При гвардейскомъ и гренадерскомъ корпусахъ (при каждомъ):

Батареи:

Пѣшія: въ 1-й бригадѣ двѣ 12-фунт., двѣ 6-фунт.

— во 2-й — двѣ — двѣ —

— въ 3-й — двѣ — двѣ —

Конныя: въ 4-й конной — двѣ —

шесть 12-фунт., восемь 6-фунт.

Всѣ батареи этихъ обоихъ корпусовъ имѣютъ 8-орудійный составъ; слѣдовательно, артиллерія каждого корпуса=112 орудій.

Каждый изъ 2 первыхъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ имѣетъ по одной дивизіи конной артиллеріи, состоящей изъ двухъ 12-фунт. и четырехъ 6-фунт. батарей.

Третій (драгунскій) корпусъ имѣетъ двѣ 12-фунтовыхъ и двѣ 6-фунт. батареи.

Вся, слѣдовательно, полевая русская артиллерія, состоящая при арміи, собственно заключаетъ въ себѣ сорокъ-двѣ 12-фунт. и восемьдесятъ-шесть 6-фунт. батарей (*).

(*) При гренадерскомъ и каждомъ изъ 6 армейскихъ корпусовъ, состоитъ по одной дивизіи артиллеріи; кромѣ того, при гвардейскихъ корпусахъ —

Русскій пѣхотный корпусъ состоитъ изъ 48 баталіоновъ и 32 эскадроновъ, въ 3 пѣхотныхъ и 1 кавалерійской дивизіяхъ, всего 48,000 человѣкъ пѣхоты и 5,000 человѣкъ кавалеріи, такъ что на 1,000 человѣкъ пѣхоты $3\frac{1}{2}$ орудія, на 1,000 человѣкъ кавалеріи 3 орудія.

Въ кавалерійскихъ же корпусахъ, имѣющихъ около 7,000 человѣкъ, приходится по $3\frac{1}{2}$ орудія на 1,000 лошадей.

Если принять въ соображеніе, что русская пѣхота и кавалерія, въ значительно меньшемъ числѣ, являются на театрѣ военныхъ дѣйствій, то пропорція будетъ почти та же, что въ Пруссіи.

Замѣтимъ еще, что вообще *метательный снарядъ* (Wurfgeschütz) относится къ другимъ родамъ оружія приблизительно какъ 1 : $1\frac{2}{3}$.

d) Піонеры.

По особенностямъ службы своей, піонеры раздѣляются на понтонеровъ, минеровъ и саперъ. Въ Пруссіи всѣ эти виды піонерной службы соединены въ одинъ корпусъ. Дѣйствительно ли это выгодно въ отношеніи практическаго обученія людей и ученаго образованія офицеровъ, составляетъ еще вопросъ нерѣшенный. Кажется, полезнѣе бы было, по крайней мѣрѣ, корпусъ минеровъ, который только при осадахъ имѣетъ мѣсто и комплектуется преимущественно изъ рудокоповъ, формировать отдѣль-

гвардейская артиллерія, при кавказскомъ корпусѣ — кавказская артиллерія, при резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ — конно-артиллерійская дивизія, казачья конная артиллерія, двѣ финляндскія легкія батареи; одна батарея въ Западной Сибири, Забайкальская линейная бригада изъ двухъ батарей; при внутреннихъ гарнизонныхъ баталіонахъ — по два 3-фунтов. горныхъ единорога, всего 20; при 1, 10, 11, 14, 15 и 16 сибирскихъ линейныхъ баталіонахъ — по одной 3-фунт. пушкѣ и по одному 3-фунт. единорогу, всего 12; на Оренбургской Линіи — двѣ 12-фунтов. пушки, шесть 6-фунтов., четыре $\frac{1}{4}$ -пуд. единорога, двадцать-одна 3-фунт. пушка и семьнадцать 3-фунт. единорога, всего 56 орудій, и, наконецъ, въ военное время, кадровъ — резервные и запасныя бригады пѣшей и резервные батареи конной артиллеріи. Современемъ предполагается, въ легкіхъ батареяхъ, вмѣсто 6-фунт. пушекъ, ввести 4-фунт. наръзные мѣдныя пушки, и тогда бригада будетъ состоять изъ двухъ батарейныхъ батарей, одной облегченной и одной наръзной. Въ настоящее время, въ видѣ опыта, у насъ находятся на службѣ одна батарея гвардейской конной артиллеріи въ восемь 4-ф. наръзныхъ орудій и одна пѣшая гвардейская батарея также изъ 4-фунт. наръзныхъ пушекъ. Относительно результатовъ ихъ испытаній мы должны указать на «Артиллерійскій Журналъ» (перечень занятій въ засѣданіяхъ временнаго артиллерійскаго комитета 1858 и 1859 г. и на статью Н. Маіевскаго, въ № 2-мъ 1860 г.

Прим. перев.

но. До 1806 года въ Пруссіи не существовало такого тѣснаго соединенія піонерныхъ войскъ; оно произошло въпослѣдствіи, по малой численности этого оружія. Въ другихъ большихъ арміяхъ, мы видимъ болѣе или менѣе строгое раздѣленіе этого оружія; такъ, напримѣръ:

У *Французевъ* одинъ полкъ понтонеръ изъ 14 ротъ и три полка инженеровъ въ двухъ-баталіонномъ составѣ; каждый баталіонъ — изъ 1 минерной и 7 саперныхъ ротъ.

У *Австрійцевъ* піонерный корпусъ состоитъ изъ 4 баталіоновъ, по 6 ротъ. Кромѣ того, 2 инженерныхъ полка (въ трехъ-баталіонномъ составѣ, по 6 ротъ), при каждомъ по одному учебному баталіону въ четырехъ-ротномъ составѣ; въ каждой ротѣ $\frac{1}{4}$ людей для минерной службы и $\frac{3}{4}$ для саперной.

У *Русскихъ* — піонерные дивизіоны и саперные баталіоны. Въ саперномъ баталіонѣ 3 и 4 роты — минеры, а въ 2 конно-піонерныхъ дивизіонахъ (?) эти же эскадроны — понтонеры. Всего 9 саперныхъ баталіоновъ. Въ настоящее время, каждый пѣхотный корпусъ имѣетъ по 1 саперному баталіону. Кромѣ того, есть еще 8 понтонныхъ парковыхъ ротъ (?).

Осадныя войны, въ новѣйшее время, утратили свою важность; только нѣкоторые отдѣльные случаи дѣлаютъ какъ бы исключеніе: напримѣръ, осады Антверпена, Алжира, Константины, Рима, такъ что армейскіе корпуса въ полѣ нуждаются въ вспомогательномъ оружіи, преимущественно для устройства переправъ чрезъ рѣки и построенія полевыхъ укрѣпленій, для чего достаточно бы было имѣть одно оружіе, которое, смотря по надобности, могло бы исполнять и піонерную и понтонную службу.

III.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЙСКЪ.

а) *Пѣхота.*

Во всѣхъ войскахъ находимъ мы основное устройство *пѣхоты* въ полки, которые, въ свою очередь, дѣлятся на баталіоны, а послѣдніе — на роты. За тактическую единицу пѣхоты принять вездѣ баталіонъ. Соединеніе баталіоновъ въ полки, въ тактиче-

скомъ отношеніи, почти бесполезно; но относительно дисциплины, однообразія обученія, моральнаго духа войскъ и проч. необходимо, и почти вездѣ, гдѣ пытались обойтись безъ этого соединенія, пришли наконецъ къ тому, что возвратились къ старому. Только егеря и стрѣлки, не имѣя назначенія дѣйствовать большими массами, составляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи.

Численная сила баталіона, въ различныхъ арміяхъ, весьма различна. Максимумъ ея ограничивается возможностью для командира голосомъ командовать своимъ баталіономъ и управлять до известной степени мелкими его подраздѣленіями. Минимумъ обусловливается должною самостоятельностью баталіона въ бою, принимая во вниманіе неизбѣжную убыль людей, во время дѣйствій и маршей, и степень оборонительной и наступательной силы, требуемой отъ составной части его, т. е. роты. Слишкомъ сильный баталіонъ теряетъ много въ подвижности, что особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько такихъ баталіоновъ соединены въ большія тактическія части. Слабый баталіонъ отнимаетъ силу у составныхъ частей своихъ, лишая ихъ возможности стойко сопротивляться или производить сильныя нападенія. Посему 600 человекъ принято за наименьшую силу баталіона, а 1,200 человекъ за наибольшую. Последняя существуетъ только въ австрійскихъ баталіонахъ и кажется намъ нѣсколько великою. Въ прусской и русской арміяхъ, баталіонъ, какъ известно, состоитъ изъ 1,000 человекъ. Австрійцы имѣютъ баталіоны различной силы въ 1,200 и въ 800 человекъ (всѣ 5 баталіоны имѣютъ 800 составъ). Баталіоны Французовъ имѣютъ около 900 человекъ, баталіоны Германскаго Союза—отъ 700 до 900. Много было споровъ о наудобнѣйшей численной силѣ баталіона. Вообще же говоря, она весьма много или даже исключительно зависитъ отъ особыхъ отношеній каждой арміи. Прежде Пруссія должна была имѣть сильные баталіоны потому, что каждому армейскому корпусу приходилось дѣлать около 100 миль до любого изъ трехъ театровъ военныхъ дѣйствій. При подобныхъ маршахъ, потери весьма значительны, и послѣ перваго сраженія нельзя было считать баталіонъ болѣе 800 человекъ. При существованіи желѣзныхъ дорогъ, неудобства маршировки устранились.

Въ 1831 году, Русскіе открыли кампанію на польской границѣ, имѣя въ баталіонахъ, среднимъ числомъ, около 800 чел., а

при штурмѣ Варшавы они состояли уже только изъ 400 или 500 человѣкъ. Въ бою собственно представляютъ болѣе удобствъ три баталіона по 700 человѣкъ, нежели два по 1,000 человѣкъ; но положительно лучше во всѣхъ отношеніяхъ имѣть три баталіона по 800 человѣкъ, нежели два по 1,200.

Пѣхотные полки вообще формируются изъ 2, 3 или 4 баталіоновъ. Въ Англіи каждый полкъ состоитъ только изъ одного баталіона; но это принято лишь для мирнаго времени. Число ихъ можетъ быть увеличено въ полку, смотря по надобности; однакожь, и въ военное время полки ихъ обыкновенно имѣютъ только двухъ-баталіонный составъ. Говорятъ также, что Англичане иногда, во время боя, дѣлятъ одинъ сильный баталіонъ на два. Слѣдуетъ избѣгать подобнаго раздѣленія, ибо этимъ нарушается внутренняя, тактическая сила баталіона.

Въ Баваріи, Виртембергѣ, Гессенѣ, Баденѣ полки имѣютъ по 2 баталіона. Въ Россіи гвардейскіе полки имѣютъ по 3 баталіона, армейскіе по 4. Во Франціи полки состоятъ изъ 3 баталіоновъ и одного депо, въ Австріи — изъ 4 баталіоновъ и одного депо, въ Пруссіи — изъ 3 баталіоновъ.

При большомъ числѣ баталіоновъ, въ полку утрачивается, болѣе или менѣе, точное наблюденіе за отдѣльными частями ихъ, знакомство съ начальниками этихъ частей и вообще офицерами, — словомъ, именно то, что составляетъ главную цѣль формирования полковъ, т. е. единообразіе обученія, вліяніе командира на духъ полка, характеръ, и проч.

Баталіоны вездѣ дѣлятся на роты. Такое раздѣленіе не столько важно въ смыслѣ тактическомъ, сколько относительно экономическаго и административнаго соображеній, лучшаго и основательнѣйшаго обученія каждой отдѣльной личности и мелкихъ тактическихъ частицъ. Рота становится тактической единицею только въ легкой пѣхотѣ — у стрѣлковъ и егерей, дѣйствующихъ малыми частями, или, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, въ ротныхъ колоннахъ. Численная сила ротъ различна: она измѣняется между 90 и 250 челов. Также различно и число ротъ, составляющихъ баталіонъ.

У Англичанъ 10 ротъ составляютъ баталіонъ: одна грендерская, 8 фузилерныхъ и одна стрѣлковая. Рота состоитъ (включая 8 унтеръ-офицеровъ) изъ 84 челов. Баталіонъ (включая офицеровъ) состоитъ изъ 906 человѣкъ.

У *Французовъ* баталіонъ составляютъ: одна гренадерская, 6 фузильерныхъ и одна волтижерская роты. Въ каждой ротѣ около 115 челов.; слѣдовательно, полкъ состоитъ изъ 24 ротъ. Баталіонъ дѣлится еще на четыре дивизиона, по 2 роты.

Австрійскіе пѣхотные полки имѣютъ, кромѣ депо, по 4 гренадерскихъ и 20 фузильерныхъ ротъ. Гренадерскія роты, во время войны, могутъ формироваться въ самостоятельные баталіоны, и въ такомъ случаѣ мѣста ихъ въ фузильерныхъ баталіонахъ занимаютъ резервы. Пѣхотные полки имѣютъ по 4 баталіона, въ 6 ротъ. Рота, во время войны, состоитъ, среднимъ числомъ, изъ 200 челов. рядовыхъ, баталіонъ — изъ 1,206 голвъ. Каждый баталіонъ дѣлится на 3 дивизиона, по 2 роты.

Русскіе баталіоны имѣютъ по 4 роты, въ 2 взвода. Въ каждомъ баталіонѣ линейной пѣхоты одна рота отборная, называемая гренадерскою, въ егерской — карабинерною (*). Два рядомъ стоящіе взвода разныхъ ротъ составляютъ дивизионъ (?); баталіонъ, кромѣ того, дѣлится еще на два полубаталіона. Рота состоитъ изъ 262 человекъ.

Прусскій пѣхотный полубаталіонъ дѣлится на 4 роты. Въ каждой ротѣ полагается 5 офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта и 226 рядовыхъ. Кажется, это самый сильный составъ для выступленія арміи къ театру войны. Онъ выголенъ и въ тактическомъ отношеніи, ибо каждая рота, отдѣльно взятая, имѣетъ большую степень оборонительнаго и наступательнаго дѣйствія, что весьма важно при дѣйствіи въ ротныхъ колоннахъ, къ чему слабыя французскія роты вовсе неспособны.

в) *Кавалерія.*

Въ кавалеріи эскадронъ составляетъ тактическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строевую единицу. Онъ имѣетъ отъ 120 до 200 лошадей. Если въ эскадронѣ болѣе 200 лошадей, то начальникъ уже затрудненъ въ подробномъ обученіи своей части, въ поддержаніи дисциплины, хозяйственнаго порядка и даже въ тактическихъ дѣйствіяхъ. Если эскадронъ изъ 200 лошадей имѣетъ только половину длины фронта баталіона изъ 1,000 человекъ, за то тактическое управленіе имъ гораздо затруднительнѣе, вслѣд-

(*) Названій этихъ, какъ извѣстно, уже не существуетъ: роты именуются по старшинству номеровъ 1, 2, 3, 4 и т. д.

ствіе большей быстроты движенія и личнаго участія самого начальника въ бою. Эскадроны кавалеріи формируются въ полки, вслѣдствіе тактической необходимости, для приданія большаго единства въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, болѣе сильныхъ отрядовъ кавалеріи; слѣдовательно, здѣсь необходимость формировація въ полки является уже по совершенно обратной причинѣ, нежели въ пѣхотѣ. Полкъ кавалеріи всегда состоитъ изъ нѣсколькихъ эскадроновъ: число ихъ заключается между 3 и 10.

Прусскій эскадронъ имѣетъ 150 лошадей, полкъ — 4 эскадрона.

У Русскихъ гвардейскіе кавалерійскіе полки и кирасиры имѣютъ по 6 эскадроновъ, гусарскіе же и уланскіе полки — по 8 эскадроновъ, драгунскіе — по 10. Каждые два эскадрона составляютъ *дивизионъ*. Въ эскадронѣ положено имѣть 167 лошадей, въ мирное время 112; поэтому полкъ изъ 8 эскадроновъ имѣетъ 1,380 (?) лошадей.

Австрійскіе кирасирскіе и драгунскіе полки имѣютъ 6-эскадронный составъ. Въ каждомъ полку полагается 1,032 лошади; слѣдовательно, эскадронъ состоитъ изъ 172 лошадей. Гусарскіе и уланскіе полки имѣютъ 8-эскадронный составъ, по 200 лошадей въ эскадронѣ; всего въ полку 1,600 лошадей.

Сильный составъ кавалерійскихъ полковъ, какъ, на примѣръ, у Русскихъ и Австрійцевъ, требуетъ, весьма естественно, еще дальнѣйшаго подраздѣленія, именно на *дивизионы* (по 2 эскадрона). Кавалерійскіе уѣзды обѣихъ державъ, особенно послѣдней, такъ сильно налегаютъ на дѣйствія дивизионовъ, что полкъ, какъ единица, часто теряется изъ вида.

Французскіе кавалерійскіе полки имѣютъ 6-эскадронный составъ. По всей вѣроятности, одинъ изъ нихъ составляетъ депо, такъ что собственно только 5 эскадроновъ образуютъ тактическую единицу полка. Тяжелые и линейные полки, кромѣ депо, имѣютъ первые (*) 1,282, а вторые 1,352 лошади; легкіе полки — 1,422 лошади. Эскадроны имѣютъ соответственно 173, 183 и 193 лошади.

Англійскіе кавалерійскіе полки въ 4-эскадронномъ составѣ и раздѣляются, кромѣ того, еще на 8 ротъ. Дѣленіе, совершенно бесполезное и даже вредное, ибо роты, состоя изъ 50 или 60 че-

(*) Числа 1,282, 1,352 и 1,422 показаны ошибочно. Прим. перев.

ловѣкъ, въ экономическомъ отношеніи не приносятъ никакой выгоды, въ тактическомъ же подавно не образуютъ единицъ. Въ кампанію 1815 года, англійскіе кавалерійскіе полки явились почти всѣ только въ 3-эскадр. составѣ (около 400 лошадей). 4 эскадрона составляли депо.

Численная сила кавалерійскаго полка все еще составляетъ спорный вопросъ теоріи. Нѣкоторые говорятъ, что истинная сила полка — 800 лошадей, ибо полкъ менѣе сего состава не можетъ произвести достаточно сильнаго удара. Въ военной исторіи есть, дѣйствительно, примѣры, подтверждающіе это мнѣніе; но столько же и такихъ, которые его опровергаютъ: напримѣръ, въ извѣстномъ кавалерійскомъ сраженіи при Вегу-аи-Бас, 4 слабые эскадрона (въ 50 лошадей), въ сомкнутомъ натискѣ, опрокинули и наголову разбили 13 французскихъ эскадроновъ. Достоверно можно сказать только то, что численно слабый кавалерійскій полкъ, въ продолженіе кампаніи, вслѣдствіе потерь отъ сраженій, болѣзней, падающихъ лошадей и отдѣленія отрядовъ и разнаго рода командъ, приходитъ скорѣ къ такому незначительному числу людей и лошадей, что едва ли можетъ быть употребленъ, какъ тактическая единица.

Все это относится преимущественно до легкой кавалеріи, полки которой, по этимъ причинамъ, никогда не будутъ слишкомъ сильными. Гусарскіе полки старой прусской арміи были всѣ въ 10-эскадронномъ составѣ (1600 лошадей), точно также и большее число драгунскихъ полковъ; поэтому, кажется, наши нынѣшніе легкіе кавалерійскіе полки окажутся слишкомъ слабыми, особенно въ войнѣ противъ Россіи и Австріи.

Генералъ фонъ-Бисмаркъ находитъ, что полкъ долженъ имѣть 4 эскадрона, по 207 лошадей въ каждомъ; но соединеніемъ 4 стрѣлковыхъ взводовъ въ одинъ особый эскадронъ полкъ его выходитъ 5-эскадронный и имѣетъ около 830 лошадей.

По мнѣнію г. Бисмарка, полкъ, имѣющій болѣе 1,000 лошадей, теряетъ въ поворотливости болѣе, нежели выигрываетъ въ силѣ, а полкъ, состоящій изъ 700 лошадей, вовсе не имѣетъ силы шока и, послѣ нѣсколькихъ сраженій, становится до такой степени слабымъ, что уже не можетъ удерживать въ линіи мѣста полка. То же должно сказать и про эскадроны болѣе 250 лошадей и менѣе 150.

с) *Артиллерія.*

Артиллерія вездѣ дѣлится на батареи, которыя, подобно тому, какъ въ кавалеріи эскадроны, составляютъ вмѣстѣ и тактическую и экономическую единицы. Соединеніе батарей въ полки, бригады, дивизіи, баталіоны и прочее имѣетъ главною цѣлью однообразіе обученія, въ тактическомъ, техническомъ и ученомъ отношеніяхъ. Собственно же, какъ тактическія части, эти соединенія являются весьма рѣдко.

Русскіе имѣютъ самыя сильныя батареи въ 12 орудій (*); въ другихъ государствахъ онѣ формируются изъ 8 орудій и въ немногихъ изъ 6 орудій. Швейцарская артиллерія имѣетъ батареи въ 4 орудія, и это должно считать минимумомъ. Батарея, имѣющая менѣе 4 орудій, не можетъ имѣть того значенія и внутренней силы, которыя необходимы для тактической единицы. Слишкомъ большое число орудій, увеличивая число повозокъ и возимаго матеріала, дѣлаетъ батарею неповоротливою и вообще затрудняетъ ея движенія; поэтому 12-орудійный составъ надо считать максимумомъ для батареи. Даже и въ этомъ составѣ она, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обнаруживаетъ уже неудобства. Весьма выгодно бы было имѣть въ батареѣ одинъ родъ орудій и вообще возможно меньшее число различныхъ калибровъ. Соединеніе различныхъ родовъ орудій въ одной и той же батареѣ не согласуется ни съ какими теоретическими выводами, на практикѣ же нигдѣ и ни въ чемъ не оказало важныхъ преимуществъ.

Дѣйствительность выстрѣловъ разныхъ родовъ орудій такъ различна, что почти всегда одинъ родъ орудій дѣйствуетъ въ ущербъ другому, будучи соединенъ съ нимъ въ одну батарею.

Большое число 12-фунт. батарей въ войскахъ кажется намъ также не совѣтмъ удобнымъ. Онѣ представляютъ болѣе затрудненій въ прислуживаніи и во многихъ случаяхъ уступаютъ въ удобствѣ 6-фунт. — 6-фунт. пушечныя и 7-фунт. гаубицы-батареи, приданныя въ вѣрной пропорціи, будутъ почти вездѣ совершенно удовлетворять, а во многихъ случаяхъ, особенно при дѣйствіи резервной артиллеріи, гдѣ преимущественно требуется быстрота появленія, скорое перемѣщеніе изъ резерва къ пункту рѣшительнаго дѣйствія, будутъ давать лучшій результатъ, нежели упо-

(*) Въ нашей артиллеріи, всѣ пѣшія и конныя батареи имѣютъ 8-орудійный составъ.

требляемыя въ настоящее время, почти во всѣхъ арміяхъ, батареи, состоящія изъ трехъ или четырехъ различныхъ родовъ орудій.

IV.

ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШИХЪ МАССЪ ВОЙСКЪ.

Итакъ, мы видимъ артиллерію, сформированную въ батареи, бригады или полки, кавалерію и пѣхоту — въ эскадроны, роты, баталіоны и полки. Послѣднія два орудія дѣйствуютъ въ бою преимущественно большими массами, и поэтому ихъ, даже въ мирное время, формируютъ обыкновенно въ большія части, какъ, напримѣръ: бригада, дивизія и проч.

Главное основаніе, имѣющеея при этомъ въ виду, заключается въ томъ, чтобы еще въ мирное время представить начальникамъ генераламъ соотвѣтственный чинамъ ихъ кругъ дѣятельности, ознакомить ихъ съ подчиненными имъ частями, съ особенностями и характеристикою личностей этихъ частей, давая тѣмъ возможность достигнуть извѣстной степени равномерности обученія въ болѣе обширномъ, высшемъ смыслѣ. Впослѣдствіи, мы увидимъ, что такое устройство войскъ для войны необходимо собственно въ *тактическомъ отношеніи*; для мирнаго же времени въ немъ нѣтъ особенной надобности. Въ старой прусской арміи, такъ же, какъ и въ другихъ арміяхъ, до революціонныхъ войнъ, въ мирное время, ничего подобнаго не существовало. Бригады и дивизіи имѣли мѣсто только во время войны; генералы командовали полками, и только Французы и Англичане имѣютъ и по настоящее время почти тотъ же порядокъ. У первыхъ, въ мирное время, войска хотя и находятся подъ вѣдѣніемъ командира военного округа, въ которомъ отправляютъ гарнизонную службу, но въ такой лишь мѣрѣ, какъ у насъ, напримѣръ, находятся подъ начальствомъ коменданта войска, расположеннаго въ крѣпости. Въ отношеніи же администраціи, экономіи, дисциплины, внутренней службы, обученія и проч. полки состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ военного министра (*).

(*) До 1858 года французскія войска раздѣлены были на 21 дивизію (*territorial-militaire-divisions*) и 86 «Subdivisions». Въ 1858 году, послѣ покушенія

Пѣхотныя бригады, обыкновенно, состоятъ изъ двухъ либо трехъ пѣхотныхъ полковъ, смотря по тому, имѣютъ ли полки три, четыре или только два баталіона. У Русскихъ, Пруссаконъ и Французонъ бригады неизмѣнно состоятъ изъ 2 полковъ; поэтому послѣдніе имѣютъ 4, 6 или 8 баталіоновъ. У Французонъ нѣкоторымъ бригадамъ придаютъ еще по одному стрѣлковому баталіону. У Австрійцевъ бригада состоитъ изъ одного пѣхотнаго полка въ 4 баталіона и одного егерскаго баталіона. Англійскія бригады, обыкновенно, состоятъ изъ 4 баталіоновъ.

Кажется, что 8 баталіоновъ должны составлять наибольшую силу бригады, какъ отдѣльной массы пѣхоты; дальнѣйшее увеличеніе будетъ уже на счетъ ея подвижности, а начальнику трудно будетъ тогда управлять ею во время боя. Минимумомъ надо полагать 4 баталіона, и то только особенныя причины могутъ оправдать формированіе бригады въ такую силу. Чаше всего, въ военное время, являются бригады въ 6 баталіоновъ. Формированіе цѣлыхъ бригадъ изъ одной легкой пѣхоты, какъ это дѣлаютъ Русскіе, кажется намъ не совсѣмъ выгоднымъ.

Истинная легкая пѣхота вовсе не такъ многочисленна, чтобы можно было употреблять ее въ массѣ на одномъ пунктѣ. Отъ этого легко можетъ оказаться недостатокъ ея на другихъ; притомъ же надо замѣтить, что тамъ, гдѣ будетъ дѣйствовать цѣлая легкая бригада, полезно ввести въ дѣло и линейную пѣхоту. Полезнѣе авангардную бригаду, да и то не всю, составить изъ легкой пѣхоты, и, наоборотъ, резервную только изъ тяжелой пѣхоты. Такъ составленъ былъ авангардъ Іоркскаго корпуса (1 пѣх. бригады) до кацбахскаго сраженія изъ 4 фузилерныхъ и 2 ландверъ-баталіоновъ. Вообще же всегда выгоднѣе соединять въ каждой бригадѣ легкую и тяжелую пѣхоты.

Въ кавалеріи, два полка, обыкновенно, составляютъ бригаду. Если же полкъ состоитъ изъ слабыхъ эскадрононъ или небольшого числа ихъ, то бригаду формируютъ изъ 3, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже изъ 4 полковъ. Отъ этого и сила кавалерійскихъ бригадъ бываетъ весьма различна: отъ 6 до 20 эскад-

на жизнь императора 14 января, вся Франція, кромѣ Алжира, раздѣлена была на 5 большихъ военныхъ округовъ, каждый подъ управленіемъ особаго маршала, на правахъ главнокомандующаго. Главная квартира 1-го маршала — въ Парижѣ; 2-го — въ Нанси; 3-го — въ Лионѣ; 4-го — въ Тулузѣ, и 5-го — въ Турѣ. Маршалами назначены были: Маньянъ, Костелланъ, Капроберъ, Бараге-д'Илье и Боске.

Прим. персс.

роновъ. Бригады изъ 6 эскадроновъ встрѣчаются особенно у Англичанъ и Французовъ; впрочемъ, и въ прусской арміи, въ послѣднія войны, были подобныя же бригады. Самый сильный составъ представляютъ русскія драгунскія бригады въ 20 эскадроновъ. Легкія кавалерійскія бригады Русскихъ и Австрійцевъ состоятъ изъ 16 эскадроновъ, тяжелыя изъ 12. Если кавалерійскіе полки въ 8-ми-эскадронномъ составѣ, то формированіе кавалерійскихъ бригадъ, въ тактическомъ отношеніи, будетъ совершенно бесполезно. Сильный полкъ не только можетъ замѣнить всегда бригаду, но будетъ даже нѣсколько лучше послѣдней. При слабыхъ кавалерійскихъ полкахъ формированіе бригадъ необходимо, если предполагается маневрировать и дѣйствовать болѣе сильными кавалерійскими частями.

При составленіи кавалерійскихъ бригадъ, должно избѣгать смѣшенія различныхъ родовъ кавалерійскаго оружія въ одной бригадѣ и ни въ какомъ случаѣ не составлять ихъ изъ тяжелой и легкой кавалеріи. Такое смѣшеніе не только не принесетъ никакой пользы въ бою, но, напротивъ, будетъ имѣть прямую невыгоду, ибо половина бригады почти всегда будетъ употреблена несоотвѣтственно назначенію и свойству своего оружія, а слѣдовательно и самая возможность полного развитія силъ въ бою будетъ утрачена; поэтому всегда будетъ полезнѣе, во время войны, формировать отдѣльно кирасирскія бригады, уланскія и легкія кавалерійскія бригады.

Отъ соединенія бригадъ является первая единица смѣшаннаго оружія — *дивизія*. Соединеніе пѣхотныхъ и кавалерійскихъ бригадъ въ одну дивизію не представляетъ удобнаго боеваго соединенія, особенно относительно кавалеріи. Ни въ одномъ войскѣ нѣтъ такого изобилія въ кавалеріи, чтобы, за совершеннымъ отдѣленіемъ резервной кавалеріи, можно было придать еще каждой дивизіи такое большое число кавалеріи.

Почти во всѣхъ арміяхъ пѣхотныя дивизіи имѣютъ двѣ бригады пѣхоты, отъ 4 до 6 эскадр. кавалеріи и отъ 1 до 2 батарей.

Въ кампаніи 1814 и 1815 годовъ, прусскія дивизіи (которыя, въ то время, назывались бригадами) имѣли до 9 баталіоновъ, отъ 2 до 4 эскадр. и одну батарею. Русскія пѣхотныя дивизіи состоятъ изъ 2 бригадъ, по 8 баталіоновъ; слѣдовательно, всего въ дивизіи 16 баталіоновъ, которымъ, въ боевомъ порядкѣ, придается еще 2 батареи. Тѣсная связь пѣхоты и кавалеріи является у нихъ только въ армейскомъ корпусѣ, который состоитъ изъ 3

пѣхотныхъ дивизій, одной кавалерійской (32 эскадрона) и 14 батарей. Подобный же составъ, въ послѣднихъ войнахъ, былъ у Австрійцевъ и Французовъ. У первыхъ армейскій корпусъ, обыкновенно, состоялъ изъ 2 пѣхотныхъ дивизій (въ каждой по 2 пѣхотныхъ бригады и по 3 батареи) и еще изъ третьей дивизіи, которая составлялась изъ нѣсколькихъ легкихъ баталіоновъ пѣхоты; кромѣ того, изъ 8, 12 или 16 эскадр. кавалеріи. У Французовъ каждый корпусъ состоялъ изъ 3—5 дивизій пѣхоты, которымъ придавались, смотря по надобности, одна либо двѣ кавалерійскія бригады. Это отдѣленіе кавалеріи отозвалось Французамъ не разъ весьма горько (при Меккербнхъ, Гросъ-Бееренѣ). Важность соединенія обоихъ оружій въ соразмѣрной силѣ мы увидимъ впоследствии, при разсматриваніи тактической стороны.

Кавалерійскія дивизіи, во время войны, встрѣчаются почти во всѣхъ войскахъ; преимущественно же формируютъ въ нихъ резервную кавалерію. Въ послѣднемъ случаѣ, дивизія, обыкновенно, состоитъ изъ 2 бригадъ кавалеріи и 1 либо 2 конныхъ батарей. Наполеону I вздумалось какъ-то сформировать изъ дивизій кавалерійскіе корпуса. Въ 1812 году, эта идея приведена была въ исполненіе уже въ колоссальномъ размѣрѣ: именно составлены были три кавалерійскихъ корпуса, каждый изъ 3 дивизій, и, притомъ, изъ одной легкой въ 28 эскадр. и 2 тяжелыхъ въ 16 эскадр. Кромѣ того, существовалъ еще 4-й кавалерійскій корпусъ, изъ двухъ дивизій, всего 44 эскадр., такъ что вся масса этой кавалеріи простиралась до 224 эскадроновъ. Русскій кавалерійскій корпусъ состоитъ, изъ двухъ дивизій, всего 48 эскадр. кирасиръ и уланъ, съ 4 конными батареями.

О тактическомъ устройствѣ этихъ большихъ массъ кавалеріи мы будемъ говорить впоследствии; но прежде, нежели перейдемъ къ тактическому раздѣленію и эволюціямъ различныхъ родовъ оружій, разсмотримъ здѣсь еще: *различныя скорости движеній и степени подвижности отдѣльныхъ оружій*, ибо какъ то, такъ и другое лежитъ въ основаніи всѣхъ эволюцій и движеній войскъ и составляетъ главную черту въ характеристикѣ различныхъ оружій.

Въ тактическомъ отношеніи, движеніе есть средство для выстраиванія войскъ къ бою или для обратнаго стягиванія выстроенныхъ частей, для приближенія къ непріятелю на разстояніе дѣйствительности оружія или удаленія отъ него съ цѣлью избѣжать дѣйствія его оружія. Скорость движенія увеличивается

и уменьшается, находясь въ зависимости отъ множества обстоятельствъ и случайностей; поэтому, если оно производится не на короткое разстояніе или при обстоятельствахъ, не хорошо извѣстныхъ, то надо имѣть опытный взглядъ, чтобы вѣрно оцѣнить время, необходимое для исполненія движенія въ томъ или другомъ случаѣ. Вѣрная оцѣнка времени особенно важна въ тѣхъ случаяхъ, когда надо составить точное понятіе объ опасности угрожаемаго нападенія и средствахъ отразить его или когда необходимо наудобнѣйше расположить войско на мѣстности въ боевой порядокъ, съ тѣмъ, чтобы части его взаимно поддерживали другъ друга.

Вообще скорости пѣхоты и кавалеріи въ бою относятся какъ 1 : 2. Пропорція эта на ровной мѣстности или на короткой дистанціи увеличивается до 1 : 4, т. е. кавалерія требуетъ въ четыре раза менѣе времени, нежели пѣхота, чтобы пройти извѣстное разстояніе, или, другими словами, кавалерія оставляетъ за собой въ одно и то же время въ 4 раза большее разстояніе. На мѣстности пересѣченной, гористой пѣхота можетъ двигаться даже скорѣе кавалеріи и, наконецъ, при возрастающихъ затрудненіяхъ мѣстности, доходить до того, что пѣхота, въ разсыпномъ порядкѣ, можетъ еще двигаться и даже дѣйствовать, между тѣмъ, какъ движенія кавалеріи становятся совершенно невозможными. Скорости движеній легкой пѣшей и конной артиллеріи на ровной мѣстности сходны съ соотвѣтственными оружіями; но на мѣстности пересѣченной движеніе артиллеріи прекращается еще раньше, нежели кавалеріи. Легкая пѣшая артиллерія на ровной мѣстности можетъ двигаться наравнѣ съ кавалеріею, впрочемъ только на короткомъ разстояніи — отъ 800 до 1,000 шаговъ.

При отдѣльныхъ, суточныхъ передвиженіяхъ, пропорція эта сохраняется; но при продолжительныхъ маршахъ скорость движенія всѣхъ оружій мало по малу уравнивается, и, наконецъ, при слишкомъ продолжительныхъ передвиженіяхъ, случается обыкновенно, что пѣхота скорѣе достигаетъ своего мѣста или, крайней мѣрѣ, не такъ разслабляется, какъ кавалерія и артиллерія, поставленная въ зависимость отъ лошадей, машинъ и проч.

Пѣхота обыкновеннымъ походнымъ шагомъ дѣлаетъ 108 шаговъ въ минуту, считая шагъ 2' 4" (1 аршинъ). На небольшихъ разстояніяхъ, при развертываніи и при движеніи въ атаку, въ штыки, скорость эволюціоннаго шага доходитъ до 120 шаговъ въ минуту; наконецъ, бѣглымъ шагомъ, употребляемымъ

только для выстраиванія фронта и сбора въ колонны къ атакѣ, также при штыковой атакѣ, въ послѣдній моментъ, пѣхота дѣлаетъ 180 шаговъ въ минуту. Въ Пруссіи весьма полезно было бы развивать бѣглый шагъ нѣсколько болѣе. Опытъ доказалъ, что отъ упражненія въ бѣганьи въ теченіе 2 или 3 минутъ, повторяя таковое въ извѣстное время, черезъ каждыя 5 минутъ, можно привыкнуть съ значительною скоростію пробѣгать большія пространства. Въ брауншвейгской пѣхотѣ, шагъ этотъ былъ прежде часто употребляемъ; въ настоящее время имъ особенно отличается французская легкая пѣхота.

Хорошая, привычная къ походамъ пѣхота, при сухой погодѣ, на твердой и ровной мѣстности, особенно, если нѣтъ сильныхъ жаровъ, можетъ, въ теченіе многихъ миль, удерживать скорость 108 шаговъ въ минуту, не теряя порядка, сомкнутости и способности вступить въ бой. Эволюціонный шагъ малыми частями и при тѣхъ же условіяхъ можетъ продолжаться только одну милю, при чемъ, во многихъ случаяхъ, израсходованы будутъ почти всѣ силы и потребуется необходимость отдыха. Большія массы пѣхоты, обыкновенно, разстраиваются въ подобномъ случаѣ.

Пропорція скоростей совершенно измѣняется при движеніяхъ по глубоко песчаной или рыхлой землѣ, по мокрой, мягкой или весьма неровной мѣстности. Пѣхота, въ такихъ случаяхъ, обыкновеннымъ шагомъ будетъ дѣлать не болѣе 90 или 100 шаговъ въ минуту, бѣглымъ 130 или 140 шаговъ въ минуту, и при этомъ, для поддержанія порядка и способности вступить въ бой, придется отъ времени до времени останавливаться. Если же при этомъ потребуются болѣе или менѣе крутые подъемы на горы, то скорость, при движеніи сомкнутыми частями, упадетъ часто на $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$. Еще есть правило, что незначительныя разстоянія по мѣстности пересѣченной пѣхоты, въ разсыпномъ порядкѣ, дѣлаетъ отъ 10 до 20 шаговъ въ минуту болѣе, нежели сомкнутыя ея части.

Баталіонъ и меньшія части могутъ на твердой и ровной мѣстности дѣлать $\frac{1}{2}$ мили въ 45 минутъ, цѣлую милю въ 90—95 минутъ; на мягкой, песчаной или неровной мѣстности она требуетъ соответственно 60 и 130 минутъ. По хорошимъ сухимъ шоссе, даже болѣе значительныя части, до трехъ баталіоновъ, выполнять то же самое.

Сильный вѣтеръ въ лицо, жаръ и темнота также уменьшаютъ скорость шага; холодъ и вѣтеръ въ тылъ — ускоряютъ. Въ бою рѣдко встрѣчаются движенія на разстояніи болѣе мили. Мы будемъ говорить объ этомъ впослѣдствіи, а теперь замѣтимъ только, что по извѣстнымъ даннымъ нетрудно разсчитать время, потребное для исполненія какого нибудь движенія, эволюціи, марша и проч.

Скорость движенія кавалеріи. Показанія различныхъ руководствъ насчетъ скорости движеній кавалеріи несходны между собой, хотя вообще не представляютъ значительной разницы, такъ что, круглымъ числомъ, можно принять, что сомкнутая кавалерія на ровной и твердой мѣстности дѣлаетъ въ минуту: шагомъ 150 шаговъ, рысью—300, въ галопъ—450, въ карьеръ—600.

Цифры эти выражаютъ, впрочемъ, наибольшую скорость каждаго движенія, которая достигается только на короткія разстоянія, на мѣстности твердой и неутомленными лошадьми, такъ что вообще въ полѣ надо разсчитывать въ минуту: шагомъ 120 шаговъ, рысью—200, въ галопъ—350, въ карьеръ—450 до 500.

Въ обоихъ случаяхъ можно принять, что одиночный всадникъ, или фланкерская линія сдѣлаютъ шагомъ въ минуту десятью шагами болѣе противъ сомкнутыхъ частей, рысью и галопомъ — пятидесятью, а въ карьеръ — сто шаговъ и болѣе.

Форсированные марши кавалеріи укорачиваются по мѣрѣ возрастанія скорости движенія, ибо съ увеличеніемъ ея увеличивается и потребленіе силъ лошадей.

Рысью сомкнутая кавалерія можетъ идти полчаса, галопомъ около 5 минутъ; потомъ лошади должны перевести духъ и по прошествіи 2 или 5 минутъ могутъ произвести сомкнутую атаку.

Непривычныя, тяжело навьюченные лошади могутъ нестись въ карьеръ не болѣе 2 минутъ; затѣмъ аллюръ ихъ измѣняется въ менѣе скорый галопъ. Въ вышеупомянутое время, кавалерія проходить: рысью одну милю (по 300 шаговъ въ минуту); одиночный всадникъ на ненавьюченной лошади въ карьеръ сдѣлаетъ отъ 1,000 до 1,200 шаговъ.

Большія разстоянія, напримѣръ, отъ половины до 4 миль, кавалерія проходитъ скорѣе пѣхоты, потому особенно, что ѣдетъ попеременно то рысью, то шагомъ. Среднимъ числомъ, здѣсь можно принять 250 шаговъ въ минуту. Съ этою скоростью кавалерія проходитъ 1 милю въ 40 минутъ; если же будетъ двигаться

только шагомъ (что, впрочемъ, не должно быть допускаемо во время марша), то потребуетъ для этого же разстоянія 70 минутъ (*).

Что касается до артиллеріи, то уже замѣчено было, что она относительно скорости своего движенія сходна съ соответственными оружіями.

Конная артиллерія ускореннымъ шагомъ можетъ дѣлать до 150 шаговъ въ минуту, рысью отъ 300 до 350 шаговъ, если мѣстность ровная и твердая. Скорость эту она можетъ удерживать такъ же долго, какъ и кавалерія, можетъ даже сдѣлать галопомъ отъ 600 до 800 шаговъ.

Легкая пѣшая артиллерія, при подобныхъ же мѣстныхъ условіяхъ, сдѣлаетъ шагомъ 120, рысью около 250 шаговъ. Разница съ конною артиллеріею происходитъ здѣсь особенно потому, что прислуга должна сѣсть, вслѣдствіе чего подручныя и передовыя лошади будутъ гораздо болѣе отягощены, нежели въ конной артиллеріи. Если ѣздящая и конная артиллеріи попеременно галопируютъ и идутъ рысью, то все-таки, среднимъ числомъ, онѣ проходятъ не болѣе 350 или 450 шаговъ. Движеніе артиллеріи въ галопъ надо принимать вообще какъ исключеніе и употреблять только при выстраиваніяхъ или въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно наискорѣйшимъ образомъ достигнуть какого нибудя пункта прежде непріятеля или избѣжать нападенія послѣдняго.

Тяжелая артиллерія движется преимущественно только шагомъ; если прислуга не садится, то можетъ проходить небольшія разстоянія и рысью.

На скорость движенія артиллеріи, болѣе, нежели на прочія оружія, дѣйствуетъ мѣстность, на томъ основаніи, что орудія и повозки своею тяжестью сильно врѣзываютъ колеса.

На мягкой, неровной или песчаной мѣстности легкая, пѣшая и конная артиллеріи проходятъ шагомъ не болѣе 100 или 120 шаговъ, а рысью только около 180 или 250 шаговъ. Цифры эти уменьшаются по мѣрѣ вязкости грунта и чѣмъ менѣе лошади способны сдѣлать сильное напряженіе. Тяжелая артиллерія на такой мѣстности скоро отстанетъ отъ пѣхоты.

Въ 1831 году, Русскіе, вступивъ въ предѣлы Польши въ началѣ февраля мѣсяца, должны были оставить 96 орудій въ Бѣ-

(*) Шагомъ кавалерія проходитъ милю въ 64 минуты.

достоѣ, чтобы припречь лошадей къ остальнымъ орудіямъ. Причиною этого были внезапно появившіяся сильныя оттепели.

Мы упомянули выше о важности вѣрнаго опредѣленія скорости движенія всѣхъ родовъ оружій, для соображенія различныхъ обстоятельствъ, могущихъ встрѣтиться во время войны. Случайности и особенныя распоряженія могутъ, впрочемъ, увеличить или уменьшить вышеприведенныя скорости движенія войскъ.

Эти случайности и особыя распоряженія часто, при самомъ вѣрномъ разсчетѣ, могутъ разстроить всѣ наши соображенія. Стоитъ лишь вспомнить болото при Ауерштедтѣ, пожаръ въ Вавръ, форсированный маршъ Французовъ въ 1806 году, при помощи подводъ, и прочее. Поэтому всегда гораздо лучше считать непріятеля болѣе подвижнымъ, нежели менѣе, и, наоборотъ, свои войска скорѣе менѣе, нежели болѣе подвижными.

Вообще говоря, вѣрная оцѣнка движеній войскъ, относительно пространства и времени, есть вещь довольно сложная; а до какой степени могутъ имѣть вліяніе ошибочныя предположенія начальника въ этомъ отношеніи, видно даже на маневрахъ въ мирное время: напр., если пѣхотинецъ командуетъ отрядомъ, то предполагаетъ въ кавалеріи гораздо меньшую, иногда же—впрочемъ, рѣдко—слишкомъ большую подвижность. Если же начальникъ кавалеристъ, то пѣхота всегда опаздываетъ, ибо онъ соображаетъ движенія ея быстрѣе, нежели они на самомъ дѣлѣ могутъ быть произведены; то же бываетъ и съ артиллеріею.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

ТАКТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ВОЙСКЪ И ИХЪ ЭВО- ЛЮЦІИ.

I.

ТАКТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ВОЙСКЪ.

Мы сказали уже, что тактика есть наука, показывающая наилучшій способъ управленія войсками и употребленія ихъ какъ до боя, такъ и въ самомъ бою. Ясно, что для каждой болѣе или менѣе значительной части войскъ необходимо: точно определенное раздѣленіе на составныя части и правильное соединеніе этихъ частей, способствующее полному развитію боевыхъ силъ, извлеченію возможныхъ выгодъ изъ присвоеннаго оружія и искусному примѣненію послѣдняго. Масса ратниковъ, только помощію правильнаго раздѣленія, становится въ рукахъ вождя, такъ сказать, удобоподвижною машиною, способною принять всякое боевое расположеніе.

Только соединивъ отдѣльные атомы въ твердыя тѣла и устроивъ между ними органическую связь, становится возможнымъ направить всѣ эти отдѣльныя силы къ определенной цѣли, управлять ими сообразно мысли вождя и наконецъ самую мысль привести въ исполненіе, проявить въ дѣйствительности.

Необходимость этого тактического порядка въ войскѣ и раздѣленія его на части была признаваема даже во времена глубокой древности. Фаланги Грековъ, легіоны Римлянъ суть ничто иное, какъ отдѣльныя единицы войскъ, тактическое устройство коихъ и подраздѣленіе опредѣлены были до самомельчайшихъ подробностей. Превосходство такого устройства обнаруживалось во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только сталкивались эти правильно организованныя части войскъ съ неустроенными толпами варваровъ.

Чѣмъ болѣе войско или часть его, тѣмъ болѣе требуется и подраздѣленій, чтобы образовать органическое цѣлое, способное ко всякому тактическому дѣйствію, и, наоборотъ, чѣмъ менѣе часть, тѣмъ меньше и подраздѣленій, ибо съ уменьшеніемъ массы употребленіе ея дѣлается проще и непосредственное вліяніе вождя больше. Всѣ европейскія войска новѣйшаго времени стоятъ, въ этомъ отношеніи, почти на одной степени развитія.

1. Тактическое устройство пѣхоты.

При совокупленіи большихъ массъ войскъ, почти во всѣхъ пѣхотахъ, баталіонъ принимается за отдѣльную тактическую единицу; въ свою очередь, онъ дѣлится на взводы, получая чрезъ это поворотливость и удобоподвижность. Устроенный такимъ образомъ, онъ можетъ быть по произволу раздѣляемъ, свертываемъ, приводимъ въ движеніе по требуемому направленію, развертываемъ и т. д. Во взводахъ люди располагаются одинъ возлѣ другаго и другъ за другомъ, отчего происходят шеренги и ряды. Обыкновенно, принято на 4 ряда считать 3 шага протяженія по линіи фронта; но это оказывается недостаточнымъ во время боя, гдѣ люди въ полной боевой амуниціи, и безъ большой погрѣшности можно принять на каждый рядъ 1 шагъ дистанціи. Этимъ облегчается и самый счетъ. Заднія шеренги соблюдаютъ каждая отъ впереди стоящей 2' ($13\frac{5}{7}$ вершка) дистанціи. Если сдѣлать дистанціи болѣе $2\frac{1}{2}'$ (1 арш. $1\frac{1}{7}$ вершка), то первая шеренга, во время стрѣльбы, подвергается опасности отъ огня второй; если же сдѣлать ее менѣе двухъ футовъ, то движенія заднихъ шеренокъ будутъ затруднительны, а иногда и вовсе невозможны.

Въ исторической части введенія, мы уже видѣли, какъ мало по малу, съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія, протяженіе фронта усиливалось на счетъ его глубины. Съ одной стороны, это дѣлалось для усиленія огнестрѣльнаго дѣйствія, давая возможность участвовать въ бою одновременно большому числу ружей и, слѣдовательно, извлекать большую выгоду изъ новаго оружія; съ другой—для уменьшенія потерь отъ огня противника и преимущественно отъ дѣйствія его артиллеріи противу сплошныхъ массъ, становившагося все болѣе и болѣе ощутительнымъ. Можно утвердительно сказать, что, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, перешли бы совершенно къ бою въ разсыпномъ строю, если бы не необходимость: поддержать связь между частями для удобнѣйшаго управленія цѣлымъ и возможность перейти, во всякое время, въ требуемый строй и расположеніе. Такимъ образомъ, въ противоположность прежнему расположенію — массами, основаніемъ новаго тактического расположенія пѣхоты сдѣлалась линія — развернутый фронтъ, служащій базисомъ какъ для построенія колоннъ, такъ и для разсыпнаго строя.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія, пѣхота уже вездѣ строилась въ 4 шеренги. При стрѣльбѣ, 1 шеренга становилась на правое колено, давая, такимъ образомъ, возможность еще 2 позади ея стоящимъ шеренгамъ одновременно съ нею открывать огонь. 4 шеренга составляла родъ резерва и служила для приданія большей твердости строю. Только одна прусская пѣхота уже въ 1730 году строилась въ 3 шеренги. Это измѣненіе въ строй прусской пѣхоты сдѣлано было королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, по предложенію Леопольда Дессаускаго, на котораго вообще мы должны смотрѣть, какъ на основателя тактики прусской пѣхоты. Когда, впоследствии, прусская армія сдѣлалась образцовою, идеи его распространились повсюду. Австрійская пѣхота впервые приняла трехъ-шереножный строй въ сраженіи при Коллинѣ; за нею вскорѣ послѣдовали и другія арміи, особенно, когда наконецъ убѣдились, что строй этотъ наиболѣе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ боя. Въ новѣйшее время, строй пѣхоты получилъ еще новое измѣненіе: такъ, Англичане, въ 1808 году, признали двухъ-шереножный строй нормальнымъ построеніемъ пѣхоты и держаться его понынѣ. Въ другихъ войскахъ, строй этотъ является, какъ исключеніе или необходимость: такъ, наприимѣръ, неоднократно въ кампаніи 1792 года; пѣхота Рюхе-

ля 14 октября 1806 года; Австрійцы въ кампанію 1794 года; наконецъ, Французы въ кампанію 1813 года, гдѣ Наполеонъ смотрѣлъ на двухъ-шереножный строй, какъ на усовершенствованіе, и вводилъ его во всей пѣхотѣ. Но такъ какъ всѣ арміи вскорѣ оставили 2-шереножный строй, то и Французы, въ 1815 году, сражались снова въ 3-шереножномъ строю. Въ Пруссіи только егеря и стрѣлки строятся въ 2 шеренги, не предназначаясь вовсе къ линейному сомкнутому бою.

Которому изъ этихъ двухъ строевъ отдать преимущество, составляетъ еще по сіе время спорный вопросъ теоріи. Въ пользу 2-шереножнаго строя говорить то, что только 2 шеренги могутъ участвовать огнемъ, ибо 1 шеренга уже нигдѣ не становится на колѣно (это вездѣ признано неудобоисполнимымъ), кромѣ Французовъ, уставомъ которыхъ это еще оставлено для нѣкоторыхъ случаевъ; передача же ружей людьми 3 шеренги никогда не вознаградитъ меньшей ширины фронта, при томъ же числѣ людей въ 3-шереножномъ строю; наконецъ, недостаточная сила сопротивленія при отраженіи кавалерійскихъ атакъ, признанная за одно изъ неудобствъ 2-шереножнаго строя, не имѣетъ основанія, ибо, при нападеніи кавалеріи, приходится, во всякомъ случаѣ, строить каре, если только есть время, если же нѣтъ, то 2-шереножный строй, имѣя сравнительно большую силу огня, получаетъ, слѣдовательно, и большую возможность отразить атаку кавалеріи этимъ огнемъ. Справедливость этого неоднократно доказана дѣйствіями англійской пѣхоты подъ Бель-Альянсомъ и Катръ-Бра.

Разберемъ теперь выгоды 3-шереножнаго строя. То же число людей, построенное въ 2 шеренги, занимаетъ большую ширину фронта, нежели въ 3 шеренги. Пропорція, въ этомъ случаѣ, какъ 3 : 2. Баталіонъ въ 1,000 человекъ имѣетъ около 900 ружей и, построенный въ 2 шеренги, занимаетъ по длинѣ фронта 450 шаговъ, а въ 3 шеренги—только 300 шаговъ. Съ увеличеніемъ фронта, трудность управленія имъ увеличивается почти въ геометрической прогрессіи. Это обстоятельство заставляетъ, при 2-шереножномъ строѣ, имѣть слабые баталіоны. Кромѣ того, въ 2-шереножномъ строю гораздо болѣе силы, связи и твердости фронта, въ чемъ легко можно убѣдиться даже на ученьяхъ; промежутки, образующіеся во время боя отъ убыли людей, убитыми и ранеными, и наконецъ отъ разстройства легко замѣняются въ

каждою отдѣленіи людьми 3 шеренги, тогда какъ, при 2-шереножномъ строѣ, это можетъ дѣлаться только всѣмъ баталіономъ, посредствомъ смыканія.

Третья шеренга можетъ служить превосходнымъ резервомъ, который, будучи оставленъ внѣ боя, можетъ принять баталіонъ при отступленіи, произвести рѣшительный ударъ на извѣстный пунктъ, увеличеніе длины фронта, при охватываніи непріятеля, и, наконецъ, главнѣйшее преимущество — третья шеренга можетъ быть употреблена для разсыпного строя, не ослабля существенно основнаго устройства баталіона, тогда какъ, при 2-шереножномъ строѣ, приходится высылать въ цѣпь цѣлыя части фронта, чрезъ что ослабляется боевая линія и происходятъ промежутки.

Тамъ, гдѣ эти существенныя примѣненія 3 шеренги не приняты, какъ, напримѣръ, у Русскихъ, Французовъ и Англичанъ, многое говоритъ въ пользу 2-шереножнаго строя. У Англичанъ 2-шереножный строй составляетъ національную особенность, основанную на развитіи огнестрѣльнаго дѣйствія въ сомкнутомъ строю и веденіи преимущественно оборонительнаго образа войны и боя, къ чему, конечно, 2-шереножный строй болѣе удобенъ. Въ прусской же пѣхотѣ онъ несомнѣнно произведетъ упадокъ строя.

Части баталіона, составленныя изъ рядовъ и шереногъ, суть взводы, которые (преимущественно для походныхъ движеній по дорогамъ и дефилямъ) дѣлятся на полувзводы и отдѣленія. Основаніемъ всѣхъ подобныхъ раздѣленій должно служить совершенное равенство частей и преимущественно равная ширина ихъ фронта, дабы не нарушался порядокъ при движеніяхъ и эволюціяхъ. Въ этомъ случаѣ, цифра 2 съ произведеніями удобнѣе всего; поэтому она и принята почти вездѣ за основаніе при раздробленіи фронта.

У Французовъ каждая рота составляетъ одинъ взводъ (*peloton*), который дѣлится на два отдѣленія. Каждый два взвода, считая отъ праваго фланга, составляютъ дивизионъ; два дивизиона — полубаталіонъ.

У Австрійцевъ рота дѣлится на четыре взвода и двѣ полуроты. Взводъ имѣетъ отъ 6 до 16 рядовъ, смотря по численной силѣ роты. Двѣ роты образуютъ дивизионъ. Нумера взводовъ считаются съ фланговъ cadaго дивизиона къ серединѣ. Такимъ

образомъ баталіонъ изъ 6 ротъ имѣеть 24 взвода; изъ 4 ротъ — 16 взводовъ. Подобное раздѣленіе до чрезвычайности затрудняетъ производство эволюцій.

Русскія роты дѣлятся на два взвода, но чрезъ раздѣленіе одной роты на оба фланга баталіона; дивизионы состоятъ изъ двухъ взводовъ разныхъ ротъ, что, очевидно, не можетъ быть удобнымъ въ бою ().*

Въ прусской арміи рота также дѣлится на два взвода, каждый взводъ—на полувзводы и отдѣленія. Дѣленія на дивизионы прусская пѣхота не имѣеть; въ случаѣ же надобности, баталіонъ дѣлится на роты.

2. *Тактическое устройство кавалеріи.*

Гибельное дѣйствіе артиллерійскаго огня заставило наконецъ и въ кавалеріи уменьшить глубину фронта. Заднія шеренги кавалерійскаго строя, будучи совершенно бесполезными при быстрыхъ атакахъ, увеличивали только потери; съ уменьшеніемъ же глубины строя, получалась возможность увеличить длину фронта. Однакожь, до Семилѣтней войны кавалерія вездѣ еще строилась, по меньшей мѣрѣ, въ 3 шеренги, при чемъ задняя составляла родъ резерва, служившаго для командированія разныхъ командъ и отрядовъ. Тактическое назначеніе третьей шеренги кавалерійскаго строя состояло въ томъ, чтобы, при атакѣ, предшествуя обоимъ флангамъ, брать непріятеля до флангъ и въ тылъ. Конечно, это было возможно только при тогдашнемъ состояніи тактики кавалеріи, которая производила атаки рысью, съ интервалами въ 20 шаговъ, и встрѣчала атаку огнемъ, стоя на мѣстѣ. Впослѣдствіи же, когда убѣдились, что успѣхъ кавалерійской атаки зависитъ отъ силы натиска, стали производить ее сомкнуто и въ карьеръ, а съ этимъ вмѣстѣ и искусственное построеніе третьей шеренги сдѣлалось лишнимъ и совершенно неудобнымъ, ибо, не допуская участія ея въ бою, оно ослабляло лишь силу удара.

(*) Въ настоящее время, какъ извѣстно, 1 рота уже не дѣлится по флангамъ баталіона, а помѣщается на правомъ флангѣ онаго; слѣдовательно, и дивизионы состоятъ уже изъ 2 взводовъ одной и той же роты. Самое слово *дивизионъ* замѣнено въ уставѣ *ротой*.

Приж. перес.

Уже въ 1743 году, въ прусскомъ уставѣ, было опредѣлено— гусарамъ во всѣхъ случаяхъ строиться въ двѣ шеренги. Тяжелая кавалерія, въ Пруссіи, въ первый разъ построилась въ двѣ шеренги въ сраженіи при Росбахѣ, хотя перемѣна эта послѣдовала въ тяжелой кавалеріи нѣсколько раньше. Австрійская же кавалерія, а равно и кавалерія другихъ государствъ приняли 2-шереножный строй только послѣ Семилѣтней войны. Согласившись, что успѣхъ кавалерійской атаки зависитъ отъ быстроты удара, кажется, съ перваго раза, отчего бы не принять, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, одношереножного строя; на самомъ же дѣлѣ строй въ одну шеренгу не выгоденъ для кавалеріи, по слѣдующимъ причинамъ: не имѣя достаточной связи и твердости, онъ, при быстрыхъ аллюрахъ, волнуется и разрывается; будучи же разстроенъ, съ величайшимъ трудомъ приводится снова въ порядокъ, тогда какъ при двухъ шеренгахъ это дѣлается легко. При атакѣ въ сомкнутомъ строю, 2 шеренга хотя и обнаруживаетъ свою силу тогда только, когда первая уже вломилась, но все-таки представляетъ огромныя выгоды въ томъ отношеніи, что всякій промежутокъ, образующійся во время атаки въ первой шеренгѣ, закрывается тотчасъ же самъ собою, и противникъ, сломивъ ударъ первой шеренги, встрѣчаетъ еще сопротивление во второй.

Между шеренгами сохраняется дистанція отъ 2' до 3' (отъ $13\frac{5}{7}$ вершка до 1 арш. $4\frac{4}{7}$ вершка), дабы не мѣшать свободному ходу лошадей второй шеренги; у насъ уставомъ положена дистанція 2'. Глубина каждой шеренги, то есть длина лошади, считается, среднимъ числомъ, 7', 6", (1 саж. $3\frac{3}{7}$ вершка), такъ что 2-шереножный строй кавалеріи безъ офицеровъ занимаетъ въ глубину 17' (2 саж. 1 арш. $4\frac{4}{7}$ вершка). По линіи фронта каждый кавалеристъ, располагаясь плотно колѣно о колѣно, занимаетъ въ ширину 2' 6" (арш. $1\frac{1}{7}$ вершка), что составляетъ ровно третью часть его глубины. На этой пропорціи, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, основанъ заѣздъ по три. Прусская кавалерія, согласно уставу, строится, въ настоящее время, стремя о стремя, такъ что ширину каждаго ряда можно принять около 3' (1 арш. $4\frac{4}{7}$ вершка). Французы считаютъ 1 метръ (1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершка), отчего строй ихъ выходитъ нѣсколько просторнѣе, слѣдовательно и удобоподвижнѣе; выигрываетъ ли отъ этого сила удара, опредѣлить трудно. Самые опытные кавалеристы имѣютъ различныя мнѣнія объ этомъ предметѣ. Кавалерія Зейдлица строилась, по

регламенту 1743 года, шенкель о шенкель, то есть колѣно въ колѣно; послѣ стали строить ее колѣно о колѣно, и, наконецъ, въ 1812 году, перешли къ нынѣшнему строю—стремя о стремя. Для тяжелой кавалеріи болѣе тѣсный строй былъ бы, повидимому, полезнѣе, ибо назначеніе ея преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы смять и сломить противника. По словамъ генерала фонъ-Марвица, кирасирскіе полки производили атаки такимъ образомъ, что между каждыми двумя рядами могъ проскакать непріятель. Полагаемъ, что едва ли она выполняла свое назначеніе. Австрійская кавалерія ѣздитъ колѣно о колѣно; французская—«*botte à botte, mais sans aucune pression de l'une à l'autre*».

Въ кавалеріи, такъ же, какъ и въ пѣхотѣ, изъ рядовъ и шеренгъ образуются взводы. Во всѣхъ кавалеріяхъ эскадронъ имѣетъ 4 взвода; 2 взвода составляютъ полу-эскадронъ; у Австрійцевъ—крыло (Flügel), у Французовъ—дивизионъ.

Смотря по тому, будемъ ли мы опредѣлять силу взвода, основываясь на его назначеніи или сообразуясь съ силою эскадрона, придемъ и къ различнымъ результатамъ.

Генералъ фонъ-Бисмаркъ полагаетъ въ эскадронѣ, кромѣ унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ, 128 всадниковъ, то есть 64 ряда, слѣдовательно взводъ въ 16 рядовъ. Эскадронъ въ 144 всадника имѣетъ по 18 рядовъ во взводѣ.

Генералъ фонъ-Тилеманъ (*), полагаетъ только по 12 рядовъ во взводѣ, но предлагаетъ строить кавалерію въ 3 шеренги. Онъ говоритъ, что такъ какъ взводъ есть наименьшая маневрирующая часть, то его минимумъ и максимумъ могутъ служить мѣриломъ силы какъ его самого, такъ и слѣдующей, большей части эскадрона. Полагая длину лошади 8', двѣ или три шеренги займутъ въ глубину отъ 16 до 24 футовъ, а такъ какъ длина фронта трехъ рядомъ стоящихъ лошадей со всадниками колѣно о колѣно также равняется 8 футамъ, то выходитъ, что по линіи фронта слѣдуетъ размѣстить три раза по три лошади, чтобы ширина послѣдняго равнялась его глубинѣ, то есть 24'. На этомъ основаніи 9 рядовъ будетъ минимумомъ для взвода, способнаго къ маневрированію. Максимумъ будетъ 15 рядовъ, при чемъ уже можетъ встрѣтиться часто необходимость раздѣленія, такъ что 12 рядовъ есть нормальная цифра. Далѣе онъ полагаетъ,

(*) Zeitschrift für Kriegswissenschaft und Geschichte des Krieges. 1837. 4 Heft.

что какъ теорія, такъ и практика должны бы говорить въ пользу 3-шереножнаго строя, ибо, служа, съ одной стороны, переходомъ къ атакѣ въ колоннахъ, съ другой—потери, неизбежныя при первомъ столкновении съ непріятелемъ, заставятъ насъ и безъ того принять 2-шереножный строй.

Генераль Тилеманъ строить свой эскадронъ тяжелой кавалеріи слѣдующимъ образомъ:

1) *Максимумъ.*

4 взвода, по 12 рядовъ	=	144
8 унтеръ-офицеровъ	=	8
2 вахмейстера . . .	=	2
4 трубача	=	4
1 кузнецъ, 1 хирургъ	=	2
Итого	=	160 лошадей.

или 2) *Минимумъ.*

4 взвода, по 9 рядовъ	=	108
остальное, какъ выше	=	16
Итого	=	124 лошади.

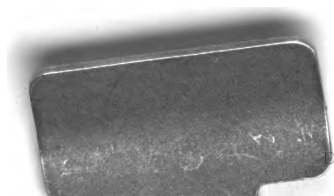
Легкую кавалерію онъ строитъ въ 5 взводовъ; слѣдовательно, въ каждомъ эскадронѣ 36 лошадьми больше.

Противъ всего вышесказаннаго можно замѣтить слѣдующее: взводъ въ 9 рядовъ и 3 шеренги составляетъ квадратъ, сторона котораго = 24', и эскадронъ состоитъ изъ 4 такихъ квадратовъ; при заѣздѣ повзводно, дистанція между взводами = 0, и, слѣдовательно, для взводныхъ командировъ нѣтъ мѣста. На какомъ основаніи генераль Тилеманъ называетъ подобный строй удобоподвижнымъ, понять трудно. При трехъ шеренгахъ, минимумъ можетъ быть 12 рядовъ, и тогда только взводы при заѣздѣ имѣютъ между собой дистанцію на длину одной лошади. Если же желать, чтобы взводы были, дѣйствительно, удобоподвижны, то придется увеличить число до 18, ибо генераль вовсе не рассчитывалъ на дистанціи между шеренгами. Что же касается до вздваиванія, то оно необходимо только при движеніяхъ по узкимъ дорогамъ и дефилеямъ, отъ чего не избавленъ и 3-шереножный строй. Мы не хотимъ отрицать, что строй въ 3 шеренги можетъ быть полезенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,

но, объяснивъ выше выгоды 2-шереножнаго строя, прибавимъ только, что, кромѣ теоріи, начиная со сраженія при Росбахѣ, за него говорить столѣтній опытъ. Мы разсматривали нѣсколько подробнѣе мнѣнія генерала Тилемана только для того, чтобы показать, какъ мало, въ подобныхъ случаяхъ, можно полагаться на авторитетъ.

При 2-шереножномъ строѣ, кажутся намъ какъ болѣе подвижные 12-рядные взводы, принятые французскимъ уставомъ. 12 рядовъ имѣютъ по фронту 30' протяженія, а съ фланговымъ унтеръ-офицеромъ даже 32'; въ глубину — отъ 16 до 17. При заѣздахъ повзводно, дистанція между ними остается на длину 2 лошадей, такъ что взводные командиры и замыкающіе имѣютъ достаточно мѣста. 9 рядовъ есть минимумъ для 2-шереножнаго взвода. Онъ занимаетъ при этомъ по линіи фронта 25'; при заѣздѣ повзводно, дистанція между послѣдними остается еще на длину одной лошади. Въ прусскомъ уставѣ, весьма основательно принято дѣлить эскадронъ на 3 взвода, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе выходятъ менѣе 9 рядовъ. Выгоды 12-рядныхъ взводовъ преимущественно, или, лучше сказать, единственно, заключаются въ томъ, что дистанція на длину двухъ лошадей, образующаяся при заѣздѣ повзводно, какъ разъ замѣщается лошадьми взводныхъ командировъ и замыкающихъ унтеръ-офицеровъ, слѣдовательно всегда остается неизмѣнною. Это и составляетъ единственную причину общей приверженности къ 12-ряднымъ взводамъ. Однакожъ, несмотря на это удобство, нельзя не замѣтить, что, при такомъ составѣ, выходятъ слишкомъ слабые эскадроны — всего въ 96 лошадей, между тѣмъ, какъ численная сила эскадрона такъ важна, что, безъ сомнѣнія, всякій практическій кавалеристъ скорѣе согласится маневрировать съ нѣкоторыми неудобствами, но за то имѣть по 20 рядовъ во взводѣ, нежели все безъ неудобствъ, имѣя 12-рядные взводы. Къ тому же, и разница во времени, необходимомъ для производства построений, всего отъ 1 до 2 секундъ, что едва ли можетъ оказать существенное вліяніе во время боя. У Французовъ уставомъ принято дѣлить взводы на два отдѣленія, въ тѣхъ случаяхъ, когда они состоятъ изъ 16 рядовъ; но это, кажется, непрактично, ибо всегда выгоднѣе производить эволюціи цѣлыми взводами, какова бы ни была величина ихъ. У Австрійцевъ и Русскихъ 2 эскадрона составляютъ дивизіонъ; у первыхъ, между прочимъ, номера взводамъ и крыльямъ даются отъ каждаго изъ фланговъ къ се-

PENN STATE UNIVERSITY LIBRARIES

A000057522890